

ЛИНГВИСТИКА ДЛЯ ВСЕХ

ЛЕТНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ
2005 и 2006

Москва

Издательство МЦНМО

2008

УДК 81
ББК 74.200.58:81.2
Л59

Проведение летних лингвистических школ и издание их материалов поддержано Департаментом образования города Москвы, а также компаниями Яндекс и АБВУУ.

Учебное издание

Л59 **Лингвистика для всех. Летние лингвистические школы 2005 и 2006** / Ред.-сост. Е. В. Муравенко, О. Ю. Шеманаева. — М.: МЦНМО, 2008. — 440 с.: илл.

ISBN 978-5-94057-379-1

Сборник содержит материалы двух летних лингвистических школ для школьников и студентов, проведённых в 2005 и 2006 году.

Для педагогов, школьников, студентов, а также всех, кто занимается и интересуется лингвистикой.

ББК 74.200.58:81.2

Муравенко Елена Владимировна
Шеманаева Ольга Юрьевна

Лингвистика для всех
Летние лингвистические школы 2005 и 2006

Технический редактор *Кулыгин А. К.*

Художник обложки *Ефремова Н. С.*

Подписано к печати 16.05.2008. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
Объём 27,5 печ. л. Заказ 1042. Тираж 2000 экз.

Издательство Московского центра непрерывного математического образования.
119002, Москва, Большой Власьевский переулок, дом 11.
Тел. (7-495)241-74-83, (7-495)241-12-37. <http://www.mccme.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“».
121099, Москва, Шубинский переулок, дом 6.

© Авторский коллектив, 2008.
© Московский центр
непрерывного математического
образования, 2008. (Оригинал-макет.)

ISBN 978-5-94057-379-1

Введение

В настоящем сборнике собраны материалы двух Летних лингвистических школ (ЛЛШ): седьмой, проведённой с 20 по 30 августа 2005 года в Оздоровительном центре Минатома России (41-й км по Волоколамскому шоссе), и восьмой, проведённой с 10 по 19 июля 2006 года в санатории-профилактории «Ратмино» Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ, город Дубна).

Авторы проекта Лингвистической школы — М. А. Кронгауз и Е. В. Муравенко. В оргкомитет также входили Б. Л. Иомдин, М. Л. Рубинштейн и О. Ю. Шеманаева. Обе школы проводились при поддержке Московского центра непрерывного математического образования (МЦНМО, директор И. В. Яценко), постоянную организационную и техническую помощь оказывали сотрудники Центра В. Д. Арнольд и А. К. Кульгын, в 2006 году также поддержка была оказана компанией АВВУУ (рук. проекта В. П. Селегей).

В 2005 году в ЛЛШ приняли участие около тридцати школьников и двадцати преподавателей, в 2006 году преподавателей было столько же, а школьников — более сорока, кроме того, участвовали трое студентов-стажёров.

Занятия в обеих школах строились одинаково: после завтрака — две часовые лекции, после обеда — семинары. Для школьников обязательным было участие в каких-либо двух семинарах, но многие стремились ничего не пропустить и ходили на все занятия. После ужина — интеллектуальные игры и другие развлечения.

Обо всём подробнее можно прочитать в этом сборнике¹. Сначала, чтобы сориентироваться, посмотрите на программы обеих школ, выберите, о чём вам интереснее узнать, и смотрите, читайте, решайте...

---

¹А о предыдущих лингвистических школах можно прочитать в публикациях:

Кронгауз М. А., Муравенко Е. В. Летняя гуманитарная (лингвистическая) школа. — М.: МИПКРО, 1996. 22 с., илл.

Кронгауз М. А., Муравенко Е. В. Школа в каникулы // Новый педагогический журнал. 1997. № 3. С- Пб. С. 64–72.

Лингвистика для всех: Зимняя лингвистическая школа — 2004 / Ред.-сост. Е. С. Абелюк, Е. В. Муравенко. — М.: Деп. образования г. Москвы, НИИРО, 2004. 256 с.

http://il.rsuh.ru/school_llsh.html

Программа VII Летней лингвистической школы

Лекции и семинары

Абелюк Е. С.

Жанр комментария

Таганские чтения

Аркадьев П. М.

Язык и языки: сходства, различия, универсалии (3 занятия)

Брагина Н. Г.

Обезьянка, плюшевый мишка и Наполеон

Бурлак С. А.

Как язык меняется (2 лекции)

Иомдин Л. Л.

Машинный перевод

Иткин И. Б.

Конъектуры (4 занятия)

Котов А. А.

Моделирование и распознавание эмоций в интерфейсах (4 занятия)

Крейдлин Г. Е.

История кинесики и проблемы описания одного семантического класса жестов

Кронгауз М. А.

Текст и его значение

Кронгауз М. А., Шеманаева О. Ю.

Семантические задачи (5 занятий)

Муравенко Е. В.

Что такое синтаксическая омонимия?

Задачи по синтаксической омонимии

Как решать и составлять словесные головоломки (подготовка к конкурсу «Ярмарка слов»)

Циммерлинг А. В.

О порядке слов

Шабат Г. Б.

О симметрии в формулировках теорем

Шапиро Н. А.

Ученческие подходы к интерпретации поэтического текста

Шаронов И. А.

О причинах речевых искажений реальности

Шмелёв А. Д.

Русские анекдоты: текст и речевой жанр

Янко Т. Е.

Русская интонация

Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры

XXXV,5 Лингвистическая олимпиада (председатель оргкомитета И. Б. Иткин)

Интеллектуальный фейерверк (И. А. Леенсон)

Конкурс языковых головоломок «Ярмарка слов» (Е. В. Муравенко)

Казино «Максим» (М. А. Кронгауз)

Литературная игра «Травести» (Б. Л. Иомдин)

«Что? Где? Когда?» (Иткин И. Б. и Бурлак С. А.)

«Брейн-ринг» (Иткин И. Б. и Бурлак С. А.)

«Своя игра» (Иткин И. Б. и Бурлак С. А.)

Поэтический вечер «Свечка» (Иткин И. Б.)

Программа

VIII Летней лингвистической школы

Лекции

Алпатов В. М.

Айны и айнский язык

Языковая культура современной Японии

Брагина Н. Г.

Что такое межкультурная коммуникация

Бурлак С. А.

Доказательство и доказательность в сравнительно-историческом языкознании

Иомдин Л. Л.

Лингвистика и машинный перевод

Крейдлин Г. Е.

Жесты в языке, танцах, театре и живописи

Кронгауз М. А.

Грамотность, неграмотность и воинствующая неграмотность
Девальвация смысла

Муравенко Е. В.

Об изменениях в синтаксисе современного русского языка

Руководельникова М. Б.

Китайская языковая картина мира

Успенский В. А.

О линейности языка (по поводу одного недоумения князя
Л. Н. Мышкина)

Файер В. В.

Поругал или похвалил? (анализ языка и стиля как средство выяснения отношений)

Шапиро Н. А.

Секреты редактирования текста (2 лекции)

Шаронов И. А.

Междометия: две формы бытия

Шмелёва Е. Я.

Жив ли ещё русский язык?

Семинары

(по 3 занятия)

Иомдин Б. Л.

Как составляются словари

Иткин И. Б.

Закономерности и причуды суффиксального словообразования

Котов А. А.

Конструируем эмоциональных роботов!

Муравенко Е. В.

Как составляются задачи для конкурса «Русский медвежонок — языкознание для всех»

Рубинштейн М. Л.

Что такое грамматикализация

Руководельникова М. Б.

Как устроен китайский язык

Файер В. В.

Кое-что о древнегреческом

Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры и развлечения

Лингвистическая олимпиада (предс. оргкомитета И. Б. Иткин)

Интеллектуальный фейерверк (И. А. Леенсон)

Час вопросов и ответов (ведущий В. А. Успенский)

Мифологические сюжеты в поэзии и живописи (Е. С. Абелюк)

Литературный маскарад (Б. Л. Иомдин)

Игры с английским языком (О. И. Виноградова, О. Ю. Шеманаева)

Конкурс языковых головоломок «Ярмарка слов» (Е. В. Муравенко)

«Что? Где? Когда?», «Брейн-ринг» (И. Б. Иткин)

«Эрудит-квартет» (И. Б. Иткин)

Казино «Максим» (М. А. Кронгауз)

Кино про эмоциональных роботов (А. А. Котов)

Анекдоты от Е. Я. Шмелёвой

Список преподавателей VII и VIII Летних лингвистических школ

Абелюк Евгения Семёновна, заслуженный учитель РФ, методист Интернет-школы «Просвещение.РУ», учитель литературы лицея № 1525 «Воробьёвы горы» (город Москва)

Алматов Владимир Михайлович, доктор филол. наук, профессор, зам. директора Института востоковедения РАН

Аркадьев Пётр Михайлович, канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Брагина Наталья Георгиевна, доктор филол. наук, профессор Института русского языка им. А. С. Пушкина

Бурлак Светлана Анатольевна, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института востоковедения РАН, ст. научный сотрудник филологического ф-та МГУ

Виноградова Ольга Ильинична, канд. филол. наук, учитель школы № 57 города Москвы, доцент Института бизнеса и экономики

Иомдин Борис Леонидович, канд. филол. наук, научный сотрудник Института русского языка РАН, ст. преподаватель Института лингвистики РГГУ

Иомдин Леонид Лейбович, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник, ИО зав. лабораторией компьютерной лингвистики Института проблем передачи информации РАН

Иткин Илья Борисович, канд. филол. наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, учитель литературы школы «Муми-Тролль» (город Москва)

Котов Артемий Александрович, канд. филол. наук, ст. преподаватель Института лингвистики РГГУ

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филол. наук, профессор Института лингвистики РГГУ

Кронгауз Максим Анисимович, доктор филол. наук, профессор, директор Института лингвистики РГГУ

Леенсон Илья Абрамович, канд. хим. наук, доцент химического ф-та МГУ

Муравенко Елена Владимировна, канд. филол. наук, доцент Института лингвистики РГГУ

Рубинштейн Мария Львовна, редактор газеты «Другой взгляд»

Рукодельникова Мария Борисовна, канд. филол. наук, зав. кафедрой восточных языков Института лингвистики РГГУ

Успенский Владимир Андреевич, доктор физ.-мат. наук, профессор механико-математического факультета МГУ

Файер Владимир Владимирович, преподаватель Института лингвистики РГГУ, учитель латинского языка школы № 57 города Москвы

Циммерлинг Антон Владимирович, доктор филол. наук, профессор Московского государственного открытого педагогического университета

Шабат Георгий Борисович, доктор физ.-мат. наук, профессор Института лингвистики РГГУ

Шапиро Надежда Ароновна, отличник народного образования, учитель школы № 57 города Москвы

Шаронов Игорь Алексеевич, канд. филол. наук, доцент, декан факультета теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики РГГУ

Шеманаева Ольга Юрьевна, аспирантка Института лингвистики РГГУ, мл. научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации РАН

Шмелёв Алексей Дмитриевич, доктор филол. наук, профессор Московского государственного педагогического университета, зав. отделом культуры русской речи Института русского языка РАН

Шмелёва Елена Яковлевна, канд. филол. наук, ст. научный сотрудник Института русского языка РАН

Янко Татьяна Евгеньевна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор РГГУ

Лекции и семинары

Жанр комментария

Евгения Семёновна Абелюк

*Если глупые вопросы
Появились в голове,
Задавай их сразу взрослым.
Пусть у них трещат мозги.*

Г. Остер. Вредные советы

1. Первоклашки комментируют Пушкина

Не так давно в Рунете с невероятной скоростью распространился рассказ о том, как современных детей-первоклашек попросили нарисовать картинку к четверостишию Пушкина:

Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая.
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

В результате получилось вот что. Кибитка в представлении детишек оказалась летательным аппаратом. Конечно, неслучайно: ведь кибитка у Пушкина «летит». Некоторые юные иллюстраторы услышали незнакомое слово «кибитка» как «кубитка», и потому вместо повозки нарисовали что-то, напоминающее кубик. Непонятно школьникам было и то, кого или что кибитка «взрывает». Пушкинские «бразды пушистые» превратились в пушистых зверьков: у кого-то слово «бразды» вызвало ассоциацию с бобрами, у кого-то — с дроздами. С кибитки (или кубитки) на этих бедных браздов сыпались бомбы. За происходящим наблюдал некто в тулупе и красном кушаке (слова «тулуп» и «кушак» детям оказались понятны), почему-то на некоторых рисунках он был с лопатой (быть может, детям казалось, что ямщик должен копать ямы?). Ямщик, одетый в тулуп, восседал не на облучке, а на маленьком обруче или прямо на «пятой точке». В целом же, как это следует из описания

рисунков, сделанного автором анонимного рассказа¹, вместо живописной картинки, нарисованной Пушкиным, получилось вот что: «... над землёй несётся кубическая летающая хреновина, под её смертоносными ударами летят кровавые ошметки несчастных пушистых браздов, а за всем этим, балансируя на обруче, на краю вырытой ямы, наблюдает люмпенская личность в тулупе и красном кушаке, с лопатой».

Эта остроумная история напоминает замечательную чеховскую фразу из его «Записных книжек»: «Кавказский князь в белом шербеете ехал в открытом фельетоне». Анекдотом она может показаться только на первый взгляд — её стоит воспринимать и серьёзно. И свидетельствует она не столько об изменениях реалий нашей жизни или историческом движении русской лексики (которое этим изменениям, конечно, соответствует), сколько о современном состоянии читательской культуры у школьников в частности и общества в целом. Особенно хорошо это знают школьные учителя литературы, ученики которых читают «погоня лошадей», только и попевая за событиями сюжета, читают «поверх» текста, не задерживаясь даже на незнакомых словах. (Недавно, обнаружив, что восьмиклассники — ученики гуманитарного класса московского лицея — не могут объяснить значения слова «верноподданный», я даже начала собирать коллекцию непонятных нынешним школьникам слов).

Мы уже в новом тысячелетии, и с «кибитки удалой» давно пересели на «скорый поезд», а за скоростью просто перестали замечать подробности окружающего нас мира. Это касается восприятия реальной жизни, но в ещё большей мере — восприятия культуры. За окном меняется «культурный пейзаж»; всё время появляется новое и новое, пространство культуры, казалось бы, должно расширяться, а оно не перестаёт «скукоживаться».

Хорошо представляю себе, как в надежде расширить это обозреваемое пространство культуры мои коллеги — со вкусом, растягивая гласные, почти мечтательно — медленно произносят: «ме-е-е-дленное чтение». (Сама не раз так произносила — «медленное чтение», и мне оно кажется панацеей от бескультурья). А их собратья, учёные-филологи, памятуя о том, что филология — «служба понимания», ратуют за комментирование текста, в основе которого то же самое «медленное чтение», только профессиональное. Впрочем, о том, всегда ли ратуют и о каком комментарии идёт речь — о научном ли или о понятном широкому читателю, а также как сделать так, чтобы читатель комментариями пользовался, немного скажу ниже. А сейчас несколько слов о самом жанре комментария.

---

¹К сожалению, до первоисточника автору этой статьи так и не удалось докопаться.

2. Жанр, обращённый к древности

Комментарий (от лат. *commentarius*) — это заметки, толкование к какому-либо сочинению, не обязательно художественному. Известно, например, насколько велик объём комментариев к сочинениям Аристотеля (IV в. до н. э.). Среди его комментаторов известный античный философ Симплиций Отюнский (IV–V вв.), немецкий философ и богослов Альберт Великий (XIII в.), византийский церковный деятель Георгий Схолярый (XV в.) и многие, многие другие. В подобных работах и сформировался жанр филологического комментария.

Впрочем, в Древнем Риме комментариями назывались и исторические сочинения, в которых описывались или толковались реальные исторические события (например, «Записки о Галльской войне» Г. Ю. Цезаря, I в. до н. э.). С древности существовали и юридические комментарии — это толкование законов.

Известен жанр спортивного или общественно-политического комментария: такие комментарии призваны очень быстро, оперативно разъяснить гражданам смысл какого-то актуального спортивного или общественно-политического события. Равно как и сами комментаторы (или обозреватели), они чрезвычайно популярны в наши дни. Потому и знакомы нам по средствам **массовой** информации. Общественно-политический комментарий обычно демонстративно тенденциозен, чем коренным образом отличается от филологического комментария, традиционно стремящегося к объективности.

Возникновение филологического комментария связано с чтением и толкованием древней литературы. Причём чем дальше по времени отстоит от нас то или иное явление культуры, тем больше оно требует комментариев. Неслучайно временем расцвета жанра стала эпоха Возрождения — период интенсивного изучения классической греческой и римской литературы.

Жанр комментария в том виде, в каком он сложился уже к этому времени, имел ряд разновидностей. Среди них — **схолии**, или краткие заметки на полях рукописей древних авторов. Они тоже делались с целью разъяснения текста. Чем отличаются схолии от комментариев? Отличие есть: в сочинениях античных классиков, в Библии или у раннехристианских авторов схолиасты разъясняли только отдельные пассажи текста, а не текст в целом. Слово «схолии» — греческого происхождения; считается, что впервые оно появилось в трактате римского врача Галена (II в. н. э.), пользовавшегося непререкаемым авторитетом в течение всего средневековья.

Ещё одна разновидность комментария — **гlossa**. Как и схолии, слово «glossa» родом из греческого языка; здесь оно обозначало «язык»,

«наречие», а также «устаревшее или диалектное слово и выражение». Глосса в роли комментария — это перевод или толкование непонятого слова или выражения, преимущественно в древних памятниках письменности. По-видимому, первые глоссы появились при переписке древних греческих и латинских рукописных сочинений и выглядели как заметки переписчиков на полях рукописи или между строками сочинения.

Целенаправленно глоссы стали применяться у греков при изучении поэзии Гомера. Так, Аристотель писал в «Поэтике» о том, что гомеровскую глоссу «наливай покрепче» («Илиада», IX 203) следует понимать как «наливай поживее», а в фразе «вместо мулов начал сперва и быстрых собак поражать он» слово «мулов» может толковаться как «стражей» («Илиада», I 50). Широко известны «Гомеровские глоссы», выполненные библиотекарем Александрийской библиотеки, филологом и критиком Зенототом Эфесским (IV–III в. до н. э.). А среди сочинений Демокрита сохранился трактат «О Гомере, или Орфоэзии и глоссах» (IV в. до н. э.).

Позднее глоссы использовались при объяснении отдельных мест Библии, а также юридических текстов. Учёные, занимавшиеся в XII и XIII веках изучением и истолкованием римского права (преимущественно в городе Болонья), так и назывались — глоссаторы. Ещё один интересный факт: древние глоссы иногда дают замечательный материал для исследователей языка. Например, Мальбергова глосса, состоящая из отдельных германских слов и выражений, присоединённых к латинскому тексту «Салической правды»², является самым древним памятником германского языка, а Рейхенауские глоссы, присоединённые к латинской Библии, — первым памятником французского языка.

Ещё недавно казалось, что понятие «глосса» ушло из широкого употребления и знакомо только специалистам. Однако к нему вернулись, и сегодня любой пользователь интернета знает это слово. Глоссарии (небольшие словари) можно встретить и в учебниках по иностранному языку.

В наше время популярен и ещё один старый термин, связанный с комментированием текста, — **маргиналии**. Он восходит к латинскому языку и означает пометки на краях книги или рукописи. «Маргиналии» вы можете обнаружить и на полях тысяч интернет-сайтов.

---

²Салическая правда (или Салический закон) — один из дошедших до нас сборников законов варваров, обосновавшихся на территории Римской Галлии, фактически документ, излагающий древнее германское право.

3. Типы филологического комментария

Для понимания текста художественного произведения могут понадобиться сведения самого разного характера — текстологические, исторические, биографические, лингвистические, литературоведческие, библиографические, искусствоведческие. Комментатор может обращаться к черновикам произведения, к различным его вариантам, «освобождать» текст от редакторских и цензурных изменений, объяснять незнакомые слова, реалии, описывать исторический или культурный фон произведения и т. д. и т. п.

Но и это ещё не всё. Возможно, комментатору пригодятся знания по географии или даже по физике... да мало ли из каких областей человеческого знания! Комментировать тексты можно и другими текстами, например художественными (скажем, в том случае, если автор цитатами или реминисценциями отсылает нас к этим текстам) или разного рода документами (предположим, письмами или мемуарами). Комментарий — тут можно сослаться на рассуждения М. Л. Гаспарова³ — может быть «разномасштабным»: от комментария к отдельному слову, строке, строфе или абзацу до комментария к литературе целой эпохи. И, наконец, комментарий бывает разным не только по содержанию, но и по форме: он может помещаться под одной обложкой с комментируемым текстом — после него (как чаще всего и бывает), может иметь вид отдельных статей или справок (такие справки в виде примечаний к малоупотребительным словам могут располагаться и внизу каждой страницы), а может составлять и отдельные книги.

4. Комментарий — чтение для элиты?

Изначально комментарий — жанр не популярный, а научный. Характерно, что первый издававшийся в России научный журнал (выходивший, кстати, на латинском языке) назывался так: «Комментарии государственной императорской Академии наук» («*Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae*», 1728–1751).

Отношение к комментарию как к жанру сугубо объективному, содержащему только однозначную, проверенную наукой информацию, складывалось столетиями. А между тем, такой взгляд не соответствует реальности. В эпоху гуманизма, когда культура комментирования была очень высока, когда комментариями снабжались и сборники развлекательных анекдотов, и собрания афоризмов на моральные темы, пояснения к текстам нередко превращались в вольные рассуждения, для их авторов едва ли не более важные, чем сами тексты. Из таких коммен-

³Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху. // НЛО, 2003, № 66.

тариев выросли и «Опыты» Монтеня, и жанр эссе, родоначальником которого фактически явился Монтень.

Для современного литературоведа комментарий — это, конечно, благородная «оправа» к тексту. Однако и сегодня, по мере того, как увеличивается «масштаб» комментария и меняется степень его обобщённости, объективные факты становятся основой для предположений и концепций, в той или иной мере субъективных. От текстуального комментарий развивается к концептуальному⁴. Причём такой «субъективный» комментарий может создаваться и к очень небольшому по объёму произведению.

В масштабах истории комментарии были чтением для избранных сравнительно недолго. Первым к широкому читателю обратился замечательный нидерландский учёный-гуманист, писатель, филолог и богослов, Эразм Роттердамский (1469–1536). Подготовив к 1517 году обширные комментарии к греческому оригиналу Нового завета, который он к тому же перевёл на понятный современникам латинский язык, учёный решил издать их «массовым» тиражом, а для этого использовать сравнительно недавнее изобретение — печатный станок⁵. Уже тогда стали очевидны просветительские возможности комментария. Кроме того, было бы заблуждением считать, что комментарии всегда были обращены только к глубокой древности. Конечно, временная дистанция между моментом рождения сочинения и моментом создания к нему комментария была всегда, но и она давно сократилась.

Казалось бы, зачем толковать текст, если он написан на родном языке читателя? Тем более, если время его создания не очень отдалено от момента публикации? Отвечая на этот вопрос, полезно вспомнить о чтении первоклассниками четверостишия Пушкина. По отношению к тому или иному тексту каждый из нас в какой-то момент оказывается таким первоклассником, даже если, на первый взгляд, этот текст представляется прозрачным, ясным по смыслу — нередко это мнимая ясность, которая вводит в заблуждение. Что уж говорить о сложных произведениях! А, как пишут М. Л. Гаспаров и К. М. Поливанов, «... в XX веке явилось очень много литературных произведений — и прежде всего, поэтических, которые заведомо нельзя считать „понятными в целом“». Они — сложные и сверхсложные, о понимании их спорят

---

⁴Характерный пример представляет собой «Словарь языка Ф. М. Достоевского», который готовится сейчас в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Это словарь идиоглосс, т. е. слов, ключевых для понимания и истолкования творчества писателя.

⁵Ещё ранее Э. Роттердамский издал изречения и поговорки античных писателей с комментариями («Adagia», 1500), рассчитанные, правда, на менее широкую читательскую аудиторию.

лучшие учёные, и перекладывать тяжесть этого понимания на неподготовленного читателя несправедливо. Это заставляет позаботиться о новом типе комментария — о таком, что прежде всего отвечал бы на вопрос, который естественно первым возникает перед такими текстами (но которого обычно стыдятся): „о чём, собственно, здесь говорится“⁶. Заметьте, авторы формулируют тот самый вопрос, какой, читая, держит в уме вдумчивый читатель, какой ставит хороший учитель литературы перед своими учениками. На этот вопрос вдумчивому читателю приходится отвечать всегда, вне зависимости от того, простым или сложным кажется ему произведение.

Популярный комментарий способен помочь освоить тот чужой для читателя язык, на котором написано любое художественное произведение. Приведу пример. Почему, например, В «Песни о вещем Олеге» «вещим» назван Олег, а не кудесник? Князь в балладе — герой, боец, а не провидец. «Победой прославлено имя твоё», — говорит о нём старец. И напротив, — «вещим языком» наделён кудесник, это он — «заветов грядущего вестник». Возможно, невнимательный читатель и не обратит внимания на этот «обмен ролями», не задумается над тем, с какой целью поэт играет словом «вещий». Комментарий может направить его — подсказать вопрос, заставить размышлять.

Кроме того, в основе комментария, отвечающего на вопрос, о чём говорится в произведении, лежит анализ; он может быть составлен так, что предложит читателю не один-единственный ответ, а ряд вероятных ответов и перспективу для размышлений. В пушкинской балладе это могут быть, например, такие ответы: Олег — «вещий» потому что так его именует летопись. А летопись, в свою очередь, называет князя так потому что, как предполагают некоторые историки, имя Олег в переводе с древнешведского и означает «вещий». Высказывают историки и другое предположение: возможно, у славян, как и у других языческих народов, князь отправлял религиозный культ — тогда употребление определения «вещий» естественно. Но эти ответы пока не объясняют Пушкина. Комментарий может предложить читателю параллельные примеры из пушкинского контекста, проясняющие смысл сопоставления кудесника, «покорного Перуну . . . одному», и мирского владыки, или сопоставление князя Олега, ставшего «вещим» для потомков (т. е. как персонажа истории) и князя Олега как фигуры, изображённой в реальном времени, и т. д. В первом случае появится возможность осмыслить стихотворение в русле пушкинского решения темы отношений поэта и власти, во втором — темы превращения живых сиюминут-

---

⁶М. Л. Гаспаров, К. М. Поливанов. «Близнец в тучах» Бориса Пастернака: опыт комментария, М., 2005, С. 3.

ных событий в события истории, а их реальных участников в персонажей легенды⁷.

Можно, конечно, сказать, что все эти рассуждения не имеют никакого отношения к комментарию. Тем не менее, и комментарии вполне могут отвечать на такого рода «почему», возникающие у читателей.

Профессионал, работающий над созданием комментария, — сам, прежде всего, читатель. Выступая в роли комментатора, он помогает и себе как читателю. Тем более необходим комментарий и непрофессиональному читателю!

5. Быть ли комментарию?

Это может показаться странным, но отношение современных филологов к необходимости комментирования текста неоднозначно. Некоторое время назад была высказана точка зрения, что сегодня комментарий не нужен⁸. Аргументов несколько, например такой: в России, по сути, прикладная комментаторская деятельность особенно активно развивалась тогда, когда иного, публицистически прямого способа выражения мысли у интеллигенции не было. Тогда идеологическое суждение «пряталось» в том, какие реалии комментировались и под каким углом, какими фактами комментарии насыщались, какие контексты выстраивались. Так было в середине XIX века, так было при лживом советском строе.

Ещё один аргумент против комментария: современными учёными «воздвигаются вавилонские башни из фактов и наблюдений без рискованных попыток обобщения», в результате появляются примечания к комментариям и комментарии к комментариям. Комментирование становится для их авторов своеобразной игрой ума.

Автор — профессиональный математик — комментирует роман И. Ильфа и Е. Петрова и одновременно — комментарий к этому роману, выполненный Ю. Щегловым. Откроем эту книгу. На с. 36 читаем:

«Стр. 155: „— Один мой знакомый, — сказал Остап веско, — тоже продавал государственную мебель. Теперь он ... сидит в допре“.

Ю. Щеглов расшифровывает „допр“ как „дом предварительного

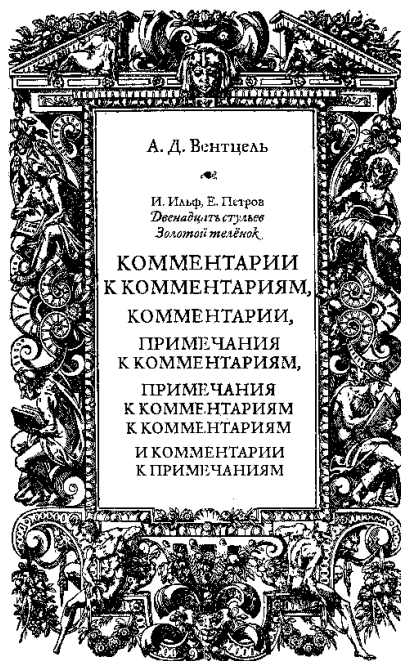
⁷Например, в знаменитом монологе летописца Пимена из «Бориса Годунова»:

На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно...

⁸Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху. // НЛО, 2003, № 66.

заключения“. Я тоже сначала поверил этому; но вот что пишет Большая Советская Энциклопедия (первое издание):

„ДОПР — см. ДОМ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ, Допр, в СССР — название исправительно-трудовых учреждений закрытого типа, к-рым в РСФСР соответствуют исправительно-трудовые дома. Д.п.р. являлись до реформы 1929 основным типом мест заключения с нормальным режимом... Режим в них характеризовался правильным сочетанием труда и культурно-просветительного воздействия и запрещением причинения заключенным мучительства... Реформа исправительно-трудовых учреждений, произведённая в 1929, отменила Д.п.р. как основной тип мест заключения, поставив на их место трудовые колонии, в которых момент изоляции от общества был ограничен...“

Во втором издании БСЭ допр уже не упоминается. В издании, прославляющем нашу счастлившую жизнь под попечительством Сталина, не могло быть не только никакого намёка на то, что десять процентов населения сидит (разумеется, в лагерях, в которых момент изоляции от общества более ограничен), но и не должно быть никакого указания на то, что в прежние годы советской власти мы были менее счастливы...

Почему русский язык использовал в качестве названия для тюрьмы этот украинизм — точнее сказать, усэсэризм < . . . >? По-видимому, слово „допр“ звучало как-то лучше, чем эрэсэфсэровское ИТД (сокращение для „исправительно-трудоустройств. дом“ — которое, к тому же, можно было спутать со стандартным сокращением для „и так далее“.

Для людей двадцатых годов свойственно легкомысленное отношение к допру и к идее кратковременной посадки — даже по политическому делу, как в главах XXVII, XXXIII („из старгородского допра выходили поодиночке сконфуженные участники заговора „Меча и орала“ — с них взяли подписку о невыезде“). Ср. у Маяковского: „Боже упаси меня от МОПРа [Международная организация помощи борцам революции], // А от допра я сам упасусь“.

Впечатляющая статейка, не правда ли? Комментарии к комментариям — жанр не новый; к его возникновению привела чрезвычайная разработанность и изопрённость античной филологии. Впрочем, «комментарии к комментариям» существовали не только в европейской традиции. На рисунке вы видите страницу произведения древнееврейской раввинской литературы. Она организована очень сложно: к тексту даются комментарии, а к комментариям — другие комментарии.

Конечно, комментаторы древних канонических текстов обходились без замечаний субъективного характера, каких немало в цитированной статье А. Д. Вентцеля. Но вряд ли стоит на него раздражаться. Его «Комментарии к комментариям» будут интересны и полезны и любителям знаменитого сатирического романа, и профессионалам-гуманитариям.

И, наконец, последний аргумент «против», который мне хочется привести: в эпоху интернета комментарий не нужен — любой человек может и читать и отыскивать в интернете ответы на возникшие у него вопросы. А между тем, каждый школьный учитель, да что там учитель, каждый здравомыслящий человек скажет: может, но не будет, а кроме того, нужны профессиональные знания, интуиция. . . А значит, в эпоху, когда читают всё меньше, в эпоху, когда издательства стараются издавать книги без комментариев, когда лишь немногие, только лучшие переводчики в процессе перевода книги проделывают работу комментатора (в результате — соответствующее качество переводной литературы!), комментарий нельзя дать погибнуть. И ещё. Движение должно быть встречным: профессионал должен создать популярный комментарий, а учитель — научить своих учеников им пользоваться. Причём пользоваться не для того, чтобы заработать хорошую отметку в журнал, а чтобы видеть в этом использовании смысл, получать от него удовольствие.

1857

1858

1859

1860

1861

1862

1863

1864

1865

1866

1867

1868

1869

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

1879

1880

1881

1882

1883

1884

1885

1886

1887

1888

1889

1890

1891

1892

1893

1894

1895

1896

1897

1898

1899

1900

1901

1902

1903

1904

1905

1906

1907

1908

1909

1910

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

1946

1947

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1960

1961

1962

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

1972

1973

1974

1975

1976

1977

1978

1979

1980

1981

1982

1983

1984

1985

1986

1987

1988

1989

1990

1991

1992

1993

1994

1995

1996

1997

1998

1999

2000

2001

2002

2003

2004

2005

2006

2007

2008

2009

2010

2011

2012

2013

2014

2015

2016

2017

2018

2019

2020

2021

2022

2023

2024

2025

2026

2027

2028

2029

2030

2031

2032

2033

2034

2035

2036

2037

2038

2039

2040

2041

2042

2043

2044

2045

2046

2047

2048

2049

2050

2051

2052

2053

2054

2055

2056

2057

2058

2059

2060

2061

2062

2063

2064

2065

2066

2067

2068

2069

2070

2071

2072

2073

2074

2075

2076

2077

2078

2079

2080

2081

2082

2083

2084

2085

2086

2087

2088

2089

2090

2091

2092

2093

2094

2095

2096

2097

2098

2099

2100

2101

2102

2103

2104

2105

2106

2107

2108

2109

2110

2111

2112

2113

2114

2115

2116

2117

2118

2119

2120

2121

2122

2123

2124

2125

2126

2127

2128

2129

2130

2131

2132

2133

2134

2135

2136

2137

2138

2139

2140

2141

2142

2143

2144

2145

2146

2147

2148

2149

2150

2151

2152

2153

2154

2155

2156

2157

2158

2159

2160

2161

2162

2163

2164

2165

2166

2167

2168

2169

2170

2171

2172

2173

2174

2175

2176

2177

2178

2179

2180

2181

2182

2183

2184

2185

2186

2187

2188

2189

2190

2191

2192

2193

2194

2195

2196

2197

2198

2199

2200

2201

2202

2203

2204

2205

2206

2207

2208

2209

2210

2211

2212

2213

2214

2215

2216

2217

2218

2219

2220

2221

2222

2223

2224

2225

2226

2227

2228

2229

2230

2231

2232

2233

2234

2235

2236

2237

2238

2239

2240

2241

2242

2243

2244

2245

2246

2247

2248

2249

2250

2251

2252

2253

2254

2255

2256

2257

2258

2259

2260

2261

2262

2263

2264

2265

2266

2267

2268

2269

2270

2271

2272

2273

2274

2275

2276

2277

2278

2279

2280

2281

2282

2283

2284

2285

2286

2287

2288

2289

2290

2291

2292

2293

2294

2295

2296

2297

2298

2299

2300

2301

2302

2303

2304

2305

2306

2307

2308

2309

2310

2311

2312

2313

2314

2315

2316

2317

2318

2319

2320

2321

2322

2323

2324

2325

2326

2327

2328

2329

2330

2331

2332

2333

2334

2335

2336

2337

2338

2339

2340

2341

2342

2343

2344

2345

2346

2347

2348

2349

2350

2351

2352

2353

2354

2355

2356

2357

2358

2359

2360

2361

2362

2363

2364

2365

2366

2367

2368

2369

2370

2371

2372

2373

2374

2375

2376

2377

2378

2379

2380

2381

2382

2383

2384

2385

2386

2387

2388

2389

2390

2391

2392

2393

2394

2395

2396

2397

2398

2399

2400

2401

2402

2403

2404

2405

2406

2407

2408

2409

2410

2411

2412

2413

2414

2415

2416

2417

2418

2419

2420

2421

2422

2423

2424

2425

2426

2427

2428

2429

2430

2431

2432

2433

2434

2435

2436

2437

2438

2439

2440

2441

2442

2443

2444

2445

2446

2447

2448

2449

2450

2451

2452

2453

2454

2455

2456

2457

2458

2459

2460

2461

2462

2463

2464

2465

2466

2467

2468

2469

2470

2471

2472

2473

2474

2475

2476

2477

2478

2479

2480

2481

2482

2483

2484

2485

2486

2487

2488

2489

2490

2491

2492

2493

2494

2495

2496

2497

2498

2499

2500

2501

2502

2503

2504

2505

2506

2507

2508

2509

2510

2511

2512

2513

2514

2515

2516

2517

2518

2519

2520

2521

2522

2523

2524

2525

2526

2527

2528

2529

2530

2531

2532

2533

2534

2535

2536

2537

2538

2539

2540

2541

2542

2543

2544

2545

2546

2547

2548

2549

2550

2551

2552

2553

2554

2555

2556

2557

2558

2559

2560

2561

2562

2563

2564

2565

2566

2567

2568

2569

2570

2571

2572

2573

2574

2575

2576

2577

2578

2579

2580

2581

2582

2583

2584

2585

2586

2587

2588

2589

2590

2591

2592

2593

2594

2595

2596

2597

2598

2599

2600

2601

2602

2603

2604

2605

2606

2607

2608

2609

2610

2611

2612

2613

2614

2615

2616

2617

2618

2619

2620

2621

2622

2623

2624

2625

2626

2627

2628

2629

2630

2631

2632

2633

2634

2635

2636

2637

2638

2639

2640

2641

2642

2643

2644

2645

2646

2647

2648

2649

2650

2651

2652

2653

2654

2655

2656

2657

2658

2659

2660

2661

2662

2663

2664

2665

2666

2667

2668

2669

2670

2671

2672

2673

2674

2675

2676

2677

2678

2679

2680

2681

2682

2683

2684

2685

2686

2687

2688

2689

2690

2691

2692

2693

2694

2695

2696

2697

2698

2699

2700

2701

2702

2703

2704

2705

2706

2707

2708

2709

2710

2711

2712

2713

2714

2715

2716

2717

2718

2719

2720

2721

2722

2723

2724

2725

2726

2727

2728

2729

2730

2731

2732

2733

2734

2735

2736

2737

2738

2739

2740

2741

2742

2743

2744

2745

2746

2747

2748

2749

2750

2751

2752

2753

2754

2755

2756

2757

2758

2759

2760

2761

2762

2763

2764

2765

2766

2767

2768

2769

2770

2771

2772

2773

2774

2775

2776

2777

2778

2779

2780

2781

2782

2783

2784

2785

2786

2787

2788

2789

2790

2791

2792

2793

2794

2795

2796

2797

2798

2799

2800

2801

2802

2803

2804

2805

2806

2807

2808

2809

2810

2811

2812

2813

2814

2815

2816

2817

2818

2819

2820

2821

2822

2823

2824

2825

2826

2827

2828

2829

2830

2831

2832

2833

2834

2835

2836

2837

2838

2839

2840

2841

2842

2843

2844

2845

2846

2847

2848

2849

2850

2851

2852

2853

2854

2855

2856

2857

2858

2859

2860

2861

2862

2863

2864

2865

2866

2867

2868

2869

2870

2871

2872

2873

2874

2875

2876

2877

2878

2879

2880

2881

2882

2883

2884

2885

2886

2887

2888

2889

2890

2891

2892

2893

2894

2895

2896

2897

2898

2899

2900

2901

2902

2903

2904

2905

2906

2907

2908

2909

2910

2911

2912

2913

2914

2915

2916

2917

2918

2919

2920

2921

2922

2923

2924

2925

2926

2927

2928

2929

2930

2931

2932

2933

2934

2935

2936

2937

2938

2939

2940

2941

2942

2943

2944

2945

2946

2947

2948

2949

2950

2951

2952

2953

2954

2955

2956

2957

2958

2959

2960

2961

2962

2963

2964

2965

2966

2967

2968

2969

2970

2971

2972

2973

2974

2975

2976

2977

2978

2979

2980

2981

2982

2983

2984

2985

2986

2987

2988

2989

2990

2991

2992

2993

2994

2995

2996

2997

2998

2999

3000

6. Ещё несколько слов о демократизации жанра. . .

Говоря о необходимости популяризации жанра, я, конечно, не собираюсь посягать на святое право учёных-филологов писать строгие, сугубо научные комментарии, рассчитанные только на узкий круг учёных читателей. И всё же, на мой взгляд, сегодня гораздо большие усилия надо потратить на создание комментариев и научных и популярных одновременно. Филологам снобами быть негоже. По многим причинам. В том числе потому, что первые комментарии к сочинениям русских писателей-классиков делались людьми, далёкими от академического литературоведения⁹. К тому же, кому как не филологам стремиться

⁹Сочинения А. С. Пушкина (1855–1857) отрецензировал его первый издатель критик П. В. Анненков, Н. В. Гоголя (1857) — чиновник П. Е. Кулиш, И. А. Крылова (1869) — педагог В. Ф. Кеневич и т. д.

к популяризации своей науки? Доступно и увлекательно написанный комментарий — лучший способ такой популяризации. Разве не доказательство этому популярность работы Ю. М. Лотмана, посвящённой чтению «Евгения Онегина»?

И школьное преподавание давно пора приблизить к такому комментированному чтению (это не значит, что оно должно быть сведено к нему). А вот как научить неопытного пока читателя самостоятельно пользоваться комментарием, как дать ему почувствовать, что художественное произведение, благодаря параллельному чтению комментария, делается только интереснее — это вопрос.

Первая трудность, с которой сталкивается учитель, пытаясь приучить своих учеников пользоваться справочным аппаратом книги, связана с тем, что этот справочный аппарат находится в её конце. Читая, ребёнок (да и взрослый), не хочет отрываться от чтения или «ленится» заглядывать в комментарий. И тут действительно может помочь интернет.

Как это видно из рисунка¹⁰, комментарий может располагаться рядом с комментируемым текстом. Читатель «доходит» до незнакомого или просто выделенного слова или целой строки, щёлкает на них мышкой, и комментарий появляется прямо рядом с текстом¹¹. Размышления о сути прочитанного идут после текста. Естественно, что прокомментированные слова, реалии, обнаруженные реминисценции или аллюзии проясняют смыслы, уловленные при чтении. За одним прокомментированным текстом в интернет-курсе литературы следует другой. Опыт чтения стихотворений параллельно с комментариями к ним у школьников увеличивается, постепенно формируется культура не «линейного чтения», а чтения «с отсылками». На следующем этапе можно будет предложить ученикам самим поискать в тексте те места, которые нуждаются в комментировании¹². Конечно, не всё так просто, как это выглядит в моём описании. На каждом следующем этапе возникают новые проблемы. Как, например, добиться того, чтобы школьник, про-

---

¹⁰На рисунке представлен фрагмент из моего интернет-урока, подготовленного для одной из уже действующих интернет-школ, созданной при издательстве «Промсвещение». (<http://www.internet-school.ru>)

¹¹Это может быть и комментарий, принадлежащий известному учёному, и специально подготовленный комментарий.

¹²Учитель может даже попробовать вместе с учениками создать комментарий к какому-то небольшому тексту. У меня когда-то был подобный опыт. С ним можно познакомиться, прочитав статью «Читательский комментарий: замысел и воплощение», которой я сопроводила публикацию «Комментария к „Реквиему“» А. Ахматовой, выполненного школьниками под моим руководством (Литература в школе, 1989, № 6). Текст комментария с предисловием Ю. М. Лотмана и послесловием Ю. Ф. Карякина вторично был опубликован в сб. Студия, М., 1995.

читав и стихи, и комментарии к ним, снова и снова возвращался к этому чтению, стремясь воспринять текст в его целостности — это новая проблема, и её тоже предстоит решать.

Адрес: <http://www.internet-school.ru/study.asp?context=lesson&l=143822&c=143873>

Стихотворение с таким названием вам уже известно. Это тоже была ода – ода А. Н. Радищева «Вольность». Конечно, Пушкин не случайно назвал так свои стихи – он рассчитывал на то, что читатель вспомнит и «Вольность» Радищева, и судьбу этого стихотворения.

*Беги, сокройся от очей,
Милый, забейся в щели!*

Мини-исследование

Сравните две оды – Г. Р. Державина «Вельможа» и А. С. Пушкина «Вольность».

Комментарий

- [Калигула](#)
- [«Возвышенный галл»](#)
- [«Законов гибельный позор»](#)
- [«О мученик ошибок славных...»](#)
- [«Тираны мира! трепещите!»](#)
- [«...злойдейская порфира / На галлах скованный лежит»](#)
- [«Самовластительный злодей»](#)
- [«Пустынный памятник тирана, / Забвению брошенный дворец...»](#)
- [Клии](#)
- [янычары](#)
- [«Погиб увенчанный злодей»](#)

«Тираны мира! трепещите!»

– реминисценция из национального гимна Франции «Марсельеза». «Марсельеза» родилась как военно-революционная песня в 1792 году после того, как король объявил войну Австрии. Французский офицер Руже де Лиль, служивший в Страсбурге, сочинил «Военную песню Рейнской армии» – популярность ее была такова, что 14 июля 1795 года она была провозглашена национальным гимном.

*Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама судьба славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падшие рабы!
Увы! куда ни брошу взор -
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы:
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела - Рабства грозный Генций
И Славы роковая страсть.*

Фрагмент интернет-урока, посвящённого творчеству А. С. Пушкина.

Ещё одна проблема — она окажется важной и для учёного, работающего над популярным комментарием концептуального типа, и для учителя. Ответ на такой коренной вопрос, как «о чём, собственно, здесь говорится», не может быть прямолинейно однозначным, односоставным, он должен заключать в себе возможность предположения, учитывать разные факты и контексты, должен мерцать смысловой глубиной.

В лучшей из написанных на русском языке энциклопедий для детей том, посвящённый литературе XX века, завершает статья о комментариях¹³. В конце статьи — рисунок: длинная очередь из писателей-классиков — стоят «за комментариями»; последний, Горький, спрашивает предпоследнего, Достоевского: «Давно ли стоите?». «Да уж несколько лет», — отвечает тот. Ситуация с комментированием, вернее,

¹³Энциклопедия «Аванта+»; автор статьи — Л. И. Соболев.

с созданием популярных комментариев для широкой публики, передана вполне точно. Интересно, что начинается очередь Пушкин. И хотя на первый взгляд кажется, что как раз его творчество прокомментировано полно, необходимость в комментировании творчества поэта ощущается ещё остро. Не пожалее времени, чтобы процитировать замечательного, к несчастью, недавно ушедшего от нас филолога А. П. Чудакова: «Больше всего в таком комментированном чтении нуждается „Евгений Онегин“ — чтении сплошном, без пропусков, слово за словом, стих за стихом, строфа за строфой.

Мы не должны обольщать себя мыслью, что наши представления совпадают с читательскими времени Пушкина — даже о самых простых вещах, например, о санках в I главе. Чтобы восполнить это хотя бы частично, необходимо, как и в научном описании, разрешить цепь вопросов, в данном случае упряжно-экипажных. Чем санки, на которых едет Онегин к Талону, отличаются от деревенских? Велики ли? Где на них обычно ездили? Открытые они или закрытые? Сколько лошадей? Какова запряжка? Русская? Немецкая (без дуги)? С постромками или оглобельная? Какое место эти санки занимают в экипажной иерархии? Почему на бал Онегин едет уже „в ямской карете“?» И это при том, что к роману „Евгений Онегин“ существуют комментарии Н. Л. Бродского, Ю. М. Лотмана, В. Набокова! Впрочем, Александр Павлович Чудаков ведёт речь об особом, как он говорит «сплошном», «тотальном» комментировании текста, когда объясняется всё, что читается. Понятно, что идея такого комментария порождена не только чувством острой личной читательской неудовлетворённости, но и чувством бесконечной ответственности за судьбу культуры, её трансляции в будущее. Такое чувство ответственности необходимо и всему профессиональному сообществу филологов, и системе образования, и обществу в целом.

Айны и айнский язык

Владимир Михайлович Алпатов

В этой лекции речь пойдёт об айнах, малочисленном и малоизвестном народе, живущем в Японии, и их интересном и ни на что не похожем языке, который не удалось сохранить.

Айны (на айнском языке *айну* значит ‘человек’) — древнейшее население японских островов. Они когда-то жили на очень большой территории, некоторые учёные считают, что айны заселяли всю Японию; по другому мнению, они жили лишь в восточной её половине, примерно до горы Фудзи. Но, во всяком случае, даже район Токио когда-то был айнской территорией. Название упомянутой горы и многие другие японские географические названия, вероятно, имеют айнское происхождение. Однако постепенно японцы оттесняли их на север, и к XVIII–XIX вв. айны остались лишь на острове Хоккайдо, а также ещё севернее: в южной части Сахалина, на Курильских островах и на юге Камчатки. Русские, столкнувшиеся с ними в начале XVIII в., первоначально называли их курилами, отсюда и Курильские острова.

Об айнах у нас написано не так много, но среди тех, кто их описывал, был классик нашей литературы А. П. Чехов, побывавший в 1890 г. на Сахалине. К сожалению, из всех его книг меньше всего читают и знают книгу «Остров Сахалин», где он посвятил этому народу (который он называл *айно*) несколько страниц.

Айны не знали ни земледелия, ни скотоводства и занимались охотой и рыболовством. По словам Чехова, они «кротки, безответны», «не воинственны, не терпят насилия; покорять, поработать или вытеснить их было нетрудно». А в энциклопедии Брокгауза и Ефрона (тоже 1890 год) сказано: «Несмотря на свой дикий вид, они — беззаботный, не воинственный народ, крепкого, пропорционального телосложения и выносливый. Они — охотничий и рыбачий народ, большую часть своего улова принуждены отдавать в виде дани японцам. У них господствует многожёнство; живут зимою в земляных, а летом — в соломенных хижинах. Их оружие состоит из копья и лука».

Всё в айнах загадочно, начиная с внешнего вида. Все их соседи (кроме появившихся на Дальнем Востоке лишь в последние столетия русских) — монголоиды, а айны, как пишет Чехов, «смуглы, как цыгане; у них большие окладистые бороды... Роста они среднего и сложения крепкого, коренастого, черты лица крупны, грубоваты, но в них нет... ни монгольской приплюсности, ни китайского узкоглазия. Находят, что бородатые айно очень похожи на русских мужиков... Тело айно покрыто тёмными волосами, которые на груди иногда растут густо,

пучками». Айнов иногда называли самым волосатым народом в мире. Откуда появился такой народ в окружении народов с совершенно иной внешностью? Если они кого-то внешне напоминают, то более всего аборигенов Австралии, но очень уж Япония и наш Дальний Восток от Австралии далеко.

Совершенно загадочен и язык айнов. До сих пор неизвестно, к какой семье он принадлежит и каким языкам он родствен. Его пытались сравнивать с японским, с близлежащими языками Дальнего Востока (нивхским, чукотским, корякским, тунгусо-маньчжурскими) и даже с индоевропейскими языками, но ничего похожего найти не удалось. А по строю (который, как известно, не определяет родство) более всего айнский язык похож на некоторые языки индейцев Северной Америки.

Но любопытно сопоставить этот язык с теми языками, которые мы знаем. Разумеется, речь будет идти не о сходстве, а, наоборот, айнский язык может служить примером того, как язык по своему строю может отличаться от того, к чему мы привыкли, содержать нечто для нас непривычное и не иметь, казалось бы, самых обычных языковых явлений. Когда мы начинаем учить иностранный язык, мы ощущаем его отличия от русского языка, в том числе и в грамматике. Но всё-таки между русским языком, с одной стороны, и германскими или романскими языками, с другой, можно найти немало и грамматических сходств. А айнский язык отличается от русского языка значительно сильнее. Отмечу ряд наиболее заметных отличий; разумеется, список далеко не исчерпывающий.

1. ЧАСТИ РЕЧИ. В айнском языке, как это для нас привычно, есть существительные и глаголы (из всех различий частей речи данное различие наиболее фундаментально). Но прилагательных как отдельного класса там нет. Разумеется, слова с соответствующими значениями существуют, но они ничем не отличаются от непереходных глаголов: *ku-tina* 'я смеюсь', *'e-tina* 'ты смеёшься', *ku-poro* 'я большой', *'e-poro* 'ты большой'. Зато особыми частями речи можно считать переходные глаголы и непереходные глаголы (вместе с прилагательными). Они по-разному спрягаются (см. следующий пункт).

2. СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ. Переходные глаголы согласуются по лицу и числу не только с подлежащим, но и с прямым дополнением. См., например, форму от глагола *ni* 'слышать' — *'esi-'en-ni* 'вы меня слышите', где *'en-* — показатель лица и числа прямого дополнения, а *'esi-* — показатель лица и числа подлежащего. 3-е лицо всегда выражается нулём, поэтому, например, в форме *'en-ni* есть лишь показатель прямого дополнения, а значит она 'он (она, они) меня слышит (слышат)'.¹

3. ИНКЛЮЗИВ И ЭКСКЛЮЗИВ. В айнском языке нет единых форм 1-го лица множественного числа, вместо них используются две не синонимичные формы со значениями ‘мы с тобой’ и ‘мы без тебя’. В науке такие формы называются соответственно инклюзивом и эксклюзивом. Ср. *mina'-an* ‘мы с тобой смеёмся’, *mina'-as* ‘мы без тебя смеемся’, *'i-ni* ‘мы с тобой слышим его (её, их)’, *'un-ni* ‘мы без тебя слышим его (её, их)’.

4. ОТСУТСТВИЕ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ. Мы привыкли к тому, что в любом языке глаголы изменяются по временам (пусть конкретный набор времён в разных языках может быть различен). И эта привычка очень древняя: первое в Европе определение глагола, принадлежавшее великому древнегреческому философу Аристотелю (IV в. до н. э.), было таким: «Глагол есть звукосочетание, обозначающее ещё и время». Но в айнском языке нет времен, а, скажем, форма *mina'-an* может значить не только ‘мы с тобой смеёмся’, но и ‘мы с тобой смеялись’, ‘мы с тобой будем смеяться’ в зависимости от контекста.

5. СКЛОНЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ. Айнские существительные не имеют падежей, а падежные отношения выражаются порядком слов или специальными показателями — послелогоми (похожи на привычные для нас предлоги, но стоят после существительного, отсюда и название). Нет у них и рода, а множественное число может обозначаться служебным словом *'utar*, но оно может присоединяться лишь к одушевлённым существительным и их присоединение не обязательно: *seta 'utar* значит ‘собаки’, но *seta* может значить ‘собака’ и ‘собаки’. А формам *лодка* и *лодки* может соответствовать лишь одна форма *cip*. То есть в айнском языке нет привычных для нас категорий существительного, из чего не следует, что там существительные не изменяются. Но они как бы не склоняются, а спрягаются, получая показатель лица и числа, аналогичный глагольному, окончания соответствуют окончаниям лица и числа подлежащего в переходном глаголе. Но это не число самого предмета, а число и лицо его владельца. Например, тот же показатель *'eci-*, при глаголе означающий ‘вы’, при существительном значит ‘ваш’: *'eci-tekehe* значит ‘ваша рука’. Эту категорию в науке называют категорией притяжательности.

6. ПОРЯДОК СЛОВ. В айнском языке сказуемое всегда стоит на конце предложения (обычный порядок слов: подлежащее — косвенное дополнение — прямое дополнение — сказуемое).

Все перечисленные свойства отсутствуют в русском (и других славянских), германских и романских языках (в английском и французском языках исчезла основная часть системы склонения, но какие-то её остатки сохранились). Однако если кто-то учит, например, японский язык, он уже не удивится некоторым айнским особенностям: в япон-

ском языке такой же порядок слов, сходно обозначение множественного числа. Довольно много и языков, где есть инклюзив и эксклюзив, категория притяжательности, не везде есть прилагательные. А вот разное спряжение переходных и непереходных глаголов — явление очень редкое: кажется, зафиксированы всего два языка, где оно есть. Они никак не родственны и находятся далеко друг от друга: это айнский язык и удинский язык в Азербайджане, родственные языкам Дагестана.

Айнский язык никогда не имел письменности, но имел две сферы функционирования: помимо бытового общения, его употребляли в фольклоре; у айнов были свои эпические сказания, сказки и песни. Язык фольклора был более или менее един для всех айнов, а в быту они говорили на многих диалектах, далеко не все из них успели записать.

Айнский язык был устойчив, пока айны жили сами по себе и имели лишь ограниченные контакты с японцами. Но во второй половине XIX в. японцы впервые начали массовое переселение на Хоккайдо, а, приобретя у России в 1874 г. Курильские острова и в 1905 г. юг Сахалина, укрепились и там. Как отмечали и А. П. Чехов, и энциклопедия Брокгауза и Ефрона, айны были «не воинственным» народом, не способным к сопротивлению гораздо более активным японцам. Японцы выгоняли айнов со своих земель, переселяли их в неудобные для проживания районы. А с Курильских островов ещё в начале XX в. по стратегическим соображениям всех айнов переселили на Хоккайдо, отчего перестал существовать курильский диалект, оставшийся для науки почти не известным. Многие национальные обычаи были запрещены. Вплоть до второй мировой войны айны не считались полноправными японскими гражданами.

Всё это не могло не сказаться на языке. Айны должны были принудительно учить японский язык и японскую письменность, хотя при этом они учились в особых школах с ограниченным набором предметов. В этой обстановке многие айны стали переходить на японский язык, и сохранность айнского языка стала снижаться.

После войны американские оккупационные войска провели меры по демократизации японского законодательства, в том числе уравнивали айнов в правах с остальным населением страны. Но при этом не было предпринято ничего для сохранения айнского языка. Поэтому когда айны получили возможность иметь равные с японцами возможности, для чего необходимо было свободное знание японского языка, они ещё быстрее стали терять свой исконный язык. Как раз в это время японские учёные, наконец, обратили всерьёз внимание на айнский язык; в середине 50-х гг. видный японский лингвист академик С. Хаттори организовал массовое исследование айнских диалектов, результатом чего стали словарь этих диалектов и несколько грамматик. Однако почти по всем

диалектам смогли найти не более одного-двух носителей. Потом Хаттори говорил: «Мы успели на последний автобус».

Когда в 1945 г. Южный Сахалин и Курильские острова перешли к СССР, большинство сахалинских айнов уехали в Японию, где поселились в основном среди японцев, также быстро теряя свой язык. У нас же осталось несколько десятков стариков, которых ещё помнят сахалинские старожилы. Но когда в 1978 г. в поисках носителей айнского языка на Сахалин приехала экспедиция Института востоковедения АН СССР во главе с А. Н. Барулиным, никого найти не удалось. Последний достоверно известный носитель айнского языка на Сахалине умер в доме престарелых за три года до этого.

В Японии уже в 60-е гг. не стало никого, кто бы реально использовал айнский язык в общении, хотя ещё много лет, даже в 90-е гг. встречались пожилые люди (чаще женщины), которые помнили, как в детстве или юности говорили по-айнски. Говорят даже, что кто-то ещё жив сейчас. С такими носителями языка много успели поработать японские лингвисты, а уже в 90-е гг. язык последней носительницы одного из диалектов Хоккайдо, ныне покойной, изучила российская специалистка Анна Бугаева.

Но вот, когда язык фактически вымер, появились энтузиасты, которым захотелось учить айнский язык и говорить на нём. В университете Васэда в Токио мне ещё в 70-80-е гг. пришлось видеть, как студенты разных национальностей, японцы и иностранцы, учат этот язык, осваивая его фонетику по сохранившимся записям речи его последних носителей. Я был однажды на самодеятельном спектакле, где студенты разыгрывали фольклорный спектакль на айнском языке, причём роль медведя играл огромного роста американец.

Но, конечно, таким образом нельзя добиться естественного возрождения погибшего языка. Увы, в XX в. так случилось и со многими другими языками. Малочисленные народы, живущие в рамках традиционного уклада (охота, собирательство, оленеводство и др.), с трудом сохраняют свой язык, попадая в непривычные для себя условия индустриальной культуры, в среду, где господствуют иные, лучше приспособленные к этим условиям языки. Проблема сохранения таких малых языков, каждый из которых интересен для лингвиста и отражает уникальную культуру, пока не решена нигде. Процесс их вымирания можно замедлить, как это удалось сделать в СССР после революции, когда были предприняты специальные меры для сохранения этих языков (сейчас ситуация в России стала ухудшаться). Иногда этот процесс оказывается очень быстрым, как это произошло менее чем за сто лет с айнским языком, о чём мы можем только пожалеть.

Языковая культура современной Японии

Владимир Михайлович Алтатов

Исследователи культуры нередко считают, что язык — лишь оболочка, в которую заключаются те или иные мысли и идеи, представляя собой лишь вспомогательное средство для познания культуры. Но ещё почти два столетия назад великий мыслитель Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Язык тесно переплетён с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры». И важной частью культуры каждого народа является языковая культура, использование языка в тех или иных сферах жизни, особенности воззрений на язык и др. Мы рассмотрим эти вопросы на материале Японии последних десятилетий.

Известный американский японист Рой Эндрю Миллер писал, что нормальное отношение к языку — не замечать его; мы все настолько заняты, что не можем терять время, обращая на него внимание, и лишь японцы да ещё французы поступают иначе. В ничего не значащей беседе японцы могут говорить не только о погоде, но и о языке. Про язык могут рассуждать в рекламе. Ведущие газеты могут посвящать передовые статьи обсуждению вопросов орфографии. По первому каналу телевидения в лучшее время, в 10 часов вечера по субботам могут пускать передачи про язык и даже лингвистические сериалы. В телешоу именитый профессор лингвистики может рассказывать весёлые истории об иероглифах.

Такое особое внимание японцев к своему языку (на иностранные языки оно не распространяется) имеет несколько причин. Во-первых, в японской культуре мало что на самом деле исконно. И буддизм, и боевые искусства, и икебана, и чайная церемония — всё пришло в разное время из Китая. В том числе была заимствована иероглифическая письменность. А язык (да ещё синтоизм) — нечто действительно своё.

Во-вторых, традиционно считается, что быть японцем, жить в Японии и говорить по-японски — одно и то же. Это, конечно, не совсем так, но совпадение большое. Все жители Японии (кроме временно живущих там иностранцев) говорят по-японски, но за пределами Японии крайне мало людей, для которых бы родным был японский язык. Японский язык неоднороден: различия между японскими диалектами могут быть значительными вплоть до полного взаимного непонимания (особенно это относится к диалектам островов Рюкю), но всё равно носитель каждого из диалектов — японец, и единство языка всеми осознаётся. А другие языки далеко, за морями.

В-третьих, японский язык изолирован не только географически, но и лингвистически: у него нет близких родственников. В мире нет ни одного языка со столь большим числом носителей, чьи родственные связи были бы настолько сложны. До последнего времени они вообще были достоверно не известны. Сейчас чаще всего считается, что японский язык родственен алтайским языкам: тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, корейскому. Большую роль в доказательстве этого родства сыграл выдающийся отечественный учёный Сергей Анатольевич Старостин. Но японо-алтайское родство — очень дальнее: предок японского языка отделился от предков остальных алтайских языков раньше, чем разные ветви индоевропейской семьи друг от друга. Нет ни одного языка, который был бы похож на японский язык настолько, насколько, скажем, русский похож на английский язык или на хинди.

В-четвёртых, для японцев значимо даже не отличие японского языка от других языков вообще, а его отличие от английского языка и в меньшей степени от других европейских языков. По грамматическому строю японского языка сохраняется довольно значительное сходство с другими алтайскими языками (хотя общие слова разошлись настолько, что с трудом опознаются). Но это сходство массовым сознанием игнорируется: «не те» языки. А вот про английский язык вспоминают постоянно. И из многих свойств японского языка выделяется одно: «Японский язык очень труден»; естественно под трудностью имеется в виду трудность для жителей США. Здесь отражается, конечно, представление современных японцев о своей причастности к миру развитых государств, в котором господствует английский и имеются некоторые другие языки. Мэру сложности языка установить вряд ли возможно, но уже то, что японский — единственный не индоевропейский язык в «восьмёрке», создаёт трудности.

Однако здесь мы сталкиваемся с одной неожиданностью: эти сложности в освоении японского языка американцами и европейцами воспринимаются в Японии как нечто естественное и даже положительное. И в Японии не кажется ненормальным то, что японский язык не стал языком ООН, а его международные функции невелики. Обычные ссылки на сложность этого языка не всё объясняют. Соседний Китай, чей язык не больше похож на европейские, борется за признание его международным явно активнее.

И бросается в глаза ещё одна странность с нашей точки зрения: далеко не всегда японцы с одобрением относятся к хорошему знанию их языка американцами и европейцами. Ошибки прощают довольно легко, плохо говорящему по-японски иностранцу будут говорить комплименты, но если иностранец по-настоящему овладел языком, он может столкнуться с настроженным к нему отношением. Мне приходи-

лось сталкиваться с тем, что на вопрос на японском языке иностранцу отвечают на английском (японцы часто думают, что все люди европейского вида — носители этого языка). А в самолёте я однажды разговаривал с соседом-японцем. Мы общались по-японски, я рассказал, что занимаюсь этим языком. Потом разговор оборвался, я стал смотреть японский журнал. Удивлению моего соседа не было пределов: «Как, Вы и читать можете?». У нас трудно себе представить специалиста по какому-то языку, который на нём говорит, но не читает. Но японцы исходят из того, что иероглифы — самое сложное в их языке.

Видимо, корни всего этого лежат в национальных привычках, сложившихся в изолированном островном государстве. Конечно, Япония — давно не закрытая страна, но в провинции и сейчас дети, увидев белого человека, бегут за ним с криками: «Гайдзин!» («Иностранец»). В Токио, впрочем, такого уже не бывает. В конце XIX в. один из первых английских специалистов по Японии Б. Х. Чемберлен писал, что японцы смотрят на знающих их язык европейцев как на говорящих обезьян. И, казалось бы, если японцы предпочитают говорить с американцами и европейцами по-английски (знание других западных языков в Японии много меньше), то этот язык должен быть там широко известен, но оказывается, что это не так (хотя в последние годы популярность его возросла). Этим языком свободно владеют обычно лишь те, кто связан с английским языком профессионально (например, работает во внешне-торговой фирме), хотя в школе его учат все (совсем как у нас в советское время). Для многих японцев, как отмечали те же информанты, существенная мотивация для знания английского языка возникает один раз в жизни: при подготовке к поступлению в вуз. Хотя японцы стали чаще путешествовать за рубеж, но обычно они ездят группами с переводчиком и общаются во время поездок лишь между собой.

Сказанному не противоречит множество заимствований из английского в японский язык. Количество американизмов в современном японском языке очень велико и не поддаётся точному учёту, и чуть ли не каждое английское слово может быть заимствовано, хотя бы в составе сочетаний. Но неважное знание английского языка в массе японцев и обильное количество заимствований не противоречат друг другу. Образцом здесь послужило освоение Японией в прошлом китайской культуры. Число заимствований из китайского языка, пришедших вместе с иероглифами, очень велико, но никогда японцы не отличались активным знанием китайского языка.

Японцы с английскими заимствованиями обходятся свободно (так же, как до того обходились с китайскими). Существует немало сложных слов и словосочетаний, которые созданы из английских корней в самой Японии и не имеют английских параллелей: wan-man-basu или

wan-tan «автобус без кондуктора» (один + человек + автобус), no-airon «изделие, которое нельзя гладить» (нет + утюг), no-mai-kaa-dee «день, когда рекомендуется воздерживаться от пользования личными автомобилями» (нет + мой + автомобиль + день). Один японский автор писал: «Неважно, что таких слов нет в английском языке, важно, что мы их знаем».

Американизмам почти целиком отдан ряд сфер жизни. Пишут, что они составляют 53% терминов менеджмента, 75% терминов маркетинга, 80% торговых терминов и даже 99% компьютерной терминологии. Их очень много и в сферах спорта, туризма, эстрадной музыки, кулинарии, моды, потребления бытовой техники и пр. Такие тексты сплошь пишут одной из японских азбук — катаканой, которая сейчас используется почти исключительно для записи новых заимствований, и есть даже термин «катаканские профессии»: дизайнер интерьера, модельер высокой моды и пр. Но в других сферах жизни американизмов не так много. Заимствования из английского языка выделены в некоторое «гетто», пусть и престижное.

По-видимому, в Японии стихийно выработалась такая модель поведения, которая позволяет одновременно и вписываться в мировое сообщество, и сохранять свои традиции и свою культуру. В японской культуре заимствованных элементов больше, чем исконных, а с середины XIX в. эта культура органично включила в себя ещё очень многое, пришедшее с Запада. И важно, что в отличие от большинства других азиатских стран Япония обычно осваивала чужие культуры по собственной инициативе, а не под давлением извне (некоторое исключение составили лишь два периода: 50-60-е гг. XIX в. и годы американской оккупации). При открытости Японии чужим влияниям и идеям эти идеи всегда должны укореняться на японской почве, войти в общую систему культуры. И, по-видимому, там важно ощущение владения наряду со всем этим чем-то уникальным, специфически своим, включая японский язык. Отсюда так сильны представления о непосильной сложности этого языка для чужих. В 70-80-е гг. в Японии даже была популярна книга, автор которой утверждал, что японцы обладают уникальным мозгом. Этому мозгу будто бы доступны голоса природы, японская музыка и японский язык, что невозможно для людей Запада, китайцев и других народов, у которых нет такого мозга. По мнению видного японского социолога Т. Судзуки, Япония — страна очень открытая для восприятия чужих вещей и идей, но достаточно закрытая для человеческого общения с иностранцами.

Уже здесь мы сталкиваемся со столь важным для японцев противопоставлением «свой — чужой»: японцы — «свои», с ними надо говорить по-японски, иностранцы — «чужие», с ними надо либо не говорить

совсем, либо, если это необходимо, говорить по-английски (в Японии очень сильно представление о том, что все белые люди говорят по-английски). Но противопоставление «свой — чужой» важно в Японии не только для общения с иностранцами, чужими по определению. Оно может переноситься и на общение с кем угодно. Как «свои» могут рассматриваться члены своей семьи по отношению к остальным людям, соседи по отношению к тем, кто живёт далеко, сотрудники своей фирмы по сравнению с персоналом иных фирм и т. д. И это проявляется в языке.

В наши дни каждый японец благодаря школьному обучению и телевидению владеет (не всегда полностью) нормами литературного (стандартного) языка. Им как-то владеют жители всей страны, и естественно его повсеместное употребление не только как языка книги и высокой культуры, но и в качестве «языка для чужих».

Однако хочется иметь и особый «язык для своих», то есть диалект. Именно этим объясняется то, что японские диалекты (в отличие, скажем, от русских) необычайно устойчивы (хотя они подвергаются влиянию литературного языка). И к любому хорошо знакомому человеку, если он воспринимается как «свой», можно обратиться на диалекте. А вот с иностранцем говорить на диалекте нельзя. Наш замечательный учёный Евгений Дмитриевич Поливанов в 1914 г. изучал диалект деревни около Нагасаки. При способностях к языкам он выучил его легко, но допустил непростительную ошибку: попытался поговорить на диалекте с жителями деревни. И сразу контакт был потерян.

Конечно, диалектные черты более явны в деревне и в малых городах, но и в больших городах диалектные и региональные черты могут быть устойчивы, например, в ударении и интонации. Сейчас не только не пытаются искоренять диалекты, но их считают национальным достоянием, активно изучают, а записи хороших носителей исчезающих традиционных диалектов хранятся наравне с записями голоса крупных артистов. В школах теперь вводится даже специальный курс правильной речи на диалекте той местности, где находится школа. Конечно, обучать каждому диалекту и говору невозможно, поэтому детей фактически учат некоторым региональным вариантам языка.

Есть ещё одна сфера языка, в которой проявляется то же самое противопоставление «свой — чужой», на которое накладывается ещё одно важнейшее для японского общества противопоставление «высший — равный — низший». Это так называемые формы вежливости японского языка (по-японски *кэйго*, буквально «учтивый язык»). Термин «формы вежливости» стал привычным, хотя точнее было бы говорить здесь не о вежливости (которая индивидуальна), а об этикете, правила которого социально обусловлены. В японском глаголе есть сразу две грамматические категории такого рода. В каждой из них противопоставлены

вежливые и простые (невежливые) формы. Одна из этих категорий передаёт отношение к собеседнику, другая — к субъекту или объекту действия, обозначенного данным глаголом.

Выбор той или иной формы в зависимости от ситуации — весьма сложная проблема, которую постоянно приходится решать каждому японцу. Он определяется разными параметрами: относительным социальным положением, возрастом, полом, исполнением тех или иных социальных ролей (к врачу или полицейскому будут обращаться как к высшему, пока он исполняет служебные обязанности), психологическими факторами и др. Но важно и рассмотрение с точки зрения параметра «свой — чужой». Например, при приёме посетителя сотрудник фирмы не должен употреблять вежливые формы по отношению к своему начальнику (даже если он по социальному рангу выше посетителя): он в данный момент «свой», а посетитель — «чужой», и именно к последнему надо выражать вежливость.

Так называемые формы вежливости стали проще по сравнению с тем, что было несколько веков или даже несколько десятилетий назад. Студенты уже обычно не говорят так по отношению к отсутствующему преподавателю, хотя в глаза продолжают называть его как положено. Не всегда формы вежливости употребляют и жёны по отношению к мужьям так, как это было обязательно раньше. Зато вежливые формы необходимы в рекламе по отношению к потенциальному читателю и на телевидении по отношению к зрителю. И в наши дни функционирование данной системы поддерживается и социальной структурой, и всё той же привычкой выделения своих и чужих.

Ещё один вопрос, актуальный для японской языковой культуры: различия между мужской и женской речью. Они существуют везде, хотя не всегда их замечают. Однако в Японии эти различия особенно существенны и осознаваемы. Избежать их невозможно. Как пишет одна японская женщина-лингвист, она долго считала, что, будучи образованной и самостоятельной, не говорит «по-женски», но, начав наблюдать за своей речью, убедилась, что женские особенности присутствуют там постоянно. Это, однако, относится лишь к устной речи, а на письме столь явных особенностей не бывает.

Можно вполне говорить не только о речевых расхождениях, но и о мужском и женском вариантах японского языка. Их различия проявляются почти на всех уровнях: в интонации, в морфологии, в синтаксисе, в лексике. Например, различаются личные местоимения, модально-экспрессивные частицы, правила эллипсиса и многое другое. В мужском и женском вариантах языка заметно различаются и формы вежливости: наиболее вежливые формы и слова бывают специфически женскими, а подчёркнуто невежливые — чисто мужскими.

Отмечают и ещё более глубокие различия между мужской и женской речью (даже письменной). Один исследователь попросил испытуемых написать сочинение с пересказом прочитанного текста; мужчины излагали содержание текста без эмоций и оценок, а женщины выражали свои эмоции, но пересказывали текст часто сбивчиво. Различия проявляются и в диалоге. В ток-шоу на японском телевидении обычно диалог ведут мужчины, а женщины им поддакивают и создают эмоциональный фон. В одном из опытов студентов и студенток произвольно разбивали на пары и предлагали вести свободный диалог, скрыто записывавшийся. И во всех парах лидером оказался мужчина: он вёл беседу, выбирал тему и переходил от одной темы к другой, перебивал партнёршу, которая в основном отвечала на вопросы и дополняла слова собеседника.

И это различие обнаруживается даже у студенток, которые, как и школьницы, менее всех других женщин склонны говорить «по-женски»; иногда перенимая даже мужские местоимения. В целом различия мужской и женской речи увеличиваются с возрастом, достигая максимума в возрастной группе 50–60 лет, потом они немного уменьшаются.

Очевидна связь перечисленных языковых и особенно речевых различий с социальным статусом мужчин и женщин. Как уже отмечалось, одним из признаков, определяющих употребление форм вежливости, является пол: мужчина оказывается высшим. Особенности содержания женской речи связывают с ограниченностью сфер жизни, с которыми они имеют дело. Очевидна и связь статуса женщины и её речевых особенностей в разных возрастных группах. Нет особой разницы в социальных ролях мальчиков и девочек или даже студентов и студенток, зато, когда в соответствии с традициями японского общества мужчина начинает подниматься по социальной лестнице, а женщина уходит в домашние дела, их роли всё более расходятся; в старости, когда мужчина оставляет работу, роли вновь сближаются. Всё это до сих пор отражается в языке. Но, разумеется, и здесь времена меняются. Сейчас всё больше женщин работает и после замужества, появляются и женщины-руководители и даже министры и главы компаний. Из этого, однако, не следует, что женщины начинают говорить так же, как мужчины. Во-первых, традиции включать в социальную иерархию признак пола по-прежнему сильны, в том числе и среди самих женщин. Во-вторых, многие женские языковые и речевые особенности действуют автоматически и неосознанно. Японские специалисты сходятся во мнении о том, что их устойчивость сохранится достаточно долго.

В одной лекции нельзя рассказать обо всём. Я почти ничего не сказал о сложнейшем, но, как ни странно, эффективном японском письме. Иероглифы очень много значили и продолжают значить для японской культуры. Но об этом надо говорить особо.

Языки и Язык: Сходства, различия, универсалии

Пётр Михайлович Аркадьев

Введение: языковое разнообразие и Универсальная грамматика

В настоящее время в мире известно около 7000 разных языков. Огромное большинство — более 80% из них — относится к числу «средних» и «малых» языков, на каждом из которых говорит не более 100 тысяч человек, а почти треть языков мира имеет менее тысячи носителей. При этом почти 80% населения Земли говорит всего на 84 крупнейших языках — английском, китайском, русском, немецком, японском, хинди, испанском, португальском, йоруба, фарси и др. Значительная часть языков мира расположена в тропиках; в Европе всего 240 языков (а ведь и это, если вдуматься, очень много), а в Африке более 2000 языков, в Азии — почти 2300, но все рекорды бьёт остров Новая Гвинея, на котором, по оценкам специалистов, около 1200 языков (при территории около 850 000 км² и населении не большем, чем число жителей таких городов, как Берлин или Санкт-Петербург).

Коль скоро языков так много, они явно не могут быть очень похожи друг на друга. Ведь даже такие вовсе не «экзотические», а вполне привычные нам языки, как русский и английский, имеют между собою, на первый взгляд, не так много общего. Что уж говорить о возможных сходствах между языками индейцев Северной Америки и аборигенов Австралии, или жителей Западной Африки и Юго-Восточной Азии... Действительно, языки мира очень сильно отличаются друг от друга. В одних языках, как в русском или древнегреческом, существительные склоняются при помощи окончаний, выражающих одновременно число и падеж; в других языках, например, в тюркских (турецком, татарском, хакасском и др.) или во многих языках Австралии существительные тоже склоняются, однако число и падеж выражаются раздельно, при помощи разных морфем. А в очень многих языках — в сущности, в большинстве языков — существительные вообще не склоняются. Есть языки, в которых противопоставлены не два вида глагола, как в русском, а гораздо больше, а есть, наоборот, такие, где у глагола нет не только вида, но даже времени. Есть языки (например, венгерский), в которых предлоги ставятся не перед существительным, а после него, а есть языки (например, арабский или гавайский), в которых предложение обязательно должно начинаться со сказуемого. Есть языки, например, японский, в которых в глаголе есть специальный суффикс, выражаю-

щий вежливость по отношению к собеседнику; есть языки (например, болгарский), в которых, говоря о чём-либо, надо обязательно указывать, видел ли ты сам то, о чём ты говоришь, или услышал об этом от кого-то другого. А уж о звуках, которые встречаются в разных языках, и говорить нечего: даже в таком близком родственнике русского, как в польском, очень много звуков, для русского уха совершенно непривычных. Такие примеры можно приводить десятками и сотнями. Казалось бы, языки отличаются друг от друга безгранично. . .

Тем не менее, несмотря на то, что различия между языками действительно очень велики — настолько, что у неподготовленного человека вызывают либо изумление: «Как же они говорят?!» — либо реакцию вроде «Ну, у этих антиподов всё что угодно может быть», — эти различия всё же не бесконечны. О том, что языковому разнообразию есть некоторый предел, свидетельствует хотя бы тот факт, что, в принципе, любой язык можно выучить. Это утверждение следует понимать двояко. Во-первых, даже взрослый человек, если он обладает определёнными способностями, внимательностью и усидчивостью, может худо-бедно выучить сколь угодно сложный язык; ведь европейским миссионерам, колонизаторам и, конечно же, лингвистам, приезжавшим в Африку, Южную Америку или на Новую Гвинею, приходилось изучать местные языки, чтобы общаться с туземцами, и многие из них овладевали ими в совершенстве. Во-вторых, и это гораздо важнее, ребёнок в возрасте от 2 до 7 лет, если он не страдает наследственными заболеваниями мозга и не попал в ситуацию Маугли, выучивает язык своих родителей или тех людей, в обществе которых он воспитывается. При этом очень легко проверить, что способность выучить **конкретный** язык — русский ли, папуасский ли — не является генетически заложённой: дети, в младенчестве попавшие к приёмным родителям из других стран, через определённое время начинают говорить на языке тех, кто их воспитывает, а вовсе не на языке своих кровных родственников.

Из этого следует, что человек как биологическое существо обладает **врождённой** способностью усвоить Язык — язык вообще, любой из множества казалось бы бесконечно отличающихся друг от друга семи тысяч языков. О природе этой способности человека — насколько она существует отдельно от других способностей человеческого мозга, таких, как умение считать, узнавать лица людей, запоминать изображения и мелодии, осуществлять сложные действия (напр., вязать спицами или танцевать), насколько она уникальна для человека и чем человек в этом смысле отличается от своих собратьев — высших приматов — учёные ведут ожесточённые споры уже более полувека. Но факт остаётся фактом: способность усвоить произвольный язык и пользоваться им является неотъемлемой и врождённой характеристикой человека.

Что из этого следует для наших представлений о языковом разнообразии? Лингвисты, специально занимающиеся изучением сходств и различий между языками, т. е. **типологи**, установили, что, несмотря на то, что языки действительно очень сильно отличаются друг от друга, у них, на самом деле, есть очень много общего, причём сходства между языками далеко не исчерпываются тем, что все языки (кроме жестовых языков глухонемых) используют звуки, соединяющиеся в слова, которые, в свою очередь, объединяются в предложения. Оказывается, что общим для всех языков является не только сам факт наличия звуков, слов и предложений, но и те правила, по которым звуки объединяются в слова, а слова — в предложения.

Эти правила образуют то, что принято называть **Универсальной грамматикой**. Универсальная грамматика, однако, совсем не похожа на учебник какого-нибудь конкретного языка, в котором говорится, что в нём есть такие-то звуки, такие-то части речи, такие-то падежи, такие-то члены предложения и т. п. В Универсальную грамматику входят **принципы**, общие для всех языков, и **параметры**, способные в разных языках принимать разные значения. Из принципов, параметров и их взаимодействия выводятся правила устройства конкретных языков. Тем самым, Универсальная грамматика отвечает, с одной стороны, за то, чтобы языки различались не безгранично: принципы требуют, чтобы у всех языков было что-то общее, — и, что, видимо, ещё важнее, чтобы они отличались друг от друга **не случайно**; параметры могут принимать вполне определённые значения, и нередко значения разных параметров оказываются связаны между собой.

Разумеется, здесь следует оговориться, что Универсальная грамматика отличается от учебника не только своим устройством, но и тем, что, в отличие от бесчисленного множества учебников разных языков, она не написана: нет никакой толстой лингвистической книги, в которой были бы собраны все принципы, все параметры и все их значения. Этого нет просто потому, что далеко не все принципы и параметры уже известны лингвистам; более того, среди лингвистов нет согласия о том, как эти принципы и параметры следует формулировать, и даже о том, что считать принципом, а что — параметром. Тем не менее, кое-что об устройстве Универсальной грамматики всё же можно считать известным. Далее мы немного об этом расскажем.

2. Некоторые принципы

Все, кто изучал немецкий язык, знают, что в нём действует на первый взгляд простое грамматическое правило: в главном предложении глагол-сказуемое должен находиться на втором месте. Зададимся, однако,

казалось бы, простым вопросом: а что такое, собственно говоря, «второе место в предложении» (для простоты условимся, что на целый ряд других вопросов: что такое «глагол»? что такое «сказуемое»? что такое «главное предложение»? — мы отвечать умеем). Рассмотрим несколько примеров (сказуемое выделено жирным шрифтом, а предшествующие ему слова подчёркнуты; знаком «*» принято обозначать грамматически неправильные выражения):

- 1) *Ich habe das Buch gelesen.* — Я прочёл книгу.
- 2) *Mein Bruder hat das Buch gelesen.* — Мой брат прочёл книгу.
- 3) **Mein hat Bruder das Buch gelesen.*
- 4) *Der kluge Mann hat das Buch gelesen.* — Умный человек прочёл книгу.
- 5) **Der hat kluge Mann das Buch gelesen.*

В предложении (1) глагол стоит на втором месте в самом буквальном смысле — он является вторым по порядку словом в предложении. Однако достаточно обратиться к предложениям (2) и (3), чтобы убедиться в том, что правило «сказуемое должно быть вторым словом в предложении» в немецком языке не работает: глагол не может «вклиниваться» между определением (*mein* ‘мой’) и определяемым словом (*Bruder* ‘брат’). Из предложения (4) мы видим, что глагол может быть четвёртым словом в предложении, и при этом всё равно находится на своём законном «втором месте». А на самом деле, глагол в немецком языке может быть отделён от начала предложения сколь угодно длинным придаточным предложением (‘Умный человек, которого я вчера встретил в гостях у моего брата, который живёт в Берлине, ...’) и тем не менее находится на «втором месте». Что же тогда значит, что глагол в немецком языке находится на «втором месте» в предложении? Иными словами, что может занимать «первое место»? Как мы видели, эта единица языка не является ни словом, ни двумя словами, ни вообще цепочкой слов определённой длины. Такой единицей является **синтаксическая группа** или **составляющая** — слово с зависящими от него определениями, сколь угодно громоздкими, но образующими с ним грамматическое и смысловое единство определённого типа.

Казалось бы, как удобно был бы устроен язык, в котором грамматические правила оперировали бы такими простыми понятиями, как «первое слово», «второе слово», «третье слово»! Тем не менее, как ни странно это может показаться на первый взгляд, таких языков среди наших семи тысяч нет. Языки мира почему-то упорно не приемлют правил вроде «для того, чтобы образовать вопросительное предложение, поменяй местами третье и пятое слова в утвердительном предложении» или «первое слово в предложении согласуется с четвёртым, а если четвёртого нет, то с последним». Грамматические правила во всех языках

мира, как бы далеко они ни отстояли друг от друга в пространстве и сколь по-разному ни выглядели бы, неизменно формулируются при помощи таких сложных понятий, как «главное предложение», «придаточное предложение», «синтаксическая группа», «определение», «подлежащее», «вспомогательный глагол», «падеж» и т. п. Иными словами, грамматические правила формулируются в терминах сложным образом организованной **грамматической структуры**. Это первый и, пожалуй, самый важный принцип Универсальной грамматики.

Рассмотрим ещё один пример, на этот раз из области морфологии. Все мы знакомы с беглыми гласными в русском языке, по определённым правилам появляющимися и исчезающими при склонении, спряжении и словообразовании. Рассмотрим слово *угол*. Гласный *о* в его корне — беглый, ср. *угла*, *углу*, где он исчезает перед окончаниями. Обратимся теперь к слову *уголок*. В нём также есть беглый гласный *о*, однако он уже принадлежит не корню *угол-*, а суффиксу *-ок-*: *уголка*, *уголку* и т. д. Несмотря на то, что в корне слова *уголок* имеется тот же самый гласный *о*, что и в корне слова *угол*, в производном слове он перестаёт быть беглым. Это происходит потому, что в русском языке на беглость гласного звука оказывает влияние лишь гласный морфемы (суффикса или окончания), **непосредственно** следующей за этим гласным. В слове *уголок* за корнем *угол-* следует суффикс *-ок-*, и потому гласный окончания никак не может воздействовать на гласный корня.

Рассмотрим теперь поведение возвратного местоимения *себя* в русском языке:

6) *Девочка смотрит на себя в зеркало.*

7) *Мальчик видит, что девочка смотрит на себя в зеркало.*

Возвратное местоимение обычно отсылает к подлежащему того предложения, в котором оно находится, ср. (6). В сложном предложении, ср. (7), *себя* может отсылать только к подлежащему подчинённого предложения, но не к подлежащему главного: в предложении (7) на себя в зеркало смотрит девочка, а не мальчик. Аналогичным образом, сказуемое в русском языке согласуется с подлежащим «своего» предложения: сказуемое главного предложения не может согласовываться с подлежащим придаточного, а сказуемое придаточного предложения — с подлежащим главного.

Все эти примеры — и поведение беглого гласного и возвратного местоимения, и правило согласования — иллюстрируют ещё один фундаментальный принцип Универсальной грамматики, а именно, принцип **локальности**: грамматические правила самого разного рода (морфологические, синтаксические и даже фонетические) применяются к элементам, находящимся достаточно близко друг от друга в грамматической

структуре, как правило, к ближайшим друг к другу элементам «нужного» типа.

Оба рассмотренных нами принципа относятся к самым главным, основополагающим законам устройства человеческого языка. Нет ни одного языка, который бы их нарушал, — несмотря на то, что, разумеется, разные языки следуют им по-разному. Действительно, есть языки, например, японский, где возвратные местоимения из придаточного предложения могут отсылать к подлежащему главного; однако в других отношениях эти языки так же подчиняются принципу локальности, как и русский (так, наречие, находящееся в придаточном предложении, не может быть связано по смыслу со сказуемым главного предложения и в японском языке). Эти и другие принципы задают границы, в пределах которых языки могут более или менее свободно отличаться друг от друга.

Перейдём к параметрам языковой изменчивости.

3. Некоторые параметры

Все, кто изучал английский язык, знают одно из его сразу бросающихся в глаза свойств, резко отличающее его от русского языка, — жёсткий порядок слов. По-русски обычно можно без изменения смысла и потери грамматической правильности поменять местами подлежащее и дополнение, дополнение и сказуемое, главное и придаточное предложения — английский же язык почти никаких подобных перестановок не допускает. Немецкий язык, с которым мы уже встречались ранее, более свободен, чем английский, но всё же более жёсток, чем русский: на первом месте в главном утвердительном предложении в немецком языке может стоять практически что угодно — подлежащее, дополнение, обстоятельство, — но «вторая» позиция строго закреплена за сказуемым. Отчасти похожим образом устроен и японский язык, где глагол всегда занимает последнее место в предложении, а позиция остальных членов предложения относительно свободна. Итак, один из важных параметров, по которому языки отличаются друг от друга — **степень свободы порядка членов предложения**.

Другой важный параметр также связан с порядком слов и касается взаимного расположения главного и зависимого элементов словосочетаний. В русском языке этот параметр, как легко убедиться, для разных типов словосочетаний принимает разные значения. Так, согласованные определения, как правило, предшествуют определяемому, ср. *большой дом*, а несогласованные — следуют за ним, ср. *дом отца* или *любовь к детям*. Предлоги же, за редчайшими исключениями, предшествуют зависящим от них существительным (ср. *в дом*, *перед уроком*,

но *пять лет спустя*). В арабском языке, напротив, уже все зависимые слова должны располагаться после главных, в том числе и прилагательные. В японском же языке, наоборот, любые зависимые слова и обороты предшествуют главному; в частности, как уже было сказано выше, дополнение всегда следует перед сказуемым. Более того, в японском языке нет предлогов, точнее, слова, выполняющие в нём те же функции, какие в русском языке выполняют предлоги, следуют всегда за зависимым словом и называются поэтому **послелогоми**. Параметр, отвечающий за расположение главного и зависимого слова в языке, является одним из важнейших для его характеристики; считается, что от того, какое он принимает значение и насколько жёстко он требует того или иного порядка слов, зависят многие другие свойства грамматики и даже то, как этот язык может меняться с течением времени.

Ещё один важнейший параметр, по-настоящему «открытый» лингвистами лишь четверть века назад, но сейчас считающийся не менее фундаментальным, чем параметр порядка слов, отвечает за взаимодействие синтаксиса и морфологии, а именно, за то, как в языке выражается синтаксическая связь между словами. Мы знаем, например, что в русском и во многих других языках прилагательные согласуются с существительными, от которых они зависят, что глагол согласуется с подлежащим, а сказуемое, напротив, управляет падежом дополнения. Синтаксическая связь между главным и зависимым словом может быть выражена на зависимом слове (например, при падежном управлении), на главном слове, на них обоих (например, именно так выражается связь между подлежащим и сказуемым в русском языке: сказуемое согласуется с подлежащим по числу, роду и лицу, и, в свою очередь, приписывает подлежащему именительный падеж), а может быть вовсе не выражена (в русском языке это случаи так называемого примыкания).

Для русского языка в целом характерно выражение синтаксической связи именно на зависимых элементах, и так же ведут себя очень многие языки (например, все классические языки, такие, как древнегреческий, латынь, санскрит, а также многие языки Кавказа и Австралии и уже упоминавшийся японский язык), однако есть и весьма многочисленны языки, где все или почти все типы синтаксической связи выражаются, наоборот, на главном слове. Такие языки особенно распространены в Африке, в Америке и на Новой Гвинее, есть они и в Евразии (например, абхазский язык). В этих языках сказуемое согласуется не только с подлежащим, но и с прямым, а часто даже и с косвенным дополнением; конструкции типа *дом отца* в этих языках выглядят примерно как *отец дом-его* — на главном слове появляется специальный показатель согласования с зависимым словом (**изафет**); и даже предлоги и

последологи в этих языках, вместо того, чтобы приписывать зависящим от них существительным разные падежи, согласуются с ними! Немало есть языков, совмещающих в себе черты обоих типов; например, адыгейский язык отличается от своего родственника абхазского тем, что вдобавок ко всем имеющимся в абхазском средствам выражения синтаксической связи на главном слове, в адыгейском эти связи выражаются ещё и на зависимых словах при помощи падежей. Наконец, есть много языков, в которых наличие между двумя словами синтаксической связи вообще никак не отражается на их форме; таковы китайский язык и многие языки Юго-Восточной Азии, в которых связи между словами выражаются лишь их взаимным расположением в предложении; между прочим, очень близок к этому типу и английский язык.

В настоящее время лингвистам известно множество других разнообразных интересных параметров, по которым языки могут отличаться друг от друга. Многие параметры, однако, ещё лишь «ждут своего часа». И хотя немало известно и про то, как параметры связаны между собою, ещё очень многое предстоит открыть. Одно лишь бесспорно: языки мира отличаются друг от друга вовсе не случайным образом. Точно так же, как каждый конкретный язык, сколь бы «экзотическим» он ни был (между прочим, если посмотреть, какие грамматические конструкции и структуры встречаются в языках мира чаще, а какие — реже, то с этой точки зрения «экзотическими» окажутся вовсе не языки африканских или американских племён, а скорее русский или английский!), представляет собою не бессмысленное нагромождение слов и грамматических правил, но чётко и в каком-то специальном смысле удобно организованную систему, так и языковое разнообразие оказывается не безграничным и хаотическим, но систематическим и до известной степени предсказуемым.

Обезьянка, плюшевый мишка и Наполеон

Методические материалы к уроку русского языка

Наталья Георгиевна Брагина

Какой мы представляем обезьянку?

Давайте попробуем представить себе обезьянку и описать её внешность и поведение. Получится приблизительно так.

Внешность. Мордочка напоминает человеческое лицо. Глазки как бусинки, близко посажены, часто мигают. У обезьянки подвижная мимика, она часто скалится. У неё коричневого, бежевого или серого цвета шерсть, оттопыренные уши, длинный толстый хвост, который при лазании она использует как третью руку, качается на нём, зацепившись за ветку.

Поведение. Обезьянка быстро и ловко лазает по деревьям, раскачивается на ветках как на качелях, издаёт характерные крики. Она ест фрукты: яблоки, бананы, — а также зелень, капустные листья.

Каждый может добавить что-то своё, но вообще портрет, кажется, получился.

Если посмотреть описание обезьянки в художественных текстах, то в них её образ часто связывается с игрой, смехом, весельем: *забавная, смешная, комичная, весёлая ... обезьянка*. Отмечается быстрота движений, небольшой размер: *юркая, проворная, маленькая ... обезьянка*. Ей приписывается *озорство, игривость, ловкость, прыгучесть, способность передразнивать, подражать ... Обезьянки* хорошо ладят с человеком. Можно встретить в текстах такие словосочетания: *ручная, дрессированная ... обезьянка; кто-либо с обезьянкой на плече / на руках*.

Она — маленькая обезьянка. ... — что это значит?

Если я говорю о девочке: *Она — маленькая обезьянка*, — имею ли я в виду, что у девочки каштановые волосы, оттопыренные уши, длинный толстый хвост, она часто скалится и ест яблоки, бананы, капустные листья и т. д.? Вряд ли найдётся человек, который именно так поймёт эту фразу. Зато большинство согласится, что речь идёт о живом, подвижном ребёнке, игривом, строящем гримасы, передразнивающим, подражающим кому-либо, ловко лазающим по деревьям.

Часть признаков, которые отлично подходили к обезьянке, мы не используем, если речь идёт о человеке. И это не только очевидные признаки, такие, как отсутствие у человека хвоста — «третьей руки»

обезьяны. Есть люди, которые, как и обезьянки, очень любят бананы. Но при этом мы не говорим, что *они* — *настоящие обезьянки*. Если мы сравниваем человека с обезьянкой, то часть «обезьяньих» признаков мы забываем, мы их редуцируем, например, гастрономические пристрастия. Мы почему-то хорошо знаем, что именно должно быть редуцировано. Как мы об этом догадались? Не знаю, наверное, так сложилось, так принято в нашем языке.

Можно ли считать, что в двух фразах: 1. *Обезьянка лихо раскачивалась, зацепившись хвостом за ветку*; 2. *Таня — настоящая маленькая обезьянка*, — слово *обезьянка* употребляется в одном и том же значении, или же здесь два разных значения одного слова? Составители словарей (лексикографы) хором ответят, что здесь два разных значения одного слова. Первая фраза показывает употребление слова в его первичном, буквальном значении. Во второй фразе слово употребляется во вторичном, метафорическом значении. Оно возникает благодаря «забыванию», редукции части признаков, которые характеризуют первое значение. При этом часть признаков, (ассоциативно) связанных с первым значением, оказывается закреплёнными в языке и формирует второе значение.

Что мы помним о плюшевом мишке?

Очень-очень у многих в детстве была любимая игрушка. У меня, например, это был плюшевый мишка. А вот чем наши любимые игрушки отличаются от тех, которые мы видим в магазинах? Тем, что мы их любим? Тем, что они старые?

В магазинах, конечно, игрушки новые, не испачканные, не поцарапанные. Но они не вызывают воспоминаний. А когда я смотрю на своего старого, не очень красивого, испачканного, с плохо вращающимися лапами и с заплаткой на одной из лап медведя, я вспоминаю, как кормила, лечила, укладывала его спать. С ним происходило множество историй. Об этом помню только я.

Мы смотрим на наши игрушки и вспоминаем детство. Это наша личная память о детстве. Что-то высветилось в памяти, стало устойчивым воспоминанием, а что-то оказалось забытым. Вообще-то модель, похожая на нашу обезьянку: часть признаков редуцируется, а часть — закрепляется и устойчиво воспроизводится в тексте, в памяти.

Что мы помним о Пушкине, Наполеоне, Макиавелли?

То, что у каждого есть личная память, это понятно. А вот в существовании коллективной памяти многие сомневались.

Термин *коллективная память* в начале XX века ввёл французский социолог Морис Хальбвакс (M. Halbwachs). В книге «Социальные рамки памяти» (“Les Cadres sociaux de la memoire”, 1925) он рассматривал теорию коллективной памяти как программу. В другой работе «Коллективная память» (“La Memoire collective”, 1950, опубликована посмертно) он исследует память с исторической точки зрения. Сейчас можно говорить, что Морис Хальбвакс стал родоначальником новой парадигмы исследований, посвящённой памяти. Но поначалу у его теории было много оппонентов.

Мы же поговорим о механизмах редукции одних признаков и закреплении других в коллективной памяти носителей языка. И материалом нам послужат имена лиц: *Пушкин, Наполеон, Макиавелли* ... Они — это часть коллективной памяти.

Об одарённом молодом поэте можно сказать: *Это — наш юный Пушкин*; о человеке, у которого великие (сейчас многие скажут амбициозные) планы — *У него наполеоновские планы*; о сложном вопросе, который решается без учёта норм морали, с помощью коварства, хитрости и обмана, кто-то скажет: *Вопрос, достойный Макиавелли*.

Пушкин, Наполеон, Макиавелли — имена, включённые в коллективную память. Причём, когда мы произносим эти фразы, мы имеем в виду: гениальность Пушкина, величие замыслов Наполеона, беспринципность Макиавелли. Произошла редукция значительного числа характеристик, отличавших личность каждого из великих людей. Имя собственное начинает использоваться для названия черты характера, социальной роли. По сути дела происходит утрата имени собственного.

Такие имена интересно описывать, например, в словаре. Их можно рассматривать с нескольких точек зрения: как факт личной биографии их носителей (реальных людей или вымышленных персонажей), как факт языка, как факт культуры.

Немного об эпонимах

Словосочетание *имена лиц в коллективной памяти* кажется громоздким. Есть термин *прецедентные имена*, который появился и используется некоторыми исследователями в развитие понятия *прецедентного текста*. Термин *прецедентный текст* употребил впервые в 1986 году на Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы Ю. Н. Караулов. *Прецедентными* он называет хорошо известные языковому коллективу *тексты*: сказки (народные и авторские); некоторые произведения художественной литературы и др. Например, сказки о Колобке, Курочке Рябе, Золушке, Коте в сапогах; роман в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»; поэма Н. В. Гоголя «Мёртвые души».

Есть другой термин — *эпоним*. Он мне нравится больше, так как входит в общую систему терминов. Заимствованные из греческого языка, термины имеют общую часть *-оним* (греческое *όνομα* — ‘имя’). Например: *синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, топонимы*. Слово *эпоним* произошло от двух слов: греческое *επί* ‘после’ + *όνομα*. *Эпоним* означает: ‘тот, кто даёт чему-л. своё имя’. У слова есть своя история.

В древнегреческих полисах высших должностных лиц называли архонтами. В Афинах около середины 7 века до нашей эры коллегия архонтов состояла из 9 человек. Существовала должность «архонта-эпонима» — первого из девяти архонтов, чьим именем обозначался год. Официально это звучало так: «В год, когда архонтом был такой-то». Архонты утратили своё значение в 5 веке до нашей эры, традиция же именовать какой-либо период времени по имени кого-либо (часто правителя) сохранилась. Мы говорим или слышим, как говорят другие: *век Екатерины, допетровские времена, во времена Пушкина, Достоевского*. Имена известных людей в каком-то смысле определяют тот или иной временной отрезок. Я посмотрела в национальном корпусе русского языка употребление в художественных текстах конструкции *во времена X-а*. Вот что я обнаружила: *во времена Островского, Дон Кихота, Блока и Тютчева, Карамзина, Александра Невского, Хрущёва, Петра, Батюя, Беринга, Ивана Грозного, Николая I, Екатерины, Жене и Пазолини, Витгенштейна, Нижинского, Мериме, Мандельштама, Христа и Будды, Перикла, Нефертити, Париса...*

Имя человека может присваиваться не только временному отрезку. Велико количество людей, давших свои имена городам, горам, рекам, природным явлениям, единицам измерения, одежде, мебели, еде ... Составьте список таких имён, и вы получите вариант словника одноязычного словаря эпонимов. Сделайте параллельный список, например, на английском языке, и у вас в руках словник двуязычного словаря эпонимов.

Дальше мы будем говорить о наиболее интересных для лексикографического описания эпонимах. Они обозначают те или иные социальные роли (‘победитель’, ‘мудрец’, ‘предатель’, ‘гений’, ‘благородный разбойник’). Их значения, как мы уже знаем, возникли в результате закрепления в языке и культуре одного или нескольких ассоциативно связанных с именем оценочных признаков при редукции остальных. Такие признаки часто называют *коннотациями*¹⁴.

---

¹⁴ *Коннотации* — это устойчивые признаки выражаемого словом понятия. Они воплощают принятую в обществе оценку живого существа, предмета, факта. Например, во фразе: *Война есть война*, — слово *война* употребляется дважды. В первом случае *война* означает: ‘Вооруженная борьба между государствами, народами, племенами и т. п. или общественными классами внутри государства’ [Кузнецов 2001].

Поликультурные и монокультурные эпонимы

Сравнительный анализ эпонимов в русском и английском показывает, что они могут быть поликультурными и монокультурными.

Поликультурные эпонимы встречаются и имеют культурные коннотации в обоих языках. Соотношение коннотаций при этом может различаться следующим образом: 1) полное совпадение коннотаций; 2) частичное несовпадение коннотаций (совпадений больше, чем различий); 3) различия в коннотациях (различий больше, чем совпадений); 4) полное несовпадение в коннотациях. Рассмотрим примеры.

1. Полное совпадение коннотаций, ср.: русск. *Иуда, поцелуй Иуды* — англ. *Judas, Judas kiss*. В обоих языках и культурах образ Иуды (*Judas*) связан с предательством.

2. Частичное несовпадение коннотаций (совпадений больше, чем различий), ср.: русск. *Байрон* — англ. *Byron*. Образ Байрона (*Byron*) в обоих языках связан с представлениями о романтическом герое. Однако коннотативное поле эпонима Вугон в английском языке шире, чем в русском. Мы говорим: *эпоха Пушкина, пушкинское время*; англичане — *Byronic era* (эпоха Байрона). Объяснение, почему не *Keatsian era* (эпоха Китса), или *Shelleyan era* (эпоха Шелли), или *Wordsworthian era* (эпоха Вордсворта) мы находим в одном из словарей: «perhaps because Byron was the most dramatic and colorful, if by no means the best, of the poets of the period» [Еspy 1978] («возможно, потому, что Байрон был самым драматичным, ярким, хотя, впрочем, далеко не лучшим поэтом этого периода»¹⁵).

Байрон часто сравнивается в русской литературе с *Наполеоном* (см. примеры 1–3¹⁶), а также с *Лермонтовым* или с *Печориным* (см. примеры 4–5)¹⁷. Это сравнение не случайно: все герои являются ключевыми фигурами романтического дискурса¹⁸. Ср.:

Это значение описывают толковые словари. Во втором случае значение слова *война* можно выразить приблизительно таким набором ассоциативных признаков: 'насилие', 'кровь', 'жестокость', 'смерть', 'многочисленные беды'. Совокупность этих признаков не является окончательной (можно добавить ещё что-нибудь). Эти признаки не фиксируют толковые словари. Однако они подразумеваются, и, когда мы слышим эту фразу, мы понимаем или догадываемся, о чём идёт речь. Как правило, мы не ошибаемся. Во втором случае слово *война* употребляется в его коннотативном значении. Подумайте, что имеется в виду, когда говорят: *Мать есть мать. Дочь есть дочь. Дети есть дети. Детство есть детство. Человек есть человек.*

¹⁵Я благодарю профессора С. И. Лубенскую за уточнение, которое она внесла в перевод этой фразы.

¹⁶В примере (3) сравнение имплицитное: поза «скрестив руки на груди» содержит аллюзию на *Наполеона*.

¹⁷В статье были использованы примеры из Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>).

¹⁸Дискурс понимается как совокупность тематически, культурно или как-либо ещё

- (1) У англичан, к примеру, **Байрон был — что твой Наполеон**, знаменитее его мир не знал (Л. Саксон. «Принц Уэльский»).
- (2) При взгляде на море, в душе поэта возникают два образа — **Наполеон и Байрон** (Д. Мережковский. «Пушкин»).
- (3) Вот же он стоит, скрестив руки на груди, вот он идёт, элегантный, как флейта, **прихрамывая, как Байрон ...** (М. Мишин. «Торжественный комплект»).
- (4) **Чем Байрон** был для Европы, **тем Лермонтов** был для России (И. Майков. «Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским»).
- (5) — Трудно, кажется, предположить, — продолжал литератор, — чтобы **Байрон**, — **этот праправнук Дон-Жуана и чуть ли не родной дядя нашего Печорина**, — способен был покориться женщине до такой степени, чтобы быть у неё в повиновении, заставить молчать своё чудовищное самолюбие, — словом, быть под башмаком (Д. Григорович. «Не по хорошему мил, а по милу хорош»).

В русском языке стереотипными являются внешность Байрона: хромота, бледность. Душевное одиночество, независимость, скорбь — также соотносятся с образом Байрона, ср.:

- (1) Через три месяца он появляется, неся на ланитах покров **байронической бледности** (В. Аксёнов. «Негатив положительного героя»).
- (2) В его **одинокости и независимости** есть **что-то байроническое** (В. Набоков. «Другие берега»).

3. Различия в коннотациях (различий больше, чем совпадений), ср.: русск. *Дон Кихот* — англ. *Don Quixote*. В русских текстах актуализируются такие смысловые элементы как 'благородство', 'чужачество'. Дон Кихот — это соединение рыцаря с юродивым, а юродивых традиционно на Руси почитали. Образ Дон Кихота в русской литературе связан с другим литературным персонажем — князем Мышкиным, героем романа Ф. М. Достоевского «Идиот». Ср.

Поэту хотелось, кажется, совокупить в один чрезвычайный образ всё огромное понятие **средневековой рыцарской платонической любви какого-нибудь чистого и высокого рыцаря**; разумеется, всё это идеал. <...>. «Рыцарь бедный» **тот же Дон-Кихот**, но только серьёзный, а не комический. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю «рыцаря бедного», а главное, уважаю его подвиги (Ф. Достоевский. «Идиот»).

взаимосвязанных текстов [Баранов и др. 1996], например, *религиозный, политический, философский* тип дискурса.

Образ Дон Кихота также используется в политическом дискурсе. Он характеризует человека, который в одиночку борется с властью, заведомо обрекая себя на поражение, ср.:

(1) Здесь я познакомилась с бельгийским «корром» месье Диком. **Он был вообще Дон Кихот.** Ездил по всем лимитрофам и боролся с коммунизмом. В Чехословакии пытался помочь деятелям «пражской весны», устраивал им встречи с западными политиками. И сел в тюрьму! Насилу Бельгия его отбила (В. Новодворская. «По ту сторону отчаяния»).

(2) Радионова уволили, и Николай Андреевич, **ругая его за бессмысленное донкихотство**, устраивал ему переводы с английского (В. Гроссман. «Всё течёт»).

В английском языке акцент делается скорее на непрактичности *Don Quixote*, на том, что, стремясь к возвышенному, он полностью игнорирует материальные интересы, ср:

Don Quixote of Quixotic. Quixotic 'enthusiastically visionary, pursuing lofty but impracticable ideals, ignoring material interests in comparison with honour and chivalry' [Hunt, Cecil 1962] («восторженный мечтатель, стремящийся к возвышенным, но неосуществимым идеалам, ни во что не ставящий материальные интересы в сравнении с рыцарством и благородством»).

4. Полное несовпадение в коннотациях, ср.: русск. *Икар* — англ. *Icarus*. В России *Икар* имеет положительные коннотации. С образом *Икара* связываются представления о 'бесстрашии', 'отваге', 'готовности рисковать'. Компоненты 'отвага', 'отчаянная смелость' приводятся в толковании слова *Икар* в словаре крылатых слов [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000]. Ср. также:

(1) Вспомните знаменитую историю легендарного персонажа, воспитого Борисом Полевым! Того, в чью честь названо наше училище! Он, потеряв в бою обе ноги, не сдался, а, встав на протезы, **икаром взмыл в небо...** (В. Пелевин. «Омон Ра»).

(2) Предельным выражением совершенства казался ему "Le spectre de la Rose" {«Видение Розы» (фр.)} — **напоминание о полёте Икара**, где было одновременно **торжество человеческой воли и тот неизбежный трагический конец, без которого каждое искусство...** (Г. Газданов. «Эвелина и её друзья»).

(3) **Непонятый гений, Икар погибает героической смертью**, окружённый безразличием тех самых людей, которым он хотел дать крылья (А. Генис. «Довлатов и окрестности»).

(4) Что возможно сделать из музыки, которая называлась «революшн» — **Икара, рвущегося всегда ввысь?** (Т. Тарасова. «Красавица и чудовище»).

Икар имеет высокую ономастическую ценность, т. е. используется в названиях: туристических фирм, научно-исследовательского и опытно-конструкторского общества, инвалидного клуба, медицинского страхового общества, торговых предприятий, издательства и даже авиаалинии (!). Встретилось, например, такое название: *Икар-трэвел*.

Всё это означает, что причина гибели Икара слабо актуализирована в сознании носителя русского языка. Здесь опять можно говорить о редукции, о коллективном «забывании» одних признаков и закреплении других.

В английском/американском языке с образом Икара связаны: ‘неоправданный риск’, ‘глупость’ и ‘безрассудство’, ср.:

Icarian, Icarus complex ‘Presumptuous ambition, ending in ruin or failure; among the young, the obsessive disregard of what elders advise’. [Trahair 1994] (“самонадеянное честолюбие, терпящее крах или неудачу; в среде молодых, одержимых духом непослушания взрослым”).

Таким образом, поликультурные эпонимы имеют коннотации в обоих языках, но степень их сходства может быть различной: от полного совпадения до полного несовпадения.

Монокультурные эпонимы встречаются и имеют культурные коннотации только в одном языке, либо также в других языках как факты другой культуры. К ним относятся имена, которые употребляются:

1. Преимущественно в одном языке и в одной культуре как факт своей культуры и переведены на другие языки как факт другой культуры: русск. *потёмкинские деревни* — англ. *potemkin village* ‘An attractive facade that disguises social and economic decay’ («приятного вида фасад, который маскирует социальный и экономический упадок»).

2. Преимущественно в одном языке и в одной культуре как факт своей культуры: русск. *тургеневские девушки* — америк. *Alice blue*.

Тургеневские девушки имеют следующие смысловые компоненты: ‘душевная тонкость, требовательность характера, идеализм’, ср.:

(1) Душевная тонкость, требовательность характера выдавали в ней больше **тургеневскую девушку**, чем современную хиппи. («Девушка, похожая на ангела» // «Театральная жизнь», 2003.04.28)

(2) Как у **тургеневских девушек** — страсть к чему-то нездешнему, зыбкому, к чему-то коленно-локтевому (В. Ерофеев. «Из записных книжек»).

Alice blue означает бледно-голубой цвет, ср.:

Alice blue — Pale blue. Alice Roosevelt Longworth (1884–1980). Daughter of Theodore Roosevelt; Alice wore the color frequently, so much so that it came to be called “Alice Blue.” She and her favorite colour are immortalized in the song “My Beautiful Alice Blue Gown” [Douglas 1990].

Alice blue — бледно-голубой. Алиса Рузвельт Лонгворс (1884–1980). («Дочь Теодора Рузвельта. Алиса так часто носила этот цвет, что он стал называться Alice Blue. Она и её любимый цвет были увековечены с песне „Моё прекрасное Alice Blue платье“»).

Двуязычный словарь эпонимов: типы информации

Эпонимы могут становиться объектами нескольких видов описания.

(1) Энциклопедического. Биография, история жизни, если это — реальное лицо. Сюжетные линии произведения, автор (если есть) для литературного персонажа, мифологического героя и т. д.

(2) Лингвистического. Описание значений эпонима, грамматических особенностей, сочетаемости и т. д.

(3) Социокультурного. Комментарий показывает, какие ассоциации устойчиво связываются с эпонимом, в каких контекстах это выражается.

Структура словарной статьи двуязычного словаря эпонимов

Словарная статья состоит из следующих разделов: Фонетика, Орфография; Энциклопедическая информация; Толкование; Коннотации; Гипонимы¹⁹; Синонимы; Дериваты²⁰; Словосочетания; Иллюстрации; Комментарий.

Я приведу словарную статью *Наполеон*. Она была сделана по предложенной модели.

¹⁹ *Гипонимы* — это слова, соответствующие видовым понятиям по отношению к слову, которое соотносится с родовым понятием. Например, слова *тюльпан, роза, астра* являются гипонимами по отношению к слову *цветок*, слова *пудель, терьер, овчарка* — гипонимы по отношению к слову *собака* и т. п.

²⁰ *Дериваты* — это языковые единицы, которые были созданы на базе других единиц, принимаемых за исходные, например, слово *водный* является дериватом слова *вода*, слово *учитель* — дериват слова *учить* и т. п.

Словарная статья *Наполеон*

ФОНЕТИКА, ОРФОГРАФИЯ:

Р. Наполеон [nəpəli ˈɒn].

А. Napoleon [nə ˈrəʊljən].

ЭНЦИКЛОПЕД. ИНФ.:

Наполеон Бонапарт (1769–1821) — прославленный французский полководец и император. Родился на Корсике. В 16 лет, закончив военную академию во Франции, стал младшим лейтенантом французской армии. В 1804 г., в возрасте 35 лет, Наполеон провозгласил себя императором Франции. Таким образом, за 11 лет (с 1803 по 1804 гг.) он сделал головокружительную карьеру от младшего лейтенанта французской армии до императора Франции. Находясь у власти, реформировал финансовую структуру и юрисдикцию Франции, создал Французский банк и Французский университет, создал французский гражданский кодекс, называемый *Кодексом Наполеона*, который впоследствии лёг в основу современного гражданского кодекса Франции, а также был адаптирован и принят во многих других странах. Наполеон одержал ряд замечательных побед, став героем Франции. Его считали величайшим полководцем всех времен и народов. Солдаты и, в первую очередь *наполеоновская гвардия*, были необыкновенно преданы ему. Наполеон, человек, которого при жизни считали великим, отличался маленьким ростом. После сокрушительного поражения в войне против России был сослан на о. Эльба в Италии. В 1815 г. Наполеон бежал с Эльбы, вернулся во Францию и восстановил свою власть. Его вторичное правление длилось *Сто дней* (20 марта — 12 июня 1815 г.). В битве при Ватерлоо армия Наполеона была разгромлена коалиционными войсками европейских стран. Наполеон вторично отрёкся от престола, был сослан на маленький удаленный о. Святой Елены, где умер в 1821 г.

ТОЛКОВАНИЕ:

Р. О человеке, претендующем на величие, завоевание и владение миром.

А. A masterly strategist and tactician.

КОННОТАЦИИ:

Р. Великий Завоеватель, Властитель мира.

А. Conquerer.

ГИПОНИМЫ:

Р. Александр Великий, Юлий Цезарь.

А. Alexander the Great, Jules Caesar.

СИНОНИМЫ:

Р. Великий корсиканец.

А. Man of Destiny, Little Corporal.

ГРАММАТИКА:

Р. Наполеоны; Мы все глядим в наполеоны. . . , метить в наполеоны;

А. Napoleons.

ДЕРИВАТЫ:

Р. наполеоновский; Наполеончик.

A. Napoleonic; Napoleonism; Napoleonist; to Napoleonize ‘to govern or rule like Bonaparte’.

СЛОВСОЧЕТ:

P. наполеоновские планы ‘большие планы’, наполеоновские замыслы; наполеоновская поза; наполеоновский профиль, по-наполеоновски сложив руки на груди; наполеоновская гордыня, наполеоновский синдром.

A. napoleonic plans, Napoleonic ambitions, Napoleonic guile and wide strategic design, napoleonic pose, a Napoleon of finance ‘masterly in planning and execution’.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

«Лужин здоров», — сказала она, с улыбкой глядя на его тяжёлый профиль (**профиль обрюзгшего Наполеона**), опасливо склонённый над цветком, который, — Бог его знает, — мог укусить (В. Набоков, Защита Лужина). Генерал, не сердясь, сложил **наполеоновски** свои руки на груди (Н. Лесков, Смех и горе). Я сказал Явлинскому: «Вам нужны лозунги **наполеоновской силы**». His face had wasted away till it was a mere mask of yellow wrinkled skin, with a curved **Napoleonic nose** and crooked rat-trap of a mouth. (ВМУ 35).

КОММЕНТАРИЙ:

В обоих языках и обеих культурах *Наполеон* является стереотипом великого человека и гениального завоевателя. Стереотипизируется также его внешность (портретные данные): профиль, нос, его поза, рост.

P. В русских текстах часто акцентируются такие черты Наполеона, как ‘гордость, высокомерие’ ср. *выражение особенной, наполеоновской пробы гордости; со смотровой площадки МГУ он глянул на Москву с наполеоновским высокомерием*. Психическое заболевание: манию величия иногда называют *синдромом Наполеона*, ср. «Всё дело сварганил шурин. Он достал книжку о нравах и привычках душевнобольных, и после долгих споров из всех навязчивых идей был выбран бред величия. — Тебе ничего не придётся делать, — втолковывал шурин, — ты только должен всем и каждому кричать в уши: „Я **Наполеон!**“, или: „Я Эмиль Золя!“, или: „Магомет!“ если хочешь» (И. Ильф и Е. Петров, Золотой телёнок).

A. В английских текстах в большей степени акцентируется Наполеон как ‘гениальный стратег и тактик’, как ‘законодатель’ (кодекс Наполеона), как ‘финансист’ (создал Французский банк). Это делает возможным появление таких словосочетаний, как: *a Napoleon of finance* ‘крупный, масштабно мыслящий финансист’; *Napoleonic strategy* (Ср. The obvious if partial exception here is again Frederick II; but he never had the material resources needed for a truly Napoleonic strategy and become steadily more cautious and conservative in his later years).

Наиболее частая сфера употребления в обоих языках: литературный (романтический), политический дискурс, психологический (синдром наполеона) и бытовой типы дискурса.

Именем Наполеона названы разные предметы. **P.** торт Наполеон, коньяк Наполеон. **A.** Napoleon pastry, Napoleon brandy, Napoleon blue, Napoleon cherry, Napoleon boots.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н., Паршин П. Б., Романова О. И. *Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике*. Москва: Помовский и партнеры, 1996.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. 2000. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва: Русские словари, Астрель, АСТ.

Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. М., 2001.

Douglas, Auriel. 1990. *Webster's new dictionary of eponyms*. New York: Simon & Shuster/ Webster's New World.

Esru, W.R. 1978. *O thou improper, thou uncommon noun: a bobtailed, generally chronological listing of proper names that have become improper and uncommonly common, together with a smattering of proper names commonly used, and certain other diversions*. New York: C.N. Potter.

Hunt, Cecil. *Word origins; the romance of language*. New York, Philosophical Library, 1962. 176 p.

Trahair, R.C.S. 1994. *From Aristotelian to Reaganomics: a dictionary of eponyms with bibliographies in the social sciences*. Westport, Conn.: Greenwood Press.

Как язык меняется

Светлана Анатольевна Бурлак

В начале XVIII века Джонатан Свифт написал государственному казначею Великобритании письмо, в котором просил его принять меры к тому, чтобы зафиксировать английский язык в неизменном виде. Перед этим его следовало улучшить — но можно не до конца: лучше уж немного несовершенный язык, чем постоянно меняющийся! Читать его письмо современному человеку местами трудновато: английский язык с тех пор несколько изменился. . .

А в самом деле — может ли язык совсем не изменяться? Вы скажете: конечно, нет, ведь всё время идет развитие науки и техники, изобретается что-нибудь новое, и поэтому появляются новые слова. А ещё бывают заимствования из других языков. . . Но, позвольте, разве кроме этого никаких изменений в языке не бывает?

Возьмём, к примеру, начало «Слова о полку Игореве», написанного в конце XII века²¹: **Не љѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстий о пѣлкѣ Игоревѣ, Игорѣ Святъславича?** Современный читатель понимает эту фразу с трудом, хотя слова, из которых она состоит, в современном русском языке сохранились (разве что вместо «лепо» мы теперь говорим «хорошо») и развитие техники, как и заимствования, тут совершенно ни при чём.

Можно взять даже более близкий к нам по времени пример: несколько строк из пушкинской «Сказки о царе Салтане. . .»:

За морем житьё не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нём дубок единый;
А теперь стоит на нём
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нём князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон.

---

²¹Самое убедительное доказательство подлинности «Слова. . .» можно найти в замечательной книге А. А. Зализняка «„Слово о полку Игореве“: Взгляд лингвиста».

Да, разумеется, Пушкин — основоположник современного русского литературного языка, но всё же присмотримся: всё ли мы сейчас сказали бы так же, как сказал Пушкин более полутора веков назад?

Укажем лишь некоторые отличия (а остальные пусть проницательный читатель заметит сам!). «Крутой остров» — сейчас так не говорят. Даже если отвлечься от «крутых» новых русских и крутых яиц, *крутыми* можно назвать *горы, склоны, берега*, *крутым* может быть *спуск* и даже *маршрут*, — но никак не остров. «Дубок единый» — тоже невозможное для современного языка сочетание: *единым* мы можем назвать *билет* (если он один на все виды транспорта), *государство* (если подчёркивается тесная связь его отдельных составляющих) — то есть то, что включает идею объединения. Если же объект просто один-единёшенек, мы назовем его *одним*, *единственным* или *одним-единственным* (впрочем, если поставить отрицание, оно немедленно вернёт нас к старой норме, и мы скажем: *не росло ни единого дубка*). *Со дворцом*, но *с златоглавыми*. . . — так сейчас тоже не скажут, сейчас говорят наоборот: *с дворцом*, но *со златоглавыми*. . .

Почему же язык всё время меняется? Чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, как передаётся язык из поколения в поколение. Казалось бы, всё просто — взрослые на языке говорят, а дети его выучивают. Просто, да не совсем: ведь ещё до школы (к шести годам), ещё не умея читать и писать, ребёнок узнаёт в среднем 13 тысяч слов (целый толстый словарь!) и овладевает практически всей грамматикой родного языка (если её записать — книга получится не менее толстая!). Его не учат этому специально, одним обучением такого результата не достичь: даже в специальной школе с углублённым изучением иностранного языка человек всё равно не овладевает языком на таком высоком уровне. В чём же дело?

А вот в чём: человек не **выучивает** свой родной язык — он его **достраивает**. Узнает несколько слов — обобщит правило и строит на его основе новые формы (почти совсем как школьники, решающие задачи на лингвистической олимпиаде. . .). Иногда строит правильно, иногда ошибается, например, говорит *поцелул* вместо *поцеловал*. Услышит, что окружающие говорят по-другому — перестроит правило. А если не услышит? Так и останется жить со своим «неправильным»! И его детям уже неоткуда будет узнать «правильное», они будут слышать только формы, построенные по «неправильному». Конечно, у каждого окружение разное, и язык мы воспринимаем не только от родителей. Но всё равно «неправильные» правила встречаются достаточно часто. И если такое правило станет обычным для большинства людей, придётся признать его. . . правильным! А прежнее — устаревшим (хотя нормативные словари ещё долго — обычно несколько десятилетий —

будут убеждать всех, что, мол, так говорить нельзя).

Рассмотрим пример. С каким ударением вы произносите глагольные формы *катит*, *варит*, *подарит*, *дружит*, *переманит*, *хвалит*, *долбит*, *кружит*, *шевелит*, *натрудит*, *грузит*, *вручит*, *включит*, *звонит*? Конечно же, *ка́тит*, *ва́рит*, *пода́рит*, *дру́жит*, *перема́нит*, *хва́лит*, *долби́т*. . . А вот дальше начинаются трудности: *кру́жит* или *кружи́т*? *Шеве́лит* или *шевели́т*? *Натру́дит* или *натруди́т*? Разные люди скажут по-разному (проверьте на своих знакомых!). Да, разумеется, про глагол *звонить* мы знаем, что *звони́т* неправильно, и надо говорить *звони́т*. Но, оказывается, раньше ударение на окончании в настоящем (или будущем) времени имели все эти глаголы! Вспомним классиков:

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима *ка́тит* в глаза.

(И. А. Крылов)

Ты пользы, пользы в нём не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нём себе *вари́шь*.

(А. С. Пушкин)

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдёт — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублём *пода́рит!*»

(Н. А. Некрасов)

Теперь у многих глаголов ударение изменилось: словари признают правильными формы *ка́тит*, *ва́рит*, *хва́лит*, для *дру́жит* и *перема́нит* ударение на окончании допустимо, но считается устаревшим, для *подарит*, *кружит*, *шевелит*, *натрудит*, *грузит* правильными признаются оба варианта, для *включит* словари считают правильным только ударение на окончании, но предостережение «! неправ. *вкля́чит*» свидетельствует, что такое произношение уже очень распространено (там, где никто не ошибается, и предостережения не нужны). В мультфильме про пластилиновую ворону мы слышим: *Подарок сразу вру́чат*, *а может быть, вруча́т* (словари, кстати, признают только *вруча́т*).

Человеку, который слышал тот или иной глагол только в прошедшем времени, в неопределённой форме или повелительном наклонении,

формы настоящего (или будущего) времени придётся достроить. Что у него получится, в немалой степени зависит от того, какие глаголы будут служить ему моделью — типа *служить* (*служит*), *носить* (*носит*) или типа *продешевить* (*продешевит*). Глаголов первого типа (с переносом ударения) становится всё больше, так что следующие поколения детей будут иметь всё меньше и меньше примеров на непереносящееся ударение, и не исключено, что в будущем все такие глаголы станут спрягаться с переносом ударения — и только вдолбленное и вызубренное *звонит* останется. . . нет, уже не «правильным», а «исключением из правила» — правила исторического изменения.

Слово *опёнок* на глазах утрачивает связь со словом *пень*. Исходно *о-пён-к-и* значило «растущие вокруг пня», с той же приставкой *о-*, что в словах типа *окрестность*. Но современные носители русского языка никогда не видели варианта *п'он* — им встречались только *п'ен'* (*п'и'ен'*) и *пн'* (*пень, пенёк, пня. . .*). Да и словообразовательная модель слишком редка: есть разве что отглагольные *огрызок, окурок, обрывок* (и др.; но их значение — не «вокруг чего-то», а «нечто малочленное, что остаётся после действия, обозначенного корнем») да мало кому известное *огузок*. Поэтому увидеть связь *опёнка* с *пнём* может теперь лишь учёный-этимолог (или лесоруб, знающий понятие «*попённая* плата» — плата по количеству пней), а те, кто специально не задумывался, делят *опёнок* на пустой корень *оп-* и хорошо известный суффикс *-ёнок*, получая множественное число *опята*.

Одной из предпосылок для языкового изменения является ситуация, когда разные части прежнего правила встречаются с сильно различающейся частотностью (так что один из вариантов воспринимается как «обычный», а другой — как «особый»), и данных для выведения правила оказывается недостаточно. Если «особый» вариант встречается достаточно часто, чтобы быть твёрдо запомненным, возникает «лексическое исключение», если ещё реже — он вытесняется «обычным».

Так, в современном русском языке практически разрушилось прежнее правило образования притяжательных прилагательных — суффикс *-ин* образует прилагательные от основ на *-а* (*мамин, сестрин, Никитин. . .*), а суффикс *-ов* — от основ на согласный (*дедов, царёв, Петров. . .*). Так образовано множество русских фамилий (хотите — проверьте: вряд ли среди Ваших знакомых обнаружатся люди, чьи фамилии отклоняются от этого правила — *Кошкoвы, Медведины, Никитoвы, Кузнецыны* и т. п., а вот людей с правильными фамилиями будет много — *Сорожины, Кузнецoвы, Никитины, Медведевы. . .*), и ещё в середине XX века это правило было живо — название знаменитого фильма Тарковского *Ивановo детство* (то есть «детство Ивана») свидетельствует, что притяжательное прилагательное, соответствующее

щее этому правилу, легко могло быть образовано от любого имени, т. е. сочетания типа *Ива́нов день* не воспринимались как застывшие фразеологизмы. Но частота, с которой такие притяжательные прилагательные встречаются в речи, постепенно уменьшается. Дело в том, что притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* нельзя образовать от фамилий и от имён с отчествами, мы можем применить это правило только к одиночным именам. А эти имена — чаще всего уменьшительные: по имени без отчества называют друг друга дети и близкие друзья, и людей, которые при этом пользовались бы полными именами, довольно мало. Уменьшительные же имена в большинстве своем оканчиваются на *-а* (или *-я*): *Миша, Маша, Оля, Даня, Настя...*, — или легко могут быть превращены в такие: *Вадюша, Олешка, Максимка...* В крайнем случае для указания на принадлежность всегда можно воспользоваться родительным падежом: *карандаш Олега* (как и, скажем, *класс Анны Васильевны, кабинет Н. Н. Петрова*). Соответственно, формы типа *Вадиков (портфель), Максова (тетрадка)* попадают современным детям слишком редко, и в итоге у многих из них возникает ощущение, что притяжательные прилагательные образуются только с суффиксом *-ин*, — и появляются противоречащие правилу формы типа *ёжикина скрипка* (так называется замечательный рассказ Сергея Козлова). Формы же на *-ов* (типа *максимовы ботинки*) у таких людей нередко вызывают смех: *Максимов* воспринимается как фамилия, можно себе представить *Максимову Катю* или *Максимовых Петю и Васю*, но никак не ботинки!

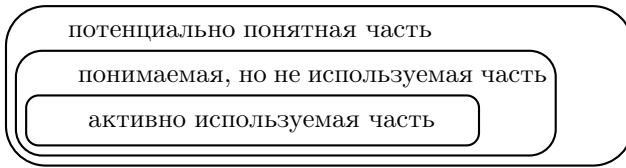
Впрочем, правило распределения притяжательных суффиксов *-ин* и *-ов* ещё не совсем отмерло: ещё есть люди, для которых формы типа *отцов дом* или *дедов пиджак* — вполне живая реальность, они их много раз слышали и сами так говорят. И им *ёжикина скрипка* режет слух: скрипка-то ведь *ёжикова*!

А для многих людей имена, оканчивающиеся на *-а*, допускают образование притяжательных прилагательных, а имена, оканчивающиеся на согласный, — нет. То есть, вещь, которая принадлежит их отцу, они могут назвать *папиной* вещью или *вещью отца* — и никак иначе! Такого рода «дырки» в языковой системе — важная предпосылка для языковых изменений: ведь дети таких людей не получают никакой информации о том, какое правило должно быть на месте «дырки», а значит, смогут заполнить её любым новым правилом.

Но почему же языковая система не достраивается до конца, так что у каждого правила оказываются немного разными? Дело в том, что язык обладает **избыточностью**. Действительно, в любой момент времени в языке имеется столько элементов, что каждый человек может выбрать себе часть из них (и пользоваться этим как полноценной ком-

муникативной системой!) и ещё «много всего» останется.

Язык можно представить в виде такой схемы:

непонятное и неизвестное

Так устроен и язык каждого отдельного человека, и говор, и диалект, и весь язык в целом.

Если бы избыточности не было, общаться было бы невозможно: чуть-чуть охрип или настроение изменилось — и уже «промахиваешься»: либо просто «мимо кода», либо попадая в другой сигнал. Да и учить систему без избыточности было бы слишком накладно: ведь пришлось бы выучить наизусть всё-всё — и без малейшей ошибки! Но, конечно, таких коммуникативных систем не бывает и быть не может: в общении все и всегда «работают с запасом», так что даже при неполном и неточном воспроизведении правильного сигнала слушающий всё равно может понять говорящего — что недослышит, угадает по контексту. Например, если человек не расслышал в точности тембр гласного в слове *йод* (или *яд?*), но увидел (а на самом деле, и услышал), как говорящий сложил губы трубочкой, он может быть уверен: сказали *йод*. Обычно слушающий даже не замечает, что что-то было не так, и только если дать ему прослушать фрагмент, вырезанный из нечётко произнесённого слова, он согласится: да, и в самом деле невозможно различить.

В каждой избыточной системе есть «запас» — тот уровень неточности воспроизведения правильного сигнала, при котором коммуникация ещё не нарушается. На нашей схеме этому соответствуют «понимаемая, но неиспользуемая часть», а также «потенциально понятная часть». Первая из них оценивается как близкая к правильному варианту, вторая — как далёкая от него.

Границы этого «запаса» (по крайней мере, для человеческого языка) могут изменяться: так, например, слово *бпакo* («назад, обратно, наоборот»), известное любому носителю древнерусского языка, для носителей современного русского языка явно лежит за пределами понятности. Собственно, развитие языка заключается в том, что при передаче его из поколения в поколение меняется представление о том, что «ближе к правильному», а что — «дальше от него». То, что уходит всё дальше в зону «дальше от правильного», со временем оказывается за границами «запаса».

В основе развития языка лежит противоборство двух тенденций, имеющих у любого, кто вступает в коммуникацию: стремление быть понятым (причём не только в данный момент, но и в будущем) и стремление «не перетруждаться». Первое из них заставляет говорящего пользоваться теми языковыми средствами, которыми обычно пользуются его собеседники, — получается, что люди «корректируют» друг другу представление о языке — о том, что более, а что менее правильно. Каждое новое поколение, таким образом, ориентируется на то, как говорит предыдущее, — благодаря этому язык передаётся, а не меняется всё время до полной неузнаваемости.

Конечно, бывают случаи, когда молодёжь пытается во что бы то ни стало отличаться от старшего поколения — и причёски другие носит, и одевается иначе, и говорит по-другому. Так появляются молодёжные жаргоны. Но когда люди взрослеют, они постепенно переходят к общепринятым нормам — и в одежде, и в языке, так что жаргон существенного влияния на языковые изменения не оказывает. Кстати, можно заметить, что единственное отличие распространения жаргона от нормальной передачи языка состоит в том, что право на корректировку признается за членами другой социальной группы.

Стремление же «не перетруждаться» приводит к тому, что полное воспроизведение языка, принятого в данном обществе, оказывается недостижимым: поскольку для того, чтобы быть понятым, достаточно попасть в границы «запаса» (вернее, в границы зоны «близко к правильному»), необходимости в дальнейшем совершенствовании нет.

Впрочем, если попасть в другое общество, представление о том, что более, а что менее правильно, может измениться. Многие замечали — если не за собой, то за другими, — как после общения с некоторыми людьми «приклеиваются» некоторые словечки, интонации, конструкции; для выражения уже известных и как-то выражавшихся ранее смыслов начинают использоваться другие языковые средства. Человек, прочитавший о том, что форма *звонит*, привычная ему с детства, неправильна, а надо говорить *звонит*, через некоторое время может обнаружить, что форма *звонит* «режет ему слух».

Разумеется, в разных частях территории, на которой говорят на том или ином языке, общество окажется несколько разным, и, если люди с этих разных частей общаются между собой сравнительно редко, их представления о том, что более, а что менее правильно, будут различаться; различными будут и изменения этих представлений со временем. И в конце концов на месте одного языка образуются два!

Избыточность бывает разная. Во-первых, для обозначения одного и того же могут существовать различные средства. Например, *лингвистику* мы можем назвать *языкознанием*, *другое* — *иным*, *беге-*

мота — *гиппопотамом*. . . Идею «именительного падежа множественного числа» можно выразить окончанием *-а* (как в слове *сёла*), а можно — окончанием *-ы* (как в слове *коровы*). Можно сказать, что *Чайковский написал «Лебединое озеро»*, а можно тот же смысл передать иначе: *«Лебединое озеро» было написано Чайковским*. В языке обнаруживается довольно много элементов, которые несут одинаковую или очень сходную смысловую нагрузку; некоторые из них могут быть — в рамках языкового выражения — заменены на другие без существенного ущерба для смысла этого выражения. Разумеется, различия между такого рода вариантами есть практически всегда. У окончаний обычно бывают правила распределения (например, для среднего рода используется окончание *-а*, а для женского — *-ы*²²), синонимы могут иметь стилистические различия, — это касается не только слов, но и синтаксических конструкций (например, *Мы читали лекции* — нейтральное выражение, а *Нами были прочитаны лекции* — допустимое только в официально-деловом стиле). Но для понимания сути языковых изменений важно прежде всего именно существование контекстов (ситуаций), когда один из таких элементов может быть заменён другим без ущерба для коммуникации.

Во-вторых, одна и та же информация в языковом выражении может многократно дублироваться: например, в предложении *Я читаю* первое лицо и единственное число субъекта действия выражены дважды — при помощи местоимения и при помощи глагольного окончания. Другой пример: во многих языках глухие согласные произносятся напряжённо, а звонкие ненапряжённо. Кроме того, сочетаясь друг с другом, языковые единицы могут приобретать такие признаки, которые не участвуют в различении смысла, а просто обусловлены окружением. Таким образом, получается, что многие элементы языка в высказывании передают информацию не только о себе, но и о своих соседях. Например, в русском языке определение повторяет такие характеристики определяемого слова, как число, падеж и одушевлённость; в большинстве языков мира согласные в положении перед гласными *i* и *e* смягчаются, хотя противопоставления по твёрдости-мягкости в этих языках может и не быть.

Перед каждым следующим поколением носителей языка встает вопрос: какие из имеющихся признаков — основные, а какие — дополнительные? Например, если глухие согласные произносятся напряжённо, а звонкие ненапряжённо, то что важнее — звонкость или напряжённость? Не исключена ситуация, что в какой-то момент большинство детей сочтёт, что важнее — напряжённость (а не звонкость, как пола-

²²Это некоторое упрощение; полное правило значительно сложнее.

гали многие поколения их предков). Самое замечательное, что взаимопонимание при этом не нарушится, поскольку произношение останется, в сущности, **тем же самым**, изменится лишь **мнение** ряда говорящих о том, какой из признаков более важен. Действительно, как показывает опыт, в большинстве подобных случаев родители и дети даже не осознают, что в языке произошло какое-то изменение. Но через несколько поколений звонкие согласные, потерявшие фонологическую звонкость (т. е. ставшие глухими ненапряжёнными), станут — в результате всё менее чёткого воспроизведения «неглавного», т. е. в некотором смысле «лишнего», признака — и фонетически глухими.

Но определить момент, когда то или иное изменение должно произойти, невозможно — так же, как при бросании монеты вполне может выпасть орёл, но предсказать в точности момент, когда это произойдёт, нельзя.

В последние годы исследование языковых изменений стало необычайно модным направлением в лингвистике. Одни учёные пытаются обнаружить следы изменений в том состоянии языка, которое можно наблюдать сейчас, другие исследуют письменные памятники за многие столетия. Накапливается всё больше и больше информации о том, какие изменения бывают, как они происходят. Лингвисты стремятся создать общую теорию языковых изменений, раскрыть механизмы языкового развития. Может быть и вы когда-нибудь в этом поучаствуете?

Доказательство и доказательность в сравнительно-историческом языкознании

Светлана Анатольевна Бурлак

Немного найдется в лингвистике вопросов, столь сильно занимающих умы неспециалистов, как вопросы языкового родства. Родствен ли санскрит (священный язык Древней Индии) русскому? А венгерский — шумерскому? А какому языку родствен этрусский? В России почему-то чаще всего оказывается, что русскому: ЭТ-РУССКИЙ — ЭТО РУССКИЙ, это же очевидно!

Именно на таком уровне — апелляции к «интуитивной очевидности» — построена аргументация во многих работах, авторы которых не являются лингвистами. А поскольку непосредственно проверить наличие языкового родства невозможно (мало ли, что там было десять тысяч лет назад!), возникает впечатление, что другого способа доказать языковое родство и нет, а уж степень доверия к той или иной гипотезе — и вовсе дело личного вкуса.

Однако это не так. Любая наука лишь тогда достойна называться наукой, когда в ней имеются методы, позволяющие отличить верные (или правдоподобные) утверждения от заведомо ложных. При этом для того, что нельзя проверить непосредственно, путём наблюдения, критерии должны быть максимально строгими.

Языки называются родственными (согласно определению, данному классиком сравнительно-исторического языкознания Антуаном Мейе), если все они «являются результатом <нескольких> различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше». Иными словами, доказать родство — это значит доказать, что рассматриваемые языки развились из одного и того же языка-предка. Но как это сделать, если от языка-предка не осталось никаких письменных памятников? Оказывается, это вполне возможно: дело в том, что элементы языка, как правило, не исчезают бесследно, и тщательное исследование может показать, что наблюдаемое сходство между языками с высокой вероятностью обусловлено их общим происхождением.

А чем ещё, спросите вы, может быть обусловлено сходство между языками? Разумеется, в первую очередь, заимствованиями из одного языка в другой, но нередко оно бывает и просто случайным. Например, румынское слово *fiu* 'сын' очень похоже на венгерское *fiú* 'сын', но они никак не связаны друг с другом: румынское *fiu* — это то же самое слово, что латинское *filius* 'сын', а венгерское родственно финскому *poika* 'сын, мальчик'. И наоборот, родственные друг другу слова могут со временем измениться до неузнаваемости: так, едва ли можно

назвать «очевидным» родство испанского слова [эчо] (пишется *hecho*) ‘факт’ с французским словом [фэ] (*fait*) с тем же значением. А между тем, это не просто родственные слова, а... одно и то же слово! Как же это доказать, если *hecho* и *fait* совсем непохожи? Всё дело в том, что для доказательства родства важно не сходство, а закономерность различия. Возьмём другие испанские и французские слова, похожие на *hecho* и *fait*, и ещё добавим их переводы на другие романские языки (итальянский и португальский):

Исп.	Франц.	Итал.	Порт.	Перевод
hecho	fait	fatto	feito	факт
leche	lait	latte	leite	молоко
ocho	huit	otto	oito	восемь
noche	nuit	notte	noite	ночь

Видно, что различия между этими языками подчиняются строгой закономерности: испанскому *ch* соответствует итальянское *tt*, португальское *it*, а во французском *t* пишется, но не читается. Системное различие не может быть случайным, значит, слова *hecho* и *fait* родственны друг другу. И действительно, данные латинского языка подтверждают такое предположение: в латыни эти слова выглядели соответственно как *factum* ‘факт’ (русское слово *факт* заимствовано из латыни), *lactem* ‘молоко (вин. пад.)’, *octo* ‘восемь’, *noctem* ‘ночь (вин. пад.)’. Испанские, французские, итальянские и португальские продолжения одних и тех же латинских слов оказались различными внешне потому, что с какого-то момента в разных частях Римской империи люди, говорившие на латыни, стали вместо одних звуков произносить другие (примерно так же, как сейчас некоторые люди, говорящие по-русски, вместо твёрдого [л] произносят звук, больше похожий на [w]).

Поскольку развитие звуков в родственных языках заключается прежде всего в том, что в некоторый момент носители одного языка начинают вместо некоторого звука X произносить (по крайней мере, в некоторых позициях) звук Y, а носители другого вместо того же звука X начинают произносить (по крайней мере, в некоторых позициях) звук Z (и таким образом возникает соответствие Y~Z), звуковые соответствия между родственными языками в большинстве случаев будут регулярными. Это значит, что они не будут зависеть от значения слов, а будут зависеть лишь от позиции — в начале слова или не в начале, под ударением или без ударения, в закрытом слоге или в открытом слоге, перед гласным или перед согласным и т. п.

Итак, для доказательства родства необходимо установить регулярные фонетические соответствия. Разумеется, бывают случаи, когда такие соответствия по тем или иным причинам нарушаются (даже

между близкородственными языками, где родство заметно любому, кто ими владеет), но на фоне общих закономерностей они выглядят как редкие исключения. Если же автор гипотезы говорит, что нашел много похожих слов, но похожи они все по-разному, никаких регулярных соответствий между ними нет, значит, скорее всего, сходство слов случайно. По крайней мере, родство исследованных этим автором языков остаётся недоказанным.

Но если между похожими словами усматриваются регулярные фонетические соответствия, то это может объясняться либо общим происхождением, либо заимствованием — когда заимствований много, они тоже будут регулярно соответствовать словам языка-источника. Как же быть? Прежде всего, посмотреть, в каких ещё языках представлены эти слова. Если слова унаследованы из языка-предка, они могут сохраниться в любых языках соответствующей семьи, где бы эти языки ни находились. А вот заимствования будут представлены только в языках, которые расположены по соседству и могли контактировать друг с другом. В языках, входящих в ту же семью, но далеких от зоны контакта, их не будет. Например, если какое-то слово есть в английском и французском языке и при этом оно имеется в других романских языках, но отсутствует в других германских, то, вероятнее всего, это слово было заимствовано в английский язык (германский) из французского языка (романского).

Кроме того, стоит обратить внимание на то, какие слова оказываются регулярно соответствующими друг другу. Если это слова типа 'конституция', 'трактор', 'падишах', 'бумеранг', 'баобаб', 'опоссум', 'компьютерный', 'приватизировать', т. е. обозначающие что-то такое, что либо появляется сравнительно поздно, либо существует далеко не везде, скорее всего, речь идёт о заимствовании. Если же регулярно соответствующими друг другу оказываются слова типа 'солнце', 'вода', 'земля', 'ухо', 'рука', 'птица', 'мясо', 'холодный', 'сухой', 'идти', 'знать', 'слышать', 'я', 'здесь', то, скорее всего, речь идёт о языковом родстве. Действительно, такие слова (их называют «базисной» лексикой — в противоположность лексике «культурной», как называют слова предыдущего типа) заимствовать не надо, потому что обозначаемые ими понятия присутствуют в любой культуре — независимо от её технического развития и географического положения.

Даже если языки контактировали настолько интенсивно, что заимствования проникли в базисную лексику, картина, получающаяся в результате контактов, всё же будет отличаться от той, которая ожидалась бы при исконном родстве. Общих базисных слов в таких языках будет немного. Само по себе это не говорит об отсутствии родства — мало общих слов бывает и тогда, когда родство есть, но отдалённое.

Но при отдалённом родстве правила фонетических соответствий будут очень непростыми: ведь если языки разделились давно, фонетических изменений успеет произойти много, и они будут накладываться друг на друга, усложняя правила соответствий. А вот если эти несколько общих слов — сравнительно недавние заимствования, то правила соответствий будут совсем тривиальными, поскольку в одном из языков эти слова живут недолго и сильно измениться не успели. Что же получается? «Родство», о котором говорят такие общие слова, должно быть одновременно дальним (поскольку общих слов «осталось» мало) и очень близким (поскольку изменений успело произойти всего ничего)! Так быть не может. Значит, если общих базисных слов мало, а правила соответствий просты, — это свидетельствует не о родстве, а о контактах.

Вообще говоря, список слов, в которых обнаруживаются регулярные фонетические соответствия, — это фактически гипотеза о существовании праязыка, из которого эти слова унаследованы. Поскольку фонетические изменения в языках не происходят хаотически, а подчиняются определённым правилам, то звуковые переходы от праязыка к любому из языков-потомков будут регулярны, а значит, регулярны будут и соответствия между любыми языками-потомками. Таким образом, регулярность соответствий служит подтверждением того, что сравниваемые слова выводятся из гипотетических праязыковых по определённым правилам.

Например, между санскритом (литературным древнеиндийским языком) и русским языком устанавливаются такие соответствия: санскритским звонким и звонким придыхательным согласным соответствуют русские звонкие, санскритским глухим — глухие. Санскритское краткое *a* может соответствовать русским *o* или *e*, краткое *i* — беглому *e* и т. д., например (элементы, которые имеют разное происхождение, заключены в скобки, если санскритская форма отличается по значению от русской, при ней дан перевод):

Санскрит	Русский
bhū(tas)	бы(вший)
grīvā 'шея'	грива
daśan	деся(ть)
bhayat(e)	боит(ся)
kaś	к(то)
plavikas 'паромщик'	пловец
plavik(am) 'паромщика'	пловц(а) (вин. пад.)
rudh(iras) 'красный'	рд(яный)
stigh(nomi) 'шагаю, поднимаюсь'	(до)стиг(аю)
go 'бык, корова'	гов(ядина)

Такие соответствия свидетельствуют, что санскрит и русский развивались по регулярным правилам из общего языка-предка, т. е. родственны друг другу. Разумеется, столь небольшое количество примеров не может служить доказательством. Но хорошие учёные не ленятся просмотреть весь словарь и показать, что слов, в которых фонетические соответствия регулярны, достаточно много — гораздо больше, чем было бы, если бы сходство было случайным.

Кстати, для сопоставления лучше всего брать данные не из современных, а из древних языков: они меньше времени развивались отдельно друг от друга, следовательно, у них было меньше возможностей накопить различия. Действительно, за то время, что языки-потомки развиваются отдельно, в них происходят фонетические изменения, накапливаются морфологические различия, например, исходное слово теряется, а его значение начинает выражаться каким-нибудь производным (так, французское слово *oreille* 'ухо' происходит не от латинского *auris* 'ухо', а от уменьшительной формы *auricula* 'ушко'; разумеется, если сопоставлять *oreille* и *auris* напрямую, соответствия между ними окажутся нерегулярными). Наконец, некоторые слова могут просто исчезнуть. А как же быть в тех случаях, когда среди языков какой-нибудь группы нет языка с древними письменными памятниками? Неужели её родство с другими языками установить невозможно? Конечно, нет. Просто в этом случае прежде, чем сопоставлять языки этой группы с какими-нибудь другими языками, имеет смысл реконструировать праязык этой группы. При реконструкции поздние изменения как бы «снимаются», так что родство с родственными языками будет более заметным. Такой метод — когда сопоставляются друг с другом не современные языки-потомки, а реконструированные праязыки, — называется «методом ступенчатой реконструкции», он позволяет доказывать родство даже на очень больших временных глубинах.

Одно из наиболее признанных достижений в этой области — доказательство так называемого «ностратического» родства: из праностратического языка, распавшегося примерно 12 тысяч лет назад, возникли индоевропейские языки (к ним относятся и русский, и санскрит, и латынь, и английский, и немецкий, и греческий, и ещё много других языков), уральские (самые известные из них — венгерский и финский), алтайские (это тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские языки, а также корейский и японский), картвельские (грузинский язык и ещё три, близких к нему) и дравидийские (эти языки распространены главным образом на юге Индии). Доказал это родство в середине прошлого века великий советский учёный Владислав Маркович Иллич-Свитыч (1934–1966). Вот несколько примеров из его книги «Опыт сравнения ностратических языков»:

1) Местоимение 'я' восстанавливается в праностратическом как **mi* (в сравнительно-историческом языкознании звёздочкой отмечаются восстановленные праформы), оно представлено в индоевропейской семье — **me* (вин. п.) (ср. лат. *me* 'меня', рус. *меня* и т. д.), в уральской — **mi* (ср. финск. *minä*, ненецк. *mañ* и т. д.), в алтайской — **bi* (ср. древне-тюркск. *bän* и *män*, маньчжурск. *bi* и т. д.) и в картвельской — **me* или **mi* (ср. грузинск. *me*, сванск. *mi* и т. д.).

2) Вопросительное местоимение **mi* 'что' представлено в индоевропейской семье — **mo-* (это прежде всего основа вопросительных наречий, ср. тохарск. А *mänt* 'как', средне-бретонск. *ta* 'что' и т. д.), в уральской — **mi* 'что' (ср. вепсск. и венгерск. *mi*, нганасанск. *mā* и т. д.), в алтайской — **mi-* (вопросительная частица; ср. чувашск. *měñ* 'что', корейск. *mie(d)* 'что' и т. д.) и в картвельской — **maj* 'что' (ср. мегрельск. *mu-*, сванск. *ma(j)* или *mä(j)* и т. д.).

3) Корень **kiwlV* со значением 'ухо' и/или 'слышать' представлен в индоевропейской семье — **kleu-* 'слушать, слышать' (ср. рус. *слушать, слышать*, древне-индийск. *śṛṇōti* 'слышать' и т. д.), в уральской — **küle-* 'слышать' (ср. финск. *kuulla* и венгерск. *hall* 'слышать', ненецк. *χā* 'ухо' и т. д.), в алтайской — **k'äjlu* 'ухо' (ср. древне-тюркск. *qulqaq* 'ухо', японск. *kiku* 'слышать' и т. д.), в дравидийской — **kejl-* 'слышать' (ср. тамильск. *kēl* 'слушать, слышать', тулу *kēṇumi* 'слышать' и т. д.) и в картвельской — **qur-* 'ухо, слышать' (ср. грузинск. *qur-* 'ухо, край' и т. д.).

4) Название родственницы по браку **kälV* имеется в индоевропейской семье — **ǵlōy* 'жена брата' (рус. *золовка*, греч. γάλος [галос] 'золовка' и т. д.), в уральской — **kälü* 'свойственница' (ср. финск. *käly* 'сестра мужа или жены, жена брата', ненецк. *sel* 'жёны братьев (по отношению друг к другу); мужья сестёр (по отношению друг к другу); сёстры, вышедшие замуж за братьев, или братья, женатые на сёстрах' и т. д.), в алтайской — **keli* 'жена младшего брата или сына' (ср. древне-тюркск. *kälün* 'сноха, невестка', нанайск. *käli* 'свояк, муж сестры' и т. д.) и в дравидийской — **kal-* 'жена брата отца, тётка' (ср. курух *khalli* 'жена младшего брата отца', малто *qali* 'сестра матери'); некоторые исследователи относят сюда же грузинское слово *kal-* 'женщина'.

5) Слово **šiyu* 'снег' сохранилось в индоевропейской семье — **sneiǵ^wh-* 'снег' (ср. рус. *снег*, англ. *snow* и т. д.), в уральской — **šüye* 'лёд, снег' (ср. финск. *hyu* 'лёд', саамск. (сев.) *suovve* 'мокрый снег'), в алтайской — **šiyje* 'снег, иней; ледяная корка' (ср. казахск. *sej* 'шуга, ледяное сало', нанайск. *šiygi* 'иней' и т. д.); в дравидийских языках (распространённых, главным образом, в южной части Индии) этот

корень стал использоваться для обозначения моросящего дождя — **žin-* ‘моросить’ (ср. тамильск. *cinuṅki*, каннада *jinugu*).

6) Ностратическое обозначение ‘края’ — *perV — представлено в индоевропейской семье — **per-* ‘передний край’ (ср. рус. *перед*, древнеиндийск. *purás* ‘впереди, перед’ и т. д.), в уральской — *perä ‘задняя часть’ (ср. финск. *perä* ‘задняя часть’, коми-зырянск. *bör* ‘задняя часть’ и т. д.), в алтайской — **p'èrì* ‘нижний край’ (ср. японск. *heri* ‘край’, эвенкийск. *here* ‘дно, пол’ и т. д.), в дравидийской — **pir-* ‘задний край’ (ср. тамильск. *pirakku* ‘назад’, тулу *pira* ‘сзади’ и т. д.) и в картвельской — **pir-* ‘передний край’ (ср. грузинск. *pir-* ‘рот, лицо, край’, сванск. *pil-, bil-* ‘край’ и т. д.).

7) Глагольный корень **welV-* ‘сражаться, убивать’ представлен в индоевропейской семье — **h₂uel-* ‘сражаться, убивать’ (ср. хеттск. *hulla-* ‘убить, победить’, литовск. *vēlė* ‘душа умершего’ и т. д.), в уральской — **wedV-* ‘убивать’ (ср. коми *vi-* ‘бить’, венгерск. *öl-* ‘убивать’ и т. д.), в алтайской — *ölV ‘умирать’ (ср. древне-тюркск. *öl-* ‘умирать’, эвенкийск. *elbu* ‘душа умершего, тень’ и т. д.), в дравидийской — **vel-* ‘побеждать, убивать’ (ср. тамильск. *vel*) и в картвельской — **γur-* ‘умирать’ (ср. мегрельск. *γur-*).

Начинается книга с многостраничных таблиц соответствий — чтобы читатель мог убедиться, что сходство рассмотренных слов не случайно, что реконструкции промежуточных праязыков верны. Если значения слов в языках-потомках отличаются, приводится тщательное и подробное доказательство того, что эти слова, тем не менее, родственны, а различие значений обусловлено изменениями, происшедшими уже после распада праязыка.

Так же тщательно прорабатывал все этимологии и последователь В. М. Иллич-Свитыча, Сергей Анатольевич Старостин (1953–2005), доказавший родство северно-кавказских (абхазо-адыгских и нахско-дагестанских), сино-тибетских и енисейских языков.

К сожалению, не все исследователи языкового родства столь добросовестны. Гораздо чаще приходится сталкиваться с работами, авторы которых приводят списки этимологий (а иногда и таблицы фонетических соответствий), по их мнению, неопровержимо доказывающие родство исследуемых языков, но для непредвзятого читателя убедительность этих построений близка к нулю. Почему же так происходит? Этому есть несколько причин, и все они вызваны факторами, повышающими вероятность наткнуться вместо родственных слов на случайные совпадения.

Например, иногда при сопоставлении языковых групп берутся слова (или корни), которые по крайней мере для одной из них (а то и для обеих) не могут быть восстановлены в праязыке, так как представлены

лишь в одном из языков (или даже в одном из диалектов). Разумеется, бывают случаи, когда праязыковое слово сохраняется лишь в одном из языков некоторой группы, утрачиваясь в остальных, но чем больше языков в группе (и чем лучше они засвидетельствованы), тем меньше вероятность такого рода событий. Следовательно, если в многочисленной языковой группе некоторая значащая цепочка звуков оказалась засвидетельствована только в одном языке, то вероятнее, что это слово не праязыковое, а новое, **случайно** совпавшее с тем, с которым его пытаются сопоставить (то есть, заимствованное или развившееся из другого праязыкового слова).

Ещё чаще встречаются работы, в которых сопоставляются не целые слова, а лишь один-два первых корневых согласных. Разумеется, если языки родственны, то между ними будет много сходств, в частности, у многих слов будут совпадать (или регулярно соответствовать) первые корневые согласные. Но не следует забывать, что список слов, приводимый для доказательства языкового родства, — это фактически набросок реконструкции праязыка, а в праязыке, как и в любом языке, слова содержали не только согласные, но и гласные, состояли не только из корня, но и из аффиксов (приставок, суффиксов, окончаний...), которые имели определённое значение. Соответственно, чем большей длины оказывается цепочка звуков, соответствующих друг другу в словах, которые считаются родственными, тем меньше вероятность случайного совпадения. Иными словами, сопоставление, к примеру, слов, состоящих из пяти звуков, более надёжно, чем сопоставление слов, состоящих всего из двух звуков. Сопоставление, учитывающее лишь первый согласный, менее доказательно, чем сопоставление, охватывающее несколько согласных и гласных.

Повышает вероятность случайного совпадения и слишком вольное обращение с семантикой. Разумеется, изменения значений слов бывают подчас весьма причудливыми, но для доказательства родства лучше брать слова, у которых значения не изменились, — если языки родственны, такие слова в них непременно найдутся. И лучше всего сравнивать слова, не имеющие слишком большого количества синонимов. Рассмотрим пример: сколько в русском языке корней, выражающих идею «бить»? Около десятка, ср. слова *бить*, *колотить*, *лупить*, *ударить*, *ушибить*, *стукнуть*, *врезать*, *шмякнуть*... Примерно столько же их будет и в любом другом языке. А, вот, например, для обозначения сердца или солнца слово в языке, как правило, одно. Так что обнаружить в двух наугад взятых языках случайно похожие слова со значением ‘бить’ гораздо легче, чем обнаружить случайно похожие слова со значением ‘солнце’. Кроме того, слова типа «бить» легко возникают из других корней, исходно ничего подобного не обозначавших

(ср. рус. *дать яблоко* и *дать в морду*), а их корни нередко меняют значение (например, русское *бить* переводится на английский как *beat*, а *у-бить* — как *kill*). А вот слова второго типа могут быть семантически связаны лишь с очень немногими словами: например, *солнце* одного языка может оказаться в другом *днём*, — и это едва ли не единственная возможность.

Если в работе все сопоставляемые слова (или большая их часть) относятся к первому типу и демонстрируют сходство лишь одного-двух первых согласных, очевидно, что ни о каком доказательстве родства речь идти не может — слишком велика вероятность, что сходство это случайно. Но значит ли это, что родства между исследованными языками нет? Нет, не значит. Может быть, автор работы просто не сумел подобрать верную систему соответствий и потому сопоставляет слова не с теми, которые им на самом деле родственны. А может быть, родство между этими языками является слишком древним, так что при прямом сопоставлении установить чёткие правила фонетических соответствий невозможно — получаются сплошные нерегулярности (которые на самом деле объясняются действием слишком многих изменений, происшедших со времени распада праязыка). И вполне может оказаться, что когда-нибудь, пользуясь методом ступенчатой реконструкции, можно будет показать, что эти языки действительно восходят к общему языку-предку. Так что доказать наличие языкового родства можно, а вот его отсутствие — нельзя. И если родство языков не доказано, это значит лишь, что мы по-прежнему не знаем, родственны эти языки или нет.

А можно ли выяснить, насколько та или иная гипотеза о языковом родстве правдоподобна? Оказывается, можно. Придумали даже формулу, которая позволяет математически оценить, сколько при данной гипотезе ожидается случайных совпадений между двумя наугад взятыми языками: если у автора общих слов в рассматриваемых языках окажется больше, чем могло бы быть случайных совпадений, значит, родство доказано, а если меньше — значит, нет. Но математику любят не все. Что же делать? Можно и без математики. Тогда надо взять те методы, которые использует автор гипотезы, и построить для рассмотренных им языков другую систему фонетических соответствий. Это покажет, что такими методами можно «доказать» любую чепуху, а значит, и сама гипотеза от этой чепухи мало чем отличается. Если, например, автор разрешает себе сравнивать слова только по первым буквам, да ещё допускает очень много изменений значения, то найти между теми же языками «общие» слова, где «соответствия» первых букв будут другими, а значения — не хуже, наверняка удастся. И это будет означать, что никакого родства автор не доказал.

Теперь перед учёными стоит следующая задача: рассказать всем, что доказательство языкового родства — это не гадание на кофейной гуще. Одни гипотезы более убедительны, другие — менее, и можно показать почему. Чем больше людей будет знать об этом, тем меньше будет — нет, не ложных гипотез, а внимания, которое им уделяется. И вместо того, чтобы тратить на их разработку много сил и времени, можно будет заняться настоящей наукой — доказательством настоящего языкового родства.

Как составляются словари

Конспект семинаров

Борис Леонидович Иомдин

Семинары подготовлены по материалам разработок Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова, проводимых под руководством академика РАН Ю. Д. Апресяна²³. Основные результаты этих исследований изложены в работах [1, 2]. Кроме того, сейчас наш коллектив ведёт работу по составлению серии активных словарей русского языка. Большинство использованных примеров адаптированы из словаря [1].

1. Самые первые словари

1.1. Китайские словари

Erh-ya (VI в. до н. э.): литературный толкователь. 11000 слов, 1200 толкований.

Shuowen jiezi (II в. н. э.): 9353 иероглифа и 1163 варианта.

1.2. Латинские словари

De Significatu Verborum, Марк Веррий Флакк (I в.), Помпей Фест Секст (II в., сокращённый вариант в 20 книгах).

1.3. Английские словари

Эпинальский глоссарий (VII в.): 3200 слов.

1.4. Славянские словари

Рукописные глоссарии. Самый ранний: приложение к Кормчей книге (1282): 174 слова.

Первый печатный словарь: приложение к грамматике Лаврентия Зизания (1596): 1061 слово.

---

²³Работа проводится при поддержке РГНФ (грант № 06-04-00289а), Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» и гранта Президента РФ для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ № НШ-3205.2008.6.

2. Расцвет лексикографии

«Осознание особой роли словаря как проводника культуры и одновременно ключа к ней привело к беспрецедентному всплеску лексикографической активности в послевоенной Европе и Америке. Первой на этот путь стала Франция. Она поставила перед собой цель возродить свой былой статус мировой культурной державы через распространение в мире словарей французского языка. Вскоре за ней последовали США и Англия. Аналогичные движения стали возникать и в других развитых странах. Предложение породило невиданный спрос на лексикографическую продукцию, которая вошла в быт миллионов людей» [8]. По некоторым данным, в 90% английских семей есть по крайней мере один толковый словарь, не говоря о двуязычных и специальных. Словари стали популярнее кулинарных книг и даже Библии.

3. Семейства словарей

- Webster, Random House, Barnhart, American Heritage (США)
- Oxford, Chambers, Collins, Hamlyn, Longman (Великобритания)
- Le Robert, Larousse, Tresor (Франция)
- Duden (Германия)
- Словари Академии наук (СССР, Россия)

В семейство словарей могут входить:

- большой толковый словарь
- учебный толковый словарь
- фразеологический словарь
- исторический словарь
- диалектный (региональный) словарь
- словарь синонимов

4. Словари синонимов

4.1. Первый английский словарь синонимов

Difference between Words Esteemed Synonymous in the English Language (Джон Траслер, 1766). С тех пор вышло, с учётом переизданий, свыше 300 словарей синонимов английского языка

4.2. Словари синонимов русского языка

4.2.1. Словари-инвентари: минимум комментариев, только прямые значения

- Н. Абрамов. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений (1915)
- В. Д. Павлов-Шипкин, П. А. Стефановский. Учебный словарь синонимов русского литературного языка (1931)
- Р. Н. Ключева. Краткий словарь синонимов русского языка (1961)
- З. Е. Александрова. Словарь синонимов русского языка (1989)

4.2.2. Объяснительные словари:

- А. П. Евгеньева (ред.). Словарь синонимов русского языка (1971)
Во многом устаревший материал:
ботинки, башмаки, чоботы;
босьяк, золоторотец, подзаборник, побродяга, шатун, лохмотник,
зимогор
- Ю. Д. Апресян (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов (НОСС).

Три выпуска: 1997, 2000 и 2003 г.

Второе, переработанное издание (2004) [1]. Концепция этого словаря возникла у Ю. Д. Апресяна в 1959 году и впервые была реализована в Англо-русском словаре синонимов (1979) [5].

5. Принципы НОСС

1. Активность
2. Системность
3. Интегральность
4. Отражение языковой картины мира
5. Специальный метаязык описания

5.1. Активность

5.1.1. Словари активного типа

Активные словари предназначены для тех, кто производит тексты.

В английской лексикографии — «словари для общения», или «продуктивные».

- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners
- Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English
- Longman Dictionary of Contemporary English

Во французской — «двусторонние» или «кодирующие» словари.

- Le dictionnaire du français vivant
- Le Petit Robert de la langue française

В немецкой — «словари для письменной речи».

- Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache

Примеры описания лексем в активном и пассивном словаре:

Webster's Third New International Dictionary (пассивный словарь):

PLAYING CARD: one of a set of 24 to 78 thin rectangular pieces of cardboard or plastic marked on one side to show its rank and suit and used in playing any of numerous games 'тонкий прямоугольный листочек картона или пластика с маркировкой масти и достоинства, который в совокупности с другими подобными листочками (от 24 до 78) является инструментом разного рода игр'.

В активном словаре нужно описать сочетаемость с глаголами:

рус. *тасовать карты*, англ. *shuffle cards* 'шаркать картами';
рус. *снять карту*, англ. *cut a card* 'срезать карту'; рус.
сдавать карты, англ. *deal cards* 'распределять карты'; рус.
ходить картами, англ. *play cards* 'играть картами', и т. д.

В отечественной лексикографии аналогов таких словарей до сих пор не было. Сейчас первый Активный словарь русского языка готовится нашим коллективом под руководством Ю. Д. Апресяна.

5.1.2. Отрицательный языковой материал

Основной принцип активного словаря: описание слова должно позволить не только понять его в заданном контексте, но и правильно употребить в собственной речи. Для этого широко используется так называемый «отрицательный языковой материал» (там, где это возможно — с объяснением причин неправильности).

Пример (1)

ослепительно сверкать <*сиять, гореть*>, но плохо

*ослепительно мерцать <*лосниться, поблёскивать*>

тускло блестеть <*мерцать, поблёскивать*>, но плохо

*тускло сверкать <*блистать, гореть*>

(слова первой группы описывают лишь яркий свет, второй — лишь неяркий)

Пример (2)

Можно сказать

большой дом, большая перина, большие толстые очки,

но плохо

*крупный дом, *крупная перина, *крупные толстые очки

(слово *крупный* плохо сочетается с названиями артефактов)

Пример (3)

Можно сказать:

обладатель приятного голоса <шубы, кота, трёхкомнатной квартиры>,

но плохо:

*обладатель дворца <автосалона, макаронной фабрики, ресторанов и казино>

(с названиями больших объектов употребляется слово *владелец*)

Пример (4)

Хорошо:

Ткань на ощупь казалась шёлковой.

Напиток кажется солоноватым.

Голос показался знакомым.

Плохо:

*Ткань на ощупь выглядела шёлковой.

*Напиток выглядит солоноватым.

*Голос выглядел знакомым.

(слово *выглядеть* подразумевает зрительное восприятие)

Пример (5)

Плохо:

*У меня есть оба сына.

*Он купил какие-то оба словаря.

*К нему подошли какие-то оба парня.

Но можно:

У меня есть два сына и дочь, оба сына учатся в университете.

Он купил какие-то два словаря. Потом оба продал.

К нему подошли двое каких-то парней. Оба достали из кармана по ножу.

(слово *оба* предполагает, что объект уже назван, введён в рассмотрение)

Пример (6)

Можно сказать:

Чтобы досадить мужу, она стала кокетничать с гостем.

Плохо:

*Чтобы докучать ему, она возобновила свои расспросы.

(*докучать* можно только непреднамеренно)

Пример (7)

Можно сказать:

В душе она хотела забыть обо всём.

В глубине души он уже понимал, что им придётся расстаться.

Но странно:

*В глубине души она хотела чаю.

*В душе он уже понимал, что в данной системе аксиом теорема недоказуема.

(в душе рождаются и хранятся лишь жизненно важные мысли и желания)

Пример (8)

Девчонка ябедничает учительнице, но *Школа ябедничает в министерство.

Он донёс <настучал, накапал> в органы, но *Министерство донесло <настучало, накапало> в органы.

Он сигнализировал в дирекцию, но *Девчонка сигнализировала учительнице.

(Ябедничают, доносят, стучат, капают люди; ябедничать можно только другим людям, а **сигнализировать** — скорее в официальные органы.)

5.2. Системность.

Принцип системности отражает современное представление о лексике как о хорошо организованной системе. Для его реализации необходимо:

- выявление регулярных связей между значением слова и его грамматическими свойствами её несобственно семантическими свойствами — грамматической парадигмой, моделью управления, сочетаемостью, коммуникативно-просодическими свойствами, структурой словообразовательного гнезда и т. п.;
- максимально похожее представление всех слов с совпадающими или очень похожими свойствами (описание лексики по лексикографическим типам);
- явное указание всех смысловых связей между словами в виде реально совпадающих смысловых компонентов в их толкованиях;
- разработка типовых схем представления многозначных слов с совпадающими или очень похожими смысловыми структурами;
- описание взаимодействия лексических значений друг с другом и с грамматическими значениями.

Семантическая система языка покоится на едином каркасе повторяющихся, «сквозных» семантических оппозиций (противопоставлений). Весь словарь разбивается на многократно пересекающиеся классы лексем (лексикографические типы), обладающие какими-то общими свойствами.

Пример (9)

Чтобы описать синонимы *водитель* и *шофёр*, надо рассмотреть целый ряд близких слов: *автогонщик*, *автолюбитель*, *бомбила*, *вагоновожатый*, *велосипедист*, *водитель*, *возница*, *дальнобойщик*, *извозчик*, *каюр*, *командир*, *кормчий*, *кучер*, *левак*, *лётчик*, *лихач*, *лодочник*, *машинист*, *мотоциклист*, *паромщик*, *пилот*, *погонщик*, *рулевой*, *таксист*, *частник*, *шеф*, *шофёр*, *штурвальный*, *ямщик*.

Основанием для противопоставления наших синонимов большинству названных слов является тип транспортного средства. Слова *водитель* и *шофёр* называют лиц, управляющих такими транспортными средствами, которые

(а) приводятся в движение мотором

(б) предназначены прежде всего для передвижения по дорогам и улицам

(в) обычно имеют закрытую кабину.

По признаку (а) они противопоставлены названиям лиц, управляющих транспортными средствами, приводимыми в движение не мотором, а лошадьми, собаками и т. п.: *кучер*, *извозчик*, *ямщик*, *возница*; *каюр*, *погонщик*; *велосипедист*.

По признаку (б) они противопоставлены обозначениям лиц, которые управляют транспортными средствами, передвигающимися по воде (*лодочник*, *паромщик*, *рулевой*, *штурвальный*, *кормчий*) или по воздуху (*лётчик*, *пилот*), а также по железной дороге (*машинист*).

По признаку (в) они противопоставлены названиям лиц, управляющих транспортными средствами, не имеющими кабин: *мотоциклист*, *велосипедист*.

Кроме того, слова *водитель* и *шофёр* являются гиперонимами (обобщающими словами) к словам, содержащим указание на конкретную разновидность транспортного средства, а именно к словам *таксист*, *дальнобойщик* и *вагоновожатый*, которые обозначают соответственно *водителя* <шофёра> *такси*, *водителя* <шофёра> *большегрузного автомобиля*, совершающего дальние рейсы, и *водителя трамвая*.

Наконец, с нашими синонимами сближаются слова, которые называют водителей и при этом либо дают им дополнительную характеристику, либо употребляются в определённой функции: *лихач*, *автогонщик*, *частник*, *левак*, *бомбила*, *автолюбитель*, *шеф*, *командир*.

Лихач указывает на манеру езды водителя, который ездит очень быстро и часто пренебрегает правилами дорожного движения: — *Осторожнее рулите по нашим дорогам, — ответил Руджи со странной усмешкой, — они очень узкие, а наши водители — лихачи* (Ю. Семёнов).

Автогонщик называет спортсмена, участвующего в автомобильных гонках. Это слово может обозначать как водителя гоночного автомобиля, или *пилота*, так и члена команды — *штурмана*.

Частник, левак и бомбила указывают на специальную цель водителя: зарабатывание денег, обычно незаконным или полужаконным путём.

Автолюбитель называет непрофессионального водителя, для которого автомобилизм — спорт или хобби; он любит свой автомобиль и обычно хорошо разбирается в нём.

А слова *шеф* и *командир* используются при обращении к водителю: — *На Шереметьевскую, — ответил я, даже начиная задрёмывать, что нередко бывает со мною, стоит мне занять в машине пассажирское место, — на Шереметьевскую, шеф, по дороге на полчаса на Десятковскую, а уж оттуда на Дмитровку, конечно, командир, на Дмитровку обязательно* (А. Кабаков).

5.3. Интегральность

Интегральность в лексикографии — это согласованность по типам лингвистической информации и способам её формального представления описания грамматики и словаря. Описание лексики должно быть максимально согласовано с описанием грамматики в широком смысле слова, т. е. со сводом всех достаточно общих правил данного языка. В их число мы включаем, помимо морфологических и синтаксических, ещё и сочетаемостные, семантические, прагматические, коммуникативно-просодические и иные правила построения высказываний.

5.3.1. Морфологические правила

Пример (10)

Формы множественного числа близких синонимов *друг, товарищ, приятель, знакомый*.

Формы *друзья, товарищи и приятели* двузначны: они могут обозначать и группу людей, каждый из которых в отдельности является чьим-то другом (товарищем, приятелем): *Приходили друзья <товарищи, приятели> Пети*, и группу людей, состоящую из пары, тройки и т. п. друзей (товарищей, приятелей): *Друзья <товарищи, приятели> решили ехать вместе*. У формы *знакомые* есть только первое из этих значений.

Пример (11)

Формы совершенного вида слов *восхищаться* и *восторгаться*.

У *восторгаться* такой формы нет, а *восхищаться* в форме совершенного вида предполагает, как правило, словесное проявление эмоции.

— *Ты уже все обдумал!* — *восхитился Михаил* (В. Аксёнов).

— *Вторую кастрюлю ест,* — *насмешливо восхитился Климов* (В. Токарева).

Но плохо: ?? *Мандельштам восхитился Ахматовой: не только её стихами, но и ею самой, её личностью, её внешностью.*

5.3.2. Синтаксические правила**Пример (12)**

Сочинительные союзы *или* и *либо*.

Союз *или* может оформлять, соединять любое число компонентов: ср. *Тебя обязательно посетит Ваня, Петя, Маша, Даша или Наташа.*

Союз *либо* может вводить сочинительную конструкцию, состоящую лишь из двух компонентов: нормально *Придёт Ваня либо Петя*, но плохо ?? *Придёт Ваня, Петя либо Вася.*

Пример (13)

Предлоги со значением цели (*в, во имя, в целях, для, за, из-за, на, ради, с целью*). Предлоги *для, ради, из-за, во имя, в целях* управляют существительным в форме родительного падежа (*для вида, ради праздника, во имя милосердия* и т. д.), а предлоги *за, на, в* — в форме винительного падежа (*борьба за власть, стрельба на поражение, концерт в пользу беженцев*). А *с целью* может управлять неопределённой формой глагола (*подошёл с целью задать вопрос*). Это, по-видимому, уникальная для русского языка ситуация.

Пример (14)

Близкие синонимы *ждать, дожидаться, ожидать* управляют существительным в форме винительного падежа, если объект ожидания — живое существо, группа лиц и т. п.: *ждать жену, ожидать делегацию, дожидаться врача*. Если же объект ожидания — не живое существо, а предмет, действие, событие и т. п., то обычна форма родительного падежа: *ждать поезда, ожидать восхода солнца, дожидаться приезда гостей*.

5.3.3. Просодические правила (интонация)**Пример (15)**

Разным значениям глагола *выбрать* соответствует разная интонация:

выбрать 1 = ‘остановить выбор на одном из однотипных объектов’:
Маша ↓выбрала платье.

Коля ↓выбрал подарок.

выбрать 2 = ‘сделать выбор в пользу одной из альтернатив’:

Я выбрал ↓свободу.

Ты выбрал ↓деньги.

У фразы *Боря выбрал дачу* два понимания в зависимости от интонации.

Пример (16)

Перечисление с помощью союза *и* или без союзов:

Там растёт ель, берёза, ↓дуб.

Там растёт ель, берёза, ↑дуб. . .

Там растёт ель, берёза и дуб.

Союз *и* обычно употребляется с интонацией завершённого перечисления.

5.3.4. Прагматические правила (знания о мире)

Пример (17)

Синонимы *выглядеть* и *казаться*:

Нормальные фразы:

Миллиард лет назад Вселенная выглядела иначе.

Через миллиард лет Вселенная будет выглядеть иначе.

Странные фразы:

? *Миллиард лет назад Вселенная казалась иной.*

? *Через миллиард лет Вселенная будет казаться иной.*

Глагол *казаться* предполагает конкретного наблюдателя, о котором странно говорить, если речь идёт о необозримо далёких событиях.

5.4. Языковая картина мира

Языковая (наивная) картина мира — общий взгляд на мир, присутствующий данному языку. Это особое мировидение может отличаться как от научной картины мира, так и, возможно, от способов видеть мир, присутствующих другим языкам.

Пример (18)

Фрукты и ягоды в науке и языке.

В биологии понятия *фрукт* нет.

Ягода — ‘многосеменной одногнёздный или многогнёздный нескрывающийся плод’. Примеры: *смородина, крыжовник, черника, яблоко, дыня, арбуз, помидор, картофель. . .*

В русском языке фрукты — ‘съедобные плоды деревьев и кустарников, содержащие семена внутри себя, сладкие, кисло-сладкие или кислые, которые обычно едят сырыми’. Примеры: *абрикосы, ананасы, апельсины, бананы, гранаты, груши, инжир, киви, лимоны, манго, мандарины, персики, помело, сливы, фейхоа, финики, хурма, яблоки. . .*

А виноград, вишня, черешня — ягоды или фрукты? Ср. примеры:

Продавались местные лесные ягоды — вишня, смородина, ежевика, земляника (История рынков Оренбурга);

А откуда эти ягоды — клубника и черешня? — Сейчас ягоды поступают в основном из Краснодарского края («Вечерний Мурманск»).

Очевидно, в русской языковой картине мира ягоды — сладкие и мелкие плоды. В других языках возможна немного другая картина. Так, в болгарском языке нет общего слова для ягод. В английском языке *grapes* ‘виноград’, *tomatoes* ‘помидоры’, *avocados* ‘авокадо’ входят во *fruits* ‘фрукты’. Фруктами считаются огурец в Иране, помидор в Китае, морковь в Португалии. . . Как толковать эти слова в словаре?

5.5. Толкования. Метаязык и примеры

На метаязыке выполняются аналитические толкования всех лексем. Это подъязык русского языка, использующий относительно простые лексемы, основные грамматические формы слов в их главных значениях и простейшие синтаксические конструкции.

Пример (19): ТОСКА, УНЫНИЕ, ПЕЧАЛЬ, ГРУСТЬ

Толкования словаря Ожегова и Шведовой:

- Чувство уныния, лёгкой печали
- Безднадёжная печаль, гнетущая скука
- Душевная тревога, соединённая с грустью; уныние
- Чувство грусти и скорби, состояние душевной горечи

Толкования МАС

- Чувство печали, лёгкого уныния
- Мрачное, подавленное состояние духа
- Тяжёлое гнетущее чувство, душевная тревога
- Чувство грусти и скорби, душевной горечи

НОСС: толкование и различительные признаки

‘неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно’.

Синонимы различаются по следующим признакам:

1) отношение человека к желаемому (при *тоске* и *унынии*, в отличие от *грусти*, человек склонен думать, что желаемое ему жизненно необходимо);

2) интенсивность, глубина и длительность чувства (*тоска* — интенсивное, длительное и глубокое переживание; *уныние* — это не столько чувство, сколько общее состояние субъекта; *грусть* — относительно недлительное и неглубокое переживание);

3) степень неприятности чувства (наибольшая в случае *тоски*, наименьшая в случае *грусти*);

4) желание изменить ситуацию (есть при *тоске*, отсутствует при *унынии*);

5) формы проявления чувства, влияние чувства на жизнедеятельность человека (*уныние* предполагает подавленность, апатию и бездеятельность, несовместимые с нормальным функционированием человека; *грусть* предполагает лишь отсутствие оживления и не препятствует нормальной деятельности человека);

6) близость чувства желанию иметь определённый объект (*тоска* в противоположность *унынию*);

7) связь чувства с особенностями характера человека (*уныние* в значительной мере обусловлено свойствами личности, *грусть* может испытывать каждый).

Список литературы

- 1) В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством академика Ю. Д. Апресяна. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва–Вена, 2004.
- 2) В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Языковая картина мира и системная лексикография. Ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.
- 3) Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. // Избранные труды. Т. 1. М., 1995.
- 4) Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- 5) Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др. Англо-русский синонимический словарь. Под ред. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. М., 1979.
- 6) И. М. Кобозева. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- 7) И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984.
- 8) Новый большой англо-русский словарь. В 3 томах. Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1993.

-
- 9) Семиотика и информатика, Вып. 32: Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991.
  - 10) Е. В. Урысон. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.

Создание эмоциональных роботов

Артемий Александрович Котов

Когда роботы появляются в фантастических фильмах, они обычно разговаривают металлическим голосом, не понимают шуток и совершенно лишены эмоций. Иногда в конце фильма робот меняется, он начинает сопереживать главному герою, проявляет эмоции и даже смеётся над шутками — тем самым робот как бы «оживает» и становится больше похожим на человека.

Часто кажется, что эмоции и юмор — это особенности человека, которые отличают его от неживой природы и которые никогда не будут доступны роботам и возможны только в фантастических фильмах. На самом деле, учёные в различных областях науки (в лингвистике, кибернетике и психологии) достаточно давно работают над исследованием эмоций и юмора, стремясь сделать таких роботов, которые смогут сами испытывать состояния, похожие на человеческие эмоции, проявлять эти состояния при общении с человеком и понимать человеческие эмоции. Такие роботы будут выглядеть дружелюбно и сделают общение человека и компьютера понятнее и приятнее. Современные компьютеры постоянно развиваются и управление ими становится всё сложнее: это относится не только к персональному компьютеру — сложнее становится управлять микроволновыми печами, телевизорами, музыкальными центрами, кондиционерами и т. д. Когда в нашем доме появляется новое устройство, нам самим приходится учиться им пользоваться, и иногда мы даже подсказываем нашим родителям и бабушкам, как обращаться с компьютером или с бытовой техникой. Вместе с тем, если бы компьютер выглядел как человек (или даже как игрушка) — нам не пришлось бы учиться работе с ним, мы общались бы с компьютером, как с обычным человеком. Конечно, это упростило бы работу с компьютерами и с бытовой техникой для наших бабушек и дедушек. Поэтому создание эмоциональных интерфейсов — очень важная научная проблема, которой посвящено множество научных книг и которой посвящены регулярные международные конференции.

Животные, живущие внутри компьютера

Кнопки, клавиатура и компьютерная «мышь» — это система, через которую человек общается с компьютером — она называется «интерфейсом». У робота интерфейс может быть похож на человеческое лицо: у него могут быть глаза, брови и рот. Однако можно себе представить компьютерный организм, у которого вообще нет интерфейса —

он может жить внутри прямоугольного пространства, выделенного ему в памяти и никак не быть заметным со стороны. Вместе с тем, этот организм можно наделить чувствами и аналогами человеческих эмоций: он может испытывать голод и искать «еду», которая появляется в его виртуальном пространстве. Кроме того, в этом пространстве может обитать целое сообщество таких организмов, они могут отнимать друг у друга еду, проявлять агрессию или убегать друг от друга. С другой стороны, они могут размножаться, заботиться о своих потомках и даже учить их. Изменив определённый параметр отдельного организма, мы можем посмотреть, как это повлияет на развитие всего сообщества этих организмов. Например, мы сможем узнать, какие организмы лучше выживают в этом компьютерном сообществе, какие стратегии поведения лучше в пространстве, богатом ресурсами, и какие стратегии лучше подходят для пространства, бедного ресурсами, как организмы могут взаимодействовать друг с другом и помогает ли такое взаимодействие всему сообществу. В результате мы сможем исследовать, как особенности организма влияют на законы всего сообщества. Такие исследования называются анализом «искусственных сообществ», а отдельные организмы в таких сообществах носят название «виртуальные агенты».

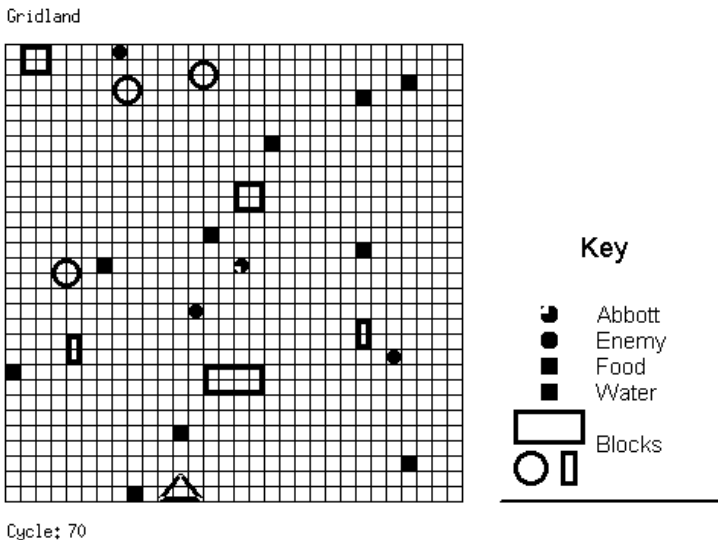

Рисунок 1. Движения виртуальных агентов в искусственном пространстве: на схеме квадратами обозначены (а) основной виртуальный агент (в центре), (б) враги, (в) еда, (г) вода, (д) стены — схемы из диссертации Р. С. Алена, 2001 г.

Исследования «искусственных сообществ» проводятся в различных университетах мира. Например, большой проект по созданию виртуальных агентов ведётся в Университете Бирмингема (Великобритания) под руководством исследователя Аарона Сломана²⁴. Этот проект носит название CogAff (Cognition and Affect Project — Проект «Мышление и эмоции»)²⁵. Задача этого проекта состоит в том, чтобы совместить в одном агенте процедуры, которые характерны для эмоций человека и для его мышления.

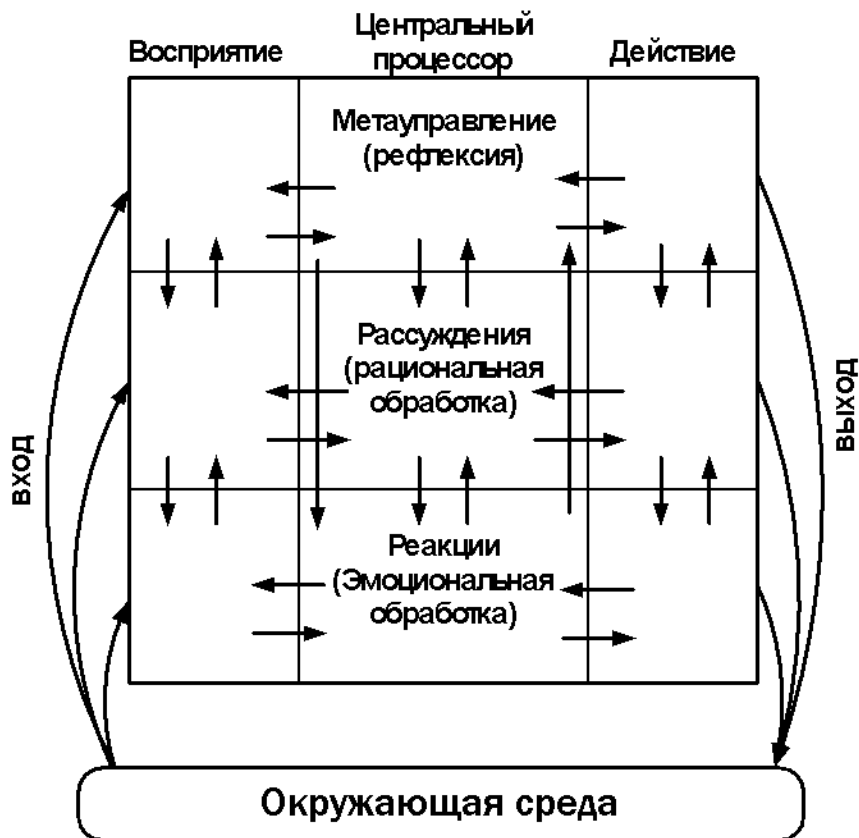

Рисунок 2. Модель CogAff (упрощённый вариант) — обработка входа выполняется процедурами трёх уровней — это уровни «Метауправление», «Рассуждения» и «Реакции»; уровни и компоненты модели могут сложным образом взаимодействовать друг с другом.

²⁴<http://www.cs.bham.ac.uk/~axs/>

²⁵<http://www.cs.bham.ac.uk/research/projects/cogaff/>

Нам часто кажется, что эмоции и здравый рассудок противопоставлены друг другу — именно это и сделано в проекте CogAff. Процедуры, отвечающие за эмоции, и процедуры, отвечающие за «рациональное планирование» собственных действий агента, разделены на два уровня — уровень реакции и уровень рассуждения. В дополнение к этому в модели присутствует уровень метауправления, который позволяет организму рассуждать о собственных действиях и видоизменять своё поведение. Каждый из этих уровней может получать информацию от органов чувств (то, что видит агент в своём виртуальном мире) и принимать решение — направлять агента в ту или в другую сторону. В каждый момент времени один из уровней получает контроль над действиями агента. В знакомой ситуации действиями агента управляет уровень рассуждений: он подавляет эмоциональные реакции и предлагает более сложные программы действий. Однако процедуры рационального уровня работают сравнительно медленно, поэтому в критической ситуации эмоциональный уровень перехватывает управление и получает контроль над действиями агента. В логике такого агента, если на нас движется что-нибудь большое и чёрное, то более «умное» решение состоит в том, чтобы отпрыгнуть или убежать (то есть задействовать эмоциональные процедуры уровня реакций), а не тратить время на разглядывание и обдумывание (использовать процедуры уровня рассуждений). Как видно, эмоциональные реакции очень важны для выживания и поведения агента, они не должны полностью подавляться рациональным уровнем. В самом деле, если бы мы всё время были заняты планированием того, как найти пищу, то не обратили бы внимание на еду, появившуюся совсем рядом с нами и могли бы умереть от голода, пытаясь максимально рационально спланировать наш поход за едой.

Хотя виртуальные агенты и не имеют сложных интерфейсов (у них нет тел и лиц, с помощью которых они могли бы проявлять эмоции при общении с человеком), исследователи уделяют достаточно большое внимание разработке внутренней структуры этих агентов. Дело в том, что простые эмоциональные реакции человека достаточно сложно связаны с рациональными рассуждениями: мы можем оценивать, что мы могли бы почувствовать в конкретной ситуации, предугадывать наши эмоции или стараться подавить наши эмоциональные проявления. Кроме того, на наши действия в конкретной ситуации могут влиять наше настроение, наши планы, отношение к конкретному человеку и т. д. Исследователи стараются описать все эти многочисленные процессы и представить их в виде программы при создании эмоциональных виртуальных агентов: это позволит оценить эмоциональное поведение существ, живущих в виртуальном мире, до того, как те же самые программы начнут использоваться в роботах, взаимодействующих с нами в мире реальном.

Роботы, похожие на человека

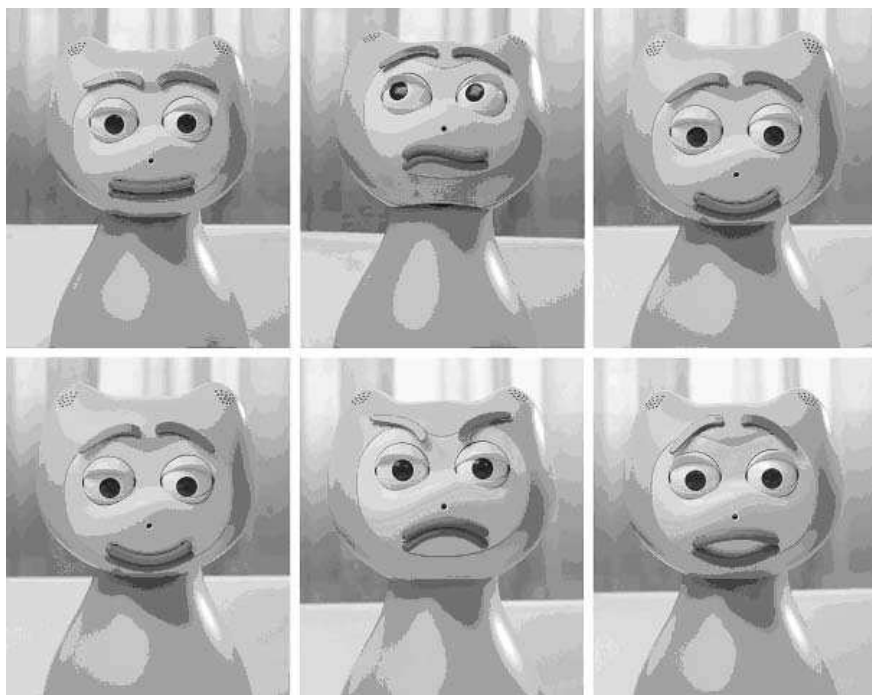
При создании роботов, похожих на человека, часто используются такие же программы, что и при разработке виртуальных агентов. Однако в отличие от виртуальных агентов, такие роботы снабжены интерфейсом — это или изображение лица (или даже фигуры, подобной фигуре человека) на мониторе, или голова, похожая на голову куклы, у которой глаза, брови и рот могут двигаться с помощью электроприводов.

Если виртуальные агенты могли выражать свои эмоции очень ограниченно — только с помощью бегства или нападения на других агентов, то роботы могут выражать свои эмоции с помощью движений глаз, бровей и рта (в зависимости от того, какие из этих частей сделаны подвижными). Некоторые из этих роботов снабжены синтезаторами речи, которые позволяют произносить голосом фразу, написанную буквами. То есть, например, если блок рациональных рассуждений построил фразу *Надо подумать*, а блок эмоциональных реакций — фразу *Какой ужас!* — синтезатор может произнести эти фразы голосом, похожим на голос реального человека. Таким образом, робот будет выражать в речи компоненты смысла, построенные компонентами рационального рассуждения и эмоциональной реакции. При передаче эмоций в речи большое значение имеют интонация и способ произнесения (мы можем говорить расслабленным или напряжённым, скрипящим голосом). Несколько исследовательских групп работают над тем, чтобы выявить признаки голоса, характерные для различных эмоций, и разработать синтезаторы речи, выражающие определённые эмоции с помощью голоса при произнесении текста. Это позволит сделать речь роботов менее «механической» и более «эмоциональной».

Philips iCat. Компания Philips, известная производством бытовой электроники, выпускает и предоставляет для научных исследований робот iCat (ай-кэт, электронная кошка).²⁶ iCat пока не продаётся в магазинах — его могут заказать только учебные и научные учреждения для своих исследований. Используя iCat, учёные могут проверить на практике свои программы, ранее разработанные для виртуальных агентов или для систем, которые должны поддерживать диалог с пользователем, но не имели физического интерфейса. iCat может вращать головой, кивать, двигать глазами, бровями и губами. Используя все эти средства, можно имитировать мимику и выражения лица, характерные для тех или иных эмоций.

---

²⁶http://www.research.philips.com/technologies/syst_softw/robotics/

Рисунок 3. С помощью наклона головы, движений глаз, бровей и губ робот iCat может выражать различные эмоциональные состояния.

С помощью iCat исследуются разные способы общения с человеком. Например, iCat может управлять телевизором и видеомagneитофоном (DVD или HD-рекордером), подсказывая человеку телепрограмму, предлагая включить телевизор на том или ином канале или записать определённый фильм из телеэфира. Оказывается, что в таких ситуациях некоторые люди скорее склонны отдавать инициативу роботу — они более полагаются на его выбор и более благосклонны к инициативе робота. Другие люди сами принимают решения — они намерены сами контролировать выбор программы, и инициатива робота их раздражает. Эти наблюдения показывают, что разным людям подходят роботы, демонстрирующие разный характер и стиль поведения, некоторым людям в общении будут больше подходить развлекающие их роботы, а другим людям — «роботы-исполнители».

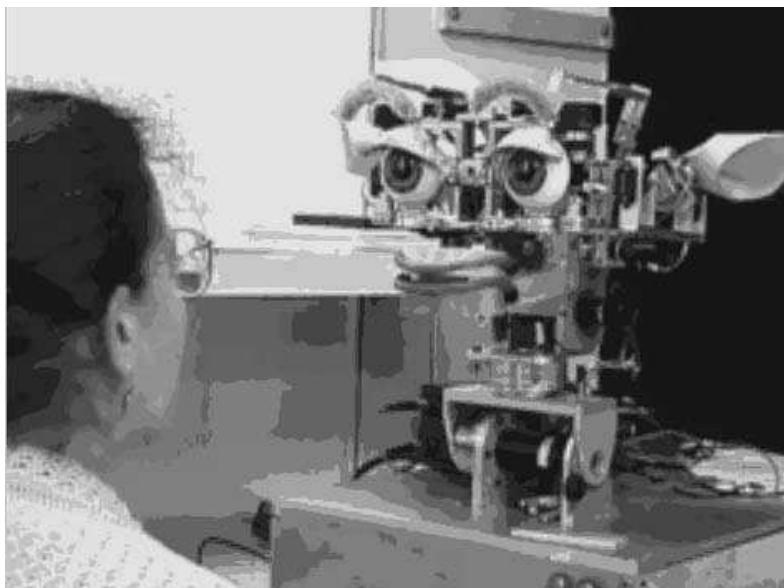
Робот Кисмет (Kismet)

Рисунок 4. Робот Кисмет общается с пользователем.

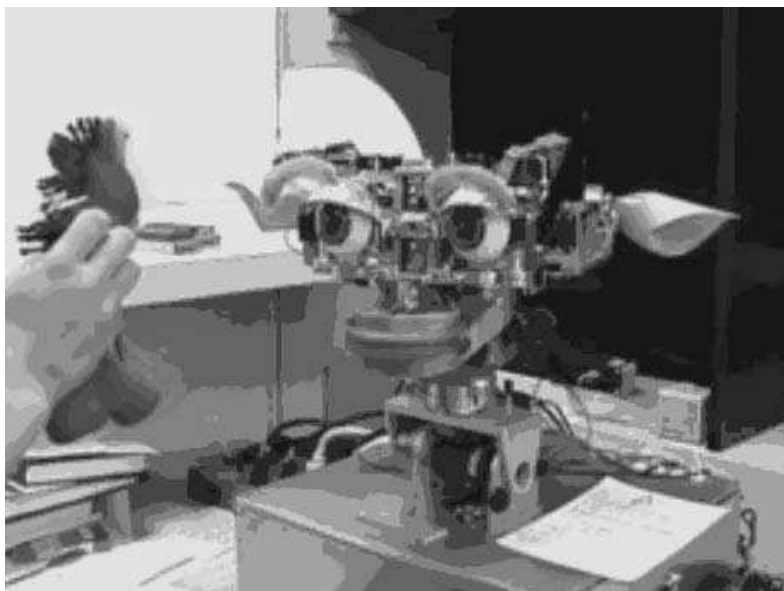

Рисунок 5. Робот Кисмет разглядывает игрушку.

Робот Кисмет разрабатывается в Массачусетском технологическом университете (МИТ, США) под руководством Синтии Бризль.²⁷ Кисмет умеет двигать глазами, бровями и ртом, кроме того, у него есть уши, движения которых очень забавны и помогают для выражения эмоций. Робот Кисмет управляется сетью из 15 компьютеров: девять компьютеров обрабатывают сигнал с видеокамер, один компьютер отвечает за распознавание речи, один — за синтез речи и ещё 4 микропроцессора отвечают за движения «лица» робота и за динамику эмоциональных состояний.

С помощью Кисмета исследуются разные стороны общения людей и роботов. Например, люди в общении интуитивно поддерживают определённую дистанцию (слишком близкое или слишком далёкое положение собеседника для нас некомфортно). Используя движения шеи, Кисмет тоже отдаляется и приближается к собеседнику, поддерживая оптимальную дистанцию. Интересно то, что в некоторых случаях «интуитивное» отдаление понимается не просто как средство поддержать дистанцию, но как особый знак, свидетельствующий о недовольстве. Такое разделение «интуитивных» и коммуникативных знаков — одна из интересных тем при исследовании поведения и человеко-машинного взаимодействия.

Робот Мерц (Mertz). Проект робота Мерц разрабатывается в Массачусетском технологическом университете (МИТ, США).²⁸ Задача этого проекта состоит в том, чтобы создать робота, способного непрерывно без поломок работать дни и даже месяцы. Если другие роботы работают сравнительно краткие промежутки времени — часто их включают только на время эксперимента, то Mertz должен взаимодействовать с окружающим миром в течение долгого времени, в этом он должен походить на живых существ. Как и живые существа, Mertz должен учиться. В детстве человек обучается языку и значению слов. Ребёнок слышит повторяющиеся фрагменты речи взрослых и усваивает эти фрагменты как слова языка. Кроме того, ребёнок сам устанавливает соответствия между услышанными фрагментами речи и предметами окружающего мира: он понимает, что слово *синий* означает определённый цвет. По-видимому, это происходит, когда ребёнку указывают на предметы некоторого цвета и при этом произносят слово синий. Подобным образом ребёнок выучивает сотни и тысячи слов, кроме того, он выучивает не только слова, но и стратегии общения: мы знаем, что при

---

²⁷<http://groups.csail.mit.edu/lbr/humanoid-robotics-group/kismet/>

²⁸<http://people.csail.mit.edu/lijin/mertz.html>

встрече можно сказать *Привет*, можно помахать рукой, можно кивнуть головой или даже просто определённым образом моргнуть. Чтобы общаться с людьми, робот тоже должен иметь возможность учиться и осваивать значения слов и ключевые способы поведения. Одна из задач разработчиков робота Мерц — сделать программу, способную учиться и выделять стандартные способы приветствия, прощания, а также соответствия между словами языка и объектами реального мира, как это делает человек.

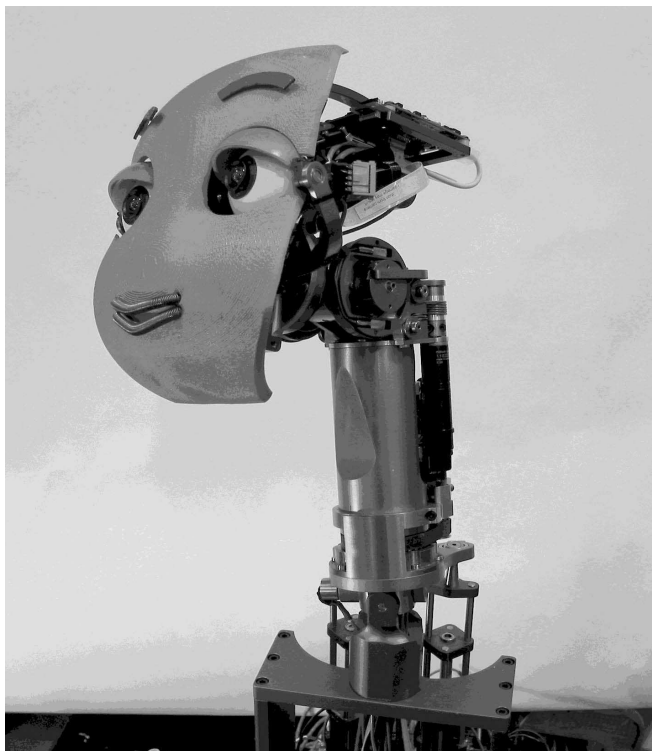
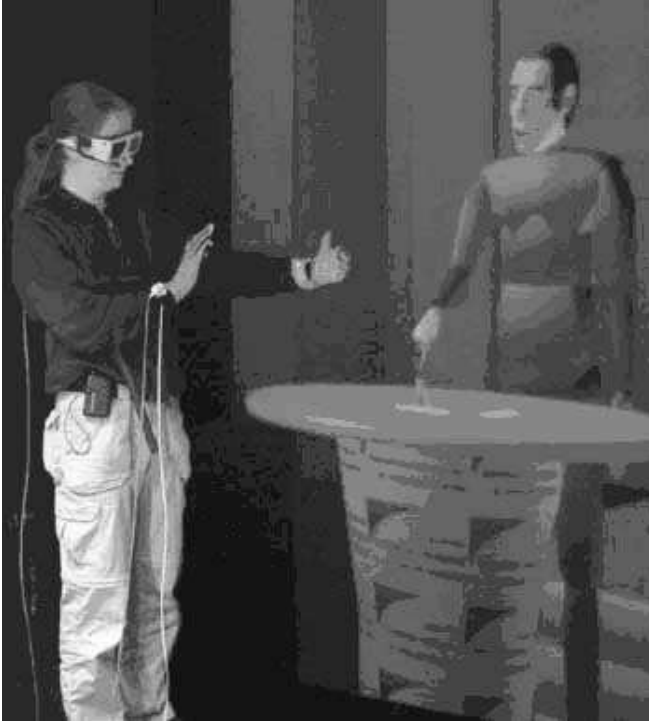

Рисунок 6. Робот Мерц автоматически выделяет знаки в окружающем мире.

Агент Макс (Max). Агент Макс разрабатывается в Университете Билефельда (Германия) под руководством исследователя Ипке Ваксмута²⁹. Макс не имеет физического интерфейса – это трёхмерная фигура, полностью смоделированная компьютером. Человек может взаимодействовать с этим роботом, наблюдая его на экране компьютера

²⁹<http://www.techfak.uni-bielefeld.de/~ipke/>

или надевая специальные очки, которые делают изображение трёхмерным: если изображение спроецировано на одну из стен комнаты, то кажется, что робот находится в одной комнате с человеком.

Рисунок 7. Робот Макс (справа) вместе с пользователем собирает модель из деталей.

Отсутствие физического интерфейса делает подход исследователей более гибким: исследователь может добавлять новые, достаточно тонкие способы выражения эмоций во внешнем облике, модифицируя лишь программу, конструирующую изображение. С помощью Макса исследуются такие «тонкие» способы выражения эмоций, как покраснение, незначительное изменение выражения лица. Кроме того, исследуются особенности зрительного контакта (в каком случае человек будет чувствовать, что робот на него смотрит) и действия робота в неактивном состоянии (даже бездействующий робот должен слегка менять положение головы и тела, имитируя движения и дыхание человека — полная неподвижность выглядит неестественно и иногда даже пугающе).

Макс оборудован синтезатором речи и может отвечать на фразы, набираемые с клавиатуры. С помощью программы изменения эмоцио-

нального состояния Макс может реагировать на эмоциональные фразы. Compliments повышают его настроение, а оскорбления — расстраивают, он может даже отказаться общаться с собеседником и уйти.

Общие вопросы

Мы привели в качестве примеров только несколько проектов по исследованию человеко-машинного взаимодействия. Успехи в этой научной области выглядят обнадеживающе, однако всё ещё существует немало научных проблем, из-за которых роботы пока ещё далеки от массового производства. Одна из таких проблем — это низкое качество систем распознавания речи: для лучшего распознавания речи нужно просить человека говорить отчётливо, иногда даже прикреплять ему на грудь микрофон — во многих ситуациях реального общения это, конечно же, невозможно, а непонимание со стороны робота будет раздражать человека и делать общение неэффективным.

Другая проблема — это очень сложное соответствие между смыслом текста и эмоциями человека. Каждое высказывание человека содержит определённый смысл. Этот смысл может соответствовать объектам действительности (например, когда мы говорим *Вот — дом*, мы описываем действительность), или может соответствовать нашим эмоциям (мы можем говорить *Какой ужас!* или *Мне страшно!*). Во многих случаях описание реального мира соседствует в наших высказываниях с выражением оценки и нашего эмоционального состояния (мы можем говорить *какой ужасный дом*). Иногда мы выражаем нашу оценку непрямо, например, с помощью иронии (мы можем с иронией сказать *Ага! Какой милый домик!* — при этом мы особым способом даём нашему собеседнику понять, что наши слова не нужно воспринимать буквально, и дом на самом деле нам не понравился). Анализ всех этих способов выражения эмоций очень интересен и очень важен для создания роботов, но при этом он требует огромных усилий. Как можно ожидать, эти задачи будут привлекать огромное внимание исследователей в ближайшие годы.

Как искать информацию о научных проектах по созданию роботов

Большинство исследований по разработке эмоциональных роботов проводятся за рубежом, поэтому материалы об этих проектах написаны на иностранных языках. Однако если Вы владеете английским языком (на нём больше всего материалов) — то описания проектов можно найти в нескольких источниках.

Прежде всего, большинство научных проектов представлено в интернете: мы давали ссылки на интернет-сайты конкретных проектов в тексте статьи. Во многих случаях на страницы в интернете исследователи помещают даже свои научные статьи: например, все статьи по проекту CogAff публикуются на странице: <http://www.cs.bham.ac.uk/research/projects/cogaff/>. Там же можно посмотреть видео, и даже скачать программы для создания собственных проектов (но эти программы работают только в операционной системе Linux).

В интернете представлены также научные сообщества. Например, HUMANIE (Сообщество по исследованию человеко-машинного эмоционального взаимодействия) объединяет исследователей Европейского союза — на сайте <http://emotion-research.net/> есть ссылки на страницы исследователей и на различные научные проекты.

Другой источник — это библиотеки. Например, в Российской государственной библиотеке есть книга Cassel J., Sullivan J., Prevost S., et al. (Eds.) *Embodied Conversational Agents*. — MIT Press, 2000, в которой представлено множество проектов создания интерфейсов, взаимодействующих с человеком.

Некоторые из работ, публикующихся за пределами России, доступны через электронные библиотеки (базы данных) — это сайты иностранных издательств или библиотек, которые позволяют читать статьи в электронном виде. Для пользования электронными библиотеками нужно иметь подписку (через домашний интернет можно будет посмотреть только заголовки и краткие описания статей, но не их полный текст). Такая подписка есть у крупных российских библиотек, таким образом, воспользовавшись компьютерным залом в библиотеке, можно познакомиться со статьями в иностранных журналах. Например, Российская государственная библиотека подписана на публикации издательства Springer. Электронная библиотека этого издательства расположена на сайте <http://www.springeronline.com>. На этом сайте можно, например, прочитать материалы двух больших международных конференций по эмоциональным интерфейсам:

Andre E., Dybkaer L., Minker W., et al. (Eds.) *Affective Dialogue Systems*. — Springer, 2004.

Tao J., Tan T., and Picard R.W. (Eds.) *Affective computing and intelligent interaction, Lecture Notes in Computer Science 3784*. — Springer-Verlag, 2005.

Узнать, на какие иностранные электронные базы данных подписана та или иная российская библиотека, можно или на её сайте, или у консультантов в самой библиотеке.

История кинесики и проблемы описания одного семантического класса жестов

Григорий Ефимович Крейдлин

Кинесика — это наука о жестах, жестовых семиотических процессах и жестовых системах. Предыстория и история кинесики — области не менее интересные, чем современное состояние. Дело в том, что они во многом связаны с отношением людей к телу и телесным проявлениям. Так, раннему средневековью было присуще презрение к телу и стремление обуздать его различные проявления, усмирить тело, или, как говорили тогда, «смирить» тело. Позже, в XII–XIII веках, отношение общества к телу уже резко меняется, переходя в свою противоположность: тело начинает рассматриваться как правильная и оптимальная оболочка для души, а телесная красота — как прямо соответствующая красоте человеческой души. В последующие исторические периоды внимание учёных и бытописателей постепенно начинают привлекать не только телесные очертания и пропорции тела и его частей, но также телесные движения и действия с телом или над телом.

Первые исследовательские работы, посвящённые жестам, которые понимаются мной широко как различные знаковые единицы языка тела, появились в XVII веке. Работы эти были связаны с такими областями человеческой деятельности, как риторика, медицина, психология, педагогика, искусство и физиогномика (физиогномика представляет собой учение о том, как отражаются в чертах, формах и выражениях лица человека его внутренние качества). Сюда же добавлю и ряд других важных в культурном и социальном отношении сфер, такие, как хирология (язык линий и бугорков рук), хирономия (искусство мануальной, то есть осуществляемой при помощи рук, риторики) и хиромантия (искусство гадания по руке). Все они составили предмет одной из самых первых книг, относящихся к кинесике.

Я имею в виду руководство Дж. Балвера, которое вышло в свет в 1644 году. (Bulwer, J. **Chirologia: Or the natural language of the hand and Chironomia: Or the art of manual rhetoric.** (ed. J. W. Cleary). Carbondale and Edwardsville: Southern Illinois Univ. Press, 1974 (1st edition — 1644)). По Дж. Балверу, именно язык рук является естественным языком, будучи природным образованием, в отличие от искусственного, придуманного языка слов. И уже по одному этому язык рук, по мнению Дж. Балвера, достоин самого серьёзного изучения.

По всей видимости, человеком, с которого начинается систематическое научное изучение жестов и мимики, их распознавания и интерпретации, то есть узнавания в тексте и понимания, был Джон Каспер

Лафатер, пастор из Цюриха. Он в 1792 году опубликовал «Эссе по физиогномике». Он был первым, кто провёл подробные наблюдения и построил описание соотношений между выражениями лица, а также конфигурациями тела, с одной стороны, и типами внутренних, личностных свойств человека, с другой.

Исследования Лафатера оказали огромное влияние на русскую культуру и науку. Например, многие русские писатели в своём творчестве использовали его соображения и идеи. Н. М. Карамзин считал, что лучше Лафатера никто не знает и не понимает, что такое человек и человеческий характер, а А. Н. Радищев чуть ли не прямо следовал за Лафатером в описании человеческих характеров. Судя по всему, прекрасно знавший тексты Лафатера и увлекавшийся его идеями, М. Ю. Лермонтов тоже давал портретные характеристики персонажам с учётом сформулированных Лафатером признаков и закономерностей. При этом интересно, что, опираясь на соображения Лафатера, Лермонтов редко давал пояснения характеристик людей непосредственно в тексте произведения; намного чаще он просто опускал портретные комментарии, предполагая, по-видимому, хорошее знакомство читателя с популярными тогда в интеллектуальной среде России идеями и мыслями Лафатера.

Вот, например, такой фрагмент из «Княгини Лиговской»: *Лицо его смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: они прочли бы на нём глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности* (выделено мной — ГК). Или ср. описание, данное Григорию Печорину. Прежде чем напомнить его, осмелюсь утверждать, что «Герой нашего времени» до сих пор остаётся не до конца прочитанным и осознанным. А ведь он пронизан-таки неочевидными и пронизательными наблюдениями над соотношением внешнего облика и строения тела человека с его внутренним миром:

Он <Печорин> был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое телосложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не победённое ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными. <... > Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками — верный признак некоторой скрытности характера. <... > Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит бальзакова 30-летняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более 23 лет, хотя после я готов был дать ему 30.

В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность: белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении можно было заметить следы морщин, пересекающих одна другую, и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства.

Мне кажется, что даже частичное знакомство сегодняшних читателей «Героя нашего времени» и других произведений русской литературы XIX — начала XX веков с мыслями Балверера и Лафатера способствовало бы более глубокому пониманию литературных текстов и проникновению читателя в образы Печорина, Мышкина и других известных персонажей.

Вернусь к истории кинесики.

С XVIII века до середины XIX века проблема порождения и понимания жестовых и смешанных, жестово-речевых, текстов начинает занимать многих учёных Европы. Среди них, однако, едва ли можно насчитать больше десятка известных лингвистов. Преобладали физиологические (медицинские) и философские идеи и теоретические изыскания, которые проводились в основном в Германии и во Франции. Назову, например, работы таких выдающихся мыслителей, как Вундт 1900/1973, Дидро 1751/1916 или Кондильяк 1754/1971 [Wundt, W. **The language of gestures**. The Hague: Mouton, 1973 (1st edition — 1900); Diderot, D. **Lettre sur les Sourds et Muets** // M. Jourdain (ed.) Diderot's early philosophical works. Chicago: Open Court, 1916 (1st edition — 1751); Condillac, Etienne Bonnet de. **An essay on the origin of human knowledge: Being a supplement to Mr. Locke's essay on the human understanding**. Thomas Nugent, Trans. London: J. Nourse, 1756 // Gainesville, Florida. Scholars' Facsimiles and Reprint, 1971].

Психологи же тогда сознательно пренебрегали жестами, видимо, по той причине, что жесты казались психологам слишком тесно связанными с намеренными действиями и с существующими социальными и культурными соглашениями, чтобы участвовать в понимании интуитивного и иррационального моментов, столь сильно интересовавших психологов. Забыли о жестах, как я фактически уже говорил, и лингвисты, поскольку жесты были тогда для многих лингвистов (да и сейчас тоже) исключительно индивидуальными выражениями. Было принято думать, что жесты не поддаются сколько-нибудь лингвистически интересным укрупнениям, группировкам и классификациям и что очень трудно, если вообще возможно, объединить жесты в единую и достаточно стройную систему наподобие фонологической или грамматической, главным образом интересовавших в то время лингвистов.

По мере появления новых инструментов и методов аналитического изучения жестов приходит осознание особенностей их формы и смысла, механизмов функционирования и внутренних связей. Наблюдается переход от изучения индивидуального жестового выражения к анализу жестовой системы, и устная коммуникация людей начинает пониматься как область сложного взаимодействия вербального, то есть речевого, и невербальных знаковых кодов. Приблизительно со второй половины XIX века на жесты начинают смотреть как на знаки, способствующие проникновению в естественную историю, в области мышления, чувствования и понимания.

Тем не менее, хотя сегодня это может уже показаться странным, изучение единиц и моделей невербального поведения, того, как оно управляет коммуникативным взаимодействием людей и контролирует его, не увеличили сильно интереса лингвистов к невербальным знакам. Жесты и мимика, которые попадали в сферу внимания лингвистов, казались столь тесно связанными с речевыми и языковыми единицами, что отдельного интереса у лингвистов не вызывали. Хорошо изучив речь, можно узнать всё, что нужно, и о жестах — вот как примерно рассуждали тогда лингвисты. Не изменилась кардинально ситуация, и когда к анализу языка тела и моделей знакового невербального поведения приступили специалисты по семиотике — науке о знаках.

Между тем, всякая символическая знаковая деятельность, будь то речевая или неречевая, подлежит смысловому прочтению и разгадке. Ведь речь, например, может не только дополнять и усиливать жестикуляцию, но и противоречить жестовым или просто чисто физиологическим движениям, и тогда человеку приходится выбирать, чему верить, — речи или жестам.

Я полагаю, что сегодня уже можно провозгласить как вполне универсальный принцип **приоритет кинетического поведения над речевым поведением в плане установления истинности/ложности соответствующего поведения.**

Вот лишь несколько примеров.

(1) Бегающий по комнате человек или сидящий и заламывающий руки и при этом внушающий нам *Я спокоен, я спокоен, я спокоен* заслуживает, быть может, жалости, но никак не доверия.

(2) Ребёнок, который говорит нам в лицо, что чего-то там не разбивал, и при этом держит за спиной скрещённые пальцы, ведет себя противоречивым образом. Это жест в европейской культуре является знаком отведения от себя беды, грядущей, в данном случае, в форме наказания. Ребёнок прекрасно понимает, что говорит неправду, и догадывается, что если вдруг мы увидим этот его жест, то уже точно не поверим его словам.

(3) Люди, знающие, что **голливудская улыбка** — это улыбка этикетная, что она не несёт в себе тех смыслов, которые несут **радостная** или **кривая** улыбки, и видящие её на лице человека, понимают, что за произносимой ими фразой *Как мы рады вашему приходу!* реально скрывается не более чем вежливая этикетная форма приветствия. Это не искреннее выражение радости от встречи. Один мой коллега и приятель-англичанин сказал мне, что улыбаться — это всегда немного показывать зубы и что в Америке вы часто видите на лицах фальшивую радость и голливудскую вежливость («Не то, что в России, — в ответ заметил я, — тут на лицах вполне искренняя ненависть»).

(4) Жест **«пристально смотреть на кого с целью как бы увидеть насквозь»** человек осуществляет, показывая, что хочет хорошо понять что-то. Видение здесь соотносится с пониманием, а идея ‘насквозь’ — с идеей ‘хорошо’, поскольку она связана с проникновением вглубь тела человека и вглядыванием в его душу. Обычно люди ощущают неловкость и незащищённость от такого взгляда, так как не могут защититься от незаконного проникновения в глубины своей личной сферы. И пусть нам в ответ на замечание «Что вы на нас так смотрите?», говорят, что смотрят не на нас, что человек просто задумался или что это совсем другой, ну, скажем, застывший, взгляд, мы обычно отрицательно относимся к такому главному поведению и остаёмся недоверчивыми к сказанным в оправдание словам.

Понимание невербального текста предполагает, что мы не только узнаем и понимаем отдельные слова языка тела, но и делаем то же самое с целыми их классами. Среди классов жестов есть группировки, разные не только по сложности и времени существования, но и по связи с историей, психологией и другими дисциплинами.

Речь пойдёт далее о классе **поклонов**. **Поклоны** интересны специалистам самых разных наук — лингвистам, психологам, биологам, культурологам и др. И одна из причин такого интереса к ним состоит в том, что **поклоны** являются одним из самых древних культурно и социально значимых классов жестов. И относится это не только к азиатским культурам — японской, китайской, индийской или корейской, где поклоны чрезвычайно распространены, но и к традиционным европейским культурам, в частности русской.

Поклоны известны с давних времён. Первое описание **японского поклона** относится, по-видимому, к 600 году до новой эры, и содержится оно в священной книге синтоизма «Кодзики» (Kojiki) ‘Записи о деяниях древности’, древнейшем памятнике японской письменности, сохранившемся до наших дней. Японские учебники, имеющие отношение к образованию и к воспитанию общественной морали (то есть

к тому, что по-японски называется *dotoku*), описывают много разных видов поклонов, совершаемых, например, при приветствии. Японцы считают **поклоны** сугубо «своими» жестами и, насколько можно судить по современной японской живописи и рекламе, литературе, театру и кино, они очень хотят, чтобы другие тоже считали поклоны исконно японскими жестами, то есть характерными именно для японской культуры. И хотят они этого, несмотря на то, что поклоны давно и очень широко употребляются во многих других культурах.

В Китае, например, во времена Конфуция от каждого гражданина предполагалось точное знание кому, когда и как следует кланяться (например, китайской женщине полагалось кланяться мужчине, причём даже сидящему, хотя сама женщина должна была перед ним стоять). А в Индии даже словесное приветствие открывается заимствованным из санскрита словом *намастэ*, означающим ‘поклон тебе’, а словесное прощание предваряется другим, так сказать, «словесным поклоном», а именно словом *намаскар*, означающим ‘выполнение (буквально: делание) поклона’.

Роль поклонов в русской христианской культуре и в бытовой жизни праведного христианина специально отмечается в двух знаменитых памятниках древнерусской литературы. Первый, «Поучение Владимира Мономаха», указывает на важность ежедневного исполнения поклонов в молитве, ср.: *Не пропускайте ни одной ночи — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то поклонитесь трижды*. И во втором памятнике, «Домострое», мы находим аналогичное предписание: класть определённые **земные поклоны**, о которых ещё пойдёт речь, в молитве перед сном: *Ложась спать, каждый христианин по три земных поклона кладёт*.

Поклоны образуют особый подкласс **коммуникативных жестов**: каждый из них несёт информацию, которую жестикулирующий в коммуникативном акте намеренно передаёт своему адресату. По своей знаковой, или семиотической, природе поклон принадлежит к иконическим знакам — ведь, даже чуть-чуть склоняя голову, мы уже делаем этим себя физически ниже собеседника, и такое телесное действие отражает психологическое понижение своего статуса за счёт молчаливого признания статуса адресата поклона более высоким.

Укажу на ещё один неизвестный факт: подчинённость/доминанция, этот важнейший показатель определённых человеческих отношений, в языке русских жестов, передаётся именно движением головы, а не движением какой-то другой части тела, например руки. Это объясняется, видимо, тем, что в представлении русских людей голова занимает совершенно особое место как основная часть человеческого тела и часто заменяет собой человека. В качестве доказательства укажу два-три

факта из разных сфер русской культуры. (1) В живописи, например, под условным названием «портрет женщины» встречаются изображения одной только женской головы; (2) мифические чудовища в русских сказках и легендах часто предстают в облике страшных голов; (3) в русском языке само слово *голова* является метонимическим обозначением человека, его жизни и смерти (ср. выражения *положить, отдать голову*, или *отрубить голову = лишить жизни*). *Голова* обозначает старшего, то есть доминантное лицо в некоторой социальной иерархии, ср. обозначения старосты как *городской голова* или предводителя войска — *казачий голова, сотенный голова*.

Стандартным обозначением **поклона** в русском языке является само существительное *поклон*, но имеются и другие его обозначения, или, как говорят, номинации, прежде всего глаголы *кланяться* и *поклониться*. Все эти слова обозначают жесты, то есть знаки, и их следует отличать от слов *наклон* и *наклониться*, обозначающих сходные с жестовыми по форме движения тела, знаками не являющиеся. Человек *наклоняется* (но не **исполняет поклон*), чтобы найти на земле или на полу что-либо, поднять упавшую вещь или завязать шнурки, ср. неправильные предложения **Он поклонился, чтобы завязать шнурок*, **Он наклонился в знак благодарности*. Во время занятий спортом мы выполняем *наклоны*, а не *поклоны*, *наклоняемся вперёд*, а не *кланяемся*, ср. следующее описание сложнейшего физического упражнения: *Поставьте правую ногу на стул, наклонитесь вперёд и коснитесь пальцами ступни левой ноги*.

Несколько иначе, чем *наклониться*, употребляется глагол *склониться*. В своём исходном значении *склониться*, как и *наклониться*, обозначает простое движение — сгибание вперёд туловища, ср. *склониться над постелью ребёнка или больного или склониться над водой, над книгой*. Однако *склониться*, как и *склонить голову*, может обозначать жест, по физической реализации близкий **поклону**, но имеющий другой смысл и другую сферу употребления. Например, жест **склонить голову** исполняется у могилы человека, который был исполнителю небезразличен, то есть это невербальный знак, выражающий скорбь, уважение и смирение.

Представив и охарактеризовав **поклон** как класс жестовых единиц, отделив все поклоны от физиологических движений сходных конфигураций, посмотрим, какие задачи, поставленные перед лингвистами и специалистами по невербальной коммуникации, связаны с **поклонами**.

Это (1) расклассифицировать **поклоны данной культуры** и на основе построенной классификации охарактеризовать содержательно интересные виды поклонов; (2) указать отличительные свойства единиц

каждого из классов и особенности их функционирования в устной коммуникации; и, наконец, (3) подробно рассмотреть важнейший из видов поклонов, а именно **бытовые** (или: **светские**) **поклоны**.

В этой третьей и заключительной части я опишу — вынужденно кратко и схематично — **русские поклоны**. Речь пойдёт в основном об их типах и для каждого из типов о структурных и смысловых характеристиках жестов.

Виды поклонов

В соответствии с типовыми сферами использования все **поклоны** делятся на три класса: (1) религиозные, (2) церемониальные, или ритуальные, и (3) бытовые, или светские, поклоны.

I. Религиозные поклоны

Религиозный поклон, по данным энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, это «символическое действие, служащее выражением чувства почтения пред высшим и благоговения перед Существом Высочайшим — Богом». Выразить свой смысл каждый **религиозный поклон** может только в жёстко регламентированных ситуациях и в особом внешнем контексте. Религиозные поклоны исполняются в Храмах, во время богослужения и в доме во время молитвы, или при встрече в помещении или на улице с духовным лицом. Если вспомнить, что поклон является иконическим знаком, а одно из значений слова религия — это ‘совокупность духовных представлений человека, основанных на вере в Бога и поклонении ему’, то сразу становится ясно, почему именно **поклоны** составляют обязательную часть большинства религиозных ритуалов у всех основных мировых конфессий.

Например, в исламе каждый правоверный мусульманин должен ежедневно совершать пять молитв, называемых *намазами*. Во время каждой из них предписывается исполнять (в строго установленном порядке) серию движений и произносить сопутствующие им слова — *ракаа’ат*. Такой комплекс из невербальных и вербальных единиц включает в себя восемь отдельных актов поклонения Аллаху, куда входят поклоны двух разных видов, именуемые *руку* и *саджда* (или, иначе, *суджуд*). Большое значение при совершении поклонов имеет также ориентация тела молящегося: оно должно быть повёрнуто в сторону Мекки. Поклон **руку** исполняется так: мужчины кладут руки на колени и совершают поклон в поясе, а женщины столь глубоко не кланяются. **Руку** предписано исполнять после того, как закончено чтение первой и второй, более короткой, сур Корана. **Руку** сопровождается произносимой трижды специальной речевой формулой, восхваляющей Аллаха и означающей ‘Слава моему Господу и хвала Ему’. Этот **поклон** свидетельствует о том, что мусульманин любит и почитает Бога.

Завершив **руку**, мусульманин выпрямляется и в течение какого-то времени произносит необходимые молитвы, а далее, вместе со словами *Аллах акбар* ‘аллах велик’ совершает другой поклон — **саджда**. Этот поклон отличается от предыдущего и по форме и по смыслу. Для исполнения **саджда** — жеста, который по форме можно отнести к подклассу **земных поклонов**, — мусульманину надлежит встать на колени, упираясь расположенными впереди колен ладонями, на землю или на пол и коснуться земли лбом и носом. После этого человек принимает особую сидячую позу и произносит обращенные к Аллаху слова прошения и пощады. Заканчивается весь этот жестово-словесный комплекс ещё одним поклоном **саджда**, после которого люди встают в полный рост.

Религиозные поклоны в православии тоже бывают двух видов, на что указывает не только практика их исполнения, но и текст особого документа — «Устава о поклонах», который составной частью входит в Устав Богослужения Православной церкви. В Уставе о поклонах прямо идёт речь о существовании двух разновидностей поклонов — **большом** (или: **земном, великом**) поклоне и **малом (поясном)** поклоне. В самих названиях тут отражены разные моменты, связанные с исполнением соответствующих. Например, в сочетаниях *большой поклон* и *земной поклон* подчёркиваются элементы формы, соответственно, амплитуда жеста и конечная точка его физической реализации (а тем самым, уже как следствие, и глубина поклона). А выражение *великий поклон* передаёт культурную в широком смысле слова значимость жеста. Для исполнения **большого поклона** человек, молясь, встаёт лицом к алтарю или к иконе, опирается ладонями об пол и касается лбом пола.

В названиях *малый поклон* и *поясной поклон* тоже отражены компоненты формы **поклона**: туловище согнуто в поясе, голова и корпус наклонены так, чтобы человек, совершающий поклон, смог достать рукой до земли или пола. **Малый поклон** имеет меньшую значимость, чем **большой**, а потому и бóльшую сферу употребления. Он используется в ситуациях принятия благословения от священника, во время чтения Евангелия, во время молитвы после совершения крестного знамения.

Православные поклоны имеют общий смысл, который условно можно сформулировать так: ‘признание греховной природы человека и смирение перед Всевышним’. Однако у них есть и другая сфера употребления и другое значение, более близкое к назначению и значению бытовых поклонов, а именно, **глубокие поклоны** применялись в качестве наказания, и тогда их нужно уже не **исполнять*, а *отбывать*. Согласно церковному уставу, наказание поклонами полагается за оскорбление церкви словом или действием.

II. Церемониальные (ритуальные) поклоны

В русской культуре **церемониальные поклоны** исполнялись в особых этикетных и ритуальных ситуациях, откуда получили своё название. Таковой была, например, ситуация древнерусского пира, которая в известной степени аналогична современным ситуациям званных приёмов и презентаций с их обильными обедами или ужинами.

По целому ряду свойств, таких, как присутствие высокопоставленного лица, так сказать, гостя на пиру, большое количество участников с разными социальными статусами, чётко закреплённая в культуре линия их поведения во время пира и др., ситуацию пира следует отнести к разряду ритуальных. Однако что касается невербального поведения официального гостя, то они были на Руси во многих чертах сходны с поведением гостя неофициального.

Так, по прибытию на пир гость совершал **гостевой поклон**, предназначенный, в общем случае, не одному человеку, а многим. Этот **поклон** совершался по кругу во все четыре стороны, то есть был обращён к каждому из присутствующих, окружавших в тот момент гостя. Смысл и назначение четырёхкратного исполнения одного и того же жеста, можно объяснить так. Совершая **однократный поклон** адресату, стоящему среди других лиц, мы уже выделяем его и даём понять, что адресат нами отмечен. В ситуации же, когда данный смысл нужно выразить и передать сразу нескольким людям, неисполнение **однократного поклона** в адрес кого-нибудь из присутствующих повлекло бы за собой вполне законную негативную реакцию, скажем, непонимание, обиду или возмущение. Для людей русской культуры при встрече с несколькими людьми было типично *кланяться (поклониться) общим поклоном* или *отдавать общий поклон*. Ср., например, такое предложение: *Павел Николаевич, со скромностью истинного джентльмена, отвечал тонкой любезностью Ларисе, и поручая себя её снисходительному вниманию, отдал общий поклон всем присутствующим* (Н. Лесков. На ножах).

Приветствовать же каждого адресата в отдельности и совершать столько **поклонов**, сколько вокруг людей, было не принято.

Интересно проследить распределение выделенных двух типов **поклонов** по культурам и странам. На Востоке **поклоны** издавна были равно как религиозными, так и ритуальными жестами, тогда как в средневековой Европе **поклон** был, прежде всего, жестом ритуальным. Особенно часто европейские **поклоны** исполнялись во время торжественных королевских приёмов и судебных процессов. В средневековых Англии, Франции, Бельгии и Испании кланялись два-три раза при подходе к королю или к другому знатному лицу, и было это делом вполне обычным. Первый **поклон** делался при входе в зал, где король прини-

мал гостей, второй — примерно посредине пути к королю, а третий — непосредственно перед королём; те же действия в обратном порядке выполнялись и при расставании, при этом не поворачивались каждый раз спиной к королю, а пятились назад и останавливались только для **поклонов**.

Во Франции **поклоны** выполнялись также и в суде и на балах, где мужчины кланялись женщинам, а в Германии было принято даже специальное обучение **подобострастному поклону**, именуемому **Bückling**. Его следовало исполнять, например, во время танцев. Обучение поклонам на уроках танцев было довольно жёстким: во время урока учитель вполне мог с силой наклонить голову нерадивого ученика в сторону особы женского пола. Обучение подобным этикетным жестам в Германии и в ряде других государств мира входило составной частью в получаемое светское образование.

В русском дворянском обществе умение правильно поклониться считалось необходимым качеством воспитанного человека. И с детских лет на уроках танцев молодые дворяне изучали тонкости выполнения **поклонов**. Вот как описывается искусство исполнения такого бального поклона в повести А. Куприна «Юнкера»: *Руки свободно, без малейшего напряжения, опущены вниз и слегка, совсем чуточку округлены. Ноги в третьей позиции. Одновременно, помните: одновременно — в этом тайна поклона и его красота — одновременно и медленно сгибается спина и склоняется голова. Так же вместе и так же плавно, только чуть-чуть быстрее, вы выпрямляетесь и подымаете голову, а затем отступаете или делаете шаг вбок.*

III. Бытовые, или светские, поклоны

К **бытовым поклонам** я отношу **поклоны**, исполняемые (в типовых случаях) в различных по своей природе и характеру ситуациях повседневного этикетного общения (этикетных ситуациях). **Ситуации повседневного общения** — ситуации общения неформального, не обусловленного жёсткими правилами. Это ситуации приветствия или прощания, выражения благодарности, принесения извинений, поведения за столом, выражения просьбы, согласия, но к ним не принадлежат регламентированные ситуации официального общения с высокопоставленными лицами во время официальных приёмов или обедов.

А. Сначала я остановлюсь на **форме <исполнения> русских бытовых поклонов**, или, иначе, на их физической реализации.

Форма **поклона** образует достаточно сложную конфигурацию и складывается из значений нескольких признаков. К основным признакам формы относятся: начальное (исходное) положение корпуса жестикулирующего, его конечное положение, предельный угол наклона кор-

пуса относительно вертикальной оси, возможность или обязательность участия в воспроизведении поклона других частей тела.

Существуют четыре основные формы **русских бытовых поклонов**. Для каждой из них исходное положение тела одно и то же: человек, исполняющий поклон, «жестикულიрующий», стоит лицом к адресату на сравнительно близком расстоянии от него (от 1–2 до 4–5 м). Такое расстояние свойственно каждой из четырёх форм в ситуации, когда жестикულიрующий и адресат находятся в одном, относительно свободном помещении или открытом пространстве, например в большом зале, на одной дороге, на улице, тротуаре и т. д. В отдельных случаях расстояние может быть и несколько десятков метров, но, даже находясь друг от друга на достаточно большом расстоянии, например в разных концах длинного коридора или зала, партнёры обязательно должны хорошо видеть один другого, иначе исполнение **поклона** не достигнет цели. Конечная точка физической реализации **бытового поклона** может быть разной, но после исполнения жеста человек непременно возвращается в исходное вертикальное положение.

Чаще всего человек кланяется прямо, но встречаются и необычные способы исполнения поклонов. В этом отношении интересен гоголевский Чичиков, которого писатель наделяет особой манерой кланяться: *Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновению своему несколько набок, но совершенно свободно, так что очаровал всех* (Н. Гоголь. Мёртвые души).

Итак, четыре типа русских бытовых поклонов, о которых я буду далее говорить, таковы: **земной поклон**, **поясной поклон**, **«вежливый поклон»** и **кивок**.

1. Опишу сначала форму жеста **земной поклон**. Много лет назад это был весьма популярный на Руси бытовой жест, и, по все видимости, существовали две разновидности **земного поклона**:

Земной поклон 1. Человек из исходного вертикального положения становится на колени, иногда очень быстро, как бы не раздумывая, руками и лбом касаясь пола. Часто он довольно продолжительное время пребывает в такой позе, потом встаёт. **Земной поклон 1**, как правило, сопровождался ещё одним жестом — **целованием** пола, земли, одежды или обуви стоящего или сидящего адресата, который имел значительно более высокий, чем у жестикულიрующего, статус. Общее время исполнения данного **поклона** — относительно большое. Жестикულიрующий, не поднимая головы, находится на полу или на земле на коленях, обычно до того момента, когда более значимый адресат не прикажет ему встать или не наклонится сам, чтобы помочь жестикულიрующему подняться.

Земной поклон 2. Носит также названия *поклон до земли* (или: *в ноги*), *низкий*, *пренизкий*, *глубокий*, *глубочайший поклон*; *поклониться низко* (*глубоко, до земли, до самой земли, земно*). В ряде книг и словарей русской культуры указывается, что форма этой разновидности **земного поклона** иная, чем у первой. Исходное положение тела вертикальное, а затем человек наклоняется вперёд, сгибаясь до самой земли. Больше того, этот **земной поклон 2** сопровождается другим, нежели **земной поклон 1**, жестом — не целованием, а «касанием пальцами правой руки пола или земли».

В настоящее время оба варианта **земного поклона** вышли или почти вышли из бытового употребления, однако широко встречаются в религиозном контексте и употребляются при искусственном воссоздании или игровой имитации ритуалов.

2. Поясной поклон (жест, иногда называемый *поклон в пояс* или *поклониться в пояс/поясно*) — это наклон головы и верхней части туловища, происходящий под углом от 90° до 180°. Это жест с относительно большой амплитудой сегодня тоже исчез как бытовой.

3. «Вежливый поклон» (иногда описывается как *небольшой поклон*) — это наклон головы и верхней части туловища под углом 25–45°.

И, наконец,

4. Кивок, именуемый также *лёгкий поклон*, *поклониться слегка* (*едва, чуть*), *поклон головой*.

Кивок является самым частым из русских бытовых **поклонов**, весьма непродолжительный по времени и малый по амплитуде. По форме это наклон вниз одной головы, и только изредка жест сопровождается едва заметным наклоном туловища. Из-за беглости и нечёткой акцентированности движения головой **кивок** называют также часто *небрежным поклоном* — с целью подчеркнуть именно эти особенности. **Кивок** используется в быту для приветствия адресата, когда нет времени или желания вступать с адресатом в речевой контакт, или применяется, когда партнёры находятся на далёком расстоянии друг от друга или им мешают посторонние лица, и вступить в речевой контакт они не могут по объективным причинам.

Теперь скажу буквально пару слов о языковых способах описания исполнения **поклона**.

Исполнение *поклона* передаётся в русском языке двумя способами: либо при помощи (а) аналитических конструкций *отвесить*, *отдать*, *отбить поклон* (употребляется значительно реже, чем остальные сочетания), *сделать <что-либо> с таким-то поклоном*, либо (б) с помощью глаголов *поклониться*, *кланяться*, *раскланяться*, *откланяться*, *возможно*, в сочетании с отдельными наречиями:

(1) *Он отвесил ей поклон; Женщина поклонилась Ивану Васильевичу древнерусским поклоном и надменно ушла* (М. Булгаков. Театральный роман).

(2) — *Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня, — сказал князь Андрей с учтивым и низким поклоном* (Л. Толстой. Война и мир).

(3) *Он молча поклонился ей, положил шляпу* (А. Куприн. Страшная минута).

Б. При исполнении **поклона** существенное значение имеет способ, или **манера** исполнения. Она характеризует не столько сам жест, сколько жестикулирующего, а уже через него и адресата. Она говорит об их соотносительных или абсолютных статусах и ролях, о физических и психических состояниях и чертах характера, об отношениях между партнёрами и позволяет представить элементы психологического портрета участников общения или некоторые аспекты самой ситуации общения.

Об этом говорят языковые обозначения разных характеристик манеры исполнения, — плавности или резкости, небрежности или тщательности, а также разные оценки манеры исполнения жеста. Так, (а) по скорости исполнения **поклон** может быть *скорым, быстрым, кратким, мгновенным*; (б) по плавности/резкости поклон характеризуется как *размашистый, резкий, плавный, спокойный, размеренный*; (в) по степени внимания к исполнению поклон бывает *небрежным, рассеянным, церемонным*; (г) эстетическая оценка поклона передаётся прилагательными *изысканный, изящный, галантный, неловкий, неуклюжий*, а (д) социальная оценка, то есть оценка социального положения, — единицами *поклониться важно, с достоинством, с чувством превосходства*.

Вот два литературных примера обозначения: манеры исполнения поклона:

Дьяк и сидевшие рядом на другой скамье — Борис Алексеевич, Лев Кириллович, Стрешнев и Ромодановский — важно поклонились (А. Толстой. Пётр 1).

Наконец он [Желтков] с трудом произнёс, указывая на диван и неловко кланяясь: «Прошу покорно. Садитесь» (А. Куприн. Гранатовый браслет).

В. Исполнение русских бытовых поклонов и передаваемые ими смыслы. Ещё один дифференциальный признак, важный для классификации **бытовых поклонов**, — это ‘тип передаваемого поклоном отношения жестикулирующего к адресату’. **Бытовой поклон** может выражать вежливость, и тогда мы говорим *вежливый поклон* (и тут следует различать две омонимичные синтаксические единицы: полусво-

бодное сочетание *вежливый поклон* как обозначение формы жеста **вежливый поклон** и свободное сочетание прилагательного *вежливый* с существительным **поклон**, где прилагательное используется для выражения смысла ‘вежливость’). **Бытовой поклон** может быть также *почтительным, уважительным, учтивым, признательным, презрительным, смиренным, подобострастным, приветливым, весёлым* или *холодным*. Люди кланяются, выказывая поведением уважение или признательность (мы говорим: *кланяются в знак уважения, признательности, благодарности* и др.).

С точки зрения возможности выражения **поклоном** некоторого отношения представляется интересным следующий известный пример из романа Л. Н. Толстого «Война и мир»: *Анна Николаевна приветствовала его [Пьера, вошедшего в её салон] поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в её салоне*.

В этом предложении форма или манера исполнения **поклона** прямо не называются, а говорится лишь, что это был особой формы приветственный поклон. Форма поклона, исполняемого хозяйкой салона, Анной Николаевной Шерер, потому и является особой, что выражает определённое отношение жестом.

Русские бытовые поклоны: ситуации употребления и кинетические переменные

Русские бытовые поклоны исполняются в норме в следующих ситуациях: приветствие/прощание, приглашение (сесть, пройти куда-либо, на танец и др.), принятие приглашения, выражение благодарности или согласия с предложением адресата, принесение ему извинения, выражение уважения, смирения, покорности или почтения в разговоре с вышестоящим или почитаемым лицом (в последнем случае **поклон** обычно сопровождает другое действие, о чём подробнее пойдёт речь ниже).

В русской культуре **бытовые поклоны**, в особенности **кивки**, больше свойственны мужчинам. Согласно существующим правилам невербального этикета мужчина кланяется знакомой или только что представленной ему женщине; молодой мужчина (гораздо реже — молодая женщина) кланяется человеку старшему по возрасту; человек, стоящий ниже по социальной или служебной лестнице, кланяется вышестоящему. Дети кланяются взрослым; мужчина — мужчине или всем присутствующим в помещении лицам; женщина может поклониться женщине или всем присутствующим лицам.

Раньше, совершая **поклон**, мужчины на Руси снимали или приподнимали головной убор и держали его в руке во время исполнения жеста. Сопутствующий жест «**снятие головного убора**» в качестве этикет-

ного жеста был распространён главным образом в Европе. Мусульмане и евреи голову не обнажали. Что же касается поведения женщин, то еще в прошлом веке имел место запрет выходить ей из дому с непокрытой головой. Причём этот запрет существовал и там, где мужчины обнажали голову, и там, где не обнажали.

В истории культуры головной убор вообще наделён особыми символическими свойствами, в частности отсутствие шапки являлось признаком социальной неполноценности или некоего особого состояния человека. **Снять шапку** означало проявить уважение или сделать себя ниже человека, которому адресовался этот жест. Женщины и дети при поклоне головного убора, как правило, не снимали и не снимают. Возможно, это связано с тем, что в целом ряде культур, в частности славянских, непокрытые женские волосы связываются с неприличным поведением и грехом. Не случайно в православной церкви мужчина должен обязательно находиться с непокрытой головой, а женщина, наоборот, должна быть всегда с покрытой головой.

Поклоны, в особенности **приветственный поклон**, обычно сопровождаются улыбкой, приветливым выражением лица или тёплым голосом, то есть единицами, соответствующими передаваемому отношению или разворачивающейся ситуации:

(а) *Я сделал поклон, стараясь, чтобы это был приятный и в тоже время исполненный достоинства поклон, и голосом заговорил достойным и приятным* (М. Булгаков. Театральный роман);

(б) *Виконт поклонился и учтиво улыбнулся* (Л. Толстой. Война и мир);

(в) *Форова обтёрла глаза и, низко поклонясь, сказала смиренным голосом: — Да, я говорю Бог знает что, простите Христа ради меня, дуру, что я вам досаждаю* (Н. Лесков. На ножах).

За **бытовым поклоном** следует протянутая для **рукопожатия** рука или уместная к данному случаю речевая реплика. Правильное исполнение требует, чтобы при совершении поклона человек какое-то — достаточно короткое — время смотрел на адресата. Но если поклон выражает ‘смирение’, ‘вину’ или ещё каким-то образом подчёркивает зависимость жестикулирующего от адресата, то взгляд жестикулирующего сначала падает на адресата, а затем глаза очень быстро опускаются вниз.

Молча обычно кланяются тогда, когда, либо (1) вербальная коммуникация уже закончилась, либо (2) поклон остался незамеченным и коммуникация не успевает начаться, либо, наконец, (3) поклон уже сам по себе является вполне достаточным ответом на жест или произнесённую фразу партнёра:

(г) *Я взял пачку авторских экземпляров, пожал руку Рудольфи,*

откланялся молодому человеку, < ... > задом тронулся к выходу, ударился локтем об стол и вышел (М. Булгаков. Театральный роман).

(д) *Я подумал о том, что не худо бы было и на неё произвести хорошее впечатление, благо это заодно, и отвесил вежливый поклон, но он как-то прошёл незамеченным* (М. Булгаков. Театральный роман);

(е) — *Через полчаса разразится страшная гроза, — сказала она: — Вам придётся остаться. Он молча поклонился ей и положил шляпу* (А. Куприн. Страшная минута).

Когда **поклон**, равно как и его сокращённый вариант *полупоклон*, выступает в качестве жеста, сопровождающего речевое действие, то в этих случаях он подчёркивает определённое отношение жестикулирующего к адресату, в частности особую значимость для него данного адресата, и является невербальным семиотическим свидетельством уважения, почтения или преклонения. Можно сказать *что-либо с поклоном подать*, можно *протянуть или принять что-то с поклоном* и т. п.:

(ж) *Хорошенькая девушка в очках, научный сотрудник Лена Блажко, варила с большой колбе кофе < ... > и с изящными полупоклонами, как гейша, подавала собеседникам* (В. Дудинцев. Белые одежды);

(з) *Хозяин бросился к величавому дворецкому, выхватил из рук у него поднос, сам наполнил золотую чарочку и подал её с поклоном государю* (А. Пушкин. Арап Петра Великого).

Заключение

Я рассмотрел русские **бытовые поклоны**, их форму, значение, языковые обозначения и типовые ситуации употребления. Конечно, описаны были не все виды бытовых поклонов, не все ситуации их употребления и не все их смысловые разновидности. Тем не менее, можно заключить, что общим смыслом, или смысловым инвариантом, русских бытовых поклонов является следующий: ‘признание жестикулирующим адресата более значительным и важным лицом, чем он сам, и добровольное понижение своего статуса и повышение статуса адресата’.

К сожалению, инвариантное значение классов жестов в жестовых словарях и описаниях никогда не указываются. Между тем именно эта смысловая характеристика делает **бытовые поклоны** чрезвычайно значимыми жестами не только русской, но и других культур, и не только религиозной сферы, но и светской. И хотя многие бытовые поклоны уже вышли или постепенно выходят из частого и повсеместного употребления в России и целом ряде других стран, они, во-первых, не утратили своей значимости и популярности в более традиционных этносах и культурах, а во-вторых, не перестают быть и в нашей жизни важным социальным и культурным фактом.

Литература

- 1) Байбурин, Топорков 1990 — Байбурин А. К., Топорков А. Л. У истоков этикета, Л: «Наука», 1990.
- 2) Брокгауз, Ефрон 1898 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург, 1898.
- 3) Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001 — Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. Москва — Вена: «Языки русской культуры»; 2001.
- 4) Даль 1882 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, М., 1882.
- 5) Крейдлин 2002 — Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М.: «Новое литературное обозрение», 2002.
- 6) Морозова 2003 — Морозова Е. Б. Поклон как этикетный жест. Московский лингвистический журнал, том 7, № 2, М.: Издательство РГГУ, 2003.
- 7) Этикет от А до Я (автор-составитель И. Е. Гусев). Минск: «Харвест», 1999.

Жесты в языке, танцах, театре и живописи

Григорий Ефимович Крейдлин

1. Введение

Едва ли не основная особенность современной лингвистики и современной семиотики, понимаемой как наука о знаках, знаковых процессах и знаковых системах, заключается в том, что непосредственно на наших глазах происходит частичное смягчение или полная ликвидация многих жёстких догм и оппозиций, принятых и узаконенных наукой XIX и XX веков.

Как следствие этих процессов, возникают новые исследовательские принципы, подходы и установки. К ним относится, в частности, признание того факта, что многие задачи, которые лингвистика прежде отказывалась обсуждать и решать, отбрасывая как нелингвистические, становятся наиболее актуальными и заслуживающими всяческого внимания. Другая установка — это постепенное сближение, а часто и интеграция интеллектуальных традиций и задач разных дисциплин, связанных с наукой о языке. Наконец, третья установка — это постепенный переход от жёстко формального анализа структуры отдельного предложения к описанию и объяснению реально наблюдаемого употребления языковых единиц в текстах, больших, чем предложение.

Во многом эти новые принципы и установки связаны с изменившимся сегодня взглядом на устную коммуникацию людей. Она стала рассматриваться как область взаимодействия языкового и разных невербальных знаковых кодов.

В устном общении, когда человек говорит, это должно быть не только слышно, но и видно. В разговор включены жесты и выражения лица, движения тела, глаз и т. д., причём они функционируют и как единицы отдельных каналов коммуникации, и как часть интегрированного целого. Дж. Бавелас говорила, что «дискурс можно считать состоявшимся (real), если у него есть невербальный аспект» (J. V. Bavelas. **Nonverbal and social aspects of discourse in face-to-face interaction** // Text. Berlin (West), 1990, vol. 10, № 1–2, 4–9).

В своей работе я остановлюсь только на телесных знаковых кодах, или языке тела, сопряжённом с естественным языком.

Всякая символическая деятельность — и речевая, и невербальная семиотическая деятельность — превращает людей в актёров, играющих в диалоге различные социальные роли, отвечающие или не отвечающие сценарию, но так или иначе подлежащие разгадке контрагентом. Речь может противоречить жестовым или чисто физиологическим движениям актёра, а тогда адресату приходится выбирать — чему верить.

И тут, по-видимому, универсальным является приоритет кинетического поведения над речевым поведением.

Замечание. Отрицательное отношение к тому, что человек не способен понять содержание дискурса, или неодобрение по поводу излишней доверчивости словам собеседника тоже выражается, но, видимо, не при помощи кинетических единиц, а, в частности, с помощью построенных на их основе фразеологизмов со словом *уши*. Я имею в виду употребление фразеологических сочетаний, описывающих экстраординарное функционирование соответствующего органа, ср. *развешивать/развесить уши, уши вянут, хлопать ушами*.

В наши дни плодотворность расшифровки культурных невербальных кодов уже едва ли вызывает у кого-то сомнения. Существенно, что телесные знаки в культуре и семантические области, в которых они существуют и проявляют себя, в значительной степени являются национально и культурно специфичными. Если в одной культуре выражения лица могут быть закреплены за областью, которую условно можно назвать ‘контроль за собственным поведением, за процессом коммуникации и управление поведением партнёра’ — это, например, такие выражаемые мимикой эмоциональные смыслы, как раздражение или отвращение, в противоположность удивлению или восхищению, — то в другой культуре на передний план выступает, например, сфера ‘интенсивность эмоции’. Выражения лица тут передают только сильные эмоции, такие, как гнев, ярость, ненависть, любовь, а слабые эмоции — удовлетворённость, спокойствие, умиротворение, скука и пр. — если и выражаются невербально, то как-то иначе.

Было неоднократно показано, что за конкретными телесными знаками всегда стоят определённые тип мышления и культура, которые обеспечивают существование и реализацию конкретных способов невербального выражения нужных человеку смыслов. Культура — это определённая *система* представлений. В ней люди живут, воспроизводя данную систему не только в речи и языке, но и в различных семиотических действиях и сферах — в быту, в обряде, в литературе, в ритмической магии танца и пения, в живописи, кино и театре, да и вообще во всяком общезначимом человеческом акте.

Каждое общество, каждая культура тщательно фиксирует телесное поведение её представителя, интерпретирует это поведение и оценивает его. Вот что, например, пишет об одном из своих любимых педагогов О. М. Фрейденберг: (1) «*С весёлым, шумным нетерпением все ждали Толстого [Ивана Ивановича — Г. К.] < ... >. Наконец, он пришёл с тросточкой в руках. Вид и манеры Толстого вызвали у меня гомерический смех. Не в силах побороть неудержимого хохота, я, чувствуя, что всё равно уже погибла, положила голову на руки и умирала от*

смеха. И. И. Толстой был смуглый и чёрный, как цыган. Вертявый. Мы потом так прозвали его поведение «ручкам, ножкам» (т. е. ручками-ножками). Он жестикулировал, как итальянец, явно утрируя. Утрировка была его главной и особой приметой. Этот граф не чувствовал никакой меры. Он походил на клоуна. Множество лет спустя, когда Толстой стал академиком, он вкладывал в свою утрированную жестикуляцию и фразеологию характер демократичности, стучал по столу, делал «непосредственные жесты», кричал «здо-ро-во!». В соединении с риторическими приёмами, искусственной модуляцией голоса, эта условная демократичность, развязность жестикуляционных рук делала из Толстого «любимца публики». Он работал над завоеванием успеха, когда выступал; аплодисменты манили его, как актёра, цветы, корзины цветов, букеты маячили ему во время публичных выступлений; он читал, думая об аудитории, ни на миг не забывая её, ухаживая и оболщая её, как эсеницу, и бывал опьянён своим успехом» (О. М. Фрейденберг. Университетские годы).

А вот ещё примеры.

(2) Походка — полёт человека.

По этому признаку мы
Узнаем танцора, калеку
И выпущенного из тюрьмы.
Походка — само красноречье
Восторгов надежд и обид.
Вот — к счастью стремится навстречу,
Вот — движется, хоть и убит. . .
Походка — ритмический почерк.
По-разному ходит добряк
И злока, спортсмен и рабочий,
Два брата — мудрец и дурак.
С солдатами возятся много,
Чтоб всех обезличить гуртом,
Но только влюблённые в ногу
Идут, не заботясь о том.

(Николай Шатров (1929–1977), НЛО, № 2, 1993, 304–305).

(3) На черном гранитном цоколе незнакомец, вытянув перст в направлении континента, казалось, гнал кого-то прочь. . . Кто же это? . . . Его дед. . . Да никогда бы он не позволил себе такой нелепый жест: он был спокойным и уравновешенным человеком. Характер — не сахар, ничего не скажешь! Все ему подчинялись. Но когда он гневался, то только сжимал кулаки. . . Может, этот указующий перст означал, что и его самого гнали прочь? . . . Но в душу уже закралось чув-

ство тревоги. *Может, из-за того, что перст указывал куда-то, где простирался город. «Убирайся... Нет тебе тут места...»* (Буало-Нарсежак. Остров).

(4) *Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника весёлого
Привёл мне нынешний февраль!*

(это М. Цветаева писала О. Мандельштаму).

(5) *Почти смешной: телосложение пингвина, походка, как у Чарли Чаплина. Повадка щегла — лицо донельзя человеческое — и божественный ум!* (С. Лурье. Миндальное дерево железный колпак. Частности (об О. Мандельштаме, с. 216).

2. Танец

Особое место в культуре занимают жестовые изобразительные подсистемы языков театра и кино, а также танцев, такие, как, например, язык индийского классического танца *abhinaya* (ЛаМери 1941). Главная роль в танце *abhinaya*, который известен уже более чем 2000 лет, отводится рукам. При этом символическое значение приписывается самым разным положениям рук, их движениям, *hasta*, и ориентации относительно головы и корпуса танцора. Некоторые исследователи (см., например, Секвейра 2000) выделяют в данном языке два отдельных подязыка: подязык знаковых движений одной руки, *asamyutta*, и подязык парных знаковых движений двух рук, *samyutta*. Особенно значимым в языке жестов, инкорпорированном в индийский танец, является поведение пальцев. Семантически нагруженными оказываются положение и движение пальцев, наличие или отсутствие пространства между пальцами, степень их наклона, даже позиция остальных пальцев по отношению к большому пальцу. Жестовая, ритмическая и музыкальная системы *abhinaya* соотносятся друг с другом очень сложным образом: правила взаимодействия этих систем ещё более прихотливые, чем правила употребления знаков в пределах одной системы.

Но даже и, казалось бы, совсем простая система бального танго тоже представляет собой особую сферу культуры со своим невербальным кодом, этикетом и ритуалом. На милонгах, танцевальных вечерах где танцуют танго, даму приглашают на танец взглядом, а лёгкий кивок или улыбка краешками губ означают согласие. Блоки милонги состоят из четырёх музыкальных частей-композиций, и с началом каждой следует сначала о чём-то поговорить с партнёром и лишь спустя какое-то время приступить к танцу. Согласно канону танго и милонги, мужчина

является ведущим партнёром, а женщина должна следовать его воле. Танцевать танго принято молча и в танце не касаться других танцующих пар. Если после тура танца партнёр благодарит партнёршу, то это означает, что он с ней больше танцевать не хочет. Вообще, на милонгах часто меняют партнёров, так как считается, что новый партнёр или партнёрша дарят вам новые ощущения и новую энергетику.

3. Театр

Теперь поговорим о театре. Важнейшим элементом языка описания театрального действия в театроведении является театральное событие, или, иначе, культурная инсценировка факта. Реальный факт или событие вызывают переживание только у его непосредственных участников или непосредственно заинтересованных лиц, а театральное событие, инсценировка факта, и включение его в культурную ситуацию делают факт символическим. Таким образом, событие в театре — это нечто, включённое в культурный контекст, и, строго говоря, не предполагает обязательного эмоционально окрашенного отношения, такого, как, например, сопереживания герою со стороны актёра. Ср. «культурная инсценировка факта, включение его в культурную ситуацию делает факт символическим, превращает его в событие» (Л. Ионин. **Театр культурных форм**. Человек, 3, 1991, с. 57 и след.).

Театральная инсценировка всегда осуществляется в рамках некоторой театральной и, шире, культурной традиции и предполагает, в частности:

(1) аутентичное воссоздание вещных элементов культурных традиций — предметов быта, культа, технических устройств (одежды, мебели, орденов, старинных автомобилей и др.) — так сказать, реквизита театральной культуры и

(2) внимание к пространственному и телесному аспекту, которое меня здесь преимущественно интересует.

Начну с пространственного компонента и пространственного поведения актеров в театральной инсценировке. В своём руководстве по проксемию поведению «**Handbook for Proxemic Research**» Э. Холл (1974, с. 2) пишет: «Изучение культуры в её пространственном аспекте — это изучение того, как люди, находящиеся в разных эмоциональных состояниях, окружениях и контекстах, люди, совершающие различные действия и вступающие в различные отношения, пользуются своими способностями к восприятию пространства».

В инсценировке театральному режиссёру (и то же самое можно сказать про продюсера фильма) важно осознать, что каждый народ видит пространственное устройство бытия в особой проекции, которую

можно назвать **национальная концептуализация пространства**. Вот некоторые примеры культурных функций проксемино поведения и проявлений культурных смысловых различий в национальной концептуализации пространства.

1. Согласно представлениям нанайцев³⁰, описанным в нанайских народных легендах и сказках, шаманы, вступая в поединок со своими врагами, никогда для этого не сходятся, так сказать, телесно. Они как жили, так и продолжают жить на большом расстоянии друг от друга, а в сражение вступают только их души (души шаманов всегда живут вне тела и находятся в недостижимом для противника месте, как у русских колдунов, — в яйце, на острие иглы, в какой-то птице). Внешне это выражается в том, что шаманы надолго засыпают, а потому сроки поединка шамана с противником — несколько дней и ночей без перерыва, год, несколько лет — не кажутся фантастическими.

2. Одним из любимых предметов проксемики (науки о коммуникативном пространстве человека и знаках пространственного поведения) является семиология дома, т. е. наполнение культурными смыслами различных частей дома, прежде всего основных личных территорий человека. Почему бельэтаж традиционно считается хорошим этажом, а для простолюдинов обычно отводят первые этажи, или почему вообще верхняя часть дома во многих культурах издревле считалась чистой, а нижняя — нечистой? Какова пространственная организация дома, например символика углов дома и его частей? Как она выражается в языке? Какое пространство мыслится людьми как своё, а какое — как чужое и что такое желательные и нежелательные помещения, теснота и перенаселённость? Эти и многие другие подобные вопросы сегодня интересуют и специалистов в области проксемики и лингвистов.

3. В русской культуре большое или более свободное пространство — это прерогатива сильного и богатого человека, а бедным и слабым, как правило, отводятся пространства маленькие, тесные, неудобные, плохо охраняемые и защищаемые. Обладание большим пространством имеет высокую социальную ценность, что проявляется даже в таких, казалось бы, жизненных «мелочах», как, например, отводимое на бумаге место для подписи и размерах самой подписи. Понятия двора, кухни, чулана, красного, или переднего, угла избы, комнаты, чердака и приписывание им значений в разных культурах и этносах тоже входят в область проксемики как науки о невербальной концептуализации и культурной организации коммуникативного пространства. Вот, например, следующее замечание: «в углоцентрических комнатах венгерского крестьянского

---

³⁰Нанайцы — это небольшой по численности народ, живущий в Хабаровском крае по берегам Амура. Их родной язык, нанайский, входит в семью алтайских языков (подгруппа южных, или приамурских, тунгусо-манчжурских языков).

жилища место главы семьи совпадало с местоположением «красного угла». В рамках этой системы пространственная структура укрепляла авторитет главы семьи, поддерживала традиционную семейную структуру. Реорганизация пространства часто отражает установление новых семейных связей».

Очевидно, что представления о пространстве и коммуникации находящихся в нём людей должны найти отражение в сценических постановках и в кино.

4. Корейские верования широко представлены в корейском театре. Зритель должен знать,

(а) что если на сцене появляется дом и комнаты, то в каждой точке пространства дома живут духи, помогающие в повседневных делах, заботящиеся о жителях дома, защищающие их от бед, несчастий и пр. В зале с деревянным полом **maru** живёт дух-хранитель Сонгджу, в женской половине дома — Самсин, в кухне — Джованг, во дворе — Тоджу, в туалете — Тыксин. Каждый из духов исполняет свою роль, не вмешиваясь в деятельность других. Так, Самсин управляет деторождением, Тоджу охраняет двор от злых духов и пр.;

(б) что **maru** — самое важное место в доме (есть гипотеза, что слово произошло из эвенкийского **malu** 'святое место'). Это место в центре жилища, и многие обряды проводятся там (поэтому на сцене **maru** всегда в центре). Сонгджу, который обитает там, часто отождествляется со старшим, главным мужчиной в доме и часто принимает вид хозяина дома;

(в) что при переезде корейцы совершают ритуал — зовут Сонгджу в новый дом. После окончания строительства надо определить хороший день, утром хозяин первым входит в дом (ритуал входа), ему нельзя ничего брать с собой: вещи вносят остальные члены семьи. Особенно запрещается в этот день выносить вещи из дома. В данном обряде люди обращаются к Сонгджу и приносят ему спирт из риса, рисовый хлебец, обваленный в толчёной красной фасоли, и чистую воду. После обряда этой водой опрыскиваются ветками ивы части дома: двери, окна, комнаты, кухня, туалет и др.

(г) что, наконец, «тело» Сонгджу символизирует бумажный конверт, обвязанный ниткой, или глиняный горшок с рисом. Они ставятся в комнате, где имеется **maru**, то есть в чистом и светлом помещении.

Теперь о телесном аспекте действия. Театральные жесты и пространство в театре, к сожалению, до сих пор изучаются обособленно одно от другого. Пространство отделяется, таким образом, и от положений тела, и от мимики, и от зрительной композиции и т. п. А ведь рассказывая в театре историю, следует активно привлекать и язык

проксемики, и язык жестов. Иногда жест производит большее впечатление, чем сказанное, а паузы и молчания только усиливают впечатления в особо значимых местах. Метафорически переданная жестами история оказывает активизирующее и побуждающее действие.

К. С. Станиславский, едва ли не главный теоретик театрального искусства XX века, делил актёрскую игру на три компонента: внешнее, или телесное, действие, словесное действие и внутреннее действие. Питер Брук, один из великих теоретиков театра и исследователей театрального языка, в своей работе «**The Empty Space**» («Пустое пространство») утверждает, что «слова в пьесе — это лишь конечный элемент процесса, зародившегося как импульс. Этот процесс начинается в драматургии и повторяется в театре» (с. 12). Современный театр часто обращается к внеязыковой форме, обыгрывая её. П. Брук рассматривал, соответственно, паралингвистику и кинесику как невербальные знаковые системы, которые могут и следовать словесному коду, и быть противопоставленными ему.

В «безжизненно однообразном», или, по Бруку, «мёртвом», театре жесты актёров часто противоречили намерениям автора, выраженным в тексте, и замыслам режиссёра, интерпретирующего событие. Между тем, как отмечает в своей работе 1999 года «**Паралингвизм в театрах и международные театральные фестивали**» (рукопись) македонский специалист, по-видимому, театровед, Сашо Огненовский, то, что Тартюф у Мольера обладает лицемерием, к середине XX века стало возможным понять лишь непосредственно из неязыковых, т. е. паразыковых и жестовых, структур, раскрывающих внутреннюю сущность Тартюфа. Да и Гамлет тоже, могу добавить, — это не тот человек, который не знает, что ему делать перед лицом постигшей его и его семью трагедии. Если заменить шёпот плачем, а горестные или возмущённые, но вместе с тем пассивные жесты Гамлета яростными и энергичными, то зрителю откроется новый Гамлет, прекрасно осознающий свой удел (последнее замечание в частном письме ко мне сделала известная исследовательница театра, переводчик, режиссёр и театровед из Санкт-Петербурга Татьяна Боборыкина). Действительно, Гамлет должен придумать план для достижения своих целей — вот что вытекает из его неязыкового поведения. Отсюда и возможная жестовая трагедия.

Македонская театральная паралингвистика, понимаемая максимально широко, как указывает С. Огненовский, делится на два эмоционально окрашенных направления:

1. Положительное, или, как его называет автор, **Ликование**. Показателями Ликования являются, например, смех и крики радости в македонских народных танцах, «ога», активные жесты рук и ног. Более сложные явления Ликования — это картины свадьбы, рождения

ребёнка, крещения, это любовные и сексуальные отношения. Кстати, две последние формы как явления театрального искусства в течение очень многих лет были табуированы из-за турецкого (исламского) рабства.

2. Отрицательное, или **Страдание**. Здесь параязыковые и жестовые индикаторы уже, конечно, иные. Это грустные вздохи, всхлипывания, плачи или рыдания, сопровождающие разлуку, крики боли и стоны страданий на войне, знаковые проявления горя во время других катастроф. Невербальные элементы как часть театрального спектакля являются непрременной и важнейшей составляющей македонского спектакля.

В движениях, жестах, криках и шепоте, пишет С. Огненовский, таятся драматические модели разных исторических эпох и культур, но за ними стоят также и новые культурные тенденции. Задача невербальной семиотики — связать эти культуры, «до того не имевшие друг о друге никакого представления».

В своей статье «**Политические имиджи и смеховая культура**» Т. Чередниченко пишет, что «*Имидж — это стилистическое препарирование реальной человеческой фактуры*». Такому препарированию в театре способствуют грим и костюм. Истоки явления имиджа в театре — в глубокой архаике, профильтрованной позднейшей городской цивилизацией.

Иезуитский миссионер Санчес Лабрадор описывал, с каким самозабвением древние кадувео (Южная Америка) посвящали целые дни раскрашиванию лица и тела. К. Леви-Стросс (Леви-Стросс 1983, с. 229) отмечает, что кадувео считали, что тот, кто не раскрашен, просто глуп. Т. Чередниченко отмечает, что такие наносимые на тело знаки, как узоры и татуировки, превращали «натуральный человеческий облик в изобразительный символ племенной мудрости».

Режиссёр и актёр должны владеть невербальными инструментами, используемыми в быту и, прежде всего, теми, что кодифицированы в бытовом языке. Они должны знать, что почёсывание или потирание уха в языке русских жестов и русской культуре означают, среди прочего, бессознательное желание «отгородиться» от слов, как бы «заткнуть уши», что расслабленное положение тела говорит о доверии к партнёру.

Американцы, кстати, предпочитают в беседе стоять чуть боком при разговоре друг с другом, а у нас это, так сказать, неуважительная поза. **А втереться в доверие** можно, подсаживаясь к человеку всё ближе и ближе. Почёсывание шеи или места под мочкой уха в процессе разговора означает 'я размышляю, потому не уверен, что с вами готов тут же согласиться'. Если собеседник оттягивает воротничок, то он,

возможно, подозревает, что его лукавство раскрыто, и начинает испытывать волнение по этому поводу. Позёвывание может означать, что вашему собеседнику скучно, что вы говорите, а скрещённые руки на груди во время беседы могут означать не только защиту, скрытые тела, но и пассивное сопротивление тому, что вы говорите. И при этом собеседник на словах может заверять вас в согласии с вашими словами или рекомендациями.

4. Эстетика тела и человеческих движений

Оскар Уайльд писал: «Красота выше гения, потому что не требует понимания», однако всем нам известно, и вовсе не из профессиональной деятельности, что физическая красота и умение подать себя являются решающими факторами и спутниками многих процессов и событий, происходящих во время общения людей.

Стереотипы физической привлекательности, несомненно, существуют, но различаются по культурам способами отображения в данном естественном языке и языке тела. В своих первых встречах с другими людьми мы часто строим свои суждения о них, основываясь всецело на внешнем впечатлении. И движения тела, жесты и манеры поведения играют тут не последнюю роль. Например, красивые движения тела, как учили, в частности, неоплатоники, обозначают положительные качества человека, то есть наличие каких-то добродетелей; впрочем, в реальной жизни так бывает далеко не всегда.

Преимущественное отражение именно красивых движений, как в бытовых текстах, так и в произведениях культуры, является, по-видимому, одним из проявлений давно отмеченного специалистами принципа Полианны. Полианной — по имени девочки, героини произведения американской писательницы конца XIX – начала XX века Элеаноры Портер — называют внешне приятного, жизнерадостного, весёлого, но чересчур оптимистичного человека, чей оптимизм кажется окружающим ничем не обоснованным, а потому неразумным и странным. Согласно принципу Полианны, человек в своих вербальных и невербальных актах в среднем чаще выражает красивое и хорошее, чем некрасивое и плохое, для чего стремится использовать приятные и красивые слова и жесты. И делает человек это по не всегда понятным для окружающих причинам, а потому его поведение выглядит как ничем не мотивированное.

Очень важным для оценки движения как красивого является знание символики жеста, его значения и интерпретации в данную конкретную эпоху. Так, согласно канону средневекового искусства, изображение на картинах и книжных иллюстрациях движений руки справа налево озна-

чало уход, отправление, слева направо — прибытие, скрещённые запястья рук обозначали тревожное событие, а потому все эти движения не подлежали эстетической оценке и не предполагали аналитическое объяснение.

Роль человека в обществе тоже играет не последнюю роль в эстетической квалификации и оценке движений. В 1586 году английская королева Елизавета сказала: «*We Princess are set on stages in the sight and view of all the world duly observed. The eyes of many behold our actions*» букв. 'Мы, наследница престола, постоянно на сцене, и на нас каждый день смотрит весь мир. Глаза многих людей следят за нашими действиями'.

Исполнение публичной социальной роли автоматически предполагает выбор движений и контроль над их исполнением. В особенности это касается церемониальных и ритуальных действий. Некрасиво выполненные реверанс, поклон или преклонение колена, неумелое протягивание руки для поцелуя или рукопожатия, некрасивое снятие шляпки, публичное одёргивание одежды или приглаживание волос на людях, неумение держать спину и даже некрасиво исполненные аплодисменты — все эти движения и жесты осуждались (да и сейчас осуждаются) обществом и вели к провалу коммуникации. Больше того, коммуникация из-за такого поведения часто даже не начиналась. Прежде всего, это относится к жестам подчинения, зависимости и учтивости, таким, как снятие головного убора, целование руки, поклона. Их исполнение должно быть только умелым и красивым. Шут в пьесе У. Шекспира «Конец — делу венец» (акт 2, сц. 2) замечает в разговоре с графиней: *He that cannot make a leg, putt off' s cap, kiss his hand, and say nothing, has neither leg, hands, lip, nor cap* 'А ежели у тебя нет умения шаркать ножкой, посылать воздушные поцелуи, болтать вздор и с вывертом снимать шляпу, то ты там останешься без ног, без рук, без языка, да и без шляпы.' (перев. М. Донского).

Эстетическая квалификация и интерпретация движений тела зависит, как я уже говорил, не только от конвенций красоты, принятых в данном обществе, но и от отношения к телу вообще и от того, какой тип тела считается эталоном красоты в данном месте в данное время и в данной культуре. В эпоху средневековья в Европе, на рубеже XI – XII веков, в рыцарской среде существовали, как известно, куртуазная любовь и Культ Дамы, когда молодой неженатый рыцарь поклонялся какой-нибудь знатной замужней женщине. Стимулом этого поклонения было телесное влечение к Даме, причём, по-видимому, удовольствие даже заключалось не столько в удовлетворении сексуального желания, сколько в ожидании такой возможности. Эталоном женского тела служили полные округлые формы. Тело должно было быть закры-

тым для глаз: по куртуазному ритуалу даже слегка приоткрытые плечи воспринимались как знак чувственности, как демонстрация красоты тела и как свидетельство согласия женщины принять любовь друга. Кроме того, модными у женщин были — считавшиеся в ту пору изящными — движения томные и медленные, совершаемые, например, при благосклонном протягивании руки поклоннику для поцелуя — жеста, в то время весьма распространённого. В современную нам эпоху открытого тела и не слишком возвышенной любви эстетическими эталонами считаются совсем другие женские тела и другие движения — достаточно посмотреть хотя бы один из конкурсов красоты или современную рекламу.

Среди формальных признаков, которые играют определяющую роль в описании эстетики движений, это количество движений в единицу времени и скорость (темп) одного движения, амплитуда, симметрия движения относительно оси «верх-низ», «вертикальной оси», плоскость исполнения движений и мера отдалённости движения от тела. Формальные признаки отличают, например, сочетание *грациозные движения* от сочетания *изящные движения*, хотя почему-то эти сочетания во всех известных мне лингвистических словарях, в том числе иностранных, где описываются их переводные эквиваленты, все толкуются одно через другое, то есть толкования образуют логический круг.

Действительно, грациозное и изящное движение объединяет очень многое. И то, и другое движение плавное, то есть совершается с относительно небольшой скоростью. Оба движения не резкие и не энергичные, исполняются без видимых усилий и на некотором расстоянии от тела субъекта, причём в движении человек свободно владеет своим телом и в реализации своей цели не сталкивается с другими телами и предметами. Между тем обозначающие эти виды движений слова *изящный* и *грациозный* не являются полными синонимами. Об этом говорит хотя бы то, что они могут даже свободно входить в одну простую сочинительную группу или одну перечислительную конструкцию. Вот лишь два примера из современных нам авторов:

(а) *В руке она держит пёстрый пакет из-под купальника и, не без изящества и грациозности, изображает на своём неверном предстальчике позы записной манекенщицы* (В. Кунин. Ребро Адама).

(б) *Саша вспоминал её (Варино — Г. К.) тонкое прозрачное лицо, малайские глаза, волосы, аккуратной челкой свисающие на крутой лоб, взгляд, каким красивые девочки смущают мальчиков, голые колени, на которых она в школе писала шпательки, — маленькая женщина, грациозная, изящная...* (А. Рыбаков. Дети Арбата).

Грациозные движения — это движения исключительно **тела** человека или животного или — и это крайне важно — такие движения

частей тела (в частности жесты), которые **подчёркивают красоту движения самого тела**. В то время как *изящными движениями* в норме бывают лишь движения частей тела, прежде всего рук, плеч, головы. Отношение между грациозными и изящными движениями и их языковыми обозначениями очень напоминает отношение между языковыми единицами *руки у мамы* и *руки мамы*. Первое характеризует маму **в связи** с её руками, то есть целое через часть, а второе — сами руки, то есть часть тела. *Грациозные движения* подчёркивают скорее красоту движения **именно самого тела**, хотя синтаксически прилагательное *грациозный* может присоединяться к обозначению движения части тела. Между тем *изящное движение* акцентирует внимание на движении **именно части тела**, ср. предложения *Она грациозным движением поправила причёску* и *Она изящным движением поправила причёску*.

Грациозные движения частей тела, прежде всего жесты рук, головы и ног, обычно симметричны относительно вертикальной оси тела и исполняются с относительно небольшой скоростью. Определение *грациозный*, как правило, применимо только к женским движениям, что объясняется этимологической и культурной связью с грациями — римскими богинями красоты, радости и женской привлекательности. Кстати, *грациями* называли, в переносном смысле, или иносказательно, красавиц, обладающих всеми совершенствами, и в этом значении слово часто употреблялось иронично даже в XIX веке, ср. пушкинское *Младые грации Москвы / Сначала молча озирают / Татьяну с ног до головы...* («Евгений Онегин», VII, 46).

А *величественными* и *величавыми* движениями и жестами человеком подчёркиваются достоинство и осознание собственной важности, что, по меньшей мере, вызывает уважение к их исполнителям. Это неторопливые, медленные, красивые движения **на публике**, свойственные как женщинам, так и мужчинам, чаще всего походка и манера держаться. Это могут также быть особые взгляды, сидячая поза, мануальные жесты и движения головой, ср. *Они спустились с потолка и со стены рассаживаются за столом учёного совета. У них величавые, суеуго древнегреческие жесты* (В. Аксенов, Звёздный билет).

Величественные и величавые движения связаны с появлением человека перед аудиторией, они совершенствуются, так сказать, **перед его выходом на сцену**, ср. *А вот и она. В столовую вошла женщина лет тридцати, поразительной красоты, величавая богиня с резким рисунком большого упрямого рта* (А. Рыбаков. Дети Арбата). Исполняя величественные движения, актёр может намеренно хотеть, чтобы зрители поняли, с каким человеком они имеют дело. В быту же эти движения, в случае если они не мотивированы личностными свойствами субъекта,

выглядят излишне демонстративными и неестественными, а потому их торжественная красота уходит на задний план, а величавость движений воспринимается наблюдателем или читателем как демонстрация надменности. Величавые (но не величественные!) движения в этом случае получают отрицательную оценку, например: *Минуту спустя, вошёл в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетманском мундире, в жёлтых сапожках. Волосы на нём были расчёпаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать* (Н. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки, ч. II).

Основные компоненты формы величественных движений — это прямая спина и высоко поднятая и чуть откинута назад голова, как бы оглядывающая всех сверху вниз. Ср.: *В молодости, восемнадцати лет, [Варенька] была прелестна: высокая, стройная, грациозная и величественная, именно величественная. Держалась она необыкновенно прямо, как будто не могла иначе, откинув немного голову назад* (Л. Толстой. После бала).

5. Живопись

В заключение несколько слов о жестах в живописи.

Разные школы и направления изобразительного искусства отличаются не только разным отношением к пространству и разной эстетикой его восприятия, но и особыми невербальными языками его представления. Особое место в исследованиях отводится структурной и содержательной организации пространства, семантике и прагматике пространственных форм, выявлению универсальных и специфических пространственных компонентов, причём специфических как для данного автора, так и для той или иной художественной школы, направления и культуры.

Параллельно с пространством в невербальной семиотике активно изучается использование художниками и скульптурами возможностей риторического отображения **времени**, его соположения и смещения с пространством, то есть явления, известного в искусствоведении под именем паратаксиса. Рассматривается проблема, как в той или иной художественной форме изображается нечто материальное или абстрактное, но, главное, движущееся сквозь время, «пронзённое стрелой времени» (В. Кандинский). В картины и скульптуры, фрески и барельефы вводятся протекающие во времени движения, процессы и действия, а также их статические противоположности — состояния, позы и положения, которые принимают объекты перед глазами художника.

Соотношение между временем и пространством, передаваемое на полотнах или скульптурах, совсем не тривиально. Мастера-реалисты,

прежде всего русской школы, передавали время и его движение смелой красок и оттенков, изменением естественных статичных пространственных положений предметов и тел, наклонами и поворотами, в то время как импрессионисты, по их же собственным словам, были вообще готовы пожертвовать пространством ради торжества длительности, ради «трепета секунды» и «часа жизни».

Не нужно быть искусствоведом-профессионалом, чтобы ощутить воздух, пространство и движение на полотнах лучших импрессионистов французской школы, таких, как Писарро, Моне, Дега, Сезанн, Мане или Сислей. Язык живописи импрессионистов, несомненно, отражает временные отношения. На наших глазах уходят в сине-серую даль лодки и пароходы, возникает полное ощущение плывущего в полях тумана, кружатся в танце голубые танцовщицы, движутся люди на бульваре Монмартр. Мы видим отражение постепенно исчезающего света на стенах соборов и сливающиеся солнечные блики на скалах. Побывав в галерее Дега, французский писатель Эдмон де Гонкур, один из братьев Гонкуров, совсем не искушённый знаток, а простой любитель живописи, записывает в своем дневнике: «На фоне освещённого окна фантастическими силуэтами вырисовываются ноги танцовщиц, сходящих на ваших глазах по маленькой лестнице, и ярко-красные пятна ткани среди всех этих раздувающихся и плывущих облаков». Единицы времени для импрессионистов являлись символами природы и жизни, о чём художники сами заявляли в своих манифестах и декларациях. Замечательный теоретик-искусствовед, культуролог и психолог Р. Арнхейм (см. его книгу Арнхейм 1994, перевод книги на русский язык был выполнен мной — Г. К.) писал, что организующие функции пространства и времени выполняли, в сущности, движение и свет. И действительно, свет совмещает в себе многие важнейшие признаки времени и пространства.

Футуристы пытались в своих произведениях передавать время по-другому, а именно непосредственно через пространственные отношения форм. Они часто изображали время вложением одних объектов и их частей в другие или наложением на другие, о чём сами не раз писали и говорили. В манифесте итальянских футуристов можно прочесть следующее: «< . . . > откроем фигуру как окно и заключим в неё среду, в которой она живёт, провозгласим, что тротуар может влезть на ваш стол, что ваша голова может пересечь улицу и внешний мир бросится на вас». Для передачи временных смыслов на полотнах футуристы использовали всевозможные пересечения, наплывы и сдвиги форм. В этой связи вспомним, например, библейские и фольклорные сюжеты на картинах Марка Шагала с наклонными, наслаивающимися и как бы вкладывающимися одно в другое изображениями людей, домов и т. п. Кстати,

по поводу этих изображений сам М. Шагал говорил, что это всё «сны и воспоминания об ушедшем времени». Таким художественным языком он описывал свой родной Витебск, события и образы детства, свободно летающие и в полёте вползающие друг в друга дома, людей, животных, рыб. В одном из интервью художник подчеркнул: «Я всегда хотел угадать тайну времени, уловить его магию, ещё довольно давно, когда я начал изображать человека и его воспоминания, его размышления как что-то одновременно существующее и видимое, мои картины иногда считались чудачеством. Но ведь это время человека, каков он есть на самом деле. Разве память — это не форма времени? А память всегда с человеком, его прошлое всегда с ним. И его мысли. Это как бы одно существо. И я его изображаю. Это помогает мне понять человека...».

Совсем иначе, чем у представителей других направлений живописи, запечатлено время у художников-абстракционистов, в частности у супрематистов. Наиболее известный из них К. Малевич уже в самом начале своей творческой деятельности писал, что времени как такового не существует, его нет вообще, оно сжато в точку. Структура картин супрематистов, столь несхожих между собой и лично и творчески, — взять хотя бы знаменитый «Чёрный квадрат» или «Жизнь в большой гостинице» К. Малевича, «Город» Эль Лисицкого, не говоря уже о художественных композициях самой, на мой взгляд, интересной из супрематистов О. Родионовой, — была сугубо пространственно-геометрической.

В последнее время изучение пространственных (проксемных) и временных (хронемных) особенностей изобразительного произведения происходит параллельно с семантическим и синтаксическим анализом представленных в нём жестов. Несколько лет тому назад итальянские специалисты Marco Costa, Marzia Menzani и Pio Enrico Ricci Bitti (Costa, Menzani, Ricci Bitti 2001) провели детальное описание жеста **наклон головы**, представленного на картинах-портретах одиннадцати художников с XIV по XX век.

Всего было рассмотрено 1498 фигур. Художники отбирались по их мировой известности и славе, а также по тому влиянию, которое их творчество оказало вообще на развитие живописи как вида искусства. Поэтому ими оказались выдающиеся мастера прошлого, принадлежащие разным странам и разным художественным направлениям. Это три брата — Мартин (Масейк), Хуберт и Ян — Ван Эйки, а также Гольбейн, Карраччи, Веласкес, Рембрандт, Дега, Сезанн, Климт и Модильяни.

Marco Costa, Marzia Menzani и Pio Enrico Ricci Bitti поставили перед собой задачу всесторонне описать жест **наклон головы**, выявить мотивы его появления на данной картине и раскрыть роль жеста для

эмоциональной и эстетической характеристики изображаемых персонажей.

Наклон головы — это невербальный знак, который я описываю таким образом. Форма знака: голова наклоняется вбок, и человек принимает позу, в которой вертикальная линия, идущая от центра лба до носа и центра подбородка, не перпендикулярна плечам. Жест **наклон головы** издавна относили к единицам, выражающим значения уступчивости адресату и покорности перед ним, любви и нежности, к единицам, свидетельствующим о «различии или перепаде силы» коммуникантов («power differential» — Henley 1973, 1977). О нём писали как о знаке, выражающем ‘просьбу о защите’ (Morris 1977), о выражающем интерес к собеседнику, ср.: «откинутае назад и < . . . наклонённое — Г. К.> немного вбок положение головы означает заинтересованность» (Игумен Евмений 2000, с. 79). Кроме того, форма наклонённой головы указывает на то, что жестикулирующий хочет снискать расположение адресата или успокоить его, при этом символически уменьшая свой собственный рост и статус (Goffman 1979).

Как мы видим, характер значений, которые приписываются **наклону головы**, во многом определяет ту особую роль, которую исследователи этого жеста, его смысла и функций отводили в живописных полотнах гендерному фактору. Между тем именно в отношении гендера — категории, понимаемой как социально и культурно нагруженный пол, — результаты анализов употребления этого жеста в разных контекстах часто оказывались весьма противоречивыми.

Например, в хорошо известной и многократно цитируемой по разным поводам работе Kendon & Ferber 1973, в которой изучалось поведение молодых пар на вечеринке, отмечается сравнительно невысокая частота наклона головы у женщин. Между тем в статье Regan 1982, где представлены результаты анализа 1296 фотопортретов учеников старших классов школ и студентов колледжей, приводятся убедительные данные, говорящие о статистически несравненно большем числе, чем у А. Кендона и А. Фербера, и мужчин и женщин, исполнявших этот жест. А спустя ещё несколько лет выходят две важные работы — статья Mills 1984, в которой изучалось, как садятся перед фотокамерой люди, желавшие сфотографироваться на официальные документы и не получившие никаких указаний от фотографа, как им следует сесть, и статья Wilson & Lloyd 1990, в которой анализируются позы, добровольно принимаемые перед объективом фотокамеры выпускники американских Art and Science Schools (то есть выпускники художественных школ и школ с различной научной специализацией). Их авторы вообще не обнаруживают каких-либо статистически значимых расхождений в числе наклонов головы у женщин и мужчин.

В упомянутой ранее статье Marco Costa, Marzia Menzani и Pio Enrico Ricci Bitti была выдвинута гипотеза, что частота и интенсивность **наклона головы** на живописных портретах выше, чем в реальной жизни, поскольку художники вынуждены передавать свои чувства исключительно через визуальный канал. Авторы статьи полагали, что художник, пребывавший в момент написания картины в состоянии любви, обожания или страсти по отношению к изображаемому лицу, покорности или преклонения перед ним, стремится не только выразить испытываемые им чувства. Он хочет раскрыть некоторые качества своего персонажа, такие, как женственность, страсть, сдержанность, способность к самопожертвованию и др. Это, по мнению исследователей, и приводит к росту числа наклонов головы на картинах, то есть как раз тех невербальных знаков, которые в норме передают такие смыслы.

Исследователи поставили перед собой задачу соотнести **наклон головы** с другими характеристиками невербального поведения, такими, как пол, количество людей на картине, положение глаз и направление взгляда главного персонажа картины (направлен взгляд персонажа в сторону зрителя или нет), контекст (естественный он или искусственный, то есть человек специально позировал художнику), возраст персонажа, его статус (мифологический, религиозный, профессиональный), степень знатности. Кроме того, учитывались и более формальные признаки — «в какую сторону повернута голова персонажа — направо или налево от зрителя», «положение головы», «план фигуры на картине — передний или задний», «поворот лица — вперёд, направо, налево» и др.

Относительно пола было выдвинуто и проверено предположение, что **наклон головы** — жест скорее женский, чем мужской (впрочем, следует подчеркнуть, что все художники сами были мужчины). Мужские и женские фигуры составили, соответственно 55% и 45% от общего числа. Результаты анализа гендерного параметра жеста таковы: у женщин относительная частота **наклона головы** выше, чем у мужчин: 12,8 против 7,2. Особенно заметной была разница в частоте употребления жеста на картинах художников, питающих пристрастие к мифологическим сюжетам и тайнствам (Караччи, Ван Эйк, Мартини). Напротив, у художников, облечённых специальными полномочиями рисовать парадные и иные портреты (это Гольбейн, Модильяни, Веласкес, Рембрандт), выраженного гендерного эффекта отмечено не было.

Ранние художники, кто работал преимущественно в церквях и рисовал святых, деву Марию, Христа, ангелов, библейские или мифологические сцены, передавали на своих полотнах большее число **наклонов головы**, чем это делали художники, рисовавшие светские портреты. В первом случае картины обычно выражали жалость, покорность или

же обожание, поклонение Христу, Богу, тогда как для светских портретов важна была, прежде всего, демонстрация знатного лица — его красоты, величия и мощи. Позже, в XIX веке, когда у художника был уже выбор, что рисовать (это речь идёт о Сезанне, Климте, Дега, Модильяни), картины представлены как совершенно независимые от формы патронажа. В самом деле, короли и знать уже не были больше в числе лиц, которым оказывалось предпочтение. Появились новые изображаемые фигуры: ими становятся крестьяне, ремесленники, «простые люди» — друзья и знакомые художника. На полотнах, может быть, уже и нет того выражения мощи и власти, зато есть явно более спонтанное и откровенное выражение эмоций. И частота использования жеста наклона головы в это время заметно увеличивается, — хотя для старых персонажей в меньшей степени, чем для молодых, что, впрочем, вполне объяснимо: в прошлом жизненный век был короче, а власть была у стариков.

К сожалению, жест **наклон головы** изучался в отрыве от положений тел, мимики, пространственной и временной композиции и т. п. А ведь если бы, например, в число исследуемых художников попал М. Шагал с его наклонными фигурами на картинах, то едва ли этот жест был бы столь значимым, и имело бы смысл говорить о действии гендерного фактора.

Грамотность, неграмотность и воинствующая неграмотность

Максим Анисимович Кронгауз

Перед вами, конечно, не текст лекции, а лишь её конспект, а точнее — краткая постановка проблемы.

Русский язык в интернете вызывает яростные споры и бурные эмоциональные оценки, как положительные, так и отрицательные (последние, пожалуй, чаще). Но даже тем, кто полагает, что русский язык в интернете — это чёрт знает что, следует помнить, что при всём при этом это всё равно русский язык. И о нём следует разговаривать, его необходимо обсуждать.

Начнём с самого простого — с яростной порчи орфографии. Возникла она не в интернете, но именно в интернете была поставлена на поток. И наиболее ярко проявилась в так называемом *языке падонков* и истории со словом *превед*. Порча орфографии оказалась настолько привлекательной идеей, что сразу овладела интернет-умами и стала модной и почти обязательной. Прежде чем как-то оценивать этот процесс, хорошо бы понять, зачем нам вообще нужна орфография.

Хорошо известно, что именно орфография помогает легче воспринимать написанное, то есть попросту — быстрее читать. Это происходит потому, что мы привыкли к определённом графическому облику слов и опознаём их даже не целиком, а по нескольким ключевым буквам, прежде всего — по первой и последней. Неправильное написание незначительно задерживает наш взгляд на слове, тормозя процесс чтения в целом. Если таких задержек оказывается много (то есть мы имеем дело с неграмотным текстом), чтение тормозится не чуть-чуть, а сильно.

На самом деле, орфография помогает и быстрее писать, поскольку грамотный человек делает это автоматически. И вот здесь прозвучало ключевое слово — грамотный. Дело в том — и сейчас я раскрываю большой секрет — орфография облегчает жизнь далеко не всем, а только грамотным людям. Именно поэтому при любых реформах орфографии и графики страдают, прежде всего, они — те, для кого письмо и чтение стали, по существу, основным инстинктом. И именно образованные люди сильнее всего сопротивляются таким реформам. Остальные же без орфографии даже немного выигрывают: не надо думать, как писать, да и чтению это не мешает, поскольку привычки к определённому графическому облику слов у них не сформировано. Главное же, что при отсутствии орфографии незнание орфографических правил им абсолютно не вредит, так что их социальный статус сильно повышается.

Вторая причина привлекательности неправильной орфографии заключается в том, что она придаёт слову дополнительную выразительность. Один мой знакомый объявил, что будет писать *жи* и *ши* только с буквой *ы* — в частности, потому, что «*жызынь более энергична и жызыненна, чем жызынь*». И по-своему был прав. Так он и писал: *жывоут, ошыбка, машына*. Однако, будучи грамотным человеком, периодически забывался и срывался на нормативное *держишь* и *пишете* (сознательно следить за окончаниями значительно труднее, и здесь срабатывал автоматизм).

Итак, всевозможные выражения языка падонков — *ацукый сотона, аффтар жжот* и *пиши исчо* — безусловно, выразительны и потому так популярны. Кое-кто стал даже говорить о новой неправильной орфографии, то есть новой системе антиправил. На самом деле, никакой особой системы нет. По существу, есть лишь одно основное правило: **там, где можно написать слово иначе, чем оно пишется, и это не повлияет на его произнесение, — пиши иначе**. Фактически это означает, что написание *сотона* является, как бы это сказать, — приемлемым, потому что везде, где ошибку сделать было можно, она сделана. При этом для слова ещё возможны варианты: *исчо, ищцо* и т. п., один из которых, возможно, становится каноническим. Так, правильно писать *аффтар* с двумя *ф*, а не с одним, хотя оба варианта одинаково ошибочны.

Но здесь-то и кроется опасность. По-настоящему неправильно могут писать только очень грамотные люди, которые, во-первых, знают, как писать правильно, а во-вторых, понимают, какие ошибки не искажают произношение. Так, мне очень трудно поверить в естественное американское происхождение известного выражения *пребед, красавчег!* (лучше, впрочем, было бы *красафчег*), потому что сделаны почти все возможные ошибки, причём каждый раз выбирается более неестественная с точки зрения произношения буква.

Выразительность же всех этих написаний весьма условна. Они выразительны, пока мы осознаём их необычность и неправильность. По мере привыкания к ним и забывания «правильного прототипа» они станут совершенно обычными, нейтральными написаниями, но правила орфографии при этом мы потеряем безвозвратно.

Меня поразила позиция одного безусловно грамотного и вполне образованного человека по этому поводу, сформулированная на одном из форумов: дайте мне самовыражаться в интернете так, как я хочу, а вот моих детей в школе, господа лингвисты, извольте учить правильному языку и правильной орфографии. Этот человек, увы, не понимает одной простой вещи: то, что для него является игрой, для следующего поколения постепенно превращается в норму. Язык осваивается не в

школе и не под чутким руководством каких-то там лингвистов. Вполне возможно, что его сын впервые увидит слово *аффтат* именно в интернете и именно в таком виде. И это окажется его первым и основным языковым опытом, который не перечеркнёшь школьной зубрёжкой.

Учитывая распространение интернета, игры и изыски взрослых с большой вероятностью станут основной языковой средой для сегодняшних детей.

После всего сказанного вы вправе спросить меня, как же я оцениваю будущее нашей орфографии. На это у меня есть два ответа. В краткосрочной перспективе — очень плохо. Сегодняшние модные игры интеллектуалов выгодны неграмотным людям, а их, как известно, больше. В долгосрочной же перспективе грамотные образованные люди, безусловно, спасут нашу орфографию и победят. Вы спросите, как? — А как обычно: неизвестным науке способом.

Девальвация смысла

Максим Анисимович Кронгауз

Я буду говорить об оценочных прилагательных в современных русских текстах и связанных с этим семантических сдвигах. Без оценочных слов, конечно, в речи не обойдёшься, но в рекламно-гламурно-глянцевом языке они просто самые главные. Что это за язык? Полистайте глянцевые журналы, послушайте болтовню светской тусовки или щебет милых корпоративных девушек в кафе, взгляните на рекламные тексты или просто на вывески, от которых лингвисту так трудно оторваться, — и вы поймёте, о чём я. Кого-то этот язык раздражает, кого-то смешит, а кто-то без него уже не может, наконец, просто иначе не умеет. С одной стороны, можно считать, что эти изменения ещё не стали нормой, с другой стороны, они настолько частотны, что, вполне возможно, в недалёком будущем их придётся фиксировать в нормативных словарях. Эта мода вполне осознаётся и авторами, и читателями современных СМИ и, может, даже становится своего рода руководством к действию. В статье А. Архангельской в интернет-издании *gazeta.ru* о том, как делаются глянцевые журналы, подбору слов придаётся такое же значение, как подбору фотографий:

«Глянцевые журналы делаются следующим хорошо известным способом. Вначале на планёрке долго обсуждается, что поставить на обложку. Это должно быть, как правило, женское лицо. Более или менее молодое, сексуально привлекательное и выдержанное в стиле «гламур». К примеру, лица Умы Турман, Риз Уизерспун или Ксении Собчак — подходят, а лицо многоуважаемой Алисы Фрейндлих в силу возраста — не очень. Также не подходит лицо юной певицы Пелагеи: начальством большинства глянцевых изданий оно признаётся не вполне гламурным . . .

В каждой заметке должны каким-то образом промелькнуть слова: модный, стильный, культовый, актуальный: «модный ресторан», «актуальная постановка», «культовый персонаж». Зато непонятных и некрасивых слов типа «структурированный» или «инверсия» в хорошем глянцевом издании почти не встретишь».

Эти «модные» прилагательные встроены в совершенно определённую картину мира, создаваемую глянцевыми журналами. Как правило, оценочные прилагательные в современных текстах используются для характеристики того, что потребляют, то есть товара в самом широком смысле слова (от автомобиля до художественного произведения), и человека (либо творца-производителя, либо потребителя). Большинство из оценочных прилагательных могут определять и человека,

и продукт человеческой деятельности (хотя некоторые всё же тяготеют к одному из типов употреблений):

В Барнауле много талантливых, продвинутых людей. (Комсомольская правда)

...розовая майка с синими разводами, фиолетовые джинсы и необыкновенно продвинутые в техническом отношении кроссовки... (А. Волос)

У оценочного слова в рекламном языке недолгая жизнь. Вначале его отыскивают либо в родном русском языке, либо в чужом, то есть заимствуют, причём положительной оценке в его значении, как правило, сопутствует ещё какой-то интересный и нетривиальный смысл. Потом слово вбрасывают в тексты и, если повезёт, оно сразу становится модным, начинает использоваться в невообразимых контекстах, а смысл его потихоньку стирается и остаётся только восторженная оценка. Наконец, оно всем надоедает, его перестают воспринимать всерьёз и выбрасывают, как старую тряпку, чтобы восхищаться каким-нибудь новым словечком. Увы, *sic transit gloria mundi*, и слов это тоже касается.

Вот, к примеру, ещё лет пятнадцать назад слово *элитный* сочеталось с сортами пшеницы или щенками, ну, на худой конец, с войсками, и подразумевало отбор, селекцию лучших образцов. Затем оно стало понемногу вытеснять из языка слово *элитарный* (предназначенный для элиты), и возникли *элитное жильё* и *элитные клубы*. А затем началось форменное безобразие. Появилось даже *элитное бельё* и *элитные кресла*! Ну не бывает особого белья и особых кресел для какой бы то ни было элиты, политической ли, интеллектуальной ли! Есть просто очень дорогое бельё, ну и ладно, соглашусь, качественное. Этот смысловой переход, впрочем, очень понятен и легко объясним. Элита у нас всё больше понимается в экономическом значении, исходя из принципа «Если ты такой умный, что же ты такой бедный?» Иначе говоря, элита всё чаще означает просто «богатые люди». Тем самым элитные вещи — это вещи, предназначенные для богатых, а значит, — дорогие. И всё-таки разница между старым нормативным значением («полученный в результате селекции») и новым употреблением настолько велика, что порой вызывает улыбку.

Недавно на Садовом кольце я обратил внимание на вывеску — «Элитные американские холодильники». Если вы улыбнулись, значит, не всё ещё потеряно. Если нет, увы, мы просто говорим с вами на разных языках.

Таким образом, сейчас происходит — и, на самом деле, уже произошла — девальвация смысла этого слова, осталась только положительная оценка: дорогой и, следовательно, качественный. Впрочем, язык не стоит на месте. Недавно я получил в электронной рассылке среди про-

чего спама предложение: «Элитные семинары по умеренным ценам». Вот и дороговизна улетучилась. Спрашивается, что же осталось в значении этого слова?

У слова *элитный* есть брат-близнец — прилагательное *экссклюзивный*. То есть вначале они довольно сильно различались. *Экссклюзивный* подразумевало предназначенность для одного единственного субъекта, например, эксклюзивным можно назвать интервью, данное лишь одной газете, а эксклюзивные права предоставляются лишь одной компании.

Но вот всё чаще в текстах попадаются странные сочетания: *экссклюзивные видеокассеты*, выпущенные огромным тиражом (зато с очень редкими кадрами) или, например, *экссклюзивные часы*, изготовленные в количестве 11111 штук с автографом самого Михаэля Шумахера. Короче говоря, эксклюзивный, опустошаясь семантически, приближается к новому значению *элитного*: редкий, дорогой и качественный. Но вот и редкость исчезает, когда я читаю растяжку над рыночным прилавком: «Экссклюзивная баранина».

Прилагательные *экссклюзивный* и *элитный* фактически становятся синонимами и могут просто усиливать друг друга, как, например, в рекламе «Кожаных изделий эксклюзивных и элитных производителей». Ещё пятнадцать лет назад *элитным производителем* мог бы называться только какой-нибудь бычок или жеребец, а вот поди ж ты, как движется прогресс, и сейчас речь идёт об изготовителях дорогих изделий. Надо сказать, что и *элитный*, и *экссклюзивный* уже миновали пик моды, и хотя встречаются ещё повсеместно, судьба их незавидна. В самом начале они как бы тянули потенциального покупателя за собой. За ними обоими стояла идеология избранности. Элитный говорил: «Купишь вещь — войдёшь в элиту!» А эксклюзивный: «Купишь вещь — будешь её единственным обладателем, ни у кого такой нет!» Потом — идеология богатства, и они уже на один голос кричали: «Купи дорогую вещь! Дорогая значит хорошая!» А теперь всё чаще они используются в рекламе не очень дорогих и не очень качественных товаров и всё слабее воздействуют на потенциальных покупателей. Это похоже на то, как если бы в рекламе всё время вставляли словосочетание очень хороший. Кто же на это клюнет?

В моду входят другие слова, среди оценочных прилагательных есть и более хитрые, и более непотопляемые, которые непосредственно связаны с идеологией потребления.

Например, слова, о котором пойдёт сейчас речь, следует бояться. В нём слишком много идеологии, и оно не оставляет выбора. В конце концов от чего-то элитного или эксклюзивного можно отказаться, а от этого — нет.

Естественно, оно встречается в названиях магазинов, в рекламе, но особенно популярно в глянцевах журналах. Леонида Парфёнова в интервью спрашивают: «Где вам в Москве весело?». — «Для меня главное из развлечений — *правильная жратва в правильном месте*», — отвечает он. Для непосвящённых далее перечисляются несколько конкретных блюд и ресторанов.

Кстати, а вы сами носите правильную одежду? Смотрите правильные фильмы? Слушаете правильную музыку? Ходите в правильные места? Или как? Ах, вы не знаете, что следует считать правильным? Читайте глянцевые журналы — вас научат.

Раньше я вздрагивал от этих непривычных словосочетаний, а потом привык, и уже с удовлетворением обнаружил в статье под названием «SUPERVУЗЫ. 10 правильных заведений» упоминание родного университета. Жаль, конечно, что я не могу последовать рекламе: «Купи правильный дом. Новорижское шоссе», но уж в магазин «Правильная обувь» я захоживаю регулярно. В общем, всё хорошо, жизнь удалась.

Такое употребление слова «правильный» близко по значению французскому выражению «*comme il faut*», заимствованному в русский язык как «комильфо». С помощью слова «правильный» глянцевые журналы формируют новый стиль поведения, следовать которому должен любой «продвинутый» (ещё одно модное слово) человек. Если использовать европейские аналогии, можно сказать, что речь идёт о создании нового русского дендизма, особого свода правил «как себя вести», «какую одежду носить», «что есть», «что читать», «куда ходить» и т. п. И вся эта сложная система скрывается за новым употреблением слова «правильный», что и объясняет его взлёт.

Это прилагательное прежде всего активно сочетается с названиями продукта в самом широком смысле этого слова: от одежды, обоев, еды — до пицци духовной: романов, фильмов, спектаклей и т. п. Также правильными могут считаться и производители или создатели соответствующей продукции. Если раньше, выделяя, мы бы назвали режиссёра модным, популярным, народным, ну в лучшем случае, культовым, то сейчас нет ничего выше звания «правильный режиссёр». Иди и смотри.

И наконец, тот, кто следует всем этим гламурным указаниям, может сам считаться правильным (или, как говорили когда-то, «комильфо»), то есть по сути — правильным потребителем. Меня недавно поразила фраза из одного глянцевого журнала: «Последние лет пять правильную московскую девушку можно было отличать по колготкам. Колготки должны были быть только телесного цвета, только прозрачные и только оттенка загара». Я ещё не вполне осознал, кто они — эти загадочные правильные девушки, но уже получил инструкцию, как узнавать их в толпе. Конечно же, по колготкам телесного цвета.

Совершенно очевидно, что большинство подобных сочетаний человеку семидесятых показались бы дикими, однако не всё так просто. В советских текстах всё-таки встречаются похожие примеры, хотя не так часто и в довольно специфических «идейных» контекстах. Вполне допустимо, например, было словосочетание *правильный фильм*, но, естественно, оно использовалось по отношению к фильмам совершенно другого рода, активно одобряемым советской властью — то есть с правильной идеологией. Таким образом, инвариант значения у данного слова на самом деле сохраняется, просто на смену одной идеологии, политической, приходит другая — идеология потребления, что и определяет его сочетаемость.

По существу, за этим словом всегда стоит некая «идейность», но отнюдь не в том единственном политическом смысле, к которому так привыкли советские люди. Подобное употребление прилагательного вообще характерно для жаргонов, связанных с жёсткими поведенческими нормами. Здесь можно вспомнить и блатной мир, только вместо «правильных девушек» его населяют «правильные пацаны».

Что же касается идеологии потребления, то она, не будучи политической и тоталитарной, не становится от этого менее жёсткой и агрессивной. Через соответствующие слова она проникает в сознание, навязывая, в частности, жёсткие правила выбора. Следует ходить в *правильные* места, есть в них *правильную* еду, наконец, знакомиться и общаться с *правильными* девушками (тем самым последние выступают тут и как субъект, и как объект потребления).

Переключка между нынешним временем и советской эпохой характерна и для некоторых других модных прилагательных: *позитивный*, *актуальный* и т. д. Например, *позитивный* сочетается сейчас с такими словами, как *фильм*, *спектакль*, *сценарий* или *шоу*.

Такие употребления не описываются существующими словарями (речь идёт о совсем недавней кальке с английского), однако фактически выражают идеологию социалистического реализма. Позитивные фильмы и спектакли показывают жизнь такой, какой она должна быть, а не какая она есть на самом деле. По существу, все эти прилагательные выражают положительную оценку, как, скажем, и *элитный*, и *эксклюзивный*, но делают это не так крикливо и не так явно. Они отсылают к неким ценностям, к определённой системе взглядов, но при этом не фиксируют их раз и навсегда, что и позволяет им быть более устойчивыми. И в сегодняшнем гламурном мире они оказались на видном месте. Вот уж, действительно, ключевые слова эпохи.

Семантические задачи

Максим Анисимович Кронгауз

Ольга Юрьевна Шеманаева

Участники Летней лингвистической школы стали одними из первых решателей семантических задач, придуманных М. А. Кронгаузом и опубликованных примерно через 9 месяцев после школы (книга «Семантика. Задачи, задания, тесты» появилась в мае 2006 года). В семинаре «Семантические задачи» приняли участие все слушатели Летней школы (школьники 7–10 классов) и многие преподаватели, а последующее анкетирование показало, что он доставил удовольствие и руководителям, и участникам, и взрослым, и детям. Цель семантических задач состоит в том, чтобы показать, с какими проблемами сталкивается человек в процессе общения и понимания собеседника или письменного текста, а также в том, чтобы активизировать реальные механизмы понимания, происходящие у нас в голове, но сделать это на основе довольно простых и весёлых примеров.

Поскольку значение присуще разным языковым единицам: морфемам, словам, текстам и др., задачи по существу охватывают все языковые уровни. Нужно отметить также разный уровень сложности задач. Некоторые из них правильно решались почти всеми участниками семинара за считанные секунды (ответы, как правило, выкрикивались с места), некоторые же требовали достаточно долгой работы.

Семантические задачи принципиально отличаются от уже привычных олимпиадных самодостаточных задач. Они требуют определённых знаний в области родного языка и развитой языковой интуиции. Решая семантические задачи, участники школы выступали как бы в двух ипостасях — обычного носителя языка и лингвиста, описывающего интуицию этого носителя. Соответственно, и качество решения определялось, с одной стороны, «качеством» языковой интуиции, а с другой, умением её проанализировать и аргументировать своё решение. Последнее принципиально при решении текстовых задач, где особую важность имеет не сам ответ, а описание его поиска и аргументация.

Руководители семинара хотели бы поблагодарить всех его участников, которые внесли свой вклад в апробацию рукописи и помогли устранить отдельные недочёты, а кроме того, своим энтузиазмом убедили руководителей семинара, что задачи действительно могут и должны использоваться в педагогической практике.

А теперь приведём несколько семантических задач с решениями.

1. Вычеркните одно лишнее по смыслу слово. Что есть общего у оставшихся четырёх?

Воробей, дракон, крокодил, пчела, самолёт.

Интересно, что у этой задачи — более одного ответа. Существует несколько способов вычеркнуть лишнее слово в зависимости от того, какой общий семантический признак мы выбираем: лишнее слово — крокодил, потому что он не летает, лишнее слово — самолёт, потому что все остальные — одушевлённые, лишнее слово — дракон, потому что это название несуществующего, мифического существа, и т. д.

2. Семантические загадки: типичные признаки

Что часто бывает сильным, резким или ноющим: а) ребёнок; б) боль; в) любовь; г) удар; д) спортсмен?

Ответ: б) боль. Ребёнок бывает ноющим; любовь, спортсмен, удар — сильными, и только боль — сильной, ноющей или резкой.

3. Семантические загадки: сочетаемость

Это можно сохранить и иметь, но этим нельзя обладать. Это можно отдать, но нельзя взять. С этим можно выйти, но нельзя войти. Что это: а) авторитет; б) вещь; в) любовь; г) честь; д) яблоко.

Ответ: г) честь.

4. От толкования к слову

По толкованию определите слово русского языка.

‘железный прут с загнутым концом для перемешивания топлива в печи’

Ответ: кочерга.

5. Система значений

Какое слово может означать и часть одежды, и водный поток?

Ответ: рукав.

6. Сочетаемость глаголов с приставками. Определите глагол

Реальный глагол заменен несуществующим *нанать* (я *нанаю*, ты *нанаешь* и т. д.). Определите, что за глагол имеется в виду, если он сочетается со следующими приставками и погружается в следующие контексты (фонетический тип основы и тип спряжения роли не играют).

Ты себя всего чем-то обнанал.

Отнанай мне немножко.

Ты опять всё разнанал.

Мы полностью зананали яму.

Ты этим унанал весь пол.

Ответ: *Нанать* = *сыпать*.

Ты себя всего чем-то обсыпал.

Отсыпь мне немножко.

Ты опять всё рассыпал.

Мы полностью засыпали яму.

Ты этим усыпал весь пол.

7. Составить текст из фраз

В задачах этого раздела использованы реальные тексты (чаще фрагменты) различных жанров: художественные произведения, репортажи, рецензии и пр. Однако фразы этих текстов перемешаны. Задание состоит в том, чтобы восстановить оригинальный порядок, исходя из грамматических, семантических и логических связей. В этих задачах важно не только предложить то или иное решение, но и обосновать его. В том случае, если возможны альтернативные решения (авторский порядок не является единственно возможным), их также следует обосновать.

Пример 1 (проза):

Ниже приведены в алфавитном порядке фразы из рассказа Д. Хармса «О Пушкине». Восстановите текст рассказа. Обоснуйте своё решение (описав все внутритекстовые связи).

1. А о Гоголе писать нельзя.
2. А потому, вместо того, чтобы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе.
3. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь.
4. И Александры I и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным.
5. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто.
6. Наполеон менее велик, чем Пушкин.
7. Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно.
8. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.
9. Пушкин — великий поэт.
10. Трудно сказать что-нибудь о Пушкине тому, кто ничего о нём не знает.
11. Хотя Гоголь так велик, что о нём и написать-то ничего нельзя, поэтому я буду всё-таки писать о Пушкине.

Ответ: 10 – 9 – 6 – 5 – 4 – 3 – 2 – 11 – 7 – 1 – 8.

Трудно сказать что-нибудь о Пушкине тому, кто ничего о нём не знает. Пушкин — великий поэт. Наполеон менее велик, чем Пушкин. И Бисмарк по сравнению с Пушкиным ничто. И Александры I и II, и III просто пузыри по сравнению с Пушкиным. Да и все люди по сравнению с Пушкиным пузыри, только по сравнению с Гоголем Пушкин сам пузырь. А потому, вместо того, чтобы писать о Пушкине, я лучше напишу вам о Гоголе. Хотя Гоголь так велик, что о нём и написать-то

ничего нельзя, поэтому я буду всё-таки писать о Пушкине. Но после Гоголя писать о Пушкине как-то обидно. А о Гоголе писать нельзя. Поэтому я уж лучше ни о ком ничего не напишу.

Пример 2 (стихотворный):

В задаче использовано стихотворение Екатерины Горбовской «Письмо в Сухуми», строки которого перемешаны. Предлагается восстановить авторский порядок, используя, естественно, не только семантические критерии.

1. Вспоминать и говорить.
2. Встав потом. . .
3. Как Вы встали на колени,
4. Как мы ели чахохбили,
5. Как мы пили «Ахашени»,
6. Как отряхивали брюки,
7. Можно будет повторить.
8. На груди сложивши руки
9. Неужели Вы забыли,
10. Так — крестом,
11. Только что теперь об этом
12. Я опять приеду летом —

Ответ:

Помочь решить эту задачу могут не только внутритекстовые семантические связи, но и знаки препинания, сохранённые в условии в конце строк, и некоторые поэтические закономерности, прежде всего рифма.

Как в любой задаче на установление порядка предложений (в данном случае — строк), можно сразу выделить кандидатов на первое место — позицию начала (или зачина) текста. Не годятся на эту роль (или по крайней мере маловероятны) строки 1, 2, 7, 10, 11. Кроме того, легко заметить, что после строки 9 должны следовать строки, начинающиеся с *как*, просто потому, что больше ничего не подходит. Придаточные предложения с *как* зависят от глагола забыли.

Таким образом, основная проблема — восстановить порядок четырёх строк, начинающихся со слова *как*. Две из этих строк выделяются тем, что с ними по смыслу тесно связаны другие строки, очевидным образом следующие за ними. Так, мы получаем две цепочки: {[Как Вы встали на колени,] — [На груди сложивши руки —] [Так — крестом]} и {[Как отряхивали брюки,] — [Встав потом. . .]}³¹. Эти цепочки сле-

³¹В принципе возможна также связка *На груди сложивши руки — Встав потом. . .*

Здесь, однако, есть по крайней мере три возражения. Во-первых, столкновение двух деепричастных оборотов слишком громоздко. Во-вторых, в этом случае странно

дуют именно в такой последовательности, так как предложения 8, 10, 6 и 2 составляют стихотворную строку (с рифмой abab), тем более что такой порядок действий кажется наиболее логичным: сначала встать на колени, а потом отряхнуть брюки.

После этого становится ясно, что предыдущая строфа, и она же первая строфа стихотворения³², состоит из строк 9, 4, 5 и 3. Но вот порядок строк [Как мы ели чахохбили,] и [Как мы пили «Ахашени»,] едва ли можно установить на основании только смысла (хотя, конечно, естественнее вставить на колени после выпитого бокала, а не после съеденного блюда — это всё же более романтично). Более важными оказываются критерии ритма и рифмы. Автор выбирает более энергичный и запоминающийся вариант (рифмовка a—a, b—b). С семантической же точки зрения оба варианта следует считать приемлемыми.

В последней строфе непосредственно связаны между собой строки 11 и 1, и 12 и 7, причём они следуют друг за другом именно в таком порядке: 11 — 1 и 12 — 7, что видно хотя бы из знаков препинания. В строках 11 — 1 содержится отсылка и к предыдущему тексту, и к предыдущим событиям (*об этом вспоминать и говорить*), и поэтому они должны следовать непосредственно за строкой 2, а строки 12 — 7 завершают всё стихотворение.

Итак, наиболее естественный и действительно авторский порядок строк таков: 9 — 4 — 5 — 3 — 8 — 10 — 6 — 2 — 11 — 1 — 12 — 7. Для наглядности можно привести всё стихотворение целиком.

Екатерина Горбовская.

Письмо в Сухуми

Неужели Вы забыли,
 Как мы ели чахохбили,
 Как мы пили «Ахашени»,
 Как Вы встали на колени,
 На груди сложивши руки —
 Так — крестом,
 Как отряхивали брюки,
 Встав потом. . .
 Только что теперь об этом
 Вспоминать и говорить.
 Я опять приеду летом —
 Можно будет повторить.

выглядит знак «тире». В- третьих, непонятно, к чему тогда относится строка 10: *Так — крестом.*

³²Оставшиеся четыре строки не могут быть начальными, потому что отсылают к чему- то, сказанному выше (об этом в строке 11).

В заключение нужно привести также возможные варианты решения, не совпадающие с авторским текстом. Допустимой (хотя и не вполне удачной), как уже сказано, следует признать перестановку строк 4 и 5. Кроме того, нам встретились ещё два варианта: один был предложен нашей коллегой, он поставил строку [Можно будет повторить] сразу за строкой [Как мы пили «Ахашени»], впрочем, о порядке других строк он не успел подумать. И странную пессимистическую концовку предложила наша молодая коллега: 12 — 7 — 11 — 1, однако в ней присутствует некоторая аномалия. Строки 11 и 1 отсылают к чему-то прошедшему (из-за глагола *вспоминать*), а никак не к будущему лету.

8. Составить несколько текстов из фраз

В задачах этого раздела предлагаются перемешанные фразы двух и более реальных текстов. Задание состоит в том, чтобы восстановить оригинальные тексты. Как и в предыдущем разделе, важно не только дать ответ, но и обосновать его, исходя из жанра, стиля и содержания соответствующих текстов.

Пример:

В путеводителях «Афиши» по разным городам есть раздел «Что как выглядит?», состоящий из небольших статей (энциклопедических по форме, иронических по сути). В них описываются явления, предметы и персонажи, характерные для данного города. В этой задаче предлагаются две статьи из путеводителей по Вене и Парижу. Одна из них называется «Сумасшедший», а другая — «Тиролец». Предложения этих статей смешаны.

Восстановите, по возможности, оригинальные тексты и обоснуйте своё решение. Определите, какой из текстов как называется. Определите, в каком путеводителе какой текст опубликован.

1. На улицах Вены встречается так же редко, как герой «Крокодила Денди» в Нью-Йорке.

2. Личность бредёт по улице, громко беседуя с пространством и размахивая руками.

3. Носит штанишки до колен и шапочку с воткнутым в неё хвостом альпийской козы.

4. Поэтому увидеть его — к счастью.

5. Личность в ботинках на босу ногу с седой шевелюрой и бородой.

6. От обычных сумасшедших следует отличать шестидесятников-интеллектуалов, которые выглядят точно так же и ведут себя соответственно, но просто говорят по мобильному телефону в режиме hands-free.

7. Худой, аскетичный, пожилой.

Ответ:

Путеводитель «Париж»: «Сумасшедший»

Личность в ботинках на босу ногу с седой шевелюрой и бородой. Личность бредёт по улице, громко беседуя с пространством и размахивая руками. От обычных сумасшедших следует отличать шестидесятников-интеллектуалов, которые выглядят точно так же и ведут себя соответственно, но просто говорят по мобильному телефону в режиме hands-free.

Путеводитель «Вена»: «Тиролец»

Худой, аскетичный, пожилой. Носит штанишки до колен и шапочку с воткнутым в неё хвостом альпийской козы. На улицах Вены встречается так же редко, как герой «Крокодила Денди» в Нью-Йорке. Поэтому увидеть его — к счастью.

9. Составить хайку

В этой задаче используются хайку. Хайку — это жанр японской поэзии, стихотворения, состоящие из трёх строк с формальными ограничениями на количество слогов. Первая строка, как и третья, содержит пять слогов, а вторая длиннее, в ней семь слогов. Однако правило слогов иногда нарушается, особенно часто при переводе на другие языки. Приведём в качестве примеров хайку Иссы и, пожалуй, самого известного японского поэта Басё в хорошо известных переводах В. Марковой:

*Тихо-тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи,
Вверх, до самых высот! (Исса)*

*На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер. (Басё)*

В задаче приводятся строки из четырёх хайку Басё (в переводе В. Марковой). Строки перемешаны. Восстановите четыре стихотворения Басё.

1. Был ли камелией?
2. В руке сломался он.
3. Был ли он сливой когда-то?
4. Лёгкий звон цикад.
5. На веере хотел я написать, —
6. Первая дыня, друзья!
7. Пестик из дерева.
8. Проникает в сердце скал
9. Прощальные стихи
10. Разделим её на четыре части?

11. Разрежем её на кружки?

12. Тишина кругом.

Ответ.

Для решения этой задачи необходимо обращать внимание не только на значение строк, но и на их длину, и на знаки препинания (особенно в конце строки). Исключительно на основании значения не всегда возможно различить первую и третью строки, так как самая общая по значению строка может быть и в начале как тема, и в конце как вывод.

- 6–10–11 Первая дыня, друзья!
Разделим её на четыре части?
Разрежем её на кружки?
- 9–5–2 Прощальные стихи
На веере хотел я написать, —
В руке сломался он.
- 8–4–12 Проникает в сердце скал
Лёгкий звон цикад.
Тишина кругом.
- 7–1–3 Пестик из дерева.
Был ли камелией?
Был ли он сливой когда-то?

Литература

- 1) Алексеев М. Е., Беликов В. И., Евграфова С. М., Журинский А. Н., Муравенко Е. В. Задачи по лингвистике. Ч. 1. — М., 1991.
- 2) Журинский А. Н. Лингвистика в задачах. Условия, решения, комментарии / Сост. Е. В. Муравенко. — М.: «Индрик», 1995.
- 3) Журинский А. Н. Слово, буква, число: Обсуждение самодостаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. — М.: «Слово», 1993.
- 4) Кронгауз М. А. Семантика. — М., Academia, 2005.
- 5) Кронгауз М. А. Семантика. Задачи, задания, тесты. — М.: Academia, 2006.

Что такое синтаксическая омонимия

Елена Владимировна Муравенко

В школе мы знакомимся с лексической омонимией, и каждый школьник без труда приведёт примеры омонимов: *лук* ('растение' и 'орудие стрельбы'), *норка* ('животное' и 'маленькая нора') и т. п. С такими словами можно составить неоднозначные предложения вроде *Он взял лук* или *Они видели в лесу норку*. Однако эти предложения имеют по два смысла только из-за лексических омонимов, входящих в их состав. Синтаксически же предложения устроены совершенно одинаково. Таким образом, здесь представлена лексическая, а не синтаксическая омонимия.

В случае же синтаксической омонимии разница в смыслах словосочетаний или предложений не связана с лексической омонимией слов, в них входящих. Предложение или словосочетание является синтаксически омонимичным, если ему можно приписать не менее двух синтаксических структур. В понятие синтаксической структуры входит выделение минимальных синтаксических единиц (членов предложения) и установление синтаксических связей между ними. Таким образом, с *синтаксической омонимией* мы сталкиваемся тогда, когда в одном словосочетании (предложении) можем по-разному выделить или грамматически по-разному проинтерпретировать члены предложения и/или по-разному установить или проинтерпретировать синтаксические связи между ними.

Явление синтаксической омонимии привлекает внимание многих учёных. Интерес к нему особенно возрос с 60-х гг. XX в. в связи с началом исследований по автоматической обработке текста (См. [Дрейзин 1966], [Иорданская 1967].). Выяснилось, что в текстах гораздо больше омонимичных предложений, чем может показаться на первый взгляд. Почему же мы часто не видим этих разных смыслов? Дело в том, что во многих случаях из синтаксически омонимичных вариантов мы выбираем один, руководствуясь контекстом или внеязыковой ситуацией. При машинном же переводе фраза может быть проинтерпретирована совсем не в том смысле, который вложил в неё автор. Например: *При заводе имеются курсы по подготовке в институт, детские сады и ясли*. Безусловно, здесь в качестве однородных членов выступают *курсы, детские сады и ясли*. Однако если отвлечься от вневлигвистических знаний, а ориентироваться только на строение предложения, в качестве однородных членов вполне можно выделить *институт, детские сады и ясли*.

При внимательном чтении синтаксическую омонимию можно обнаружить в известных с детства предложениях. Обратимся к пушкинской фразе из «Евгения Онегина»: *Он из Германии туманной привёз учёности плоды*. Вот что по поводу этой фразы пишет А. В. Гладкий: «Что она значит? Такой вопрос, видимо, вызовет недоумение едва ли не у каждого читателя: разумеется, это значит „Он привёз из туманной Германии плоды учёности“. Между тем Германия (в отличие от Англии) никогда не считалась туманной страной, а вот учёность, усвоенная Ленским, была и вправду несколько туманная. Так что, пожалуй, естественнее было бы понимать эту фразу в смысле „Он привёз из Германии плоды туманной учёности“. И во всяком случае ясно, что здесь имеет место синтаксическая омонимия» [Гладкий 1985, с. 24–25]. А вот не менее известная строка А. С. Пушкина из стихотворения «19 октября»: *Роняет лес багряный свой убор*. К чему относится прилагательное *багряный*? *Багряный лес* или *багряный убор*? Большинство современных читателей отнесут прилагательное к стоящему за ним слову *убор*, так как обычно согласованное одиночное определение употребляется перед определяемым словом. Однако во времена Пушкина весьма распространено было и другое взаиморасположение определяемого и согласованного определения: сначала определяемое, за ним — определение. Так, если мы обратимся к остальным строкам стихотворения «19 октября», то встретим такой порядок 20 раз: *привет унылый, в краю чужом, судьбы суровой, дом опальный, блеск холодный...*

Итак, рассмотрим все возможные случаи синтаксической омонимии (в интерпретации примеров я прежде всего буду опираться на классификацию типов синтаксической омонимии А. В. Гладкого [Гладкий 1985, с. 110–126]).

1. Очень часто можно по-разному установить синтаксические связи между словами, т. е. для зависимого слова можно найти разных «хозяев»: *Он умеет заставить себя слушать* (*заставить себя* или *себя слушать*); *Сергей вернулся из командировки в Москву* (*вернулся в Москву* или *командировки в Москву*); *Мы встретили сына художника, приехавшего из Парижа* (*сына приехавшего* или *художника приехавшего*). Такую омонимию называют **стрелочной**, потому что разные смыслы конструкции можно отобразить с помощью разных стрелок.

2. Синтаксическая омонимия может возникать за счёт различной интерпретации (разметки) формы или синтаксической связи. Такую омонимию называют **разметочной**.

2.1. Различная разметка связи.

Пара «хозяин — слуга» выделяется единственным способом, но проинтерпретировать связь между этими словами можно по-разному:

субъектная связь

Преследование тигра закончилось неудачей ‘тигр преследует кого-то’
или

объектная связь

Преследование тигра закончилось неудачей ‘кто-то преследует тигра’

Омонимия субъектной и объектной связи очень распространена, и не только в русском языке: *перевод Пушкина* — ‘выполненный кем-то перевод произведений Пушкина’ или ‘выполненный Пушкиным перевод’, *критика учёного, посещение родственников, приглашение композитора*, лат. *amor Dei* и англ. *the love of God* — ‘любовь Бога’ и ‘любовь к Богу’ и т. п.

Возможна омонимия субъекта и второго объекта: *Он прислан к нам инспектором* ‘инспектор прислал его’ или ‘кто-то прислал его в качестве инспектора’.

Иной раз омонимия разных падежных значений создает комический эффект, если фраза приобретает второй смысл, не предусмотренный автором. Вот, например, объявление на подъезде жилого дома: *Мусоросборники, засоренные жильцами, необходимо прочистить*. Автор употребил форму творительного падежа в значении субъекта действия, но приходит в голову значение средства.

2.2. Различная разметка формы. Можно по-разному понять (и разметить) форму слова: *Он не выучил **правила*** — или родительный падеж единственного числа, или винительный падеж множественного числа. Добавление определения сразу снимает омонимию (*Он не выучил этого правила* или *Он не выучил эти правила*).

2.3. Одновременная омонимия форм и типов связей.

Различная интерпретация форм может быть связана с различной интерпретацией связей, например:

адресатная связь (кому?)

звонок Марии дат. п.

субъектная связь (чей? кого?)

звонок Мари род. п.

Нередко в русском языке встречается омонимия предложений типа *Мать любит дочь*. Конечно, в таких случаях предпочтительной является интерпретация первого существительного как подлежащего, однако возможны контексты с противоположным пониманием, например: *Не отца, а мать любит дочь*.

субъектная   объектная

Мать им. п. *любит* *дочь* вин. п.

объектная   субъектная

Мать вин. п. *любит* *дочь* им. п.

Примеры подобных конструкций: *День сменяет ночь. Моря окружают материки. Море напоминает степь. Поспешность увеличивает страх. Металл вытесняет дерево*. Часто авторы, сами того не желая, составляют предложения такого типа.

3. Рядом расположенные слова могут по-разному объединяться в группы. *В концерте приняли участие известные ансамбли и самодеятельные коллективы* — непонятно, известные только ансамбли, или самодеятельные коллективы тоже известные. Такая омонимия называется **конституентной**. Различные смыслы можно обозначить с помощью скобок:

В концерте приняли участие (известные (ансамбли и самодеятельные коллективы)).

В концерте приняли участие ((известные ансамбли) и (самодеятельные коллективы)).

Омонимия, возникающая из-за неоднозначного выделения однородных членов, весьма распространена в русском языке: *кирпичные дома и гаражи, новые тетради и книги, трудные задачи и упражнения, задачи и упражнения по русскому языку, карандаши и тетради для занятий, читать и обсуждать статьи, петь и слушать оперные арии* и т. д.

Конституентная омонимия не всегда связана с разным выделением однородных членов. Иногда по-разному можно осмыслить употребление некоторых частиц. Например, в предложении *Вдоль забора она посадила не чёрную смородину* частица *не* может относиться как к прилагательному *чёрную*, так и ко всему словосочетанию *чёрную смородину*: (*не чёрную*) *смородину* или *не (чёрную смородину)*. Контекст обычно позволяет выбрать один из двух вариантов: *Вдоль забора она посадила не чёрную смородину, а красную* или *Вдоль забора она посадила не чёрную смородину, а малину*.

Рассмотренные типы омонимии, разумеется, могут комбинироваться между собой. Например, в словосочетании *звонок любимой из Парижа* есть разметочная омонимия в паре слов *звонок любимой* (кому? или чей?) и стрелочная омонимия: неоднозначно определяется «хозяин» для формы *из Парижа* (*звонок из Парижа* или *любимой из Парижа*). Комбинация этих возможностей даёт четыре способа понимания словосочетания.

Часто синтаксическая омонимия сочетается с лексическими омонимиями или омоформами, относящимися к разным лексемам. Такая омонимия называется лексико-синтаксической. Например, в предложении *Казню и милую* по-разному можно интерпретировать не только синтаксические связи и форму слова *милую*, но и понять сами слова: в первом случае *и* — соединительный союз, а *милую* — глагол в форме 1-го лица единственного числа, при втором понимании *и* — усилительная частица, а *милую* — существительное в винительном падеже единственного числа.

В языке встречаются и такие типы неоднозначных конструкций, которым, в отличие от рассмотренных выше случаев синтаксической

омонимии, приписывается одна и та же синтаксическая структура (т. е. и формы слов, и связи между ними совпадают). Разные смыслы таких конструкций могут быть продемонстрированы с помощью глубинных структур, поэтому представленную в них неоднозначность можно называть **глубинно-синтаксической омонимией**.

Рассмотрим различные случаи глубинно-синтаксической омонимии.

1. Такого рода омонимия регулярно встречается, например, в предложениях с отглагольными существительными и инфинитивами, при которых часто опускаются зависимые формы, обозначающие участников ситуации. Эти опущенные формы могут быть восстановлены двояким образом.

Примеры:

1) *Перед выступлением на конференции ко мне подошёл коллега.* Неоднозначность возникает из-за невыраженности субъекта выступления: 'моё выступление' или 'выступление коллеги'.

2) *Вера готовится к экзамену.* В ситуации экзамена два участника: субъект (экзаменатор) и объект (экзаменуемые). В исходной фразе не указана роль Веры в данной ситуации, поэтому фраза неоднозначна: 'Вера готовится принимать экзамен' или 'Вера готовится к сдаче экзамена (сдавать экзамен)'.

3) *Коллега предложил закончить работу* — 'коллега сам закончит работу' или 'он предложил, чтобы другие закончили работу'.

2. Отглагольные существительные со значением действия в русском языке не сохраняют значения глагольного вида и времени. Из-за этого нередко возникает неоднозначность в предложении, например: *Мы узнали об открытии выставки* — 'Мы узнали, что выставка 1) открылась, 2) открывается, 3) откроется, 4) будет открыта' и т. п.

3. При переходных глаголах удаления обычно форма с исходным значением указывает исходное местонахождение объекта, например, если мы говорим *Маша вынула книгу из сумки*, то имеем в виду, что 'книга раньше находилась в сумке'. Однако в принципе форма с исходным значением при таких глаголах может указывать и местонахождение субъекта: *Книга лежала на самой верхней полке, и он смог достать ее только со стремянки*. Возможность двоякого понимания исходной формы создаёт предпосылки для омонимии предложений. Так, фразу *Он достал книги со стремянки* можно трактовать либо как 'Он, находясь на стремянке, достал книгу (сверху)', либо как 'Он достал книгу, которая находилась на стремянке'. Указание местонахождения субъекта чаще может употребляться при глаголах каузации перемещения. Тем самым, и возможность омонимичных конструкций при таких глаголах выше, например: *Он смог заказать из Парижа эту редкую книгу. Он вызвал из телеателье мастера*.

4. Обратимся теперь к предложению: *Художник нарисовал сына*. Какое значение имеет здесь форма прямого дополнения? Это изображение сына на картине? Или живой мальчик, позировавший художнику? Выбор одного из двух допустимых значений может определяться контекстом: *Он разговаривает с мальчиком, которого (живой мальчик) нарисовал художник; Посмотри на эту картину: как замечательно художник нарисовал сына* (изображение мальчика). Если же контекст не подсказывает нам, какое из значений следует выбрать, по-видимому, мы имеем дело с особым случаем, когда одна форма одновременно имеет два значения.

5. Возникновение неоднозначности может быть связано с существованием нескольких смысловых частей в семантике глагола, например, значений процесса и результата. Так, предложение *Он два раза обвязывал шарф вокруг шеи* воспринимается двояко: 'Он два раза выполнял действие обвязывания' или 'Он обвязывал шарф вокруг шеи двумя витками'.

6. Омонимичны конструкции с некоторыми наречиями. Так, предложение *Жидкость снова налили в сосуд* можно трактовать двумя способами: 'Жидкость уже неоднократно наливали в сосуд и теперь ещё раз налили' или 'Жидкость из сосуда вылили, а потом туда же налили (т. е. сосуд снова стал вместителем жидкости)'

Омонимия, реально встречающаяся в текстах, даёт два-три возможных толкования. Естественно, желая быть понятым, каждый автор стремится использовать однозначные выражения (если, конечно, речь не идёт о достижении специальных эффектов). Однако искусственно можно составить предложения, имеющие очень много смыслов. Вот, например, фразу *Письма знакомой из Киева не заменят фотографии любимой и милой дочери Марии* можно понять более чем тысячью способами. Различные толкования этой фразы, а также другие задачи на синтаксическую омонимию мы разберём на семинаре.

Литература

- 1) Гладкий А. В. Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения. Глава 7. Синтаксическая омонимия. М., 1985. С. 110–126.
- 2) Дрейзин Ф. А. Синтаксическая омонимия: к постановке вопроса // Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 9. М., 1966. С. 38–43.
- 3) Иорданская Л. Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // НТИ. 1967. № 5. С. 9–17.

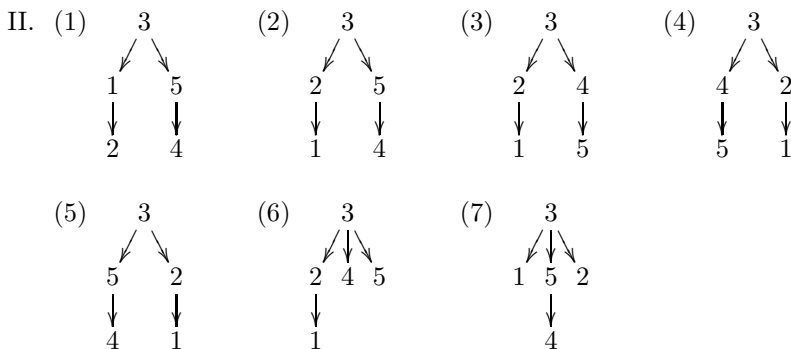
Задачи по синтаксической омонимии

Елена Владимировна Муравенко

№ 1. Дано предложение: *Письма знакомой из Киева не заменят фотографии его любимой и милой дочери Марии.* Докажите, что его можно понять более чем тысячью способами. Продемонстрируйте с помощью этого предложения различные типы синтаксической омонимии.

№ 2. Ниже приводятся предложения и схемы предложений:

- I. 1. *Знакомые студентки занимаются прикладной лингвистикой.*
 2. *Студент с нетерпением ждал летних каникул.*
 3. *Наш преподаватель возвратился из командировки в Ленинград.*
 4. *Пейзажные зарисовки сменили монументальные полотна.*
 5. *Этот переполох вызвал простой солдат.*
 6. *Работа по-новому всколыхнула весь коллектив.*

Каждому смыслу предложения соответствует одна схема.

- A. Для каждого предложения найдите все соответствующие ему схемы.
 B. Опишите принципы построения схем.

№ 3. Сколько различных смыслов имеет предложение *Родные тётки ждали дядю Игоря?* За счёт чего возникает неоднозначность предложения?

№ 4. Сколько различных смыслов имеет предложение *Соседа Виктора встретил вчера возвратившийся из поездки в Москву Олег?* Какие типы синтаксической омонимии представлены в этом предложении?

№ 5. Какое из данных предложений можно понять только одним способом? Какого рода омонимия представлена в остальных предложениях?

1. *Как заинтересовали её картины моего друга!*
2. *Нина читала книгу матери.*
3. *Аня поставила на полку новые учебники и словари.*
4. *Андрей вчера сдавал экзамен по математике.*
5. *Коллектив приветствует солдат.*

№ 6. Покажите, какие типы синтаксической омонимии представлены в следующих предложениях.

1. *Для сына Саши Нина купила заводную игрушку.*
2. *Под окнами цвели белые лилии и розы.*
3. *Критика Волкова была справедливой.*
4. *На сцене известные поэты и композиторы.*
5. *Он назначен директором школы.*
6. *Пётр не читал газеты.*
7. *Школьники из Москвы поехали в Тарту.*
8. *Выводы эти подтвердили и данные специальных биохимических анализов.*
9. *На этой полке только три книги.*
10. *Характеристика, данная им, положительна.*
11. *Все интересующиеся языками занимались очень много.*
12. *Мы ждали звонка от друга Кольки.*
13. *Она говорила, сердясь, что я бестолков и угрюм.*
14. *Я отвечал, что маменька не увидит, что я спрячусь за полог.*

№ 7. Даны предложения, взятые из объявлений и газетных заметок:

1. *Мыться, париться в бане купленным в кассе билетом разрешается не более часа.*
2. *После укуса бешеным животным давать вино или водку нельзя.*
3. *Фоторепортеры мухами ослепили помост.*
5. *Мне почудилось отсутствие вкуса, которым заслуженно гордятся бельгийцы.*
6. *Следует отметить, что серьёзной угрозой советской власти был голод.*
7. *Никогда не заходит солнце в сети санаториев и домов отдыха СССР.*
8. *... речь идет о престарелых или одиноких матерях с малолетними детьми.*
9. *Закладные патрубки в случае необходимости могут быть закрыты водолазами.*

Каждое из этих предложений, кроме авторского смысла, имеет и посторонний комический смысл. Какие типы синтаксической омонимии представлены в этих предложениях?

Разбор задач №№ 1–4

№ 1. Чтобы подсчитать общее количество смыслов фразы, нужно сначала найти в составе фразы неоднозначные фрагменты. Однако разделить общее число, просто перемножив разные смыслы фрагментов, нельзя: не все они совместимы.

Вот основные неоднозначные фрагменты фразы, не вызвавшие сомнений ни у кого из носителей русского языка.

Фраза представляет собой предложение со сказуемым, выраженным глаголом *заменять*. При нём обязательно должны быть выражены подлежащее и прямое дополнение, кроме того, возможно и косвенное дополнение со значением адресата: *заменить кому-либо*. Адресат может вычленяться семью способами, включая его нулевое выражение: (*его (любимой (и милой (дочери (Марии))))*) или (*знакомой из Киева*).

Для каждого из этих семи способов возможны четыре способа понимания подлежащего и прямого дополнения. Во-первых, и подлежащим, и дополнением может быть как именная группа слева от сказуемого, так и именная группа справа от него (это разметочная омонимия типа *Мать любит дочь*). Во-вторых, при сказуемом в отрицательной форме прямое дополнение может стоять как в винительном, так и в родительном падеже, поэтому формы *письма* и *фотографии* в роли прямого дополнения могут пониматься и как винительный падеж множественного числа, и как родительный падеж единственного числа (различная разметка форм).

В именной группе слева от сказуемого содержатся неоднозначные сочетания двух типов: 1) *письма знакомой* (чьи? или кому?) (разметочная омонимия — разные связи и разные формы); 2) *письма из Киева* или *знакомой из Киева* (стрелочная омонимия). В части предложения справа от сказуемого можно выделить следующие неоднозначные словосочетания: 1) *дочери Марии* — *дочери* (чьей?) *Марии* или *дочери по имени Мария* (разметочная омонимия — разные типы связи); 2) *любимой и милой дочери* — (*любимой и милой*) *дочери* или (*любимой*) и (*милой дочери*) — конституентная лексико-синтаксическая омонимия; 3) слово *его* может относиться и только к ближайшему слову *любимой*, и ко всей последующей группе слов (конституентная омонимия); 4) конструкция *фотографии X-а имеет* три смысла: а) ‘фотографии, которые сделал X’, б) ‘фотографии, которые имеет X’, в) ‘фотографии, на которых изображён X’ (различная разметка синтаксических связей).

№ 2. Задание **A**, элементарное для лингвиста, может оказаться не таким простым для школьника, привыкшего, в силу изучения в школе традиционной грамматики, рассматривать в качестве вершины пред-

ложения скорее подлежащее, чем сказуемое, и не упорядочивать по тесноте связи зависимые от сказуемого члены предложения. Основные признаки построения схем: 1) номера узлов схемы соответствуют порядковым номерам членов предложения; 2) существительное с предлогом является одним членом предложения; 3) в вершине схемы — сказуемое; 4) номера главных слов в каждом словосочетании располагаются выше номеров зависимых слов и соединяются с ними стрелкой; 5) члены предложения, зависимые от сказуемого, располагаются в следующем порядке слева направо: подлежащее, дополнение, обстоятельство.

Б.	Предложения	1	2	3	4	5	6
	Схемы	1, 2	7	3, 6	2, 5	3, 4, 5	1, 7

№ 3. Данное предложение содержит два неоднозначных фрагмента:

- 1) *родные тётки — родные (чьи?) тётки* или *тётки (какие?) родные* (лексико-синтаксическая омонимия);
- 2) *дядю Игоря — дядю (чьего?) Игоря* или *дядю по имени Игорь* (разметочная омонимия).

Различные сочетания этих смыслов дают $2 \cdot 2 = 4$ разных понимания данного предложения.

№ 4. В предложении три фрагмента, допускающих по два понимания:

- 1) *соседа Виктора — соседа (чьего?) Виктора* или *соседа по имени Виктор* (разметочная омонимия);
- 2) *встретил → вчераше* или *вчераше ← возвратившийся* (стрелочная омонимия);
- 3) *возвратившийся → в Москву* или *из поездки → в Москву* (стрелочная омонимия).

Таким образом, данное предложение имеет $2 \cdot 2 \cdot 2 = 8$ смыслов.

Об изменениях в синтаксисе современного русского языка

Елена Владимировна Муравенко

Русский язык, как и любой другой естественный язык, непрерывно меняется. Однако, если изменения лексические, фонетические, орфоэпические и морфологические постоянно находятся в поле зрения исследователей, устаревшие слова классифицируются, попадают с соответствующими пометами в словари, изучаются в школьных и вузовских курсах русского языка, комментируются в разных изданиях, то устаревшим синтаксическим конструкциям внимания уделяется значительно меньше.

Между тем, на мой взгляд, именно из-за устаревшего синтаксиса мы прежде всего и воспринимаем текст как архаичный: слова-то иной раз употребляются вполне знакомые и привычные, а их сочетания при этом могут не соответствовать принятым сейчас языковым нормам.

Я не буду касаться синтаксиса XVIII века и более ранних периодов. Затрону лишь вопрос о синтаксических изменениях **в современном русском языке**. Современным русским языком обычно называется русский язык со времён А. С. Пушкина, который и считается его основоположником. Во всяком случае, именно такое понимание термина «современный русский язык» принято в академических словарях, академических грамматиках и большинстве школьных и вузовских учебников. Ведь иллюстративные примеры к словарным статьям и разделам грамматик, а также примеры для сборников упражнений черпаются часто из классической литературы XIX века. Между тем многие конструкции в настоящее время уже не употребляются, и подобные примеры могут ввести в заблуждение людей, изучающих язык и пока нетвёрдо владеющих языковыми нормами.

Что же это за конструкции? Остановимся на некоторых типах этих синтаксических конструкций и убедимся, что сейчас мы использовали бы другой способ выражения того же синтаксического значения.

1. Изменение глагольного управления

За прошедшие почти два века у ряда глаголов изменилось управление. Например, глагол *предать* в значении ‘подвергнуть действию чего-л.’, который сейчас управляет дательным падежом (*предать казни, предать осмеянию, предать суду* и т. п.), в XIX веке встречается и с управлением *на что*: *предать смерть его брата на суд Божий* (Н. М. Карамзин), *предать на суд демократической истории*

(П. А. Вяземский), *предадим его на произвол благих* (Ф. И. Тютчев), *предать её на все муки* (Ф. М. Достоевский), *предать себя на служение добрым людям* (Н. С. Лесков). Глагол *обижаться* в XIX веке мог употребляться с существительным в творительном падеже на месте современного винительного с предлогом *на*: *обижалась восторгами публики* (В. А. Соллогуб), *обидеться его словами* (А. И. Герцен), *не обиделась её речами* (Вс. М. Гаршин), *обижаться нашими глупыми шалостями* (Ф. М. Достоевский), *обидевшись непристойным выражением* (Н. С. Лесков), *обидеться его внешнею холодностью* (Д. В. Григорович), *обижался всякой невежливостью* (Д. Н. Мамин-Сибиряк).

В некоторых случаях можно обнаружить определённые закономерности, касающиеся целых групп глаголов, напр. у ряда глаголов, имевших ранее предложное управление, оно сменилось беспредложным, но с тем же падежом (*писать к кому-л.* → *писать кому-л.*, *касаться до чего-л.* → *касаться чего-л.*, *достичь до чего-л.* → *достичь чего-л.*): *Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения* (А. С. Пушкин). *Что касается до меня, то, признаюсь, известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало...* (А. С. Пушкин). *Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан вина, до которого я не коснулся* (А. С. Пушкин).

Иной раз мы сталкиваемся с тем, что глаголы, которые управляли беспредложным винительным падежом, т. е. были переходными, сейчас являются непереходными. Следы прежней переходности мы можем увидеть, сталкиваясь со страдательными причастиями, относящимися к ныне непереходным глаголам. Разберём в качестве примера глагол *руководить*. У него есть страдательное причастие настоящего времени *руководимый*. Это нестандартный случай: обычно такие причастия бывают лишь у переходных глаголов. И этот факт может натолкнуть нас на мысль: а так ли обстояло дело раньше, может, глагол *руководить* был когда-то переходным и с тех пор сохранилось это причастие? Обратившись к текстам XIX века, мы убеждаемся, что наше предположение верно. Глагол *руководить* в XIX веке мог управлять не только творительным падежом, как сейчас, но и винительным, т. е. глагол мог употребляться как переходный: *Князь Андрей всегда особенно оживлялся, когда ему приходилось руководить молодого человека и помогать ему в светском успехе* (Л. Н. Толстой); *Вы будете руководить юношество по истинному пути* (И. И. Лажечников); *А вы поддержите, руководите её* (А. А. Потехин); *Что давали вы мне читать, когда я, в первые годы, просила вас руководить меня?* (Ф. М. Достоевский);

Я вовсе не требовал, чтобы меня, как всех прочих, руководил протодьякон (Н. С. Лесков). Очевидно, что это управление винительным падежом — исходное и, видимо, связано с происхождением глагола, ведь он образован от переходного глагола *водить*.

Что же приводит к изменению управления? Это очень непростой вопрос и на него не всегда легко ответить, однако некоторые причины изменений установить всё-таки можно.

Разберём в качестве примера глагол *скучать*. В XIX веке этот глагол имел 4 значения (и соответственно 4 типа управления). Рассмотрим эти значения (значения и примеры приводятся по «Словарю языка Пушкина»):

№ п/п	Значение	Управление	Примеры
1	‘испытывать скуку’	без дополнения	<i>Деревня, где скучал Евгений, Была прелестный уголок.</i>
2	‘тяготиться чем-н.’	творит. падеж	<i>Нет, он скучает бранной славой.</i>
3	‘тосковать о ком-н., чём-н.’	<i>по</i> + предл. п.	<i>Она очень по тебе скучает.</i>
4	‘надоедать, докучать’	дат. падеж	<i>Нескладно хоть играл, Но Музам не скучал.</i>

В современном языке значения 2 и 4 устарели, а потому и управление *скучать чем* и *скучать чему-кому* не встречается. Вот и причина 1: изменение управления часто связано с изменением значения слова.

Сохранились значения 1 и 3. Значение 1 используется без дополнения, поэтому о синтаксических изменениях говорить не приходится, а вот на значении 3 стоит остановиться. Значение-то осталось, но управление изменилось. И здесь мы сталкиваемся с другими причинами.

Причина 2: синтаксическая аналогия, а именно, изменение управления могло произойти под влиянием управления близких по значению глаголов. Под влиянием так называемых глаголов горестного состояния (*грустить, тосковать* и под.) глагол *скучать* приобретает управление *скучать о чём*, которого у него не было раньше.

Причина 3: изменение управления глагола могло быть вызвано и изменением управления предлога. Именно с этим связана замена управления *скучать по чём-ком* на *скучать по кому-чему* (об этом см. в след. разделе).

К случаям изменения глагольного управления примыкают и случаи изменения управления прилагательных и отвлечённых существительных. Например, существительное *уверенность*, управляющее сейчас только предложным падежом с предлогом *в*, в XIX веке встречается

и с формой винительного падежа с тем же предлогом: *уверенность в наше могущество, силу и способности* (Д. В. Григорович), *уверенность в неизменность вашу во всех благородных чувствованных* (А. Ф. Писемский), *уверенность в себя, в волю человеческую* (А. И. Герцен), *уверенность в святость* (Ф. М. Достоевский), *уверенность в осуществление «благодатного царства араратского»* (П. И. Мельников-Печерский) и т. д.

2. Изменение управления предлогов

Многие первообразные предлоги в русском языке могут управлять двумя, а то и тремя падежами, причём, если значения конструкций с одним и тем же предлогом, но с разными падежами, совпадают, прослеживается тенденция к закреплению за определённым значением одной формы. Таким образом, с течением времени картина управления предлогов может измениться. Так, предлог *сквозь* в XIX веке управлял не только винительным, но и родительным падежом: *И долго, будто сквозь тумана, Она глядела им вослед...* (А. С. Пушкин). Сейчас этот предлог употребляется только с винительным падежом. Предлог *между*, использовавшийся как с родительным, так и с творительным, в настоящее время управляет творительным; употребление родительного воспринимается как архаичное: *Всюду между деревьев... мелькали белые, синие, красные рубахи* (И. С. Тургенев).

Рассмотрим подробнее изменение предложного управления на примере предлога *по*.

Предлог *по* в настоящее время может управлять тремя падежами: дательным, предложным и винительным. Что касается винительного, можно сказать о существенном сокращении такого употребления: выходит из употребления конструкция *по* + вин. п. во временном значении, заменяясь на *до* + вин. п., в целевом значении эта конструкция сохраняется лишь с ограниченным набором лексем: *по грибы, по ягоды, по воду*, да и то они уже расцениваются как диалектные или просторечные, и т. д.

Остановлюсь на некоторых значениях предлога *по*, которые требуют дательного и предложного падежа.

(1) Предлог *по* употребляется с глаголами горестного состояния типа *грустить, тосковать, скучать* и соответствующими отглагольными существительными. В настоящее время в таких случаях используется дательный падеж: *грустить по мужу, скучать по другу, тоска по родному дому*. Однако в XIX веке картина была иная. С этими глаголами использовался предлог *по* и с дательным, и с предложным падежами, но дательный употреблялся лишь с существительными во множественном

числе, а предложный — с существительными в единственном числе и с местоимениями: *Она вздыхала по другом* (А. С. Пушкин); *Всё грустит по муже* (И. А. Гончаров); *Что погребла? Признаюсь, и по низ сердце болит* (А. С. Пушкин); *И начинает понемногу Моя Татьяна понимать Теперь яснее — слава богу — Того, по ком она вздыхать Осуждена судьбою властной* (А. С. Пушкин).

Постепенно дательный вытесняет предложный, уже в 80-е годы XIX века встречаются и употребления существительных в единственном числе в форме дательного падежа, с XX века дательный существительных вытесняет предложный. Примеры с существительными женского рода и личными местоимениями ед. числа 1-го и 2-го лица и женского рода 3-го лица не привожу, они весьма многочисленны, но не показательны, так как в этих случаях формы дательного и предложного падежа омонимичны. Предложный падеж местоимений удерживает свои позиции дольше, до начала XX века. Отдельные употребления встречаются вплоть до нашего времени: *По ком это ему скучать? — не поднимая глаз, говорит Лина, но полные губы её невольны растягиваются в улыбку. — Может, по вас?* (Валентина Осеева. 1959); *Тоскую по нём* (Виктор Некрасов. 1981); *Этим я хочу сказать, что скучаю по Вас* (Борис Ефимов. 2000).

В настоящее время дательный падеж явно преобладает и в последних словарях указывается как единственно правильный вариант.

(2) Аналогичную картину смены предложного падежа дательным можно наблюдать и рассматривая пространственное значение предлога *по*. Разница только в том, что в этом значении вытеснение предложного произошло несколько раньше. Уже в начале XIX века в пространственном значении предлог *по* употреблялся с существительными в дательном падеже: *... Теперь не то; и мы, как дамы, Скользим по лаковым доскам* (А. С. Пушкин); *Под потолком взад и вперёд мелькают нетопыри, и тень от них мелькает по стенам, по дверям, по помосту* (Н. В. Гоголь).

Предложный падеж использовался лишь с местоимениями 3 лица: *Он снова жаждою томился, И градом пот по нём катился* (А. С. Пушкин); *... гремящая сабля исполненного надежд прапорщика, проводящая по нём резкую царапину* (Н. В. Гоголь); *Пустынный закоулочек, где помещался суд, был оживлён мелькавшими по нём то здесь, то там фигурами* (Н. С. Лесков).

В XX веке в пространственном значении с предлогом *по* встречается только дательный падеж.

(3) Так же обстоит дело и с употреблением предлога *по* с существительными, означающими предмет, на который направлено действие (с глаголами *бить, ударять, стрелять* и под.): с существительными — уже с

XVIII века дательный падеж, с местоимениями — в XIX веке предложный.

Поскольку употребление существительных в дательном падеже совпадает с нормами нашего времени, приведу лишь примеры с местоимениями: *Выискались охотники, которые выслеживали Гермогена, когда он показывался на стене, и стреляли по нём, но иннок точно был заколдован* (Д. Н. Мамин-Сибиряк); *По них выстрелили из пушки* (А. С. Пушкин); *Все бросились к ружью; нам сделали даже честь стрелять по нас из орудий* (Д. В. Давыдов).

Из личных местоимений раньше других в дательном начинает употребляться местоимение *они*. Местоимение *он* употребляется в предложном в течение всего XIX века и лишь в XX веке вытесняется формой дательного. Дольше всего удерживает свои позиции предложный падеж с местоимениями *мы* и *вы*: *Может, как раз с того места и стреляет сейчас по нас пулемёт* (Виктор Некрасов. 1946).

В настоящее время формы *по нам*, *по вам* считаются нормативными, а старые формы *по нас*, *по вас* уходят в прошлое, разве что иногда их употребляют носители языка старшего поколения.

(4) Предлог *по*, управляя существительными со значением действия, может иметь значение «после». В XIX веке круг существительных, употреблявшихся в этом значении, был шире (*по битве*, *по смерти* и т. д.) Временное наречие *потом* образовано именно в результате слияния предлога *по* в значении «после» с предложным падежом местоимения. В «Словаре языка Пушкина» указано, что в данном значении предлог управляет как дательным, так и предложным падежом существительного; однако у Пушкина дательный встречается гораздо реже предложного. У других авторов XIX века примеров употреблений дательного падежа в данном значении нет или крайне мало. Поэтому вопрос, является ли употребление дательного падежа в подобных конструкциях нормой того времени или это особенность языка именно Пушкина, остаётся открытым и требует более детального изучения.

В настоящее время конструкция **по + предл. п.** с временным значением встречается в основном в деловой и газетной речи, причём предлог *по* сочетается в этом значении с ограниченным кругом существительных: *по возвращении*, *по выяснении*, *по достижении*, *по завершении*, *по истечении*, *по поступлении*, *по предъявлении*, *по прибытии*, *по окончании* и др. В основном это существительные среднего рода на *-ие*. Возможно и употребление существительных женского рода на *-ия*, но их крайне мало: *по реализации*, *по ратификации*. Допускаются и существительные мужского рода: *по уходе*, *по выходе*, *по приходе*, *по прилёте*, *по вылете*, *по приезде* и т. д., однако с ними рассматриваемая конструкция уже воспринимается молодым поколе-

нием как стилистически неудачная и обычно заменяется конструкцией *после ухода* и т. п. Конструкции же с существительными на *-ие* находятся сейчас на стадии перехода в составные предлоги. Употребление в печати дательного вместо предложного в настоящее время встречается довольно часто (видимо, это объясняется тем, что это единственное значение предлога *по*, с которым употребляется предложный падеж), но в процентном отношении к нормативному употреблению число это невелико. Употребление дательного расценивается как отступление от литературной нормы.

Завершая краткий обзор изменений в управлении предлога *по*, ещё раз замечу, что здесь прослеживается тенденция к закреплению за определённым значением определённой формы. В первых трёх разобранных значениях дательный падеж вытеснил творительный, причём это вытеснение происходило постепенно: существительные во множественном числе — местоимение *они* — существительные в единственном числе — местоимение *он* — местоимения *мы*, *вы*. В четвёртом (временном) значении закрепляется предложный падеж, однако, поскольку это значение в настоящее время остаётся единственным, в котором предлог *по* употребляется в предложном падеже, а количество используемых в данной конструкции существительных невелико, можно говорить о переходе данных существительных с предлогом *по* в составные предлоги.

3. Вытеснение одного предлога другим

Этот тип особенно ярко выражен в замене предлога *в* предлогом *на* в разных значениях.

В настоящее время, используя обозначения мероприятий, действий при глаголах прибытия или местонахождения, мы используем только предлог *на* (в винительном и предложном падежах соответственно): *пойти на лекцию, на семинар, на занятие, на приём, на спектакль, на концерт, на выставку* и т. п. В XIX веке в ряде случаев использовался предлог *в*, вот лишь несколько употреблений А. С. Пушкина: *едет в маскарад, приехал в собрание Академии, поехал в концерт*. Употребление *пойти в концерт* исчезает на наших глазах: это сочетание ещё можно услышать от носителей языка старшего поколения, тогда как молодёжь так уже не говорит.

Предлог *в* вытесняется предлогом *на* и в сочетании с некоторыми словами в пространственном значении: *жить в каком-л. этаже, податься в какой-л. этаж* уже прочно вытеснено формами *на этаже, на этаж*. Процесс вытеснения *пойти в кухню, быть в кухне* ещё

в самом разгаре, но употребление вместо этого *пойти на кухню, быть на кухне* уже гораздо более частотно.

Предлог *в* вытеснен предлогом *на* и в значении дробления, деления в результате какого-л. действия, ср. *Мужчина поднял газету и порвал её в клочки* (А. П. Чехов). Такое употребление сохраняется разве что в выражении *порвать в клочья*, которое уже воспринимается как фразеологизм именно в силу архаичности формы. Да и наречие *вдребезги* (*дребезг* раньше означало 'осколок') напоминает нам о прежнем употреблении предлога *в*. Сейчас же мы скажем: *порвать на части, разорвать на мелкие кусочки, разрезать на полоски* и т. п.

4. Становление производных предлогов

Обращаясь к литературе XIX века, можно проследить процесс становления производных предлогов (таких, как *навстречу, вослед/вслед, благодаря*) и закрепления за ними управления, отличного от управления исходного слова, а также объяснить, почему подобные производные предлоги могут употребляться и в качестве послелогов. В пушкинскую эпоху этот процесс ещё не завершён, у каждого из этих предлогов встречается несколько вариантов управления.

5. Изменения в способах выражения синтаксических значений

За два века произошли существенные изменения и в способах выражения отдельных синтаксических значений. Так, в современном русском языке наиболее употребительным предлогом, выражающим значение причины, является предлог *из-за*. А в первой половине XIX века в этом значении широко использовались предлоги *от, по, за, из*. Не случайно основные причинные наречия образованы в результате слияния именно предлогов *от* и *по* с местоимениями соответственно в дательном и родительном падеже: *отчего, оттого, почему, потому, поэтому*. В настоящее время предлоги *от, по, за, из* употребляются лишь с ограниченным количеством существительных. Предлог *из-за* лишь начинает формироваться в первой половине XIX века на основе простых предлогов *из* и *за* и прочно занимает позиции основного причинного предлога во второй половине XIX века.

6. Упрощение синтаксических конструкций

Наиболее ярким примером данного типа является, пожалуй, уходящее на наших глазах из языка употребление прямого дополнения в роди-

тельном падеже при отрицании. Если ещё несколько десятилетий назад правило замены винительного на родительный при отрицании переходного глагола было обязательным, то теперь в языке сосуществуют две нормы: возможен и родительный, и винительный падежи. Это нередко приводит к синтаксической омонимии: если полвека назад дополнение фразы *Я не читал газеты* однозначно воспринималось в единственном числе, то сейчас возможна двоякая трактовка: род. падеж ед. числа или вин. падеж мн. числа. Молодое поколение явно предпочитает винительный, что свидетельствует о том, что ещё через несколько десятилетий родительный прямого дополнения будет явным архаизмом. Тогда приведённая фраза вновь будет однозначной, но значение её будет уже не тем, что раньше.

7. Изменение порядка слов

Характеризуя синтаксические изменения в современном русском языке, нельзя не упомянуть об изменении порядка слов в предложении и словосочетании. Это отдельная большая тема, поэтому назову здесь лишь наиболее яркие, бросающиеся в глаза изменения.

В настоящее время согласованное определение в стандартных случаях находится в препозиции к определяемому, тогда как во времена Пушкина согласованное определение часто ставилось после определяемого слова: *Я вообразил себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого* (А. С. Пушкин). В XIX веке в сложноподчинённых предложениях с придаточным определительным придаточное часто начиналось относительным словом, даже если оно управлялось последующим словом: *Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление моё из крепости и разрыв с комендантским семейством* (А. С. Пушкин).

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>)

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. — 2-е изд., доп. М., 2000.

СУ — Толковый словарь русского языка в 4 т. под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Что такое грамматикализация и как мы отвечали на этот вопрос

Мария Львовна Рубинштейн

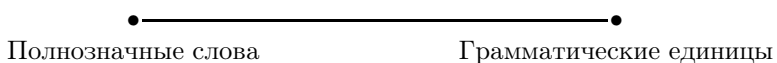
На семинаре из трёх занятий школьники познакомились с одним из ключевых понятий современной лингвистики, а именно с понятием **грамматикализации**.

Грамматикализация — это процесс превращения полнозначного слова в какую-нибудь грамматическую единицу: это может быть предлог, вспомогательный глагол, суффикс будущего времени, отрицательная частица. . .

С одной стороны, для корректного разговора нужно бы уметь определять, когда мы имеем дело с «полнозначным словом», а когда — с «грамматической единицей». Этим вопросом лингвисты задавались не раз. Многие учёные предлагали наборы критериев, по которым вроде бы можно в любом языке чётко отделить первые от вторых.

Другие учёные утверждали, что, наоборот, чёткого разделения провести не получится, потому что встречается слишком много промежуточных случаев. Допустим, какое-то слово ведёт себя то как полнозначное, то как грамматическая единица. Или оно ближе к полнозначному слову, но обладает в то же время какими-нибудь свойствами грамматических единиц. Такие промежуточные случаи, говорили ученые, можно представить себе в виде шкалы. На одном конце шкалы — несомненные полнозначные слова (такие, как *книга*, *ругаться*, *тёмный* и т. д.). На другом конце — несомненные грамматические единицы (такие, как суффикс *-ик* в словах типа *стол*ик или приставка *пере-*). А между двумя концами разместились все-все-все промежуточные случаи.

(1)

И вот как раз переезд вправо по такой шкале и называется грамматикализацией.

Заметим, что разговор о грамматикализации можно вести как зная историю языка, так и не зная. В первом случае рассуждение будет строиться примерно так: смотрите-ка, в древних рукописях слово *X* значит то-то и ведёт себя как обычное существительное, а в более новых текстах оно растеряло все падежи и используется как частица! А во втором — скорее так: смотрите-ка, как по-разному носители языка употребляют слово *X*: то оно у них — самый обычный глагол, а то — показатель будущего времени.

Впрочем, теперь самое время перейти от теории к примерам. Читатель, наверное, уже догадался, что явление грамматикализации — если не универсальное для всех языков, то по крайней мере чрезвычайно распространённое. Так что примеры у нас будут сразу из нескольких языков. Начнём со знакомого многим английского языка — рассмотрим конструкцию *be going to*.

- (2) *Bill is going to marry Jane.* (Билл собирается жениться на Джейн.)
 (3) *Bill goes to school.*

Чем это *is going to* из (2) отличается от обычного глагола *go* из (3)? Тем, что это не смысловой глагол, а вспомогательный. В разговорной речи он даже может употребляться в сокращённой форме, чего смысловые глаголы никогда не делают:

- (4) *Bill's gonna marry Jane.*

Между прочим, похожее поведение глагола со значением 'идти' можно наблюдать и в испанском языке: глагол *ir* 'идти' ведёт себя то как вспомогательный, то как смысловой. (Это неправильный глагол, и форма третьего лица у него *va*. Кстати, следующий пример будет записан в три этажа: так в лингвистической литературе обычно записываются примеры на иностранных языках. В первой строчке сам пример, во второй — все слова по отдельности с переводами, причём точками отделяются грамматические показатели, а в третьей — перевод примера целиком. Вот в нашем примере цифрой 3 будет обозначаться «третье лицо». А ещё мы будем пользоваться следующими сокращениями: АРТ — артикль, БУД — будущее время, ОТР — отрицание, ПРШ — прошедшее время, РОД — родительный падеж.)

- (5) *Juan va a su casa.*
 Хуан идти.3 к его дом
Хуан идёт к себе домой.
- (6) *Juan va a hablar con Carla.*
 Хуан идти.3 к говорить с Карла
Хуан собирается поговорить с Карлой.

Из рассмотренных примеров видно вот что: грамматикализация, как правило, происходит в определённых значениях и/или контекстах. Вот схематическое изображение того, что произошло в испанском языке:

- (7) ИДТИ (наст. время) + 'к' + целевая форма глагола > форма будущего времени

Грамматикализацию могут сопровождать изменения: фонетические, морфологические, синтаксические. Фонетические мы уже наблюдали в примере 3 (*gonna* — из *going to*). Синтаксические изменения видны во

всех рассмотренных примерах: если смысловой глагол управляет конструкцией с предлогом (go to London), то вспомогательный — другим глаголом.

Изучая разные языки, лингвисты замечают, что во многих из них слова со схожими значениями претерпевают схожие изменения и в результате дают похожие грамматические единицы. Такие изменения называются «пути грамматикализации». (Один такой путь мы уже проиллюстрировали: это переход глаголов движения в показатели будущего времени.) Какие пути грамматикализации возможны, а какие нет, изучает лингвистическая дисциплина под названием «теория грамматикализации». А мы окинем взглядом некоторые из них. (На семинаре школьникам раздавались отдельные странички из книги *World Lexicon of Grammaticalization*, где разобрано множество путей грамматикализации с интересными иллюстрациями из самых экзотических языков.)

1. Названия частей тела > пространственные предлоги или послелоги.

Турецкий: arka ‘спина’

(8) Arkası beyaz.

спина.его белая

У него спина белая.

(9) evin arkasında

дом.РОД спина.его.в

за домом

(10) arkamda

спина.моя.в

сзади меня

2. Глаголы движения > видовые или временные показатели глаголов.

Английский: going to

(11) John is going to school.

(12) John is going to marry Ann.

Испанский: volver ‘возвращаться’

(13) Juan volvió a Argentina.

Хуан вернулся в Аргентина

Хуан вернулся в Аргентину.

(14) Juan volvió a llamar a la puerta.

Хуан вернулся к стучать в АРТ дверь

Хуан снова постучал в дверь.

3. Глаголы желания > временные показатели глаголов.

Болгарский: ще (форма третьего лица от устаревшего древнеболгарского глагола **хотѣти**).

- (15) България и Румъния ще получат последни предупреждения.
 Болгария и Румыния БУД получат последние предупреждения
Болгария и Румыния получат последние предупреждения.

4. Числительное 'один' > неопределённый артикль

Испанский: uno; un/una.

- (16) Juan compro un automovil.
 Хуан купил АРТ автомобиль
Хуан купил автомобиль.

5. Местоимения > определённые артикли

Болгарский:

- (17) рабът на Аллах
 раб.АРТ РОД Аллах
(тот самый) раб Аллаха

Древнеболгарский:

- (18) рабъ тъ
 раб тот
тот раб

Латынь: ille 'он', illa 'она' > *Романские языки:* el, la (испанский);
 le, la (французский); il, la (итальянский)

Испанский:

- (19) El hombre viene y la mujer se va.
 АРТ мужчина приходит и АРТ женщина уходит
Мужчина приходит, и женщина уходит.

Итальянский:

- (20) Il mio maestro
 АРТ мой учитель
мой учитель

6. Пространственные наречия > дискурсивные частицы

Русский: там

- (21) Твои вещи лежат вон там.
 (22) Читать про всякие там поезда и самолеты ему неинтересно.

Английский: there 'там, туда'

- (23) I went there.
 Я идти.ПРШ туда
Я пошёл туда.

- (24) There, there. Don't cry.
 Ну ну делать. ОТР плакать
Ну, ну. Не плачь.

В конце школьники узнали о понятии деграмматикализации. Из самого слова видно, что это должно быть что-то противоположное грамматикализации: «переезд» наоборот, из грамматических показателей в лексические единицы, то есть в слова. Причём деграмматикализуются могут как аффиксы (части слов), так и служебные слова (например, союзы). Вот пример из русского языка:

Ещё одно но, и мы прекращаем разговор.

Союз **но** здесь ведёт себя как обычное существительное среднего рода и обозначает что-то вроде ‘высказанное возражение’.

А бывают и еще более «радикальные» случаи: так, можно говорить о коммунизме и прочих измах. Вот именно так, без кавычек. Или даже о социалистах и всяких других истях.

При обсуждении деграмматикализации на семинаре возник вопрос о том, не является ли результатом деграмматикализации английское слово *able* ‘способный’. Не произошло ли оно от суффикса *-able* (ср. слова *moveable* ‘движимый’, *measurable* ‘измеримый’ и т. д.)? Увы, ответ на этот вопрос — нет. Слово *able* происходит от латинского *habilis* ‘умелый’, изучение истории английского языка показывает, что это просто заимствование из латыни.

Литература

- 1) Bybee, J. L., Perkins, R., and Pagliuca, W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. 1994. Chicago: University of Chicago Press.
- 2) Hopper, Paul J., and Elizabeth Traugott. 1993. Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press.
- 3) Lehmann, Christian. 1995. Thoughts on grammaticalization. Munich: Lincom Europa.
- 4) Майсак, Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Москва, 2002.
- 5) Мельчук, И. А. Курс общей морфологии. Москва — Вена, 1997–2001.

Китайская языковая картина мира

Мария Борисовна Рукодельникова

Введение

Китайский язык — важнейший представитель сино-тибетской языковой семьи, на нём говорят не только жители Китайской Народной Республики (около 1,3 млрд. человек), но и большая часть населения стран Юго-Восточной Азии, включая Таиланд, Индонезию, Лаос, Сингапур. За пределами КНР проживает как минимум 450 миллионов этнических китайцев. Это самый «большой» язык в мире, на нём говорит, как минимум, каждый пятый житель нашей планеты. Как вы понимаете, самый «большой» язык на земле отнюдь не является самым распространённым, то есть знающих китайский язык иностранцев несоизмеримо меньше, чем знающих английский.

Китайский язык — это множество местных диалектов, носители которых часто совершенно не понимают друг друга. Особенно сильно отличаются друг от друга северные и южные диалекты.

Если посмотреть на карту Китая, то нетрудно заметить, что диалектное разнообразие возрастает с севера на юго-восток, а своеобразным «водоразделом» между северными и южными диалектами служит самая большая река Китая — Янцзы (букв. «длинная река»). Севернее Янцзы, в её верховьях и среднем течении распространены северные диалекты группы «гуаньхуа», а население низовьев Янцзы и более южных районов говорит на южных диалектах. Каждая из диалектных групп, в свою очередь, делится на многочисленные наречия и местные говоры, понимание между носителями которых также бывает часто затруднено. Нередки случаи, когда несколько деревень или одна область говорят на особом диалекте, непонятном для соседей.

Такое диалектное разнообразие объясняется долгой и непростой историей Китая, а также ландшафтным разнообразием этой страны. Дело в том, что, начиная с первого-второго веков нашей эры, на севере Китая активизировались многочисленные кочевые племена, среди которых следует, прежде всего, упомянуть гуннов (по-китайски сюнну). На протяжении всей последующей истории гунны, кидани, тангуты, монголы и маньчжуры неоднократно захватывали Северный Китай, образуя там свои государства и стремясь завладеть Южным Китаем. В результате населению Северного Китая ничего не оставалось, как спасаться бегством, причём бежали целыми деревнями и даже уездами.

Волны переселенцев захлёстывали Южный Китай, при этом переселенцы на новом месте предпочитали селиться компактно, а потому сохраняли свои обычаи и язык. В названии одного из южных диалек-

тов как раз и отражено то, как местное южное население воспринимало незваных «гостей» с Севера (название диалекта хакка буквально переводится как «пришлые семьи»).

Современный литературный китайский язык называется «путунхуа» (букв. «всеобщий язык»), он сформировался на основе группы северных и северо-восточных диалектов «гуаньхуа» (букв. «чиновничий язык»). На путунхуа ведётся теле- и радиовещание, преподавание в школах и вузах, именно его учат иностранцы. В многоязычных странах и в странах со сложной диалектной ситуацией всегда возникает необходимость выбора, какой язык (диалект) станет средством общения по всей стране. Часто таким языком (диалектом) становится язык столицы. Так случилось и в Китае. Основой литературного языка всей страны был взят диалект Пекина — столицы Китая с 13 века. Китайских чиновников в западноевропейской историографической традиции называли «мандаринами», поэтому «чиновничий язык» и его основной представитель, пекинский диалект, на Западе иногда называют «манدارинским» (Mandarin Chinese).

Всё это пёстрое многообразие диалектов удивительным образом связано. В основе этой связи — единая письменная традиция (иероглифы) и культура. Уникальная ситуация сложилась в этой стране: люди, совершенно не понимающие друг друга на слух, берут в руки бумагу и ручку, чтобы общаться. Любой китайский письменный текст понятен носителю любого диалекта. Иероглифическая письменность до сих пор играет важнейшую роль в формировании языковой картины мира китайцев.

Языковая модель мира

Давно замечено, что в языковом сознании носителя отдельно взятого языка фиксируется свой способ видения мира, причем он может как совпадать, так и не совпадать со способами видения мира носителем другого языка. Близость картин мира часто характерна для народов, имеющих культурные связи, сходство традиций, общий исторический опыт. На первый взгляд, мировоззрение наших народов и культуры различаются весьма заметно. Значит ли это, что китайская языковая картина будет сильно отличаться от русской? Проверим эту гипотезу, попробуем на нескольких примерах представить себе, как люди, говорящие по-китайски, описывают определённые события. Почему они, описывая конкретную ситуацию, часто используют иную лексику, чем мы, что для них важно в сообщении, а что — нет.

Начнём с того, какие способы фрагментирования действительности существуют в китайском языке, как описываются ситуации перехода из одного состояния в другое. Лингвисты считают, что выбор семан-

тических типов предикатов напрямую связан с тем, какова языковая картина мира говорящего. Близость или различия культурных традиций разных народов определяют сходство и различие языковой картины мира.

1. Для китайского языка характерно стремление к более чёткой фиксации перехода из одного состояния в другое, чем в европейских языках. Глаголы, описывающие моментальные события (происшествия), в китайском языке ведут себя иначе, чем, например, подобные глаголы в русском: они не могут использоваться для описания ситуаций процесса перехода из одного состояния в другое. Рассмотрим китайские глаголы³³ *sǐ* ‘умирать’, *shuàì* ‘падать, упасть (о человеке)’, *dào* ‘падать, упасть (о вещи или человеке, утратившем самоконтроль)’, *líkai* ‘уходить, уйти’, *wàng* ‘забывать, забыть’. Действие этих глаголов мыслится китайцами исключительно как точечное или как переход в другое состояние. Сравним эти данные с другими языками.

В английском языке есть формы на *-ing*, в русском языке есть несовершенный вид, в немецком — настоящее время. То есть мы во всех этих языках можем точечное событие как бы «растянуть», представив его как некий линейный процесс (ср. *Он умирает*). В китайском же можно только сказать: *Tā kuài sǐ le* (букв. *Он скоро умрёт*) или *Tā sǐ le* (букв. *Он умер*).

2. Китайский язык стремится к логически более чёткому, соответствующему реальному положению дел, отражению ситуации.

Возьмём для примера русские глагольные пары, с логической точки зрения описывающие единую ситуацию: «писать — написать», «слышать — услышать». Однако в русском языке существуют другие пары неоднокоренных глаголов, с логической точки зрения, описывающие сходные ситуации: «искать — находить»; «смотреть — видеть». Почему же сходные ситуации (действие-процесс и то же действие, достигшее результата) описываются по-разному? В языковом сознании европейца *искать* и *найти*, *ловить* и *поймать* — не только описывают разные ситуации. Глаголы типа *искать*, *ловить* мыслятся как неопредельные³⁴, обозначающие деятельность, а глаголы типа *найти*, *поймать* — предельные моментальные, нацеленные на результат, они входят в класс событийных глаголов. Иначе обстоит дело в китайском, где все подобные глаголы образуют однокоренные пары: *xīě* ‘писать’ — *xīěwàn*

³³Китайские примеры для простоты восприятия мы будем рассматривать в латинизированной транскрипционной записи «пиньинь», принятой в КНР (надстрочные знаки обозначают один из четырёх тонов).

³⁴т.е. выражающие действие, не рассчитанное на определённый результат.

‘написать, букв. писать + закончить’; *zhǎo* ‘искать’ — *zhǎodào* ‘найти, букв. искать + достичь результата’. В китайском языке *искать* — глагол, выражающий целенаправленное действие, подразумевающее достижение какого-либо результата (не обязательно положительного). В этом смысле китайский язык оказывается более ясным с логической точки зрения.

3. Для китайского языка характерно более антропоцентрично ориентированное представление о существовании объекта в пространстве. Признаками этого является как дробность глагольных предикатов, описывающих человека (обозначение его поз, например) и его деятельность, так и строгое отграничение человека от животных и артефактов при употреблении глаголов, описывающих способы существования (*стоять, сидеть, лежать* и др.). Человек может *ходить, гулять, бегать*, а животное просто *pǎo* ‘бегает’. Правда, животное ещё можно *liú* ‘выгуливать’ (этот же глагол может быть употреблён для описания действий людей: *гулять в парке* и т. п.). Глаголы, описывающие определённый способ передвижения, часто тоже образуют разные классы для обозначения движения человека и не-человека. *Ползть* могут все, но *pá shān* ‘лазить по горам’ может только человек. Слово *yóuyǒng* ‘плавать’ применимо только к человеку, животные же могут только *piāo* или *fú* ‘бездельно плавать на поверхности воды’, причём если человек находится в бессознательном состоянии (или даже уже умер), то его перемещение по воде тоже возможно обозначить глаголами *piāo* или *fú*.

4. Особняком стоит большая группа глаголов, описывающих «мир звуков». Тут ситуация удивительная. В китайском языке можно констатировать полное пренебрежение к «многоголосию» окружающего мира. Если в русском языке человек кричит, собака лает, кошка мяукает, лошадь ржёт, петух кукарекает, волк воет, тигр рычит, а птица поёт, то в китайском языке всё это многообразие сведено к звукам, издаваемым человеком: *jiào* ‘кричать’. Самое удивительное заключается в том, что «глухота» к животному миру компенсируется наличием в китайском языке богатого арсенала оноματοпоэтических слов, имитирующих звуки природы. Ручей может радостно петь *juānjuān*, а дождь — весело капать *dādā dádá*.

Известный лингвист Тань Аошуан, говоря об отражении наивной картины мира в языковом сознании китайцев, предлагает следующий «китайский портрет»:

Китайцы антропоцентричны, но личность рассматривается не в отрыве от всего человеческого рода. Доминирующее положение чело-

века по отношению к «десяти тысячам вещей» отражает желание строго отграничить человека от всего остального мира. Только человек стоит, лежит, сидит. Всё остальное либо существует само по себе, либо так, как человек его «поставил».

Историческая модель времени у китайцев повёрнута в другом направлении (в нашей лекции мы эту важную деталь не рассматривали, но в выводах упомянем). Спереди находится пройденный путь предков, на который обращён взор китайца. Будущее, следовательно, не столь важно, оно лежит вне поля его зрения.

Китайцы рациональны в своем мышлении. Язык отличается высокой степенью прагматизма и логичным построением.

Носитель китайского языка глубоко созерцателен по отношению к окружающему миру. Он может игнорировать противопоставления единственного и множественного (нет категории числа). Он склонен слушать свой голос и не прислушиваться к многоголосию «десяти тысяч вещей». Но слух его обострённо воспринимает все шумы природы.

В работе над лекцией использована монография Тань Аошун Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. / Языки славянской культуры, М., 2004.

Для того чтобы чуть яснее представить себе, как устроен китайский язык, были проведены семинары:

1. Китайская иероглифическая письменность.
2. Грамматическая структура китайского языка.
3. Лексика китайского языка. Китайский язык во всемирной паутине.

О линейности языка (по поводу одного недоумения князя Л. Н. Мышкина)

Владимир Андреевич Успенский

§1. Отсутствие библиографических ссылок в этой статье не означает, что её автор приписывает содержащиеся в ней мысли (если таковые имеются), наблюдения и теоретические построения себе. Просто он почти не знаком с лингвистической литературой, каковой недостаток отчасти компенсируется тем, что автор и не имеет приоритетных притязаний. Автор приносит также извинения тем читателям, которые найдут изложение избыточно детальным, а отдельные абзацы посвящёнными сведениям общеизвестным: всё это объясняется желанием избежать малейшей непонятности. Делая по материалам этой статьи доклад (о чём см. в заключительном параграфе), автор просил слушателей перебивать его немедленно, как только возникнет вопрос или протест; к сожалению, для статьи такое невозможно, и потому автор обязан заранее предвидеть вопросы и протесты и попытаться на них ответить.

§2. Время линейно: из двух одновременных событий одно непременно происходит ранее другого. Поскольку речь развивается во времени, она также линейна: что-то непременно говорится раньше, а что-то позже. Какую бы сегментацию текста ни произвести — на буквы (для письменного текста в языках с алфавитной письменностью), на звуки или фонемы (для устного текста), на слова, на предложения и т. п. — из любых двух сегментов какой-то непременно **предшествует** другому, а этот другой **следует** за первым. Текст предстаёт в виде линейно упорядоченной совокупности своих сегментов, и этот порядок существен для описания многих языковых явлений. Явления, описания и объяснения коих опираются на указанный линейный порядок, присущи всем уровням языка — от низшего, фонетического (здесь естественно упомянуть, в частности, регрессивную и прогрессивную ассимиляции) до высших, семантического и прагматического (здесь можно упомянуть, в частности, актуальное членение). А если открыть, например, изданный в 1935 г. учебник художественного чтения С. В. Шервинского, то обнаружим, что на с. 43 перечислены все шесть возможных перестановок слов *бежит, рыжая, собака* и отмечено, что «у всех этих построений есть свои оттенки».

Сказанное выглядит совершенно банальным, каковым оно и является. Несколько менее банальным является, как кажется, следую-

щий тезис: **язык не только использует универсальное свойство линейности, но и пытается бороться с ней**. Он использует свойство линейности, когда она помогает ему выразить замысленное содержание, и борется с ней, когда она мешает. Дальнейшее изложение посвящено попытке разъяснить этот тезис на примерах.

§3. Во всех наших примерах будет рассматриваться следующая задача, стоящая перед говорящим: **имеется пара предметов; требуется назвать эту пару в том или ином контексте**. Боюсь, что эта формулировка слишком кратка и нуждается в комментарии. Изяснимся поэтому чуть более подробно. Прежде всего само слово «предмет» понимается в данной статье в максимально широком смысле, охватывающем не только материальные предметы, но и абстрактные сущности — короче, всё, о чём можно говорить, всё, что может служить референтом. Итак, даны два предмета. Требуется нечто высказать о нашей паре предметов — в минимальном случае высказать назывное предложение, не содержащее ничего, кроме её имени. В любом случае для того, чтобы упомянуть какую-либо пару предметов, требуется прежде всего снабдить эту пару именем. Создание такого имени и есть задача называния пары в данном контексте. Под контекстом здесь понимается вся совокупность предложенных обстоятельств (почти по Станиславскому), влияющих на выбор имени.

Возможны две ситуации, различение которых существенно для нашего изложения. В первой ситуации говорящий отдаёт одному из предметов предпочтение перед другим, во второй — трактует эти предметы как равноправные.

Язык предоставляет говорящему широкие возможности для решения задачи в условиях первой ситуации. (Подозреваю, что обзору таких возможностей посвящена обширная литература.) Например, если Пете отдаётся предпочтение перед Ваней, то скажут *Петя и Ваня*, а если предпочтён Ваня, то скажут *Ваня и Петя*. Здесь свойство линейности языка помогает решить поставленную задачу: название предпочтённого предмета появляется в тексте раньше. Предпочтённый предмет договоримся называть также **главным**, и — чтобы не говорить «предпочтённее» — будем говорить, что он **главнее** неподпочтённого предмета.

§4. Не знаю, бывают ли языки, в которых главный из двух предметов появляется в речи не раньше, а позже. Для русского языка приоритет по предшествованию очевидным образом согласован с приоритетом по предпочтению. Особенно ярко, как хорошо известно, это проявляется в этикете: в документах протокольных мероприятий участники церемонии перечисляются от старшего по рангу к младшему; в письмах

принято упоминать дам первыми при обращении, при просьбе передать привет такой-то и такому-то; и т. д.

Первый пример из истории. Не могу вспомнить источник этого примера, а потому приношу читателю извинения за возможные неточности. Речь идёт о мирном договоре, заключённом в XVII, кажется, веке Россией с одним из её северных соседей — скажем, со Швецией. Договор составлялся в двух экземплярах. Один из них подписывала сперва российская делегация, затем шведская; другой — наоборот. В первом экземпляре члены российской делегации подписались в порядке от старшего к младшему, так же вслед за ними подписались и шведы. Во втором экземпляре шведы, подписывавшиеся первыми, снова подписались от старшего к младшему, но когда дело дошло до русских, они подписались от младшего к старшему. Тем самым подавался некий семиотический сигнал. Он указывал, что в этом документе более почётной является не более ранняя, а более поздняя позиция, и шведы, таким образом, снова оказывались на вторых ролях.

§5. Теперь обратимся ко второй ситуации, когда нет намерения оказать предпочтение какому-либо из членов пары. Тогда для адекватного выражения нужного содержания возникают некоторые препятствия. В самом деле, **как выразить отсутствие предпочтения одного предмета другому в условиях, когда невозможно ни произвести, ни написать названия этих предметов таким способом, чтобы ни один из них не был назван прежде другого?** В дипломатической практике при заключении договора между двумя Высокими (и непременно равноВысокими!) Договаривающимися Сторонами текст договора изготавливается в двух вариантах, причём в одном из вариантов Стороны упоминаются и ставят свои подписи в одном порядке, а в другом варианте это происходит в противоположном порядке. Тут существенна сама возможность размножения текста, причём не буквального копирования, а с внесением изменений в порядок элементов текста. Вот аналогичный пример на размножение вариантами, относящийся, впрочем, не к обычному человеческому языку, а к языку флагов. При визите зарубежного гостя высшего ранга уличные столбы украшают государственными флагами двух стран: принимающей страны и той, к которой принадлежит визитёр. На каждом столбе вывешивают два таких флага, причём порядок флагов чередуется от столба к столбу: если, при взгляде с проезжей части, на каком-то столбе слева развевается флаг хозяев, а справа — гостя, то на соседнем столбе будет наоборот.

Второй пример из истории. Когда в 1959 г. Н. С. Хрущёв отправился в Америку для встречи с Д. Эйзенхауэром, в СССР была

выпущена книжка с портретами этих двух руководителей на обложке. Перед дизайнерами встала проблема расположения портретов. Если бы обложка была рассчитана только на советского зрителя, портреты были бы, разумеется, расположены в таком порядке: слева или сверху — Хрущёв, справа или снизу — Эйзенхауэр. Возможно также, что в этом случае Эйзенхауэра на обложке не оказалось бы вовсе. (Вспомним, что в горбачёвское время выражение «Президент СССР» писалось с прописной буквы, тогда как «президент США» — со строчной.) Учитывая международный характер издания, портреты были расположены по диагонали, идущей от нижнего левого угла к верхнему правому. Так что один из портретов оказывался левее, но зато ниже, а другой — правее, но зато выше. (Интересно, как была бы решена эта проблема в социумах, где пишут не слева направо, а справа налево.)

§6. В реальной речи, разумеется, тексты не варьируются. Как же тогда быть? Напомним задачу: **требуется назвать совокупность из двух предметов, не отдав никому из них предпочтения.** Одно решение напрашивается: надо назвать самой эту совокупность, не называя составляющих её предметов по имени.

Первый пример из Гоголя. Рассказывая о визите Чичикова к Манилову, Гоголь пишет так: «... мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперёд. <...> Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга».

Мы видим, что Гоголь не называет здесь Чичикова и Манилова по отдельности, а использует обороты «наши герои» и «оба приятеля» для наименования пары, состоящей из обеих персонажей вместе. И это понятно. Можно предположить, что Гоголь потому не хотел назвать их в этом пассаже по имени, что тогда бы неизбежно кто-либо из них был назван первым и могло возникнуть ложное впечатление, что этот первый упрашивал более настойчиво или же вошёл в дверь несколько ранее другого.

§7. Мыслимы, однако, ситуации, когда членов пары, из коих никто не предпочтён другому, необходимо тем не менее назвать по имени. Одно из этих имён неизбежно будет названо первым. Может ли говорящий, в этих условиях, выразить ту мысль, что он не отдаёт предпочтение ни одному из членов пары? Возможны два ответа. Первый: нет, не может. Второй: да, может.

Первый, отрицательный ответ несёт на себе бремя тяжких последствий. Если согласиться с этим ответом, то окажется, что отменяется едва ли не основная презумпция языкознания, состоящая в том, что **язык в состоянии выразить любую мысль.** Мы видим, что выбор

ответа на, казалось бы, мелкий и частный вопрос оказывается судьбоносным для философских основ языкознания. Под влиянием этих соображений мы склоняемся ко второму, положительному ответу.

Но как же выразить мысль об отсутствии предпочтения, скажем, между Петей и Ваней? Надо сказать, например, так:

Петя и Ваня, но это я лишь потому говорю «Петя и Ваня», что обязан произнести эти имена в каком-то порядке; с тем же успехом я мог бы сказать и «Ваня и Петя», потому что я никому из них не хочу выразить предпочтения.

Мне возразят, что приведённая только что фраза совершенно ужасна, что пример чрезвычайно искусствен и т. п. Со всем этим я соглашусь. Пример искусствен, потому что и ситуация отчасти искусственна: ведь явно выражать отсутствие предпочтения приходится довольно-таки редко. Я соглашусь и с теми, кто объявит весь конец фразы — всю длинную добавку после первых трёх слов «Петя и Ваня» — принадлежащей метаязыку; но решительно не соглашусь с теми, кто объявит эту длинную добавку не принадлежащей языку. Потому что естественный язык является и своим собственным метаязыком.

А что добавка очень длинная, так давайте её сократим, условившись вместо неё произносить слово «бум»: *Петя и Ваня, бум.* Автор отдаёт себе отчёт, что языковедение с некоторой брезгливостью относится к искусственным оборотам речи, созданным на основе явных соглашений (а, кстати, напрасно: со всё большим вхождением в обиход того, что покойный акад. А. П. Ершов назвал «деловой прозой», доля таких оборотов в языке будет возрастать). Языковедение предпочитает примеры из реальной жизни или из художественной литературы. В следующем параграфе будут приведены два таких примера — один из жизни, другой из литературы.

§8. Пример из жизни кодовых замков. Дверные кодовые замки бывают двух типов. В одном из них кнопки надо нажимать последовательно и притом в определённом порядке, в другом — одновременно. Ограничимся случаем, когда комбинация состоит из двух цифр, скажем, цифры 0 и цифры 5. В замках первого типа комбинация 05 неравносильна комбинации 50, в замках второго типа — равносильна. Так что фраза *Нажмите 0 и 5* и фраза *Нажмите 5 и 0* не синонимичны для замков первого типа, но синонимичны для замков второго типа. Если говорящий опасается, что слушающему неизвестно, к которому из типов принадлежит замок, он должен для замка первого типа сказать *Нажмите последовательно 0 и 5* или *Нажмите*

последовательно 5 и 0, а для замка второго типа сказать *Нажмите одновременно 0 и 5* или *Нажмите одновременно 5 и 0*. Слово *одновременно* подаёт сигнал о том, что между цифрами 0 и 5 отсутствует предпочтение. Мыслим (хоть я таких и не встречал) и третий тип замков, в которых нажимать кнопки надо хотя и последовательно, но безразлично в каком порядке. Для замков третьего типа сигналом об отсутствии предпочтения служит словосочетание *в любом порядке*; для замка этого типа синонимичны фразы *Нажмите в любом порядке 0 и 5* и *Нажмите в любом порядке 5 и 0*.

Второй пример из Гоголя. После описанной в 9-й главе «Мёртвых душ» беседы Анны Григорьевны (дамы, приятной во всех отношениях) с посетившей её Софьей Ивановной (просто приятной дамой), «весь город заговорил про мёртвые души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мёртвые души, про губернаторскую дочку и Чичикова». В гоголевской фразе названы три пары. Состав их таков. Имеются три предмета: 1) мёртвые души; 2) губернаторская дочка; 3) Чичиков. Обозначим их, в целях краткости, *М*, *Г*, *Ч*. Каждая пара содержит какие-то два предмета из этих трёх: первая пара содержит *М* и *Г*, вторая пара содержит *Ч* и *М*, третья пара содержит *Г* и *Ч*. Для каждой пары в качестве её имени, или названия, Гоголем используется словосочетание, состоящее из соединённых союзом «и» имён членов пары. В каждом таком словосочетании имена членов пары не могут не идти в определённом порядке, и этот порядок, казалось бы, сообщает информацию о предпочтениях, которые говорящий (в данном случае — Гоголь) имеет в виду (не вообще, конечно, а только в этой фразе). Казалось бы, имя первой пары сообщает, что (1) *М* главнее, чем *Г*; имя второй пары — что (2) *Ч* главнее, чем *М*; имя третьей пары — что (3) *Г* главнее, чем *Ч*. Однако утверждения (1), (2) и (3), взятые вместе, приводят к очевидной нелепости. Единственное, на наш взгляд, разумное объяснение возникшей кризисной ситуации таково. Гоголь не предполагает отдать предпочтение какому-то из трёх предметов — *М*, *Г* или *Ч*; напротив, он трактует их в процитированной фразе как равноправные. Однако, называя какую-либо пару предметов, он просто не может, если бы и желал, не поставить имя одного из них на первое место, а имя другого — на второе. Наша интерпретация второго примера из Гоголя станет ещё прозрачнее, если привлечь некие простейшие понятия из области оснований математики. Мы изложим эти понятия в §11, а в §12 вернёмся к Гоголю.

§9. Таким образом, если в тексте встречаются два имени, составляющие в своей совокупности название некоторой пары предметов, и одно из этих имён стоит впереди другого (а иначе и быть не может!),

то наблюдаемый порядок имён не обязательно выражает предпочтение, оказываемое одному из предметов. Имеет ли предпочтение место или же нет, — это уже зависит от контекста. **Контекст** (т. е. совокупность предложенных обстоятельств) может быть явно или неявно выраженным посредством окружающего текста или же не быть выраженным никак, а подразумеваться. Попробуем изложить сказанное в виде общей схемы.

Выделим из текста интересующие нас два имени, поставим их, через запятую, друг за другом в том порядке, как они встретились в тексте, и заключим в квадратные скобки. Полученное выражение будем называть **двучленом**. Вот примеры двучленов, извлекаемых из предшествующего изложения. Два двучлена из §3: [*Ваня, Петя*] и [*Петя, Ваня*]; два двучлена из первого примера предыдущего параграфа: [*5, 0*] и [*0, 5*]; три двучлена из второго примера того же параграфа: [*мёртвые души, губернаторская дочка*], [*Чичиков, мёртвые души*], [*губернаторская дочка, Чичиков*].

Двучлен служит названием, или именем, для пары соответствующих (т. е. названных составляющими двучлен именами) предметов. Эта пара предметов является, следовательно, референтом рассматриваемого двучлена. При этом пара может пониматься в одном из двух смыслов: либо как пара совершенно равноправных предметов, либо как пара, в которой предметы упорядочены по предпочтению. При втором понимании тот из предметов является главным, который назван в первом по порядку члене двучлена (по крайней мере, это справедливо для русского языка).

Итак, запомним: двучлен может выражать как такую пару предметов, в которой одному из предметов отдаётся предпочтение, так и такую пару, в которых оба предмета равноправны.

Выбор смысла зависит от контекста, выраженного или подразумеваемого. В §7 выраженным контекстом служило слово *бум* или синонимичный ему оборот. В первом примере из §8 контекст был в одних случаях подразумеваемым (когда тип кодового замка подразумевался), в других он был выраженным и выражался словами *последовательно* и *одновременно* и словосочетанием *в любом порядке*. Во втором примере из §8 контекст был выраженным, но выраженным неявно: для каждого двучлена предлагаемые обстоятельства давались совокупностью соседствующих двучленов.

§10. Во избежание недоразумений сделаем следующее замечание. Как хорошо известно, в языке любое слово может употребляться **автоминно**, т. е. в качестве имени самого себя. В этом случае оно служит своим собственным референтом. Так во фразе *Друзья зовут Эдуарда*

Лёшей референтом слова *Эдуард* является один из современных композиторов (а именно Эдуард Артемьев), а референтом слова *Лёша* является само это слово. Сказанное полностью относится и к двучлену как к имени пары: референтом двучлена служит пара референтов тех двух имён, которые и образуют двучлен, а эти два имени могут употребляться автонимно. Так, во фразе *Тарапуньку и Штепселья на самом деле звали Юрий Тимошенко и Ефим Березин* двучлен [*Тарапунька, Штепсель*] имеет своим референтом популярную когда-то пару эстрадных артистов, а двучлен [*Юрий Тимошенко, Ефим Березин*] — пару, составленную из имён «Юрий Тимошенко» и «Ефим Березин». Напротив, во фразе *Юрий Тимошенко и Ефим Березин выступали под сценическими псевдонимами Тарапунька и Штепсель* та же пара артистов служит референтом двучлена [*Юрий Тимошенко, Ефим Березин*], тогда как в двучлене [*Тарапунька, Штепсель*] составляющие его имена автонимны.

§11. Одно из фундаментальных различий, фиксируемых математикой, есть различие между упорядоченной парой и неупорядоченной парой.

Неупорядоченная пара, составленная из предметов a и b , — это просто совокупность, коллекция, куча и т. д. (на математическом языке — **множество**), содержащая эти два предмета; никакого различия в ролях этих предметов не имеется, а ПОТОМУ бессмысленно спрашивать, кто из них на каком месте, кто первый, а кто второй, кто более главный, а кто менее главный. Неупорядоченная пара предметов a и b обозначается посредством заключения имён этих предметов в фигурные скобки: $\{a, b\}$. Из двух предметов можно составить ровно одну неупорядоченную пару, поэтому $\{a, b\} = \{b, a\}$.

В отличие от неупорядоченной пары, **упорядоченная пара**, составленная из предметов a и b , заключает в себе ещё и информацию о том, какое место в паре занимает каждый из членов пары. Мест в упорядоченной паре — два. Для единообразия эти места обычно называют первым и вторым. Можно было бы называть их и по-другому — например, белым и чёрным, красным и зелёным, левым и правым или ещё как-нибудь; важно лишь, что эти места как-то помечены и отличаются одно от другого. Упорядоченная пара, в которой предмет a является первым, а предмет b — вторым, обозначается посредством заключения в угловые скобки имён этих предметов, взятых в надлежащем порядке: $\langle a, b \rangle$. Упорядоченная пара, в которой предмет b является первым, а предмет a вторым, обозначается, следовательно, так: $\langle b, a \rangle$. Эти две пары считаются различными — если только различны сами a и b . Таким образом, из двух различных предметов можно составить ровно две упорядочен-

ные пары. Если же предметы a и b совпадают, то в этом (и только в этом!) случае, конечно, $\langle a, b \rangle = \langle b, a \rangle$.

Понятия упорядоченной и неупорядоченной пары позволяют следующим образом представить те две ситуации, о которых говорилось в §3. В ситуации, когда ни одному из предметов не отдаётся предпочтения, возникает неупорядоченная пара этих предметов. В ситуации, когда одному из предметов отдаётся предпочтение, возникает упорядоченная пара этих предметов. Надо только договориться, какой предмет считать в этом случае первым, а какой вторым членом пары. Ведь распределение мест в упорядоченной паре совершенно условно; оно определяется явным соглашением, а не тем, который из предметов главнее или назван в тексте раньше другого. Давайте согласимся предоставлять первое место в упорядоченной паре главному предмету (но мы вправе были бы поступить и наоборот).

Теперь мы можем дать такую формулировку тому, что сказано в предпоследнем абзаце из §9: **двучлен, понимаемый как имя пары предметов, может служить как именем упорядоченной пары, так и именем неупорядоченной пары, составленной из этих предметов.** Можно сказать, что двучлен обладает полисемией.

§12. Вернёмся ко второму примеру из Гоголя, изложенному в §8.

Из трёх различных предметов M , Γ и $\mathcal{C}$ можно составить ровно три неупорядоченные пары, а именно $\{M, \Gamma\}$, $\{\mathcal{C}, M\}$, $\{\Gamma, \mathcal{C}\}$, и ровно шесть упорядоченных пар, а именно $\langle M, \Gamma \rangle$, $\langle \Gamma, M \rangle$, $\langle \mathcal{C}, M \rangle$, $\langle M, \mathcal{C} \rangle$, $\langle \Gamma, \mathcal{C} \rangle$, $\langle \mathcal{C}, \Gamma \rangle$.

Мы видим, что в гоголевском тексте перечислена исчерпывающая совокупность всех неупорядоченных пар, составленных из элементов трёхэлементного множества {Чичиков, губернаторская дочка, мёртвые души}. Это наблюдение служит дополнительным аргументом в пользу той точки зрения, что в этом тексте для каждого двучлена референтом служит именно неупорядоченная пара соответствующих предметов. Если бы Гоголь хотел перечислить упорядоченные пары, он писал бы: «про мёртвые души и губернаторскую дочку, про губернаторскую дочку и мёртвые души, про Чичикова и мёртвые души, про мёртвые души и Чичикова, про губернаторскую дочку и Чичикова, про Чичикова и губернаторскую дочку».

§13. Когда человека просят указать свои имя и отчество, то ему как бы предлагают виртуальную анкету с двумя позициями: первая позиция — имя самого этого человека, вторая позиция — имя его отца. С тем же успехом можно было бы договориться, что, напротив, первая позиция — имя отца, а вторая позиция — имя анкетированного. Но тот или

иной вариант необходимо выбрать и далее уже не менять. Для определённости остановимся на первом варианте.

При таком понимании словосочетание *Иван Петрович* оказывается представленным в виде упорядоченной пары $\langle \text{Иван}, \text{Пётр} \rangle$, а словосочетание *Пётр Иванович* — в виде упорядоченной пары $\langle \text{Пётр}, \text{Иван} \rangle$. Словосочетания *Иван Иванович* и *Пётр Петрович* будут представлены, соответственно, в виде упорядоченных пар $\langle \text{Иван}, \text{Иван} \rangle$ и $\langle \text{Пётр}, \text{Пётр} \rangle$.

Ответ на вопрос об имени-отчестве можно представить себе как заполнение анкеты. При этом в каждую из двух граф вписывается соответствующее имя. Заполненную анкету можно трактовать как текст, а тогда присутствующие в ней два имени образуют двучлен. Например, для имён-отчеств из предыдущего абзаца получаем такие двучлены $[\text{Иван}, \text{Пётр}]$, $[\text{Пётр}, \text{Иван}]$, $[\text{Иван}, \text{Иван}]$, $[\text{Пётр}, \text{Пётр}]$. Каждый подобный двучлен является именем некоторой пары, служащей для этой пары референтом. Очевидно, что в данном случае составляющие двучлен имена употребляются автономно (см. выше §10), и потому, скажем, двучлен $[\text{Иван}, \text{Пётр}]$ означает не пару, составленную из Ивана и Петра, а пару, составленную из имён *Иван* и *Пётр*.

По общему правилу, сформулированному в последнем абзаце §11, каждый двучлен может означать (т. е. иметь своим референтом) как упорядоченную, так и неупорядоченную пару. Возникает вопрос, какие пары, упорядоченные или неупорядоченные, выражают наши двучлены, составленные из двух собственных имён. Вопрос кажется глупым, а ответ очевидным: разумеется, упорядоченную; например, двучлен $[\text{Иван}, \text{Пётр}]$ выражает упорядоченную пару $\langle \text{Иван}, \text{Пётр} \rangle$, т. е., в конечном счёте, этот двучлен выражает имя-отчество *Иван Петрович*.

Упорядоченность же пары, как и положено, вытекает из заданного контекста, т. е. из предложенных обстоятельств, которые в данном случае состоят в заполнении анкеты с графами «имя» и «отчество».

Однако предложенный ответ справедлив лишь в обстоятельствах нормальных. Но бывают обстоятельства и ненормальные, контекст патологический, когда двучлен $[\text{Иван}, \text{Пётр}]$ будет выражать неупорядоченную пару $\{\text{Иван}, \text{Пётр}\}$. На уровне имён и отчеств это означает, что искомое имя-отчество есть либо *Иван Петрович*, либо *Пётр Иванович*, а какое именно — не уточняется.

«Где же это автор встречал такой патологический контекст?» — возмутится читатель. Не знаю, как в жизни, а в русской литературе встречал, чем и собираюсь поделиться в §14. Впрочем, нечто похожее проскальзывает и в жизни: см. §§16–18.

§14. В главе 2 второй части «Идиота» Достоевский описывает визит князя Мышкина к Лукьяну Тимофеевичу Лебедеву. В ответ на вопрос князя об имени-отчестве Лебедев сказался Тимофеем Лукьяновичем. Присутствовавший племянник Лебедева тут же его разоблачил. Вот этот эпизод:

— <...> Извините, как вас по имени-отчеству, я забыл?

— Ти-Ти-Тимофей.

— И?

— Лукьянович.

Все бывшие в комнате опять рассмеялись.

— Соврал! — крикнул племянник, — и тут соврал! Его, князь, зовут вовсе не Тимофей Лукьянович, а Лукьян Тимофеевич! Ну, зачем, скажи, ты соврал? Ну, не все ли равно тебе, что Лукьян, что Тимофей, и что князю до этого? Ведь из повадки одной только и врёт, уверяю вас!

— Неужели правда? — в нетерпении спросил князь.

— Лукьян Тимофеевич, действительно, — согласился и законфузился Лебедев, покорно опуская глаза и опять кладя руку на сердце.

— Да зачем же вы это, ах, Боже мой!

— Из самоумаления, — прошептал Лебедев, всё более и покорнее поникая своею головой.

— Эх, какое тут самоумаление! <...> — сказал князь <...>.

Ни лебедевский племянник Владимир Докторенко, ни князь Л. Н. Мышкин не видят смысла в поведении Лебедева. Меж тем смысл есть, и состоит он именно в том, что ясно обозначил Достоевский устами Лебедева, — в самоумалении. В следующем параграфе мы постараемся объяснить и обосновать нашу точку зрения.

§15. Мы исходим из того, что самоумаление может выражаться, в частности, в малости той информации, которая сообщается о себе. Сообщать о себе много подробностей значит считать свою персону достойной того, чтобы обременить этими подробностями уважаемого собеседника. Напротив, человек скромный о себе скажет мало, считая сведения о себе незначительными, недостойными внимания.

Позволительно предположить, что — в порыве самоумаления — Лебедев, отвечая на вопрос кн. Мышкина, намеревался минимизировать сообщаемую информацию. Зададимся вопросом, каким способом это можно сделать.

При любом естественном подходе к измерению информации очевидно, что упорядоченная пара содержит больше информации, чем неупорядоченная. В самом деле, неупорядоченная пара содержит информацию лишь о составляющих её элементах, а упорядоченная пара ещё и о том, какой из этих элементов первый, а какой второй.

На вопрос об имени и отчестве полный ответ состоит в предъявлении упорядоченной пары имён: на первом месте имя, на втором — отчество. На этом языке пар полный (и правильный!) ответ Лебедева должен был бы выглядеть так: $\langle \text{Лукьян}, \text{Тимофей} \rangle$. Теперь мы видим, что одним из возможных способов уменьшения информации в предлагаемом ответе является такой: вместо упорядоченной пары сообщить неупорядоченную, т. е. такую: $\{ \text{Лукьян}, \text{Тимофей} \}$. Её и сообщает кн. Мышкину Лебедев. Посмотрим, как он это делает.

Заполняя виртуальную анкету, Лебедев вписывает своё имя в графу «отчество», а своё отчество в графу «имя». Тем самым он создаёт двучлен $[\text{Тимофей}, \text{Лукьян}]$. Согласно общему правилу (см. §11, последний абзац) этот двучлен может иметь своим референтом либо упорядоченную пару $\langle \text{Тимофей}, \text{Лукьян} \rangle$, либо неупорядоченную пару $\{ \text{Тимофей}, \text{Лукьян} \}$. Упорядоченная пара соответствует имени-отчеству *Тимофей Лукьянович*, и при таком понимании высказывание Лебедева делается ложным. Однако у нас нет оснований подозревать Лебедева во лжи. Фраза его племянника *Соврал! и тут соврал!* соотносится с предшествующей репликой того же Докторенки *Ну, этот, положим, соврал*, сказанной в связи с заявлением Лебедева, что умнее Мышкина никого на свете нет; вряд ли мы должны соглашаться с оценками лебедевского племянника (про которого Достоевский свидетельствует, что князю «этот молодой человек становился весьма противен»).

Итак, примем, что Лебедев говорит правду. Но единственный способ понимания двучлена $[\text{Тимофей}, \text{Лукьян}]$, при котором ответ Лебедева делается истинным, состоит в том, чтобы считать референтом двучлена неупорядоченную пару $\{ \text{Тимофей}, \text{Лукьян} \}$, совпадающую с неупорядоченной парой $\{ \text{Лукьян}, \text{Тимофей} \}$.

Таким образом, контекст, который согласно §9 призван определять выбор между упорядоченной и неупорядоченной парой, состоит здесь в самоумалении, подкрепляемом презумпцией, что Лебедев, вопреки мнению его противного племянника, не лжёт.

§16. Нечто похожее проскальзывает и в жизни, как было заявлено в конце §13. Под похожим подразумевается положение, случающееся не с именами и отчествами, как только что у Достоевского, а с фамилиями и личными именами. Так, делая упомянутый в §1 доклад, я задал с трибуны вопрос аудитории вполне авторитетной, что является личным

именем, а что фамилией в словосочетании *Саддам Хусейн*. Попытка получить на этот вопрос ответ провалилась. Можно считать, что референтом двучлена [*Саддам, Хусейн*] является — в сознании большинства — неупорядоченная пара собственных имён {*Саддам, Хусейн*}.

Подтверждением такой гипотезы могут служить две публикации в газете «Правда» от 1979 г., относящиеся, правда, не к Саддаму Хусейну, а к другому политическому деятелю Азии. Сообщение под названием «Обращение к народу» на с. 4 в номере от 28 декабря начиналось так: «Кабул, 27 (ТАСС). Сегодня кабульское радио передало следующее обращение Бабрака Кармаля от имени и по поручению <...>». А в номере от 30 декабря 1979 г., также на с. 4, было помещено сообщение под названием «Обращение Кармаля Бабрака». Можно считать, что и здесь двучлены [*Бабрак, Кармаль*] и [*Кармаль, Бабрак*] обозначают одну и ту же неупорядоченную пару имён; хотя одно из них предположительно является личным именем, а другое фамилией, но что является чем — не указано.

§17. Относятся ли правила, регулирующие тот порядок, в котором фамилия и личное имя следуют друг за другом, к речевому этикету, к прагматике или же к синтаксису? Ответ на этот вопрос зависит от рассматриваемого языка.

Можно полагать, что для русского языка эти правила принадлежат прагматике (ср. *Павел Власов* из романа Горького «Мать», *Павка Корчагин* из романа Н. Островского «Как закалялась сталь» и непримиримый борец с кулаками пионер *Павлик Морозов* для обозначения положительных героев соответствующей мифологии, но *Иванов Павел* для обозначения отрицательного персонажа одноимённой дореволюционной комической оперы).

Для английского языка с жёстким закреплением первой позиции у личного имени и для венгерского и японского языков с их ещё более жёстким закреплением первой позиции у фамилии названные правила принадлежат синтаксису. (По некоторым данным, в латышском языке произошла смена японо-венгерской модели на английскую.)

Интересно посмотреть, что происходит при переводе сочетаний имени и фамилии в тех случаях, когда перевод осуществляется с языка с определённым порядком этих элементов на язык с противоположным порядком. При переводе с венгерского языка на русский происходит изменение порядка: *Имре Надь, Янош Кадар*. При переводе на русский с японского наблюдаются более сложные явления, заставляющие предполагать, что в данном случае упорядоченная пара переводится (по крайней мере, иногда) в виде неупорядоченной пары — а, стало быть, часть информации теряется.

§18. В качестве примера рассмотрим ситуацию, которая сложилась с именами двух популярных в России замечательных японских прозаиков. Имеются в виду Акутагава Рюноскэ и Кобо Абэ.

На обложках русских переводов книг этих писателей имена авторов встречаются, как правило (если не всегда) именно в указанных только что формах: *Акутагава Рюноскэ* и *Кобо Абэ*. Можно предположить, что в каждом из этих словосочетаний один элемент представляет собою личное имя, а другой — фамилию. Вообразим простодушного носителя русского языка, который пытается подручными средствами разобраться, где здесь личное имя, а где — фамилия. С этой целью он обращается к энциклопедическим изданиям.

«Большая Советская Энциклопедия», третье издание (БСЭ-3), даёт в своём томе 1 (1970 г.) на с. 369 статью с заглавным словосочетанием **АКУТАГА́ВА РЮНО́СКЭ**. Поскольку все буквы в этом словосочетании напечатаны в БСЭ как полужирные прописные, выделить личное имя не удаётся; напротив, у нашего простодушного исследователя появляются основания предположить, что такового здесь и нет. Однако «Советский энциклопедический словарь» (М.: «Советская энциклопедия», 1980; сокращённо: СЭС) даёт на с. 34 статью с таким началом: «**АКУТАГА́ВА** Рюноскэ (1892-1927), япон. писатель». Распределение шрифтов позволяет заключить, что «Акутагава» — фамилия, а «Рюноскэ» — имя. Попутно возникает впечатление, что СЭС полезнее для объявленной цели, чем БСЭ-3.

Под этим впечатлением исследователь обращается к СЭС за разгадкой тайны Кобо Абэ. Он читает на с. 11: «**А́БЭ КО́БО** (р. 1924), япон. писатель». Та же неясность, что постигла его в БСЭ-3 с Акутагава Рюноскэ! Что же скажет на этот раз БСЭ-3? Тот же том 1, с. 46: «**А́БЭ КО́БО**, совр. Японский писатель, см. *Кобо Абэ*». Полный успех! Действительно, курсив *только* в слове *Кобо* означает, что именно на это слово (а не на словосочетание *Кобо Абэ*) в БСЭ-3 имеется словарная статья, а значит это и есть фамилия. Успех закрепляется в томе 12 (1973 г.) на с. 353: «**КО́БО** Абэ (р. 7.3.1924, Токио), японский писатель». Казалось бы, проблема исчерпана. Ан нет: и «Большой энциклопедический словарь», второе издание (М.: «Российская энциклопедия»; СПб: «Норинт», 1997) на с. 9, и «Литературный энциклопедический словарь» (М.: «Советская энциклопедия», 1987) на с. 537 единодушно дают: **А́БЭ Кобо**.

Энциклопедические изыскания, совершённые воображаемым дотошным носителем русского языка, позволяют ему заключить, что референтом как словосочетания *Кобо Абэ*, так и словосочетания *Абэ Кобо* является неупорядоченная пара имён {Абэ, Кобо}, совпадающая, как известно, с неупорядоченной парой {Кобо, Абэ}.

§19. В процессе подготовки этой статьи неожиданно обнаружился досадный пробел в русской ономастической терминологии. Покажем его на примере.

В словосочетании *Иван Петрович Сидоров* слово *Иван* принадлежит разряду личных имён, слово *Петрович* — разряду отчеств, а слово *Сидоров* — разряду фамилий. А его двучленная часть *Иван Петрович* принадлежит разряду имён-отчеств. Но как назвать всё трёхчленное словосочетание в целом, к какому разряду, к какому типу имён его отнести? Термин «полное имя» уже занят: например, *Таня* есть гипокористическое, или сокращённое, имя, а *Татьяна* — полное. Занят и термин «распространённое имя»: *Анна* есть распространённое имя, а *Мелания* — нет.

Для словосочетания *Сидоров Иван Петрович* вроде бы имеется подходящее родовое название: это словосочетание можно отнести к разряду **фио**. Несклоняемое существительное среднего рода *фио* прошло ту же эволюцию от аббревиатуры ФИО, что и существительное *вуз* от аббревиатуры ВУЗ. Но какой всё же термин подходит для словосочетаний вида *Иван Петрович Сидоров*? Неужели **иоф**?

А какое терминологическое название следует предложить для той категории русских антропонимов, к которой относятся двучленные словосочетания *Джек Лондон*, *Иван Сидоров*, *Сидоров Иван*, *Абэ Кобо*, *Кобо Абэ*?

§20. Мы старались соблюдать строгую грань между фактами и надстраиваемыми над ними теоретическими построениями. Первые подаются как объективные и бесспорные, вторые субъективны и могут быть оспорены. Мы надеемся, что указанная грань не осталась незамеченной читателем.

Объективны только факты, закрепляемые в наблюдениях. В насыщенной статье к таковым наблюдениям относятся замечание о линейности языка, цитаты из Гоголя и Достоевского, простейшие комбинаторные подсчёты и т. п. Всё остальное суть теоретические построения, с которыми каждый волен соглашаться или не соглашаться.

Ведь даже представление о том, что данный предмет служит референтом для данного слова или словосочетания, является не чем иным, как конструктором. Согласно «Словарю лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, конструкторы определяются как «понятия о ненаблюдаемых объектах науки, постулируемые для объяснения фактов, данных в наблюдении». Конструкторы субъективны и потому спорны по своей природе. К их числу принадлежат решительно все понятия семантики, в том числе и само понятие референта, не говоря уже о понятии смысла.

§21. Положения этой статьи были сначала опубликованы автором в эскизном виде в 1997 г. в пункте 4.3 его очерка «Предварение для читателей „Нового литературного обозрения“ к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова» (журнал «Новое литературное обозрение», № 24), а затем рассказаны в его докладе «Опыт формализации одного пассажа Ф. М. Достоевского (из романа „Идиот“»)» на состоявшемся 18 мая 1999 г. юбилейном расширенном совместном заседании Учёного совета и Отдела теоретического языкознания Института языкознания РАН, посвящённом 70-летию Татьяны Вячеславовны Булыгиной и 45-летию её научной творческой деятельности.

Я благодарен Ю. С. Степанову за приглашение выступить на названном заседании; В. М. Солнцеву за доброжелательное председательствование; Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкову, А. Е. Кибрику за то, что они откликнулись на мой призыв перебывать меня по ходу моего выступления (их критические замечания помогли докладчику лучше уяснить, что же, собственно, он хотел сказать); Т. Б. Крючковой за переданное ею приглашение редколлегии журнала «Вопросы филологии» опубликовать в этом журнале развёрнутое изложение доклада; В. И. Подлесской за консультацию.

Опубликовано в журнале: Вопросы филологии (ISSN 1562–1391). — 1999. — №3. — С. 34–42.

Также в сборнике Успенский В. А. «Труды по нематематике». М., ОГИ, 2002, 1408 с. в двух т. Т. 1 (ISBN 5–94282–087–2), с. 562–576.

Тематика занятий, проведённых автором в Летней лингвистической школе, в целом соответствует содержанию представленной статьи.

Античность в Летней лингвистической школе—2006

Владимир Владимирович Файер

Современная лингвистика при всей своей концептуальной и методологической новизне многим обязана и античной грамматике, и европейской филологии нового времени, которая до XIX в. была преимущественно посвящена изучению античности. Талантливым школьникам, интересующимся лингвистикой, стоит рассказывать не только о последних открытиях, но и показывать науку в ретроспективе, тем более, что многие из «старых» проблем и методов оказываются и сегодня вполне актуальными. Таким образом, одарённая молодежь не только глубже поймёт историю интересующей ее науки, но и получит общее представление об одной из смежных с лингвистикой областей, что чрезвычайно важно для формирования собственных академических интересов.

Цикл антиковедческих занятий, проведённых во время Летней лингвистической школы–2006 автором этих строк, затрагивал различные области классической филологии: так называемый «реальный» и лингвостилистический комментарий, изучение фигур красноречия и текстологию. При такой краткой и разноплановой экскурсии не представлялось возможным объединить все занятия под одним названием; начальная лекция именовалась «Поругал или похвалил? (анализ языка и стиля как средство выяснения отношений)», а три последующих семинара получили предельно неконкретное название «Кое-что о древнегреческом». Не вполне представляя себе а priori уровень аудитории, автор этих строк заготовил несколько сценариев для цикла лекций, так как некоторые задания могли показаться школьникам слишком трудными, а темп обсуждения — слишком быстрым. Практика показала, что победители лингвистических олимпиад были в целом готовы к самому трудному варианту. В одном случае тематика занятия в явной форме согласовывалась с аудиторией, и большинство предпочло движение вперёд закреплению и разбору уже обсуждённой темы.

Задача исследования и историко-филологической реконструкции античных реалий была представлена слушателям в наиболее занимательной форме. Автор этих строк провёл первое занятие в костюме древнего римлянина (*toga, tunica, caligae*), выполненном и драпированном в соответствии с античными описаниями. Осмотрев тогу и прослушав краткий комментарий о том, как её изготавливали и носили, школьники могли убедиться, чем отличается римская одежда от тех простыней, в которые обычно заворачиваются участники капустников или даже актёры в исторических фильмах.

Оставшаяся часть лекции была посвящена уже не реальному, а лингвостилистическому комментарию. В качестве материала было избрано краткое и, на первый взгляд, очень простое стихотворение Катулла («*Disertissime Romuli nepotum. . .*»), которое было представлено в оригинале и в подстрочном русском переводе.

Disertissime Rōmulī nepōtum,
 quot sunt quotque fuēre, Marce Tullī,
 quotque post aliīs erunt in annīs,
 Grātias tibi maximās Catullus
 agit, pessimus omnium poēta,
 tantō pessimus omnium poēta
 quantō tū optimus omnium patrōnus.

*Красноречивейший из потомков Ромула,
 сколько их есть и было, о Марк Туллий,
 и сколько их еще будет в грядущих веках,
 премного тебя благодарит Катулл,
 самый скверный из всех поэт,
 точно так же он самый скверный из всех поэт,
 как ты — самый лучший из всех адвокат³⁵.*

Стихотворение обращено к Цицерону и посвящено то ли восхвалению, то ли ироническому подтруниванию над знаменитым оратором. Выяснить, какими же на самом деле были отношения между двумя великими римлянами, и было целью анализа, базировавшегося на интереснейшем исследовании А. Е. Кузнецова. Последнему с помощью тонкого лингвостилистического анализа удалось показать, что некоторые выражения, привычные нам в силу хрестоматийности этого текста, характерны именно для Цицерона³⁶. Вообще, всё стихотворение оказывается при такой интерпретации пародией на стиль великого оратора, точнее, на изобилие разного рода плеонастических конструкций в его речах. Ориентируясь на максимум Каллимаха «в больших реках мутная вода», Катулл создаёт очень маленькое произведение, пародирующее слишком пространственные речи Цицерона. Сама лекция замышлялась

³⁵Перевод взят из книги Голос музыки. Vox Campanae: Антология латинской лирики с коммент. и русскими переводами / Катулл. Гораций. Тибулл. Пер. с лат., сост. В. А. Плунгяна. — М., «Прогресс», 1998. Ср. также перевод Афанасия Фета:

*Всех речистейший из внуков Рема,
 Тех, что есть, что были, Марк мой Туллий,
 И что будут с новыми годами,
 Величайшее тебе спасибо
 Шлет Катулл, дряннейший из поэтов,
 Так же он дряннейший из поэтов,
 Как первейший ты из всех патронов.*

³⁶А. Е. Кузнецов даже гипотетически датирует стихотворение Катулла, предполагая, что оно является непосредственным откликом на конкретную речь Цицерона, в которой употребляются два плеонастических выражения: gratias **maximas** agere и optimus/pessimus **omnium**.

как своего рода филологический фокус, когда в очень простом тексте неожиданно выявляются скрытые смыслы.

Второе занятие было посвящено разговору о фигурах красноречия, как их понимали и описывали в античности. В первой, лекционной части занятия был в быстром темпе зачитан список из нескольких десятков фигур с примерами, причём хорошо известные (метафора, метонимия, гипербола и др.) не рассматривались. Хотя чтение было поддержано раздаточным материалом, восприятие многочисленных греческих терминов не было лёгким для аудитории. Однако сделано это было сознательно: у слушателей должно было сложиться понимание того, как много различных фигур красноречия выделяли древние, и как мало склонны они были давать им систематическую классификацию. Во второй части занятия слушателям были предложены два русских перевода фрагментов из речей античных ораторов. В первом фрагменте, принадлежащем Лисию и представляющем собой эталон аттического красноречия, почти не встречаются риторические фигуры. Во втором фрагменте из Цицерона, близком к противоположному течению, азианизму, фигур было по несколько буквально в каждой строке. Таким образом, школьники познакомились с крайними образцами двух античных стилистических течений и при этом получили представление о Цицероновском красноречии, которое обсуждалось на первом занятии в связи со стихотворением Кагулла. Необходимо отметить, что талантливые школьники мгновенно освоились с достаточно сложным и новым для них материалом, так что нашли в текстах пару фигур, укрывшихся от внимания автора этих строк.

Третье занятие также состояло из лекционной и интерактивной частей. Вначале слушатели получили первоначальные сведения о древнегреческой графике, а затем потренировались в чтении на этом языке. Это задание также представляло собой своего рода фокус: «Читаем на незнакомом языке и всё понимаем». Аудитории было предложено начало Евангелия от Матфея, где, кроме имён (часто несклоняемых), были лишь повторяющиеся глагольные формы, артикли и всего несколько обычных греческих слов, требовавших лишь небольшого комментария. Среди единообразных конструкций в «Родословии Христа» нельзя было не обратить внимания на любопытное явление, характерное для древнегреческого: субстантивацию с помощью артикля словосочетания, которое само начинается с артикля. Это дало повод порассуждать о языковых средствах древнегреческого, которые позволяют передавать некоторый тип значений гораздо проще, чем в большинстве знакомых нам языков.

Четвёртое занятие было построено так же, как и предыдущие, и было посвящено текстологии. Эта область классической филологии

обладает особенно строгой методологией и в некотором смысле близка компаративистике: и здесь, и там по нескольким различным объектам--потомкам с помощью формализованных процедур реконструируется недоступный прямому наблюдению объект-предок. Ясно, что абстрактный разговор о текстологии неинтересен, а для обращения к реальным рукописям необходимо знание древнегреческого языка и основ палеографии. В этих условиях практически познакомить аудиторию с этой наукой можно только с помощью анализа условного примера, имитирующего античные рукописи, но написанного на известном слушателям языке. Как показали опыт, иностранный язык для этой задачи подходит несколько лучше родного, поэтому в финальной части четвёртого занятия разбиралась «текстологическая задача», созданная американскими библеистами на основе текста из «Reader's Digest». Школьники, проявляя недюжинные, почти профессиональные познания в области английского языка, проанализировали 4 предложенных варианта, убедительно реконструировали архетип и наметили генеалогическое древо «рукописей», распознав по характеру ошибок, какие из них писались «на слух», а какие «на глаз».

Подводя итоги цикла антиковедческих занятий, хотелось бы сказать о том, что они выявили готовность школьников-лингвистов к восприятию проблематики, лежащей несколько в стороне от основного круга языковедческих вопросов. Глубоко продуманная организаторами система проведения занятий в ЛЛШ позволила автору этих строк получить хороший отклик от учащих, проявивших в целом прекрасную подготовку и высокую мотивацию.

О симметриях в формулировках теорем

Георгий Борисович Шабат

0. Моё появление на этой школе требует некоторых объяснений. Я был представлен вам как математик и как преподаватель математики, работающий в Институте Лингвистики РГГУ. Однако, находясь в течение многих лет в окружении коллег-лингвистов и обучив сотни студентов-лингвистов (некоторые из них сейчас — известные профессионалы), сам я заниматься лингвистикой не начал, и мои собственные научные интересы от лингвистики весьма далеки. Так что человек я на этой школе чужой, хотя мне очень нравиться и вы, и вопросы, которыми вы здесь занимаетесь.

Тем не менее, я собираюсь поговорить с вами именно о языковых проблемах³⁷ и соображениях, которые возникли у меня в ходе обоих видов математической деятельности: и исследовательской, и преподавательской.

Общий вопрос, в рамках которого можно строить наши с вами отношения, таков:

могут ли математика и лингвистика помочь друг другу?

О том, как математика помогает лингвистике, **написано много**, в том числе популярная книга [Крейдлин Г. Е., Шмелев А. Д. **Математика помогает лингвистике: книга для учащихся**. М.: Просвещение, 1994]; эту книгу я вам настоятельно советую почитать. И есть целая наука, математическая лингвистика, которая, правда, лично меня никогда не привлекала.

Вопрос же о том, как и чем лингвистика могла бы помочь математике, находится совсем в другом состоянии; я поделюсь с вами некоторыми соображениями, но должен оговориться, что эти соображения далеко не всегда находят понимание у моих коллег. Науки *лингвистическая математика* нет и в помине.

Широко говоря, речь идёт о **понимании текстов**.

1. Начну с одного из примеров того, чему меня как преподавателя научили студенты-лингвисты (а другие студенты, которым я преподавал математику — среди них были математики, физики, инженеры, психологи, — и не подумали научить). Они научили меня обращать внимание на прочтение формул.

---

³⁷В отличие от лингвистической школы 1997 года, на которую я приезжал, чтобы рассказать о доказательстве Последней Теоремы Ферма

Дело в том, что преподаватели-математики — это такие люди, которые почти всегда **пишут одно, а говорят совершенно другое**. Например, ваша школьная учительница пишет на доске

$$\sin^2 x + \cos^2 x = 1;$$

и произносит при этом *синус квадрат ихс плюс косинус квадрат ихс равно единице!* Мне, по крайней мере, эта фраза не кажется отвечающей нормам хорошего русского языка.

Или я в РГГУ пишу на доске что-нибудь вроде

$$\text{Inj}(X, Y) := \{f: X \rightarrow Y \mid \forall x_1, x_2 \in X; x_1 \neq x_2 \Rightarrow f(x_1) \neq f(x_2)\},$$

говоря при этом *множество инъективных отображений из одного множества в другое по определению состоит из отображений, переводящих разные элементы в разные*. Мне кажется, что я, в отличие от учительницы, изъясняюсь на безупречном русском, с правильно согласованными подлежащими и сказуемыми. Но, дописав свою формулу, я смотрю на студентов — и вижу в их глазах непонимание! И дело не в том, что происходит что-то для них непостижимое; просто они не привыкли к тому, чтобы написанное **так сильно** отличалось от сказанного, особенно когда их пытаются убедить, что произнесённое в точности соответствует написанному.

Мы рассмотрели пример того, как студенты-лингвисты помогли математику если и не решить, то поставить математико-языковую проблему: **определить языки письменной и устной математики и установить связь между ними**. Проблема кажется мне очень важной для занятий всеми видами математической деятельности, потому что её решение поможет нам понять, что и как мы **думаем** о математике.

2. Над одним частным случаем этой проблемы мы несколько лет урывками работаем с Григорием Ефимовичем Крейдлиным (иногда пытаюсь привлечь к нашей деятельности молодых людей — пока не слишком успешно). Речь идёт о формулировках теорем на естественном языке. Начнём с почтенного и хорошо известного вам примера: с теоремы Пифагора. Я надеюсь, что никто из вас не думает, что эта теорема гласит *а квадрат плюс бэ квадрат равно цэ квадрат* — хотя мне, увы, встречались школьники, которые были в этом убеждены. . . А как правильно? Разумеется, вот как:

сумма квадратов катетов любого прямоугольного треугольника равна квадрату его гипотенузы.

В математике действуют определённые соглашения, в соответствии с которыми иногда можно принять и существенно сокращённую формулировку:

сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

Теперь мы можем попытаться сформулировать, чего мы хотим от хорошей устной формулировки теоремы на естественном языке. Две вещи очевидны.

- Она должна быть правильной фразой, например, русского языка, содержащей лишь обычные слова из словарей русского языка (среди которых, конечно, могут встречаться специальные термины вроде *гипотенуза*).
- Она должна иметь точный математический смысл.

Всякая ли теорема хорошо переводится на естественный (устный) язык?

Думаю, что нет. Мне, например,

$$(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$$

нравится гораздо больше, чем

квадрат суммы двух величин равен сумме квадратов этих величин, увеличенной на их удвоенное произведение.

А какие из теорем переводятся хорошо? Для меня этот вопрос неясен и очень интересен. Рассмотрев довольно много примеров, я вполне убедил себя в том, что необходимые условия хорошей переводимости — работанность понятийного аппарата соответствующего раздела математики и наличие общепринятой терминологии и символики. Но эти условия недостаточны, как мы только что видели на примере формулы квадрата суммы.

И вот тут математики готовы обратиться к лингвистам за помощью.

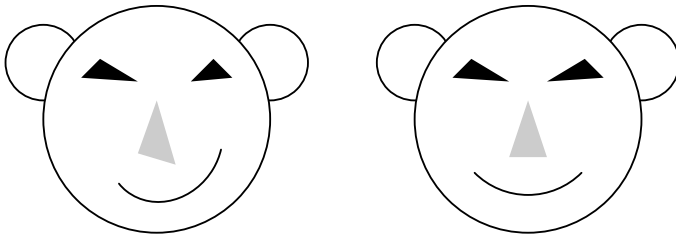
По поводу непереводаемых или плохо переводимых формул. Что мешает переводу? Может быть, в каких-то случаях требуется расширить языковые средства? Мне, например, часто не хватает терминов, и я иногда их придумываю — конечно, по-любительски; но, может быть, это можно делать как-то научно? Или имеет смысл расширить понятие естественного языка, включив в него, например, какие-то классы алгебраических формул или обозначений? Многие мои коллеги считают именно так, но мне эта идея не нравится.

По поводу переводимых. Как из возможных переводов отобрать наилучшие — легче всего понимаемые, запоминаемые, произносимые, просто лучшие с точки зрения естественного языка? Может быть, в каких-то случаях формулировку лучше разбить на несколько фраз? Наконец, какие формулировки лучше всего отражают математическое содержание теоремы? Как лучше, например: *сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы* или *квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов*? Что меняется от перестановки слов? Чем *дан тупоугольный равнобедренный треугольник* отличается от *дан равнобедренный тупоугольный треугольник*?

3. Пора перейти к теме моей лекции. Но, прежде чем начать обсуждать симметрии в формулировках теорем, я должен немного рассказать вам о симметриях вообще: хотя в школьной математике и изучаются, например, центральная и осевая симметрия, нам потребуется более широкое понятие симметрии, общепринятое во «взрослой» математике более ста лет.

Рассмотрим несколько примеров.

Пример I.

Какое лицо симметричнее?

Ответ вряд ли вызовет разногласия. Видя человеческое лицо (в жизни, на фотографии или на рисунке), мы сразу мысленно пытаемся провести по этому лицу ось симметрии; иногда мы её находим, а иногда (как на одной из картинок) — нет. В случае, когда находим, мы говорим, что лицо *симметрично* — и это воспринимается нами как норма; когда не находим, это воспринимается как отклонение от нормы (некто *окривел* и т. п.). Таким образом, в данном случае наличие симметрии противопоставляется её отсутствию (математик назвал бы то, что мы называли наличием симметрии, наличием *нетривиальной симметрии* — аналогично тому, как больной, говорящий *у меня температура*, имеет в виду *у меня повышенная температура*).

Пример II.

Какие из этих фигур симметричнее каких?

И в ответе на этот вопрос вы, скорее всего, будете единодушны. Вы скажете, что эти фигуры расположены в порядке возрастания симметрии: квадрат симметричнее прямоугольника, а круг симметричнее квадрата. В данном случае все фигуры обладают некоторыми симметриями, так что для обоснования нашего ответа мы должны ввести некоторую количественную меру симметричности фигур.

Школьной математики для этого оказывается вполне достаточно. Действительно, у всех трёх фигур есть по одному центру симметрии; но при этом у прямоугольника — две оси симметрии, у квадрата — четыре, а у круга их бесконечно много.

Пример разобран, но у вас может остаться некоторое чувство интеллектуального дискомфорта от сравнения *два*, *четыре* и *бесконечно много*; обращаться с числами вас учат с детства, а работать с бесконечностью, скорее всего, не учат вообще; так что я не знаю, многие ли из вас могут придать ясный математический смысл утверждению о том, что *бесконечно много* — это больше, чем *четыре*.

Математики выходят из этого затруднения следующим образом. Мы сопоставляем фигурам и другим объектам, симметричность которых мы изучаем, не *количества симметрий*, а *множества симметрий* (затем, обнаружив на множествах симметрий дополнительные структуры, мы приходим к *группам симметрий*). А сравнивать между собой множества — и конечные, и бесконечные — мы умеем со времён Георга Кантора, с 70-х годов девятнадцатого века.

Пример III. Рассмотрим несколько алгебраических выражений.

$$\begin{array}{ll}
 x + y + z; & abc + abd + acd + bcd; \\
 x^2y + y^2z + z^2x; & \frac{a-b}{c-d} \cdot \frac{b-d}{a-c}; \\
 (x-y)(y-z)(z-x); & ab + cd; \\
 xy + z; & ab^2c^3d^4.
 \end{array}$$

Какие из них симметричнее каких?

Наверное, сравнивать их все по симметричности смысла не имеет; но можно отдельно сравнить симметричность выражений от x, y, z и выражений от a, b, c, d . Как это сделать? В школе этот вопрос всерьёз не рассматривается.

Как мы уже вспомнили, рассматривая симметрии фигур, для осознания их симметрий надо подумать о некоторых действиях над этими фигурами, об их преобразованиях (ещё такие действия называют *движениями, изометриями* и т. п.); чем больше таких преобразований переводит фигуру саму в себя, тем фигура симметричнее.

Можно ли применить этот же подход для анализа симметричности алгебраических выражений? Да, если ввести правильное понятие преобразования выражения. Это правильное понятие — переназывание букв (как при шифровке): вместо каждой буквы подставляется другая (а, может быть, и та же самая) из того же множества (в нашем случае $\{x, y, z\}$ и $\{a, b, c, d\}$). Математики называют такие переназывания *перестановками*.

Ясно, что выражение

$$x + y + z$$

самое симметричное из наших примеров: оно выдерживает любые перестановки. Вам будет полезно проверить, что и $x^2y + y^2z + z^2x$, и $(x - y)(y - z)(z - x)$ выдерживает ровно половину перестановок, три из шести — тривиальную (каждая буква переходит в себя саму; эту подстановку, разумеется, выдерживает любое выражение) и две *циклические*. Выражение $xy + z$ менее симметрично: оно выдерживает всего две перестановки — тривиальную и ещё одну (какую?). И, наконец, выражение $xy^2 + z$ наименее симметрично: оно не выдерживает никаких нетривиальных перестановок.

Желающие смогут самостоятельно разобраться и в более сложных примерах с перестановками четырёх букв a, b, c, d ; для этого надо придумать технику систематического перебора всех 24 перестановок четырёх букв.

Мы не поговорили, к сожалению, о многих других симметриях, о которых стоило бы поговорить: в живой природе, в одежде, в архитектуре, в формулировках физических законов... Но будем считать, что вы в основном подготовились к обсуждению основной темы этой лекции.

4. Итак, мы переходим к менее традиционному виду симметрий — к симметриям в формулировках.

Начнём со вненаучного примера.

*И живут там (песня в том порукой)
Нерушимой дружною семьёй
Три танкиста, три весёлых друга —
Экипаж машины боевой.*

Перед нами складный, очень легко воспринимаемый текст, прекрасно известный нескольким поколениям ваших предков. Обратим внимание на одну из причин лёгкости этого восприятия.

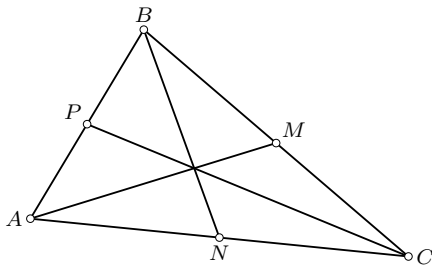
Труднее воспринимался бы текст про танкистов Иванова, Петрова и Сидорова, намного труднее — про танкистов Болотниковского, Шошиташвили и Адамкуса. В обоих случаях при первом же упоминании этих персонажей мы готовились бы к восприятию информации об отдельных танкистах (*Иванов увидел самураев и разбудил Петрова и Сидорова...*); во втором случае дополнительных усилий требует само восприятие и запоминание имён героев.

Но эти усилия были бы излишни! Всё дело в том, что для восприятия этой песни **различать танкистов не надо**. Они проходят через всю песню *нерушимой дружною семьёй* — от первого упоминания до того, как *разбили... всех врагов атакой огневой*. Симметрия текста этой песни заключается в том, что её смысл сохраняется при всех шести мысленных перестановках танкистов.

Аналогичные проблемы возникают при выборе наилучших формулировок теорем. Приведём правильную, но плохую формулировку теоремы о медианах треугольника.

Дан треугольник ABC , в котором проведены медианы AM , BN и CP . Тогда AM , BN и CP пересекаются в одной точке.

В отличие от песни, понимание геометрической теоремы требует чертежа:

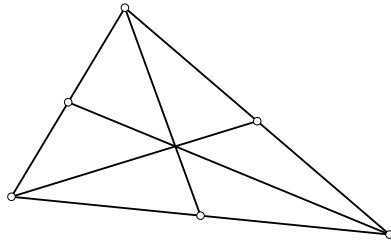
На этом чертеже всё правильно, и теорема проиллюстрирована, но восприятие и формулировки, и чертежа требует лишних, ненужных усилий!

Это, разумеется, связано с излишними обозначениями. Обозначения A, B, C для вершин произвольного треугольника стандартны, их можно уподобить фамилиям Иванов, Петров, Сидоров. А вот обозначения M, N, P почти произвольны (расположены по алфавиту с пропуском буквы O , неудобной из-за сходства с нулём); помните танкиста Шошийташвили? Усилия по запоминанию его фамилии можно уподобить (ненужным) усилиям по запоминанию обозначений середин сторон.

Я считаю все эти усилия излишними по той же причине, по которой нам не нужно знать ни фамилий, ни имён танкистов из песни. **Стороны треугольника в теореме о медианах равноправны.** Смысл теоремы сохраняется при всех их шести переименованиях, при всех шести подстановках. И это равноправие, эта симметрия (в данном случае не геометрическая, а комбинаторная) может быть отражена в следующей краткой формулировке:

медианы в любом треугольнике пересекаются в одной точке.

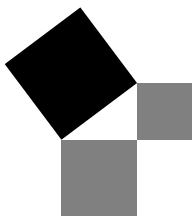
А вот адекватный чертёж:

Вернёмся теперь к **теореме Пифагора**. Конечно, все три стороны в прямоугольном треугольнике уже не равноправны: прямой угол выделен, причём он — только один среди прямых углов (почему?), и противолежащая ему сторона тоже выделена и называется *гипотенузой*. Однако оставшиеся две стороны, называемые *катетами*, равноправны; в начале лекции была предложена формулировка, учитывающая это равноправие:

сумма квадратов катетов любого прямоугольного треугольника равна квадрату его гипотенузы.

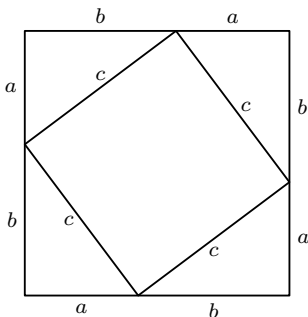
Эту формулировку следует сопроводить таким чертежом:

с дополнением, что на этом чертеже серая площадь равна чёрной.

На уровне формулировки нам удалось сохранить равноправие катетов и удержаться от их обозначений. Но на чертеже это равноправие уже утрачено: мы отчётливо различаем *большой* и *меньший* катеты. И если бы нам было трудно произвести это различие, т. е. прямоугольный треугольник был бы равнобедренным или близким к равнобедренному, то чертёж был бы плох: он оставлял бы впечатление, что теорема Пифагора — это утверждение о диагонали квадрата (на самом деле это — важнейший, но всё-таки частный случай великой теоремы).

Для доказательства же (вернее, одного из многочисленных известных доказательств) теоремы Пифагора эту симметрию придётся нарушить окончательно и катеты обозначить — как и гипотенузу.

Доказательство заключается в том, что мы двумя способами вычисляем площадь этого квадрата. Тут мы ещё могли бы сказать, сохраняя нашу симметрию, что *эта площадь равна квадрату суммы катетов и она же равна сумме квадрата гипотенузы и площади четырёх исходных треугольников*. Но дальше нам необходимо раскрыть этот квадрат суммы и, как мы уже обсуждали, попытка сделать это без обозначений приводит к противоестественным трудностям. С использованием же (вполне традиционных) обозначений доказательство завершается в одну строчку:

$$(a + b)^2 = 2ab + c^2$$

Нами разобран пример ситуации, когда **симметрия на множестве**

объектов, охватываемых теоремой, иногда позволяет привести краткую формулировку теоремы на естественном языке, но доказательство требует обозначений и «письменной» математики.

Прямое обобщение теоремы Пифагора — **теорема косинусов**. Структура симметрии объектов в ней та же, но асимметрия наложена искусственно: треугольник произволен, однако в нём выделены две стороны и угол между ними. Можно рассмотреть следующую формулировку:

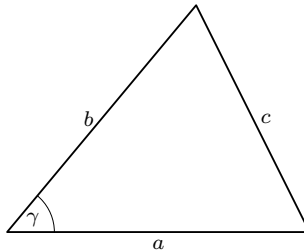
квадрат стороны любого треугольника равен разности суммы квадратов двух других сторон и их произведения, умноженного на косинус угла между ними.

Кажется, эта формулировка безупречна, но мне она совсем не нравится. Лично мне гораздо труднее её понять (точнее, проверить, что человек, не знающий теоремы косинусов, не может понять её неправильно), чем традиционную:

пусть a , b и c — стороны треугольника, а γ — угол между сторонами a и b . Тогда

$$c^2 = a^2 + b^2 - 2ab \cos \gamma$$

Традиционная формулировка должна быть сопровождается традиционным чертежом:

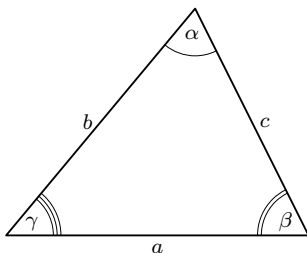
Он, впрочем, несёт в себе гораздо меньше информации, чем чертёж, сопровождающий теорему Пифагора: во-первых, на нём изображён произвольный треугольник, а, во-вторых, само утверждение не интерпретируется как равенство каких-либо очевидных площадей.

Вывод, вытекающий из рассмотрения формулировок теоремы косинусов, таков: **симметрия на множестве объектов, охватываемых теоремой, не всегда позволяет привести краткую формулировку теоремы на естественном языке.**

Гораздо лучше обстоят дела с **теоремой синусов**. Здесь мы имеем дело с полной симметрией между сторонами треугольника. Традиционная неполная формулировка такова:

если a , b и c — стороны треугольника, α , β и γ — противолежащие им углы, то

$$\frac{a}{\sin \alpha} = \frac{b}{\sin \beta} = \frac{c}{\sin \gamma};$$

Уже эту формулировку с использованием равноправия сторон можно без труда перевести на понятный естественный язык:

отношения сторон треугольника к синусам противолежащих углов равны между собой.

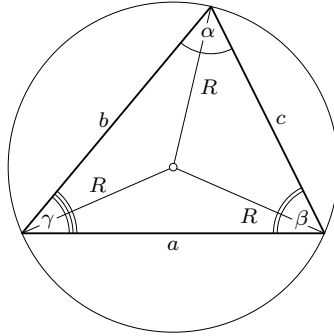
Однако и математика, и язык улучшатся, когда мы перейдём к полной формулировке теоремы синусов. Традиционная формулировка станет длиннее:

если a , b и c — стороны треугольника, α , β и γ — противолежащие им углы, R — радиус описанной окружности, то

$$\frac{a}{\sin \alpha} = \frac{b}{\sin \beta} = \frac{c}{\sin \gamma} = 2R.$$

Автоматический перевод этой удлинённой формулировки на естественный язык также приведёт к удлинению:

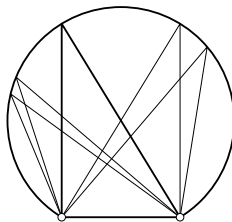
отношения сторон треугольника к синусам противолежащих углов равны между собой и равны диаметру описанной окружности.

Однако перевод — дело творческое; вместо того, чтобы сказать *и первый, и второй, и третий танкист были сержантами* гораздо лучше — особенно, если вспомнить, что мы не умеем различать наших танкистов — сказать *все три танкиста были сержантами*. Так и со сторонами треугольника:

отношение стороны треугольника к синусу противолежащего угла равно диаметру описанной окружности.

Мы вывели за формулировку некоторую тривиальную составляющую: если три величины равны четвертой, то они равны между собой. Оказывается, от этого преобразования теорема изменила математический смысл (сержантство каждого танкиста рассматривается независимо от сержантств других членов нерушимой дружной семьи) и стала почти очевидной! Точнее, совсем очевидной для тех, кто понимает, что речь идёт теперь не о каком-то определённом треугольнике, а обо всех треугольниках с данной стороной и данным противолежащем этой стороне углом, и помнит, как выглядит множество точек, из которых **данный отрезок** виден под **данным углом**.

Выводы из проведённых рассмотрений можно сделать следующие. Во-первых, **чем больше симметрий в рассматриваемых объектах, тем больше шансов найти краткую хорошую формулировку на естественном языке** (мы можем сделать этот вывод, срав-

нивая теорему косинусов с теоремой синусов). Во-вторых, при наличии симметрий следует искать **инварианты**; в данном случае это — **описанная окружность**, она не меняется при переименовании сторон (инвариант трёх танкистов — это их танк, который тоже не зависит от того несущественного обстоятельства, кого из танкистов мы назовём первым, кого — вторым, а кого — третьим). **Формулировка иногда становится лучше и точнее, если в неё явно входят инварианты.**

Другой известный вам инвариант треугольника, не зависящий от обозначений его сторон — его **площадь**. Формулы площади, которые вы знаете, формулируются на естественном языке; это — *полупроизведение основания на высоту* (здесь традиционно опускается указание на то, на какую из сторон опущена высота, поскольку подразумевается, что основание горизонтально, а упоминаемая высота вертикальна; это, разумеется, не имеет ни малейшего математического смысла, зато понятно) и *полупроизведение двух сторон на синус угла между ними*. Обе формулировки безупречны и понятны; заметим, однако, что в обеих **нарушается равноправие сторон**: в первой случайно выбирается одна из сторон, называемая *основанием*, а во второй случайно выбираются *две стороны*. То, что площадь не зависит от этих выборов — математические результаты, требующие специального осмысления (те из вас, кто вдумается в эту проблему, поймут, что оба результата равносильны неполной теореме синусов).

А существует ли инвариантная формула для площади треугольника? Некоторым из вас известна **формула Герона**. Её традиционная формулировка такова: *пусть a , b и c — стороны треугольника, p — его полупериметр, а S — его площадь. Тогда*

$$S = p\sqrt{(p-a)(p-b)(p-c)}.$$

Формула кажется безнадёжно алгебраической; мы не будем даже пытаться перевести её на естественный язык в том виде, в котором она написана.

Проделаем с ней, однако, несложные алгебро-лингвистические операции. Начнём с преобразования

$$p - c = \frac{a + b + c}{2} - c = \frac{a + b - c}{2}$$

Мы знаем, что в числителе стоит положительная величина, в силу так называемого **неравенства треугольника**: *сумма любых двух сторон треугольника превосходит третью*. Это неравенство — одно из фундаментальнейших в геометрии; оно выражает тот факт, что путь на

плоскости, отложенный по прямой — кратчайший: *если идти из одной вершины треугольника в другую не прямо, а с заходом в третью, то путь удлинится*. Оно легло в основу очень общей и глубокой математической теории, теории метрических пространств.

Вместе с тем для количественного выражения неравенства треугольника, для величин вроде $a + b - c$ никакого общепринятого термина не выработалось. Так давайте же попробуем его ввести — хотя бы в рамках этой лекции! Число $a + b - c$ можно было бы назвать *недостатком*, или *недостачей* стороны c (в данном треугольнике). Однако оба этих русских слова несут в себе какой-то негативный оттенок: одно говорит о низком качестве стороны c , другое ассоциируется с каким-то воровством в магазине. Поэтому давайте лучше назовём $a + b - c$ избытком двух сторон a и b — само собой, над оставшейся стороной c .

Теперь каждый треугольник, поскольку в нём ровно тремя способами можно выделить две стороны, определяет *три избытка*. И этого оказывается вполне достаточно, чтобы перевести формулу Герона на естественный язык:

площадь любого треугольника равна четверти корня из произведения его периметра и всех трёх избытков.

Не знаю, как вам, а мне такая формулировка нравится! Например, я бы на вашем месте немедленно у себя спросил бы: *а для объёма тетраэдра аналогичная формула есть?* А на своём месте ответил бы: *Конечно, есть! Только у нас, к сожалению, нет времени её обсудить...*

Вывод из наших действий таков. **В некоторых случаях, когда теорема кажется не переводимой на естественный язык, введение подходящих терминов обеспечивает такой перевод.**

Обратимся ненадолго к алгебре. **Теорема Виета**, понимаемая по-школьному, гласит, что, если x_1 и x_2 — корни многочлена $x^2 + px + q$, то

$$\begin{cases} x_1 + x_2 = -p \\ x_1 x_2 = q \end{cases}$$

С переводом этих двух равенств на естественный язык дело обстоит по-разному.

Второе переводится очень хорошо: *произведение корней квадратного трёхчлена равно его свободному члену*. И эта симпатичная формулировка мгновенно обобщается — правда, с точностью до знака — на многочлены произвольной степени! Если кто-нибудь из вас захочет вдуматься в случай кубических многочленов, то, скорее всего, полностью поймёт, в чём тут дело.

А с переводом первого равенства — хуже. *Сумма корней квадратного уравнения равна...* чему же? Я много раз присутствовал при том,

как студенты-гуманитарии пытались это вспомнить. В основном звучали никуда не годные ответы: *минус коэффициенту при x_1 . . . минусу бэ на a . . .* и т. п. Все эти формулировки привязаны к конкретным обозначениям, когда-то применённым школьным учителем; они забываются и не дают истинного понимания связей между корнями многочлена и его коэффициентами.

Дело, однако, именно в симметрии корней многочленов, в их равноправии! С особенной ясностью это понял в начале девятнадцатого века гениальный французский математик Эварист Галуа, погибший на дуэли в 21 год, но успевший оставить нам это понимание, которое положило начало бурно развивающейся с тех пор и по настоящее время теории, так и называемой: **теория Галуа**. У меня, к сожалению, нет возможности рассказать вам об этой теории, и я коснусь её лишь в том, что непосредственно связано с предметом этой лекции.

Сумма и произведение — частные случаи операций над равноправными величинами, которые выдерживают любые перестановки. Более общий класс таких операций называется *элементарными симметрическими функциями*. Их определение я от вас утаю, приведя лишь один пример: $x_1x_2 + x_2x_3 + x_3x_1$. И продемонстрирую взрослый вариант теоремы Виета на естественном языке:

коэффициенты любого многочлена³⁸ с точностью до знака являются элементарными симметрическими функциями своих корней.

Вывод: потребность в переводе теорем на естественный язык может привести к глубоким и правильным обобщениям известных понятий. В случае с теоремой Виета решающую роль в таком обобщении сыграли симметрии.

5. Попытаемся подвести итоги всей лекции. Мы обсудили несколько языковых проблем, связанных с формулировками и переформулировками теорем, сосредотачиваясь в основном на возможности упрощений, связанных с наличием симметрий в формулировках. Моей главной целью было указать область возможного сотрудничества математиков и лингвистов, связанных с совместным изучением этих проблем; на данной стадии моего понимания этой области я смог лишь предварительно наметить некоторые направления исследований, проиллюстрировав их примерами, которые кажутся мне интересными.

Ограничиваясь геометрией, я хочу в заключение указать **пять языков**, на которых формулируются теоремы.

³⁸Здесь, как и выше, я подразумеваю, что старшие коэффициенты всех многочленов равны 1.

Первый: формальный. Все формулировки можно перевести на язык равенств и инцидентностей (точки принадлежат прямым и т. п.). В некоторых разделах геометрии нужно добавить расстояния и иногда ещё несколько видов объектов. Всё это легко формализуемо в много-сортном исчислении предикатов первого порядка.

Второй: координатный. На плоскости вводятся координаты, прямые и окружности задаются уравнениями. Геометрия сводится к алгебре многочленов.

Третий: язык преобразований. Соответствующий план построения геометрии носит название Эрлангенской программы Клейна. Все геометрические объекты (точки, прямые, плоскости) являются однородными пространствами соответствующих конечномерных групп Ли. Иначе говоря, главными действующими лицами становятся преобразования: изометрии, подобия и т. п.

Четвёртый: язык чертежей. Всякому ясно, что такое отдельный чертёж, но, по моим представлениям, язык (или, скорее, семиотическая система) чертежей — особенно цветных — не описан.

Пятый: естественный. Ему в основном была посвящена эта лекция и, как мы видели, его границы остаются размытыми.

Первые три языка освоены математиками, и симметрия в них определена точно и, видимо, окончательно. Первые два освоены школьной математикой (хотя в школе действуют некоторые необъяснимые запреты в использовании координат); симметрия формулировок в школьной математике, однако, не обсуждается и не используется.

Определение и исследование двух последних языков — дело будущего.

Я старался привлечь ваше внимание к проблемам переводов и симметрий, связанных со всеми этими (а, возможно, и другими) языками. Если у вас возникнут по этим поводам соображения или вопросы — пишите по адресу shabat@mccme.ru

Спасибо за внимание и долготерпение.

Ученические подходы к интерпретации поэтического текста

Надежда Ароновна Шапиро

«Разговор с Анакреоном» М. В. Ломоносова, цикл стихотворений, который включает переводы четырёх од древнегреческого поэта, жившего в VI в. до н. э. (или его подражателей — римских и византийских поэтов), и ответы русского поэта века XVIII, как будто нарочно создан для девятиклассников. У них ещё довольно мал опыт серьёзного чтения стихов, но им уже известны и учение о трёх штилях, и предложенная Ломоносовым реформа русского стихосложения; знакомы девятиклассники и с «Одой на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года».

Читаем «Оду I» из «Разговора. . .» (номера од Анакреона даны в соответствии со старинным изданием сборника «Анакреонтика») и просим учеников передать ее общий смысл.

Разговор с Анакреоном

Анакреон

Ода I

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.
Я гусли со струнами
Вчера переменял
И славными делами
Алкида возносил;
Да гусли поневоле
Любовь мне петь велят,
О вас, герои, боле,
Прощайте, не хотят.

Ломоносов

Ответ

Мне петь было о нежной,
Анакреон, любви;
Я чувствовал жар прежней
В согревшейся крови,
Я бегать стал перстами
По тоненьким струнам

И сладкими словами
Последовать стопам.
Мне струны поневоле
Звучат геройский шум.
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен,
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Несмотря на малый объём, прозрачный синтаксис и разъяснение учителя, что здесь есть имена мифологических героев (Кадм победил дракона, Алкид — Геракл, славный многими подвигами), это оказывается непростым делом. Даже неожиданные в устах древнегреческого поэта «гусли» (вместо лиры) не вызывают улыбки — так всё далеко от сознания школьников. Могут понадобиться наводящие вопросы. Какой союз «да» в стихотворении — соединительный или противительный? Что символизируют гусли, которые «велят» поэту? (Ответ мне казался очевидным, пока я не услышала детские предположения, что это какой-то правитель или народ, публика). После короткой беседы приходим к примерно такой формулировке: «Поэт говорит, что, может быть, и нужно воспевать героев, но для него естественнее петь о любви и он оставляет неудачные попытки заниматься не тем, к чему он склонен». Ответ Ломоносова, как легко замечают дети, можно пересказать теми же словами, заменив в выведенной формуле «героев» на «любовь» и наоборот, поскольку он почти зеркально отражает первое стихотворение (сохранена даже ключевая рифма *поневоле — боле*), опрокидывая его содержание.

Но не будем довольствоваться таким выводом. Обратим внимание на то, что в ответе Ломоносова на четыре строки больше, чем в словах Анакреона. О чём эти «лишние» строчки? Оказывается, вопреки ожиданиям, не о подвигах, а о любовном чувстве (*Я чувствовал жар прежней / В согревшейся крови. . . Хоть нежности сердечной / В любви я не лишен. . .*) Можно усмотреть в этих стихах намёк на то, что некоторые изменения в чувствах поэта и в творчестве связаны с временем и возрастом. Спросим девятиклассников, справедливо ли утверждение, что Ломоносов отрицает любовную поэзию и считает достойным поэта делом только воспевание подвигов; хорошо, если школьники с таким утверждением не согласятся и отметят, что здесь нет спора или, тем более, борьбы — есть спокойный, не без лукавства, разговор, в крайнем случае — возражение. Любопытно осмыслить употребление обращений

(герои у Анакреона, *Анакреон* и *любовны мысли* — у Ломоносова): каждый обращается к тому, от чего отказывается или кому возражает.

Предложим ученикам сравнить звучание «Разговора. . . » и «Оды на день восшествия. . . ».

М. В. Ломоносов

**Ода на день восшествия на всероссийский престол
ее величества государыни императрицы
Елисаветы Петровны 1747 года**

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойством не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Через яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с одного пути склонилась,
Которым прежде я текла»

Тогда божественны науки
Чрез горы, реки и моря
В Россию простирали руки,
К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоко!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отверзает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Воззри на горы превысоки,
Воззри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восстановленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напоет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрашал.

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца всход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из пор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Они, безусловно, отметят бóльшую лёгкость и простоту «Разговора...» и, может быть, даже попытаются объяснить это более короткой строкой (здесь ямб трёхстопный, а не четырёхстопный) и более простой рифмовкой — везде перекрёстной (в отличие от десятистрочной одической строфы с сочетанием всех видов рифмовки). Вероятно, не дожидаясь следующего нашего вопроса, они продолжают сравнение и скажут, что «Разговор...» написан не высоким, а средним «штилем» — в нём почти нет старославянизмов (только понятные всем и едва ли не общеупотребительные *персты*, *возносил* и *восхищен*) и есть разговорное слово с уменьшительным суффиксом *тоненькие*.

Всегда полезно посмотреть на обсуждаемое произведение как на одно из звеньев в бесконечной цепи истории поэзии. Оглянемся назад. Ещё сравнительно недавно, в 1735 г. В. К. Тредиаковский, начавший реформу русского стихосложения, утверждал, что в русском стихе следует придерживаться хоря и соблюдать непременно женскую рифму, а сочетание мужских и женских рифм вовсе недопустимо: «Таковое сочетание стихов так бы у нас мерзкое и гнусное было, как бы оное, когда бы кто наипоклоняемую, наинежнейшую и самым цветом младости своя сияющую Эвропскую красавицу выдал за дряхлого, черного и девяносто лет имеющего Арапа». Ломоносов не согласился с Тредиаковским и на практике утвердил богатые возможности русского стиха (впрочем, поздние стихи Тредиаковского тоже написаны ямбом и с чередованием мужских и женских рифм). А теперь посмотрим вперёд. Именно с Ломоносова устанавливается традиция русских стихов о сущности и назначении поэзии, написанных в форме диалога (достаточно вспомнить стихотворения Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» и «Поэт и толпа», лермонтовское «Журналист, читатель и писатель», стихотворение Некрасова «Поэт и гражданин» — вплоть до «Разговора с фининспектором о поэзии».

Не стоит так же подробно рассматривать остальные части «Разговора с Анакреоном». Но по крайней мере ещё одно интересное наблюдение

ние можно сделать. Из четырёх пар стихотворений есть одна, в которой слова Анакреона и ответ Ломоносова различаются стихотворным размером. Предложим ученикам найти эту пару (она последняя в цикле), определить размеры, прочитать стихотворения и отыскать строчку, которая почти буквально повторяется в ответе.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри черны,
Без искусных рук уборны,
С благовоением духов,
Буде способ есть таков.
Дай из рос в лице ей крови
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;
Цвет в очах ея небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;
Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;
Надевай же платье ало

И не тщишь всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастером, Анакреон,
Но счастливей ты собою
Чрез приятной лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать
Мою возлюбленную Мать.
О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии веселой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;
Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,
Огонь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;
Возвысь сосцы, млеко обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,

Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;
Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображение сходно,
Красно, лобезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.

Между 1756 и 1761

Мы рассчитываем услышать, что ода XVIII переведена хореем, а ответ написан ямбом. Первой строчке оды — *Мастер в живописстве первой* — соответствует строка *О мастер в живописстве первой*. Один звук, частица, превращает хорей в ямб. Что изменяется от этого? Один мой ученик однажды сказал очень удачно: «И получается ода!» (хотя собственно одой у Ломоносова названа первая часть; ученик имел в виду именно ломоносовские оды «на день восшествия»). Может быть, он опознал, по словам Маяковского, «оды торжественное «О!»», но, скорее всего, точный слух подсказал ему разницу в звучании. Действительно, четырёхстопный ямб ответа звучит куда торжественнее четырёхстопного хорей, и это звучание очень оправдано изменением в содержании: Ломоносов говорит не о красотах возлюбленной, а о величавой красоте России.

... Другой урок, о котором я расскажу, проходил уже в 11 классе. В конце учебного года, в разгар предэкзаменационного повторения; возникла угроза пресыщения всей великой русской литературой, представленной в виде предполагаемых тем вступительных сочинений, и захотелось напоследок поговорить бескорыстно о чём-нибудь заведомо ненужном при поступлении в университет. Мы стали сравнивать стихотворения «Лондонцам» из цикла «В сороковом году» А. Ахматовой и «О, слёзы на глазах!» из «Стихов к Чехии» М. Цветаевой.

Повод к написанию первого — бомбёжка Лондона фашистами в 1940 г., цикл, к которому относится второе, написан после того, как фашистская Германия оккупировала Чехословакию. Сразу договариваемся, что основания для сравнения очевидны — и время написания, и тема, и отношение авторов к свершающимся в Европе событиям — и обсуждать их нечего. Интересны прежде всего особенности стихотворений — поэтическая манера, лирический герой.

А. Ахматова

Двадцать четвёртую драму Шекспира
Пишет время бесстрастной рукой.
Сами участники грозного пира,
Лучше мы Гамлета, Цезаря, Лира
Будем читать над свинцовой рекой;
Лучше сегодня голубку Джульетту
С пеньем и факелом в гроб провожать,
Лучше заглядывать в окна к Макбету,
Вместе с наёмным убийцей дрожать, —
Только не эту, не эту, не эту,
Эту уже мы не в силах читать!

1940

М. Цветаева

О, слёзы на глазах!
Плач гнева и любви!
О, Чехия в слезах!
Испания в крови!
О, чёрная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь — быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь — жить.
С волками площадей
Отказываюсь — выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть —
Вниз — по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один — отказ.

15 марта — 11 мая 1939

Не удержусь от похвалы: сообща одиннадцатиклассники осмыслили всё, что я имела в виду, и сделали ещё некоторые замечания, которые мне в голову не приходили. Если не пытаться воссоздать ход урока по репликам, а суммировать все высказывания, получилось примерно так.

Стихотворение Ахматовой, написанное четырёхстопным дактилем (за исключением 2-ой строки) звучит как величественный трагический монолог — сначала двухстрочное по виду спокойное предложение — зачин (его интонация определяется эпитетом *бесстрастный*: *Двадцать четвёртую драму Шекспира / Пишет время бесстрастной рукой*), а затем взволнованный, но сдержанный, ораторски выстроенный период, с анафорами и повтором в предпоследней строке, одиннадцать строк без разделения на строфы с чередованием мужских и женских рифм. Хотя числительное *двадцать четвёртая* здесь объясняется количеством известных трагедий и исторических хроник великого драматурга, кажется, что оно имеет символическое значение, как будто настал последний час перед концом света; ср. тютчевское *Когда пробьет последний час природы*... Тютчев вспоминается не случайно:

в стихотворении Ахматовой есть явная отсылка к его стихотворению «Цицерон»: *Счастлив, кто посетил сей мир / В его минуты роковые. / Его призвали всеблагие, как собеседника на пир. / Он их высокими зрелищ зритель...* И не только отсылка, но возражение: участники грозного пира... не в силах читать эту новую драму, предпочитая оказаться «внутри» известных шекспировских трагедий и испытывать сильнейшие чувства сострадания и страха, оплакивая «голубку Джульетту» или дрожая «вместе с наёмным убийцей»; собственно, перечень эпизодов шекспировских трагедий составляет большую часть стихотворения. Хотя «грозный пир» заставляет вспомнить и пушкинский «Пир во время чумы» — маленькую трагедию, действие которой происходит в средневековой Англии. Небольшое стихотворение о страшном событии современности буквально пронизано упоминаниями о великих произведениях прошлого. Очень важно осмыслить эту существенную особенность. С одной стороны, получается, что реальность страшнее всего, о чём говорилось в великих трагедиях. Но, с другой стороны, жизнь продолжается, вся мировая культура — «поддержка и опора» людям; человечество и прежде знало и великие злодейства, и великую скорбь, и примеры мужественного противостояния злу и отчаянию. Есть некое сообщество людей — «мы» — единых и в любви к Шекспиру, и в горе от гибели множества людей в далёкой стране.

Совсем другое впечатление производит стихотворение Цветаевой — чёткие четверостишия, трёхстопный ямб, только мужские окончания. Как крик отчаяния звучат короткие восклицательные предложения начала, как клятва или заклинание — продолжение с четырёхкратным анафорическим «отказываюсь», всё менее понятным синтаксисом и напряжёнными переносами. Это стихотворение о безумном мире, в котором вместо людей нелюди, волки, акулы, спины... Абсолютно одиночество героини, абсолютен её отказ от всего этого мира (об этом же — единственная легко узнаваемая, хотя и не названная прямо отсылка к литературе — к «Братьям Карамазовым»: *Пора — пора — пора / Творцу вернуть билет*). Любопытно, что в последнем четверостишии один мой ученик усмотрел ещё одну реминисценцию: ушные дыры и вещие глаза — нарочито огрублённый перепев строчек пушкинского «Пророка»; тогда получается, что это отказ и от пророческого дара, и от творчества. А другой ученик подошёл после урока и, хитренько улыбаясь, сказал: «Я по поводу второй строчки у Ахматовой: хоть и бесстрастная рука, а дрогнула» (в том смысле, что не дактилем написана).

Сравнивая, мы видим больше и точнее. И получаем от этого удовольствие.

Секреты редактирования текста

Надежда Ароновна Шапиро

У меня сложилось стойкое убеждение: ни глубина или оригинальность мышления автора, ни обширность его познаний не могут быть гарантией того, что текст, создаваемый им, окажется правильным: цельным, связным, логичным, понятным. Необходима специальная, подчас по необходимости довольно длительная работа над уже записанным текстом. Но кто знает, как ею заниматься? Здесь нужны особые умения и навыки — редакторские. Каждый автор, в том числе ученик, должен уметь в какой-то момент отстраниться от созданного текста, посмотреть на него со стороны, как на чужой, с помощью особых приёмов обнаружить его несовершенство и исправить текст — то есть отредактировать его.

Рассуждение и законы логического мышления. Анализ соответствия формулировки мысли приведённым доказательствам; пути исправления несоответствий.

Словарь Ожегова даёт три значения слова логика: «Наука о законах мышления и его формах. Ход рассуждений, умозаключений. Разумность, внутренняя закономерность чего-л». Какое из этих значений имеем мы в виду, когда на полях ученического сочинения делаем помету «логическая ошибка»? Наверное, мы чувствуем, что есть какой-то сбой в умозаключении, неправильно установлены смысловые связи между утверждениями, а значит, высказыванию недостаёт «разумности». Иными словами, прежде всего приходят на ум второе и третье из словарных значений.

Чувствуя смутное недовольство фразой или фрагментом текста, мы не всегда доходим до отчётливого осознания того, что именно здесь не так. А между тем иногда достаточно бывает точно определить значение использованного предлога, союза или вводного слова и проверить, насколько это значение соответствует истинным смысловым связям между частями предложения.

Рассмотрим речевые алогизмы на примерах, взятых из произведений Н. В. Гоголя; разумеется, там нарушения логики в речи повествователя и персонажей появились не по недосмотру, не от неграмотности великого писателя — это одна из особенностей стиля, форма неявной фантастики, подробно исследованная Ю. Манном.

Пример 1.

Несмотря на большую приязнь, эти редкие друзья не совсем были сходны между собою («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»). Почему эта фраза кажется смешной? Потому что повествователь как будто бы считает, что люди, испытывающие друг к другу симпатию, «приязнь», обычно бывают «совсем сходны между собою», ничем друг от друга не отличаются. На это указывает предлог *несмотря на*, который, по Ожегову, означает «вопреки кому-чему-н.».

Вот более сложный случай.

Пример 2.

А какие встретите вы дамские рукава на Невском проспекте! Ах, какая прелесть! Они несколько похожи на два воздухоплавательные шара, так что дама вдруг бы поднялась на воздух, если бы не поддерживал её мужчина; потому что даму так же легко и приятно поднять на воздух, как подносимый ко рту бокал, наполненный шампанским. («Невский проспект»). Здесь, по словам Ю. Манна, «алогизм настолько замаскирован грамматически правильной фразой, что его поистине приходится извлекать наружу». Займёмся «извлечением». Союз *так что* имеет единственное значение — следствия, союз *если бы* — условия. Первую половину длинного предложения можно пересказать так: *Дамские рукава несколько похожи на воздухоплавательные шары, поэтому дама поднялась бы на воздух, если бы её не поддерживал мужчина.* Логика слегка сбита: вряд ли внешнее сходство рукавов с шарами — достаточная причина для полёта дамы. Здесь, строго говоря, недостает слова *кажется*.

Но главное противоречие — дальше: получается, что мужчина поддерживает даму, не даёт ей подняться на воздух, *потому что... даму легко и приятно поднять...*

Мы применили один из главных приёмов логического анализа текста или фрагмента: свёртывание суждений до возможно более простых (нарочито упрощённый пересказ) и исследование связей между их частями.

Этот приём при чтении произведений великого писателя помогает оценить своеобразие стиля, а при работе над ученическим сочинением — осознать характер ошибки и способ её исправления.

Пример 3.

Ученик пишет: *Его <Печорина> исповедь — такой же, по сути, ход, как и покупка ковра. Надо отдать ему должное — он хорошо знает не только «пружинины общества», но и пружины девичьего сердца, но произнесение такой речи — не душевное излияние, а про-*

стая уловка. В сущности, последняя часть высказывания (*произнесение такой речи — не душевное излияние, а простая уловка*) не содержит ничего нового по сравнению с первым предложением (речь идёт о том, что рассказывает Печорин княжне Мери о своём прошлом), и потому её можно вообще убрать без ущерба для смысла. Но, предположим, автор захочет отказаться от первого предложения и сохранить второе. Тогда стоит обратить внимание на второй союз *но*: он явно не на месте, потому что смысл последней части вовсе не противопоставлен всему предыдущему. Противительный союз *но* стоит заменить соединительным *и*.

Пример 4.

Ещё одна выдержка из сочинения: *Несмотря на все эти сходные вещи, встречающиеся в обоих стихотворениях, между ними можно отыскать и различия.* Здесь почти буквально воспроизводится гоголевский алогизм (см. пример 1), хотя автор явно не рассчитывал на комический эффект. Он, очевидно, лишь хотел придумать переход от той части своего текста, где речь шла о сходстве анализируемых стихотворений, к другой, рассказывающей о существенных различиях. В переходной фразе, действительно, может быть кратко названо содержание обеих связываемых частей — это мы сохраним при редактировании. Но необходимо установить правильную смысловую связь, предлог *несмотря на* со значением уступки здесь совершенно неуместен. Исправленный вариант может выглядеть так: *Для того чтобы глубже понять оба стихотворения, важно обнаружить не только черты сходства между ними, но и существенные различия* (соединение). Или: *Сходство этих стихотворений очевидно. Но, может быть, куда труднее и важнее осмыслить существенные различия между ними* (противопоставление по сложности и важности решаемых задач).

До сих пор мы находили алогизмы, руководствуясь лишь здравым смыслом. Скажем теперь, что при этом мы, пусть и неосознанно, следовали основным **законам логического мышления**. Иными словами, нам никуда не уйти от логики как науки (вспомним первое толкование слова логика). Детям знать формулировки законов не обязательно, а вот учителю стоит с ними познакомиться поближе, чтобы и самому лучше разобраться в проблеме, и ученикам толковее объяснить, что в их работах не так.

Первый закон — закон тождества: мысль, приводимая в умозаключении, при повторении сохраняет то же содержание. Этот закон нарушается, если в тексте происходит подмена тезиса, уход от темы. Особенно хорошо видно такое нарушение при неправильном ответе на вопрос. В качестве примера возьмём одно из заданий конкурса по литературе Ломоносовского тура.

Пример 5.

В мировой литературе есть множество произведений, где не важно точное место действия — события происходят в городе, деревне, замке с вымышленным названием или вовсе без названия. Но есть и такие, в которых содержание и идея, а нередко и название тесно связаны с каким-либо конкретным географическим местом. Назовите несколько произведений второго типа и объясните, насколько важно в каждом из них конкретное место действия.

Приведём выдержки из нескольких работ.

1. *По моему мнению, очень важную роль также порой играет время года, как, например, в произведении А. П. Чехова «Вишнёвый сад». Без описания самого вишнёвого сада не удалось бы передать идейный замысел всего произведения.*

2. *Я считаю, что говорящее название места, где происходят события, есть в произведении Бунина «Деревня». Это Дуровка — русская деревня девятнадцатого века. Писатель изображает ее жителей, местность, да и саму жизнь мрачными серыми тонами. Все увязли в этой угнетающей жизни: без смысла, без цели, без интереса; а главное — нищета и безграмотность сопровождают жителей Дуровки. Бунин — писатель-реалист своего времени, именно поэтому он стремился как можно правдивее и точнее описать события, которые он наблюдал, и сделать вывод.*

3. *«Обманщики в Лос-Анджелесе» О. Генри. Если бы действие происходило в глухой деревушке, то откуда бы там лавка оценщика? В глухой деревушке происходит другое — там обманывают фермера.*

Сразу бросается в глаза вопиющее несоответствие в первом фрагменте: о времени года в задании ничего не было сказано. Но и второй фрагмент, хотя в нём есть название деревни, не даёт ответа на поставленный вопрос. Здесь налицо явная подмена тезиса. О «говорящем названии места» тоже не было речи в задании. Вряд ли «нищета и безграмотность» были свойственны лишь жителям конкретного населённого пункта, название которого, скорее всего, является вымышленным. Нельзя признать правильным и третий ответ: хотя в заглавии рассказа О. Генри, действительно, назван конкретный, реально существующий американский город, вряд ли он единственный, где есть лавка оценщика, а никаких других доказательств важности именно этого места действия автор работы не приводит. Правильным могло бы быть примерно такое оформление ответа (если использовать только ту информацию, которая содержится в работе): «В рассказе О. Генри действие происходит в конкретном городе — Лос-Анджелесе. Но, по-моему, для писателя существенно только то, что это большой город, где есть такое заведение, как лавка оценщика».

Закон тождества нарушается и в том случае, когда слово употребляется в разных значениях и возникает двусмысленность, как в следующем примере: *Автор продолжает показывать возвышенность природы. Она передаётся через высоту гор, утёсов.* Видимо, ученик имел в виду величие природы или высокие чувства, которые она вызывает, но рядом с упоминанием утёсов и гор слово возвышенность воспринимается как простое указание на рельеф местности.

К нарушениям первого закона логического мышления следует отнести и употребление слов в общем, приблизительном или неточном значении. Алогизм такого рода встречаем в повести Н. В. Гоголя «Шинель»:

Пример 6.

Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то, нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик.

Рассказчик обещает «совершенно означить» характер портного Петровича, а вместо этого говорит только о том, что он прежде был крепостным, а теперь всё больше пьёт. Слово *характер* и наши ученики употребляют вместо множества других слов: *внешность, происхождение, убеждения, манеры* и т. п.

Второй закон логического мышления — *закон противоречия*: не могут быть одновременно истинными две противоположные мысли о предмете.

Нарушения это закона довольно часто встречаются в школьных сочинениях, когда их авторы чересчур решительно и без оговорок используют слова *точно так же, ничем не отличается* и т. п.

Пример 7.

В романе Толстого «Война и мир» нашему взору предстаёт совсем иной Петербург — с балами, зваными обедами, салонами. Но мы видим, насколько бездарно и пусто общество, что красочный Петербург Толстого ничуть не отличается от желтого Петербурга Достоевского.

Ученик, сравнивая изображение Петербурга в романах Достоевского и Толстого, в соседних предложениях употребил слова *совсем иной* и *ничуть не отличается* — явное нарушение логики! А между тем мысль автора понятна, нужно только сформулировать её точнее и толковее, например так: «В романе Достоевского показан Петербург «бед-

ных людей», «униженных и оскорблённых», город нищеты и страдания. Толстой изображает высший свет Петербурга — балы, салоны, званые обеды. Но Петербург Толстого производит не менее отталкивающее впечатление, чем Петербург Достоевского».

Третий закон логического мышления — **закон исключённого третьего**: из двух противоречащих высказываний в одно и то же время в одном и том же отношении одно непременно истинно; третьего не дано. Эта несколько неопределённая формулировка нуждается в разъяснении: речь идет о противопоставлениях. В правильно построенном противопоставлении названы действительно взаимоисключающие явления. Классический пример комического нарушения третьего закона находим у Гоголя:

Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если б раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением.

Пример 8.

Не так очевидна неправильность противопоставления в ученическом сочинении: ... *Если Николай Петрович, подобно своему сыну, видит в Базарове то новое поколение, которое скоро заменит его, то Павел Петрович видит в госте человека с теми взглядами, которые достойны только осуждения. И всё-таки нарушение логики здесь есть: не являются взаимоисключающими утверждения о том, что Базаров представляет новое поколение, и о том, что взгляды его достойны только осуждения. Можно себе представить ситуацию, когда взгляды человека нового поколения безусловно отвратительны. Исправить предложение можно, более точно разъяснив позицию Николая Петровича и устранив речевые недочёты: «Если Николай Петрович, во многом не соглашаясь с Базаровым, всё же готов увидеть и достоинства нового поколения («в них меньше барства, чем в нас»), то Павел Петрович убеждён: взгляды Базарова заслуживают только осуждения».*

Четвёртый закон — **закон достаточного основания**: всякая истинная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана. Типичным нарушением этого закона являются неподходящие доказательства: *Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки... Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье.*

Если сам тезис не вызывает сомнений, то ошибка исправляется подбором правильного доказательства, примера, иллюстрирующего уже сформулированную мысль.

Структурные типы рассуждений. Выбор структурного типа и исправление композиционных ошибок в рассуждении.

Рассуждение принято считать самым сложным типом текста и по цели, и по структуре. «Цель рассуждения — исследование, обобщение знаний о действительности, выяснение причин явлений, обоснование выводов, доказательство истинности или ложности определённых положений» (К. М. Накорякова). Правила расположения частей рассуждения сформулированы ещё в старинных риториках. В «Кратком руководстве к красноречию» М. В. Ломоносова читаем: «Предложенную тему должно изъяснить довольно, ежели она того требует... По изъяснении оную доказать несомненными доводами, которые располагаются таким образом, чтобы сильные были наперед, которые послабее, те в середине, а самые сильные на конце. К доказательствам присовокупить возбуждение или утоление страсти, какой материя требует...» (то есть выразить чувства, соответствующие обсуждаемому предмету).

Давно разработана и подробная система доказательств, применяемая в классическом рассуждении, или хрии: «Хрия состоит из осьми частей, которые суть: 1) приступ, 2) парафразис, 3) причина, 4) противное, 5) подобие, 6) пример, 7) свидетельство, 8) заключение. В первой части похвален или описан быть должен тот, кто оную речь сказал или дело сделал, что соединяется с темою хрии. Во второй изъясняется предложенная тема чрез распространения. В третьей присовокупляется довольноная к доказательству темы причина». Затем приводятся возможные возражения, потом — поясняющее сравнение; следующие способы доказательства — исторический пример и ссылка на мнение или учение древних авторов, цитата или афоризм. В конце — «краткое увещательное заключение всего слова».

Наличие обязательных элементов вовсе не означает, однако, что все тексты данного типа строятся по единой схеме. Композиция рассуждения может быть более или менее сложной, она выбирается в зависимости от количества тезисов, характера связи между ними, количества и видов доказательств.

Но в любом случае текст должен быть максимально ясным, чтобы читатель или слушатель без труда воспринимал его структуру: различал тезисы и доказательства, понимал, где заканчивается один компонент и начинается другой, и т. д. Такой ясности служат специальные слова, преимущественно вводные.

Пример 1.

Рассмотрим текст.

Слово может расширять свое значение. **Кров** этимологически означает «крышу», но в сочетаниях типа *гостеприимный кров* или *делить хлеб и кров* это слово имеет уже более широкое значение «дом». В основе подобного рода изменений нередко лежит обычай называть в речи часть вместо целого.

В других случаях значение слова может сузиться. Более древним значением слова **порох** было 'пыль', **порошок** — уменьшительное от **порох**. Но в современном русском языке далеко не всякий порошок является порохом, а только тот, который представляет собой особое взрывчатое вещество. Слово **порох** сузило своё значение.

(По Ю. Откупщикову)

Текст, в общем, понятен. Понятна и его структура: первые предложения каждого абзаца — тезисы, дальше доказательства-примеры; последние предложения содержат комментарий — в первом абзаце обобщение, во втором — пояснение того, что пример действительно служит доказательством тезиса. Но если выявить переход от одного компонента к другому, текст будет восприниматься легче. Стоит выделить доказательства с помощью вводных слов, то есть начать вторые предложения словами *например, скажем, так*. Роль последнего предложения можно подчеркнуть, поставив в его начале *таким образом* или *иными словами* (правда, использование второго варианта порождает новую речевую проблему — повтор слова *слово*).

С добавлениями текст выглядит так:

Слово может расширять свое значение. Скажем, *кров* этимологически означает «крышу», но в сочетаниях типа *гостеприимный кров* или *делить хлеб и кров* это слово имеет уже более широкое значение «дом». В основе подобного рода изменений нередко лежит обычай называть в речи часть вместо целого.

В других случаях значение слова может сузиться. Например, более древним значением слова **порох** было «пыль», **порошок** — уменьшительное от **порох**. Но в современном русском языке далеко не всякий порошок является порохом, а только тот, который представляет собой особое взрывчатое вещество. Таким образом, слово **порох** сузило своё значение.

Теперь виднее, что стоит внести ещё одно усовершенствование — подчеркнуть, что второй тезис по значению противоположен первому. Тут пригодятся вводные слова *наоборот* или *напротив*: *В других случаях, напротив, значение слова может сузиться*. И наконец, может быть, все точки над *i* расставит более общий, объединяющий тезис,

например: *Из истории языка известно, что значение многих слов со временем изменилось.* Такое предложение нужно поставить в начало.

Мы поработали над текстом, в котором есть

- 1) одна основная мысль,
- 2) две «подмысли», её конкретизирующие, указывающие на противоположные явления,
- 3) примеры, доказывающие справедливость каждой из «подмыслей».

Структурную схему такого высказывания можно представить так:

Т(тезис)

Т1; скажем, например, так, Д(доказательство-пример)

(Напротив)

Т2; скажем, например, так, Д

Если основная мысль (Т) проста и очевидна, ее формулировку в начале рассуждения можно опустить; связь между «подмыслями» может быть иной, тогда они будут соединяться не вводным словом *напротив*, а как-нибудь иначе.

И тем не менее все тексты этого типа создаются (по сознательному авторскому выбору или интуитивно) в рамках приведённой простой схемы (см., например, упр. 42 книги «Учимся понимать и строить текст»).

Нам неизвестно, существует ли описание всех основных композиционных схем и их вариаций. Но то, что объективно существуют такого рода схемы, не вызывает сомнений: они постоянно воспроизводятся в хороших научных или публицистических текстах.

Рассмотрим ещё несколько структур рассуждения.

Если задачей рассуждения является анализ чужой мысли, текст обычно строится так: сначала приводится формулировка этой мысли и самые убедительные ее доказательства, потом — возможные возражения (по терминологии М. В. Ломоносова, «противное»), в конце вывод автора о том, насколько верно оказалось анализируемое утверждение. В зависимости от того, подтверждается или опровергается первоначальный тезис, выбирается одна из двух схем:

а) Принято считать, что (Большинство людей полагает... Обычно говорят... Многие думают, уверены...) — И действительно... (Во-первых... во-вторых...) Правда... (Конечно...) И всё-таки... (**Тезис остаётся в силе**).

б) Принято считать, что (Большинство людей полагает... Обычно говорят... Многие думают, уверены...) — И действительно... (Во-первых... во-вторых...) Однако (С другой стороны...) Так что (Значит) (**Тезис уточняется или даже опровергается**).

Анализируя хорошо построенные тексты, задача которых — как можно более объективно представить какое-либо явление и высказать своё суждение о нём, можно выявить оптимальную структуру для сочинений такого рода. Она такова: сначала нужно рассказать о причинах или обстоятельствах возникновения явления (или о цели создания), потом изложить его суть, воздерживаясь от оценок; потом, если явление вам представляется в целом положительным, сказать о его слабых или уязвимых сторонах, чтобы закончить признанием его важности, нужности, полезности и т. п.; и наоборот, если автор считает явление скорее вредным, чем полезным, следует, прежде чем это сообщить, сначала перечислить его истинные или кажущиеся достоинства.

Ученики, приступая к сочинению, сознательно или бессознательно ориентируются на известные им схемы. И некоторые ошибки в их работах можно объяснить или отступлением от выбранной схемы, или неправильным выбором.

Пример 2.

Множество писателей и поэтов, описавших русский быт в поместьях, усадьбах, сёлах и деревнях, часто придумывают им названия, но, тем не менее место действия всего происходящего — Россия. Например, Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» даёт деревням «говорящие» названия: Горелово, Неелово, Неурожайка и тому подобные. Важно то, что место действия — наша страна, ведь поэма рассказывает о крепостном праве, о русских сословиях. Образы крестьян и их деревень — собирательные, но, тем не менее, описанные в поэме события могли случиться в любой реально существующей деревне России.

Иногда писатели намеренно дают существующим городам или деревням вымышленные названия. Примером может послужить «История одного города» Салтыкова-Щедрина, где в зашифрованной и иносказательной форме описана Россия и её монархи (под видом губернаторов города Глухова).

В этом фрагменте ученической работы можно угадать схему из примера 1: два абзаца — два тезиса с доказательствами-примерами. При внешней чёткости структуры что-то в тексте сразустораживает: часто из первого абзаца и иногда из второго выглядят контекстными антонимами, но не удаётся понять, в чём смысл противопоставления и чем вообще различаются тезисы. Может показаться, что в первом абзаце идёт речь об условном месте действия, а во втором — о реальных городах, скрытых под вымышленными названиями. Однако при внимательном чтении доказательств обнаруживается, что отличия второго тезиса от первого — мнимые, а значит, схема выбрана непра-

вильно: здесь должен быть один тезис и к нему два примера-доказательства.

Пример 3.

Принято считать, что русские предприниматели, начавшие своё дело сразу после перестройки, или, как говорят в народе, «новые русские», — люди очень необразованные, грубые и наглые. И действительно, часто встречаются такие маленькие, лысенькие и толстенькие людишки в пиджаках, развезжающие на джипах (абсолютно необязательная машина для города), по поведению которых можно подумать, что они считают себя пупом земли.

Однако так ведут себя далеко не все бизнесмены. Более того, наиболее крупные дельцы обычно бывают людьми образованными, интеллигентными, обходительными, а наглецы, в основном, не развивают крупного дела и быстро прогорают.

Так что не стоит соглашаться с народным мнением, выдающим зависть людей, его высказывающих.

Цель этого короткого ученического рассуждения — анализ и опровержение чужой мысли, композиционная схема выбрана правильно, работа выглядит чёткой и логичной. Но в ней есть существенный дефект, который выявляется, если применить приём свёртывания суждений: *Принято считать, что «новые русские» — люди необразованные и наглые. И действительно, такие часто встречаются. Но крупные дельцы обычно образованные и обходительные, а наглецы обычно быстро прогорают.* Оказывается, в работе отсутствует доказательство тезиса об образованных бизнесменах. Конкретные примеры здесь подменены общими словами, то есть автор всё-таки не сумел до конца следовать правильно выбранной схеме.

Рассмотрим более сложный случай.

Пример 4.

Принято считать, что автомобиль — самое опасное средство передвижения. Действительно, количество погибших в автомобильных авариях ужасает. Пять лет подряд в Нью-Йорке число таких смертей перегоняло число жертв инфарктов и инсультов. Максимальная скорость среднестатистического автомобиля возрастает с каждым годом вместе с количеством жертв автомобильных дорог.

Правда, по статистике, восемьдесят процентов погибших были не пристёгнуты ремнями безопасности. Каждый день происходят тысячи аварий, виновниками которых стали водители в нетрезвом состоянии.

Так что стоит хорошо задуматься: может ли автомобиль стать безопасным, если им пользоваться правильно. Ведь до того времени,

когда мистер Отис изобрёл безопасный лифт, аварии в лифтовых шахтах происходили очень часто, а теперь лифт — самое безопасное средство передвижения. Может быть, всё дело в безответственности большинства автомобильных производителей? Но во всех странах принят закон о безопасности автомобильного транспорта, так что автомобильные концерны просто не могут относиться к проблемам безопасности халатно. Значит, видимо, всё дело в отношении водителей к вождению, и его изменение — важная задача правительства всех стран.

Цель работы — анализ чужой мысли и её уточнение (частичное опровержение).

Мысль ученика, написавшего приведенное рассуждение, в общем, понятна, но выражена довольно сбивчиво, невнятность порождена композиционными ошибками. Прежде чем представить редакторский анализ, приведём отредактированный вариант.

Принято считать, что автомобиль — самое опасное средство передвижения. Действительно, количество погибших в автомобильных авариях ужасает. Пять лет подряд в Нью-Йорке число таких смертей перегоняло число жертв инфарктов и инсультов. Количество жертв автомобильных дорог возрастает с каждым годом вместе с максимальной скоростью среднестатистического автомобиля.

Может быть, все дело в безответственности большинства автомобильных производителей? Ведь до того времени, когда мистер Отис изобрёл безопасный лифт, аварии в лифтовых шахтах происходили очень часто, а теперь лифт — самое безопасное средство передвижения. Но во всех странах принят закон о безопасности автомобильного транспорта, так что автомобильные концерны просто не могут относиться к проблемам безопасности халатно. Причина огромного количества несчастных случаев на дорогах в другом.

По статистике, восемьдесят процентов погибших были не пристёгнуты ремнями безопасности. Каждый день происходят тысячи аварий, виновниками которых стали водители в нетрезвом состоянии.

Значит, видимо, все дело в отношении водителей к вождению. Необходимо его изменить. Автомобиль может стать безопасным, если им пользоваться правильно. Поблиять на поведение водителей и тем сберечь жизни своих сограждан — важная задача правительств всех стран.

Внимательный читатель наверняка заметит, что второй вариант, понятный и логичный, почти не содержит слов и предложений, отсутствующих в первом варианте. Добавлены только связки *Причина огромного количества несчастных случаев на дорогах в другом* и *Необходимо*

его изменить и чуть-чуть расширен вывод. Главные исправления, радикально улучшившие текст, — композиционные.

Разберёмся в его элементах (по первому варианту). В тексте есть первый тезис — *Принято считать, что автомобиль — самое опасное средство передвижения* — и его доказательство, вводимое словом *действительно*, — остальные предложения абзаца. Далее рассматриваются причины того, что автомобиль так опасен. Второй тезис — предположение о возможной безответственности производителей, он подкрепляется примером с лифтами Отиса и опровергается сообщением о законах. Третий — *Значит, видимо, всё дело в отношении водителей к вождению*, — и есть окончательное суждение, высказанное в данном тексте. Доказательства этого тезиса содержатся во втором абзаце первоначального текста.

Основные исправления, внесённые в текст, восстанавливают структурную схему: сначала рассматривается предположение, которое будет опровергнуто, а потом то, которое автор считает правильным. Можно было сделать и иначе: сразу твёрдо и решительно высказать и доказать правильный тезис, а потом сказать, что другие мнения нетрудно опровергнуть. В любом случае нельзя отрывать тезисы от доказательств. Другая важная группа исправлений связана со специальными словами — союзами и вводными словами, — подчёркивающими логические связи и оформляющими ту или иную структуру. Некоторые из этих слов в первоначальном тексте использованы неправильно. Неуместно в начале второго абзаца слово *правда*, обычно указывающее на то, что приводимые дальше возражения не могут всерьёз повлиять на вывод. Неправильно употреблены в третьем абзаце союз следствия *так что* и союз *ведь*, который, по Ожегову, обычно указывает на причину, основание предшествующего утверждения.

Напоследок вкратце остановимся на ещё одной группе возможных структурных схем — на вариантах построения сравнения. Если нужно создать просто сравнительное описание, то важно последовательно придерживаться одного из двух основных композиционных принципов: либо сначала рассказывать по определённому плану об одном объекте сравнения, а потом по этому же плану о другом, либо по каждому пункту параллельно рассматривать оба объекта. Но если сравнение нам нужно для того, чтобы глубже понять каждое из сравниваемых явлений, чтобы потом сделать вывод о причинах совпадений или расхождений, лучше придерживаться такой схемы: сначала сказать об основаниях для сравнения, затем о том, что представляется безусловно сходным, потом — о существенных различиях и, наконец, о тонких различиях в том, что на первый взгляд представлялось сходным или даже совпадающим.

Мы рассмотрели лишь малую часть простейших композиционных схем рассуждения, для того чтобы обозначить проблему и показать пути её решения. Повторим: чтобы проверить, правильно ли построен текст, надо чётко осознать, какие компоненты в нём содержатся и какова логика их взаимного расположения. Иногда простая перестановка частей оказывается очень эффективным путём улучшения текста.

О причинах речевых искажений реальности

Игорь Алексеевич Шаронов

Слова даны нам для передачи друг другу информации о мире. Слова называют предметы. Однако в речи мы часто и даже порой с удовольствием искажаем словами ситуацию. Когда мы это делаем? Ну, например, когда говорим неправду. Это предосудительно. Всем известно, что лгать нехорошо. Правда, из этой аксиомы есть как минимум два исключения.

Первое исключение — это так называемая «святая ложь». В нашей культуре не принято говорить правду смертельно больному человеку. С такими случаями каждый из нас встречается, к счастью, не часто, а вот как отказаться от приглашения в гости, чтобы не обидеть хозяина? Сказать просто «нет!» невозможно. В культуре и в этикете есть неписаное правило о любви к ближнему. Эта главная христианская заповедь прочно скрепляет социальные связи между людьми, и открыто продемонстрировать своё безразличие, неуважение к родственникам, друзьям или коллегам означает продемонстрировать собственную невоспитанность. Поэтому, отказываясь от приглашения, оказывается правильное выразить сожаление (*я бы очень хотел прийти*) и указать, на худой конец — намекнуть на объективные причины, стоящие на пути вашего желания. Маленькая ложь такого рода не нанесёт большого вреда и позволит сохранять с людьми хорошие отношения.

Безвредная, бесцельная ложь также не столь предосудительна, её называют враньём, враками, болтовнёй, чепухой, сказками, в ней реальность перемешивается с домыслами, фантазиями, и даже со стихийным творчеством. Она может носить развлекательный характер, как в ситуации, описанной Даниилом Хармсом в его детском стихке «Врун»:

А вы знаете, что У?	— Ну! Ну! Ну! Ну!
А вы знаете, что ПА?	Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!
А вы знаете, что ПЫ?	Ещё двадцать,
Что у папы моего	Ещё тридцать,
Было сорок сыновей?	Ну ещё туда-сюда,
Было сорок здоровенных	А уж сорок,
И не двадцать,	Ровно сорок, —
И не тридцать,	Это просто ерунда!
Ровно сорок сыновей!	

Типичные реакции на такого рода утверждения — это или вопросы, призывающие собеседника быть точнее, аккуратнее в своих описаниях: *в самом деле? правда? точно? так-таки и нет?, ой ли?,* либо полусушительные попытки утихомирить фантазию говорящего: *перестань, в самом*

деле!, да брось ты, да ладно, да полно!, врешь ты всё!, ври больше!, Мели, Емеля, твоя неделя!

Второе исключение касается субъективной интерпретации реальных событий или фактов. Смелчаку и океан покажется лужицей, а робкий видит в таракане крокодила. Преувеличение и преуменьшение — это тоже искажение реальности, хотя и меньшее, чем ложь. Для преувеличения используется такой языковой приём, как гипербола.

Гипербола (из греческого — преувеличение) — приём, который основан на изображении признаков предмета в сильно преувеличенном виде для усиления впечатления. Отличить гиперболу от лжи — задача не всегда простая. Рассмотрим, например, утверждения небезызвестного персонажа «Мёртвых душ» Ноздрёва:

1. *Я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского.* Правда это или ложь? Ну, скажем, не семнадцать, но пару бутылок выпить он вполне мог. Не обвиняем же мы во лжи рыбаков, которые поймали во-от такую щуку! Наверняка они что-то поймали, и скорее всего щуку, а не пескаря. А то, что со временем щука увеличилась вдвое, так это не ложь, а так, неважно. . .

2. *Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве.* Что, правда повесил бы? Конечно, нет, но всё равно почему-то неприятно. А неприятно потому, что недовольство говорящего искренне. Повесить бы не повесил, но уж наказал бы точно.

Отделить в эмоциональных высказываниях правду от искажений нелегко. И с этой точки зрения достаточно знаменательна фраза Городничего из пьесы «Ревизор» того же автора, произнесённая после того, как Хлестаков «нарисовал» красивую картинку своего положения и своей жизни в Петербурге. Городничий, конечно же, поверил не всему, что наплёл Хлестаков. Однако где тут ложь, где гипербола, а где правда? Хлестаков действительно живёт в Петербурге, а как насчёт всего остального? «Ну что, — рассуждает Городничий, — если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь».

Есть языковые приёмы, которые изучаются преимущественно в риторике, которые называются там тропами и которые предназначены для того, чтобы исказить реальность. К таким тропам относятся антифраза, ирония, гипербола, литота, аллегория, эвфемизм и др.

Троп служит для определённого искажения информации. Так, эвфемизм что-либо «плохое» заменяет на его более приемлемый вариант, гипербола сильно и намеренно преувеличивает признак предмета, литота признак предмета преуменьшает и т. д. В ряде случаев троп вводит заведомо ложную информацию, например, при иронии, антифразисе.

В чём отличие тропа от простого обмана? Носитель языка знает о них из практики и учитывает их при осмыслении высказывания. Проблема в том, что они не имеют формальных показателей в тексте. Именно в силу этого обстоятельства их обнаружение и понимание представляются затруднёнными.

По наблюдению О. П. Ермаковой и Е. А. Земской, если учительница в очень мягкой форме говорит на родительском собрании, что ребёнок «не совсем внимателен иногда на уроках математики», то, придя домой, его мать скажет что-нибудь вроде: «Учительница тебя страшно ругала, ты, оказывается, ужасно невнимателен на математике».

В официальной прессе «генеральная» линия в политике страны часто формулируется с помощью иносказательных оборотов речи, которые обыватель склонен бывает переводить исходя из знакомства с политическим раскладом. Эта практика была в ходу во времена Советского Союза и периодически «работает» при анализе современной прессы. Например, если пишут, что выборы в определённой стране прошли честно и без нарушений, значит, победу одержал официально поддерживаемый кандидат. Если говорят, что они прошли грязно и с тотальными нарушениями, значит, победу одержал лидер оппозиции. Язык полунамеков и недосказанностей, требующий специальной интерпретации, со времён античности принято называть Эзоповым языком.

Тропы и другие «искажающие» средства языка могут быть использованы для получения различных эффектов: для создания неформального, игрового общения (каламбуры), для усиления выразительности речи, привлекательности текста и т. д.

Искажения реальности в общении, и шире — в социальном взаимодействии, требует так называемый **Принцип вежливости**. Один из его постулатов звучит следующим образом: «Сводите к минимуму выражение невежливых суждений, доводите до максимума выражение вежливых суждений».

Вежливым считается сказать или сделать нечто приятное для собеседника, невежливым — наоборот. В этом смысле вежливость по своей природе асимметрична: то, что принимается вежливым по отношению к адресату, может оказаться невежливым с точки зрения адресата по отношению к говорящему. Говорящий считает вежливым предложить что-либо адресату. Слушающий же считает вежливым отказаться от предложения. Вследствие этого возникают прагматические парадоксы вежливости, своеобразная «комедия бездействия», когда собеседники не хотят уступать в вежливости друг другу, пытаясь пропустить в комнату один другого.

Вежливость помогает избежать конфликтов при разнонаправленности желаний участников ситуации.

Вот некоторые так называемые максимы принципа вежливости:

Максима такта: своди к минимуму усилия другого, доводи до максимума выгоду другого.

С позиций этой максимы можно объяснить нетактичность продавщицы в следующей ситуации:

Покупатель: — *После обеда у вас будет сахар?*

Продавщица: — *У нас обед!*

Максима одобрения собеседника или третьего лица: избегай неодобрения других, стремись одобрять других.

В качестве примера можно вспомнить уже приведённый выше пример с учителем и родителем невнимательного ребёнка. Учительница при передаче информации использовала такой троп, как литота (в переводе с греческого — простота, малость, умеренность), то есть смягчение обозначения каких-либо (обычно отрицательных) качеств или свойств. Наиболее часто литота строится на отрицании обратного признака. Вместо того, чтобы сказать: *он коротышка*, говорят: *он не гигант*. Такая некатегоричность позволяет осторожно выражать мысли, способные кого-либо обидеть.

Максима одобрения собеседника дополняется **Максимой скромности по отношению к себе:** избегай похвал самого себя и ближних перед кем-либо далёким, стремись к отрицательным самооценкам.

Чтобы не хвастаться отличным положением дел, вежливо сказать уклончиво: *Пожаловаться не могу*.

Чтобы узнать, вкусный ли получился суп, вежливая хозяйка спросит: *Ну как, суп получился сдобным?*

Знание принципов вежливости, умение использовать и понимать тропы входит в языковую компетенцию носителя языка, является непременным атрибутом культурного и воспитанного человека, члена социума.

Междометия: две формы бытия

Игорь Алексеевич Шаронов

Междометие — *interjectio* — брошенное между (словами, предложениями). Это часть речи, которая а) ничего не называет, б) не служит для связи слов в предложении, в) не включается в синтаксический разбор предложения. С лингвистической точки зрения — это отрицающая все классификационные признаки часть речи. Поэтому её либо официально исключают из языка, либо не учитывают при построении лингвистических теорий. Немецкий лингвист М. Мюллер писал: «Язык начинается там, где кончаются междометия».

А зачем междометия нужны? Авторы вставляют их в текст для оживления диалогов, для выражения эмоционального состояния персонажей. Лингвисты работают с текстами, исходя из того, что любой знак текста должен быть описан, лексикографы любые текстовые знаки, кроме пунктуационных, вводят в словарь. Однако лексикографическое описание таких слов сильно отличается от других слов, описываемых в словаре. Открытая многозначность междометий, которую фиксируют лексикографы, делает процесс толкования междометий занятием скорее формальным, несодержательным, бессмысленным. Возникает порочный круг — описывать междометия для полноты картины надо, а нормального описания не получается.

Чтобы выйти из любого порочного круга, необходимо выйти из заданных заранее пределов, подняться над областью анализа, расширив тем самым обзор. Более широкой областью, куда лингвистика входит лишь как составная её часть, является область семиотики, антропологии, этологии и некоторых других социальных наук, занимающихся человеком, обществом и коммуникацией в широком смысле этого слова. В этих науках мы встречаем слово «междометие», которое трактуется там не совсем как обычное слово.

Семиотическая теория знака: знак символ (условная связь знака с предметом, принятая всем языковым сообществом), знак икона (фактическое сходство знака и предмета) и знак индекс, или симптом (смежность знака и предмета). Обычные слова — символы, так как отношения между смыслом и звучанием слова условны и приняты всем языковым сообществом: слова *gorod, town, die Burg* и т. п. называют один и тот же объект по-разному.

Междометия в семиотике относят к знакам симптомам. Они не называют, а выражают внутреннее состояние своего носителя. К симптомам относятся наряду с междометиями не- или слабоконтролируемая мимика и эмоциональные жесты. Симптомы специально никому

не адресованы, в отличие от речевых высказываний и предложений. Междометия в устной речи соотносятся с так называемыми «вокальными жестами». Какие бывают вокальные жесты? Это разного рода вздохи, вскрикивания, причмокивания, свист, и тому подобные звучания. Давайте посмотрим в словаре С. А. Кузнецова [Кузнецов 2001], отчего можно вздохнуть? А «крякнуть»?

ВЗДЫХАТЬ (в одном из значений) о ком, чём — ‘тосковать, горевать, грустить’.

КРЯКАТЬ (в одном из значений) — ‘издавать отрывистые горловые звуки (обычно как выражение удовлетворения, удовольствия или досады, возмущения и т. д.)’.

ЦОКАТЬ — ‘издавать короткие, прищёлкивающие звуки языком, выражая досаду, недоумение, удовольствие и т. п.’

ПРИЧМОКИВАТЬ — ‘издавать короткие чмокающие звуки губами (обычно в знак удовольствия, удивления и т. п.)’.

ПРИСВИСТНУТЬ (в одном из значений) — ‘выразить свистом что-л. (какое-л. чувство)’.

Междометия, или вокальные жесты, — это неязыковые, или «диффузные» звуки, как их называл академик Лев Владимирович Щерба. Ср. описание В. Набоковым слова «ага»:

*«Книжку читаете? — заметил Родион, светясь добротой. — Дело хорошее». Цинциннат, не поднимая глаз со страницы, издал **мычание, утвердительный ямб.***

(В. Набоков. Приглашение на казнь)

Итак, междометия хорошо, полнокровно живут в устной речи, где они благодаря интонации и вместе с мимикой и жестом более или менее однозначно воспринимаются собеседниками. В письменной речи интонации нет, многих звуков нет, а описания жеста и мимики даются не всегда. Поэтому мы можем не понять или неправильно понять междометия в тексте, хотя в устной речи, скорее всего, не ошибёмся в их понимании. Более того, для коммуникации вокальные жесты, как и другие средства симптоматики, бывают очень нужны и полезны.

Мама спокойно и внимательно выслушивала этот бесконечный монолог, иногда утвердительно кивала головой, а иногда произносила: «Ай!» — и это значило, что она не одобряет. (Л. Утёсов. Спасибо, сердце!).

— «*Неужели мошенники?*» — тревожно спросил у гостя маг, — *неужели среди москвичей есть мошенники?*». В ответ буфетчик **так горько улыбнулся**, что отпали все сомнения: **да**, среди москвичей есть мошенники. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Английский лингвист О. Есперсен указывает на невозможность представить некоторые междометия средствами алфавита. К ним, например, относятся импловзивные междометия, основанные на шумном вдохе. Однако междометия участвуют в коммуникации, поэтому их нужно уметь передавать и на письме. Знаменитый русский лингвист середины 20-го века А. А. Реформатский говорил о «фонологическом сите», сквозь которое пропускают в каждом языке междометия, модифицируя их в соответствии с законами конкретного языка.

Приспосабливают к языку не только междометия, но и другие неязыковые звуки. Какие же? Звукоподражания. Это иконические знаки. Они при помощи фонем языка передают звуки животных и звуки природы. В каждом конкретном языке они конвенциональны, то есть при сохранении похожести к природным звукам, всё же имеют вполне определённую языковую форму. По такой устойчивой форме можно легко определить животное. Всем с детства известно, кто носитель звуков *хрю-хрю*, *гав-гав*, *муу*, *иг-го*, *кря-кря*, *га-га-га*, *бее*, *мее*. А что было бы, если бы устойчивой формы не было? Вспомним стихотворение К. И. Чуковского «Путаница»: «*Замяукали котятка, / Надоело нам мяукать! / Мы хотим, как поросята, / Хрюкать!*».

Междометия, в отличие от звукоподражаний, слабо конвенциональные знаки. Твёрдых правил передачи того или иного вокального жеста в языке не существует. Вы встречали в грамматике правило: «передавая вдох, пиши **ОХ**, а передавая страх, пиши **АХ**»? Лично мне не приходилось. А как передать средствами языка человеческое «кряканье»? А брезгливость? Нет однозначности! В звучаниях, близких к языковым звукам, писатель пытается наиболее точно иконически передать звучание, чтобы приблизить описание к реальности, и поэтому один и тот же вокальный жест передаётся каждый раз немного иначе. Вокальный жест брезгливости, острого недовольства, разочарования в чём-либо передаётся разными вариантами: *Фу*, *тьфу*, *бва*, *ффф*, *фрр*, *ууу*. А в звучаниях, далёких от языковых звуков, может наблюдаться просто языковое творчество, каждый передаёт вокальные жесты кто во что горазд.

Лингвисты же получают на выходе различные написания, которые они должны фиксировать в словарях. Когда лексикографы встречаются в тексте авторские нововведения, это полбеды. Это так называемые

окказионализмы, случайные написания, на которые можно не обращать внимания. Однако чаще авторы используют привычные междометия для передачи своих вокальных жестов, не очень задумываясь, что они делают. Посмотрим на резкий импловзивный вдох при испуге, растерянности — наверно, самый неконтролируемый и достаточно частотный вокальный жест. [Демонстрация видеофрагментов, иллюстрирующих вокальный жест испуга, растерянности]

А теперь посмотрим, как этот вокальный жест в ситуации неожиданности, внезапного испуга передаётся на письме.

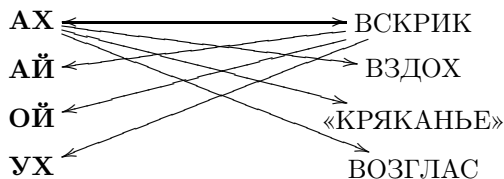
На дорогу выпрыгнула мужская коренастая фигура, и что-то блеснуло у неё в руке и тотчас потухло. Иуда шарахнулся назад и слабо вскрикнул: — «Ах!». (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Волк вынул из кармана чёрный, смазанный машинным маслом браунинг и направил его на Василису. Ванда тихонько вскрикнула: «Ай!». (М. Булгаков. Белая гвардия).

Она смотрит на Верочку пытливо, и Верочка избегает её взгляда, и вдруг... Погас свет. — «Ой!» — ойкает вся палата. (Р. Зернова. Ведьмы).

Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: «Ух!» и прекрестился. (Н. Гоголь. Шинель).

Итак, **один вокальный жест передаётся разными** и достаточно привычными **междометиями**. Но этого мало! Каждое привычное, частотное **междометие передаёт разные вокальные жесты!** **АХ** может передавать, например, также и вздох, и «кряканье» от безразличия, **АЙ** может передавать крик от боли, **ОЙ** может передавать тяжёлый стон и т. д. Конечно, все они очень разные вокальные жесты и по смыслу, и по способу произнесения, которые мы легко различаем в устной форме. Но в письменной передаче они сливаются в один знак. Вот и одно из объяснений, почему все словарные толкования противоречивы и неопределённы.

Итак, какие выводы можно сделать из сказанного? Их много, и один из них заключается в том, что мы выявляем механизм восприятия междометия в письменном тексте. Понять междометие — это осознать и мысленно воспроизвести стоящий за ним вокальный жест. Если это удаётся, мы понимаем значение междометия и его функцию в ситуации.

Возьмём несколько трудных литературных примеров с нестандартными междометиями для идентификации. Если мы будем произносить междометия так, как они написаны в тексте, мы ничего не поймём. Но если мы «угадаем» стоящие за ними вокальные жесты и мысленно произнесём их, нам станет понятна вся ситуация, мы как бы увидим её внутренним взором.

— *Ваша благородия, там денщик стоит. Спрашивает: будешь писать ответ? «Вот так-так!» Ромашов вытаращил глаза и слегка присел. «Ссс... Надо бы ему на чай, а у меня ничего нет». Он с недоумением посмотрел на денщика.* (А. Куприн. Поединок).

Мне не понравился главнокомандующий — мелочный человек, глупый... Широты — нуль... Йохан Хенсен произнёс презрительно — Псс! (А. Толстой. Пример из 17-томн. Словаря современного русского литературного языка).

— *«Ммм...»* — проговорила барышня, разочарованно опускающая руки. — *Начало хорошо, а кончили бог знает как...* (А. Чехов. То была она).

Ц-ц-ц-ц! — *огорчился Анискин. — Это ведь подумать!* (В. Липатов. Деревенский детектив).

Староста вылезает из-за стола, зажигает о колесо спичку и почтительно подносит её к трубке жандарма. «Ффф... — сердится жандарм. — Серы полный нос напустил!» (А. Чехов. Суд).

Литература

Müller, M. Lectures on the Science of Language. New York: Charles Scribner. 1862.

Шерба Л. В. О «диффузных» звуках // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 147–149.

Jespersen, O. The Philosophy of Grammar. New York: W. W. Norton and Company. 1965.

Реформатский А. А. Неканоническая фонетика // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1966. С. 96–109.

Современный толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2001.

«Картина мира» русского анекдота

*Елена Яковлевна Шмелёва,
Алексей Дмитриевич Шмелёв*

1. Русский анекдот как речевой жанр

В русском языке XIX в. слово *анекдот* обозначало происшествие, событие необычного характера или краткий рассказ о таком происшествии — обычно с неожиданной или остроумной концовкой. В русской дворянской культуре в середине XVIII в. в ходе усвоения европейской (в первую очередь — французской) традиции появился новый жанр светской беседы — исторический анекдот (короткая, смешная, нередко нравоучительная история о необычном действительном — или выдаваемом за действительное — событии, происшествии из жизни исторического лица). Своего расцвета этот речевой жанр достиг в середине двадцатых — начале тридцатых годов XIX в., когда установились его традиции, внутренние законы, репертуар сюжетов, круг и основные типы рассказчиков. С другой стороны, в это же время после выступления заговорщиков 14 декабря 1825 г. произошло видоизменение устной словесной культуры русского общества, перестройка системы речевых жанров, что естественным образом воспринимается носителями дворянской культуры как утрата искусства общения. Вместе с салонной беседой ушёл в небытие устный жанр — рассказывание исторических анекдотов, однако, как это часто бывает, он исчезает не бесследно, превращается в популярный литературный жанр.

В самом начале двадцатого века в русской языковой культуре возник и в 20–30-ые годы распространился новый тип фамильярного и семейно-бытового общения — пересказ коротких смешных историй, повествующих о вымышленных происшествиях и рассчитанных на то, чтобы позабавить слушателей. Эти происшествия обычно совершенно неправдоподобны, и слушатели прекрасно понимают, что история является вымыслом. В это время и появляется новое значение слова *анекдот* — короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой, в котором действуют постоянные персонажи, известные всем носителям русского языка. Хотя в последние годы удельный вес речевого жанра анекдота в нашей культуре несколько снизился, мы можем с уверенностью утверждать, что в русской культуре анекдот занимает своё особое место и обладает уникальными языковыми характеристиками.

Анекдот отличается от большинства других речевых жанров тем, что рассказчик (субъект речевого жанра) никогда не претендует на авторство текста анекдота. Когда человек *шутит*, это предполагает, что он сам придумал шутку, — пересказать чужую шутку не значит пошутить самому. Конечно, может случиться, что человек повторяет чужую шутку, делая вид, что придумал её сам. Однако в случаях такого рода субъект скрывает заимствование чужого текста — иначе речевой жанр разрушится. Напротив того, если даже человек сам придумал анекдот, он должен рассказывать его как услышанный от других людей и предварять предупреждением о том, что далее последует анекдот (т. е. такими фразами, как, например, *Слышал анекдот о... ?*; *Кстати, знаете анекдот... ?*; *Давай / Давайте расскажу анекдот... ; А вот ещё анекдот на эту тему* и т. д.). Наличие таких предваряющих анекдот фраз является важным признаком, отличающим данный речевой жанр от речевого жанра шутки (действительно, шутки никогда не предваряются «метатекстовым» вводом **Я сейчас пошучу; *Давайте я пошучу* и т. п. — лишь в случае если адресат речи не понял, что имела место реализация жанра шутки, говорящий *post factum* может сказать: *Шутка!*; *Да это я шучу; Я пошутил* или что-нибудь в этом роде).

Рассказываемый анекдот не порождается заново, а воспроизводится. При этом, хотя рассказчик подаёт анекдот как услышанный от других, он одновременно рассчитывает, что анекдот неизвестен аудитории, что слушатели (по крайней мере, часть из них) его ранее не слышали (то есть анекдот должен быть «новым»). Если анекдот оказался известен всем слушателям, то можно считать, что рассказывание анекдота состоялось (и в этом смысле жанр не разрушен), но оказалось «неудачным».

Если говорящий считает, что анекдот известен слушателям, он может прибегнуть к другому речевому жанру, который можно было бы назвать «напоминание анекдота». При напоминании анекдота иногда прибегают к прямому цитированию (анекдоты представляют собою один из самых мощных источников «крылатых слов»), а иногда используют косвенные ссылки (например, *Это как в том анекдоте; Помнишь анекдот... ?; Ты как тот раввин... и т. п.*). Надобно заметить, что в последние годы напоминание и цитирование анекдотов начинает вытесняться из системы речевых жанров собственно рассказывание анекдота.

В речевом жанре *рассказывания анекдота* используется текст, построенный по особым правилам. В нём выделяются различные языковые слои: предваряющий «метатекстовый» ввод и собственно текст анекдота, в котором в свою очередь можно выделить два языковых слоя — текст «от автора» и речь персонажей анекдота. Текст от автора в русском анекдоте обладает целым рядом особенностей. В нём почти исключительно используется настоящее время глагола (а также, при

определённых условиях, прошедшее время глаголов совершенного вида в результативном значении). Эта особенность связана с близостью анекдота народному театру: используя так называемое «настоящее изображение», рассказчик представляет действие как бы разворачивающимся в данный момент перед глазами зрителей³⁹. Типичное начало анекдота — предложение, начинающееся глаголом в настоящем времени, за ним следует подлежащее, затем — все второстепенные члены предложения.

Современный городской анекдот характеризуется относительно постоянным набором возможных персонажей (около четырёх-пяти десятков), имеющих стабильные речевые и поведенческие характеристики, известные всем носителям русского языка, и потому не нуждающихся в представлении. При этом следует иметь в виду, что, в отличие от собственно театральных представлений, все «роли» в анекдоте исполняются одним «актёром» — рассказчиком анекдота. Никаких костюмов, масок или кукол не предполагается. Персонажи нередко бывают узнаваемы по речевым особенностям, которые тем самым играют роль своего рода «языковой маски» соответствующего персонажа. Важно при этом, что число персонажей в анекдотах ограничено, и в современном городском анекдоте используется относительно постоянный набор возможных персонажей, многие из которых имеют достаточно стабильные речевые характеристики. Помимо речевых масок, узнаванию персонажей анекдота может способствовать упоминание клишированных деталей их внешнего облика, а также отсылка к каким-то общеизвестным историческим фактам, ассоциируемым с данным персонажем. Так, облик Ленина в анекдоте задаётся как грассированием, использованием обращения *батенька*, прилагательных и причастий с приставкой *архи-* (речевая маска), так и упоминанием кепки, лысины, бородки, небольшого роста (детали внешнего облика). Следует иметь в виду, что речь персонажа анекдота имитируется рассказчиком не только в целях создания речевой маски. Чрезвычайно важной является функция речевых характеристик персонажа. Оказывается, что характерные особенности речи персонажа часто определённым образом соотносятся с чертами его характера. Именно речевые характеристики персонажей вкуче с особенностями их характера задают наиболее важные признаки конкретного

---

³⁹Этому не противоречит тот факт, что многие из анекдотов о Штирлице рассказываются в прошедшем времени, например: *Штирлиц знал, что дважды два — четыре. Но он не знал, знает ли это Мюллер*. В них пародируется «закадровый голос» Копеляна из телевизионного фильма «Семнадцать мгновений весны», который является как бы одним из «персонажей» анекдотов о Штирлице, и тем самым прошедшее время используется не в речи рассказчика анекдота, а в речи особого персонажа — «закадрового диктора». Существенно, что на использование глагольных времён в речи персонажей анекдота никакие ограничения не накладываются.

анекдота. Не случайно в нашем сознании анекдоты группируются в циклы по персонажам: «анекдоты о чукчах», «анекдоты о Штирлице» и «анекдоты о Петьке и Василии Ивановиче» и т. п.

2. Стереотипы русского анекдота

Для понимания того, почему анекдоты кажутся смешными, полезно обратиться к понятию «стереотипа». К стереотипам можно отнести все те представления о мире, которые рассматриваются как данность и не попадают в фокус внимания в повседневном общении. Если же какие-то из этих «данностей» попадают в фокус и подвергаются сомнению, возникает определённый сдвиг, следствием которого может быть тот или иной эффект, например комический.

В. Раскин в книге «Семантические механизмы юмора» так описывает механизм появления комического эффекта. У носителей языка существуют стереотипные сценарии поведения адвоката, врача или сенатора (например, сенатор — это уважаемый и важный человек, врач — это человек, к которому обращаются больные за помощью и исцелением и т. п.). Комический эффект возникает при разрушении стереотипного сценария, которое, однако, не является произвольным: оно опирается на некоторые «знания о жизни», которые также можно отнести к стереотипным; неожиданность обусловлена тем, что эти «знания о жизни» не относятся к числу напрашивающихся стереотипов в обсуждаемой ситуации. Поэтому, когда на просьбу посторожить велосипед, человек отвечает: «Вы что, с ума сошли, я же сенатор!», — в соответствии со стереотипным сценарием должен быть дан ответ: «Извините, я не знал, что вы такой большой начальник!» Ответ же персонажа анекдота (*Извините, я не знал, я думал, что вы — честный человек!*), заставляющий работать механизмы порождения юмора, разрушает этот стереотип, а с другой стороны, включает «знания о жизни», о том, что сенаторы часто продажны, состоят на содержании у крупных компаний и т. п.

Русский анекдот, как и всякий юмористический речевой жанр, использует по существу те же самые механизмы порождения юмора. Но здесь имеется и определённая специфика, состоящая в том, что, вследствие своей популярности и распространённости, многие анекдоты входят в фоновые знания носителей русского языка, поэтому, помимо общеязыковых и «жизненных» стереотипов, анекдоты ещё создают собственные стереотипы — «стереотипы анекдотического пространства», которые также могут высмеиваться и преодолеваются в анекдоте. Стереотипы анекдотического пространства, в первую очередь, касаются персонажей анекдотов — их внешности, поведения и характера; при

этом «анекдотические» стереотипы не противоречат распространенным в современном русском обществе стереотипам, но примитивизируют и упрощают их. Следует учитывать также, что анекдотические стереотипы оказывают некоторое влияние на появление жизненных стереотипов и установок, так как многие носители русского языка воспринимают мир через призму анекдота.

Для воссоздания «фольклорной» модели мира важно не то, что утверждают её носители, а то, что они считают само собою разумоющимся, не видя необходимости специально останавливаться на этом внимание. Применительно к анекдотам это означает, что самым существенным оказывается не то, что попадает в фокус внимания слушателей («соль» анекдота как раз часто связана с «обманутыми ожиданиями», с несоответствием имеющейся модели мира), а тому, что остаётся «за кадром» и составляет «фон» для восприятия анекдота.

Так, в современном городском фольклоре широко распространены анекдоты из серии «Врезается «Запорожец» в «Мерседес»...». В дальнейшем действие, как правило, развивается по следующему сценарию. Из «Мерседеса» выскакивают «братки», а из «Запорожца», кряхтя, вылезает старый дед. «Братки» начинают «разборку» и пытаются вымогать деньги; впрочем, понимая, что у деда больших денег всё равно нет, предлагают ему переписать на них квартиру. Но в результате возникает нечто незапланированное, причём нередко дед в результате оказывается «круче» братков из «Мерседеса». Разумеется, было бы нелепо из распространённости анекдотов этого типа заключать, что в модель мира тех, кто их рассказывает и слушает, входит представление, согласно которому обладатели «Запорожцев» оказываются более «крутыми» по сравнению с обладателями «Мерседесов». Как раз наоборот: эти анекдоты в значительной степени строятся на неожиданности такого исхода, точнее — поскольку стандартность приёма не позволяет считать его в собственном смысле слова неожиданным — на контрасте между стереотипными представлениями об устройстве мира и развитии сюжета в данном конкретном случае. Но из анекдотов рассматриваемого типа всё же можно извлечь представления о «картине мира» русских анекдотов, если обратиться к «фоновым» компонентам повествования. Так, в эту картину входит представление о том, что в «Мерседесах» ездят «новые русские» или «братки», люди с криминальным обликом и поведением; в случае дорожного происшествия они предпочитают не обращаться к полиции, а «разбираться по понятиям». Согласно этим же представлениям, в «Запорожцах» в настоящее время ездят в основном старики пенсионеры.

Приведём ещё один пример:

- Отец смотрит футбол, комментатор говорит: «Этого нападающего купили за 50 миллионов евро; а этого полузащитника — за 70 миллионов. Ну, а вратаря — аж за сто миллионов евро!» Отец заходит в комнату сына, видит: сидит сын, уткнувшись в учебники, делает уроки. Отец как даст ему подзатыльник: «Опять ерундой занимаешься, сколько раз тебе говорил: иди немедленно во двор, поиграй в футбол!»

Анекдот разрушает стереотипное представление о том, что все родители хотят, чтобы дети делали уроки, хорошо учились, читали книги, а не гоняли целые дни мяч во дворе. С другой стороны, этот анекдот был бы непонятен, если бы у нас не было стереотипного представления об отношениях детей и родителей, согласно которому отец хочет, чтобы сын добился успеха в жизни, нашёл хорошую работу и зарабатывал много денег.

Специфику «картины мира» русского анекдота по сравнению с «картиной мира», характерной для западноевропейских и американских анекдотов, легко видеть на примере анекдотов, посвящённых семейной жизни. Поскольку стереотипы моногамного брака и семейных ценностей складывались в русской культуре под влиянием христианских представлений о браке и семье, они во многом соответствуют стереотипам других европейских народов. Однако сравнение «семейных» анекдотов разных народов показывает, что, совпадая в общих чертах, многие стереотипы поведения в семье, бытующие в российском (и ранее советском) обществе, всё же не совпадают со стереотипами других европейских народов во всех деталях.

Так, постоянной темой как русских, так и западноевропейских «семейных» анекдотов являются финансовые отношения мужа и жены. И здесь очевидно различие. В русских анекдотах семейными деньгами распоряжается *жена*, она и сама зарабатывает деньги, и забирает зарплату у *мужа*. Муж давно смирился с таким положением дел, он только пытается отдать жене не все деньги (пропить, спрятать «зачачку»). В западных анекдотах жена сидит дома, а муж зарабатывает деньги. При этом цель жены — добраться до его банковского счёта, кредитной карты или чековой книжки, чтобы выпросить деньги на шубу, машины или бриллианты. Любопытно, что в последние годы некоторые очевидно переводные анекдоты с несвойственной русским анекдотам моделью финансовых отношений в семье рассказывают в русской среде как анекдоты о жёнах «новых русских».

Вообще мужчина в русских анекдотах мало что решает в семье, находится под башмаком у жены (и давно с этим смирился), жена его ругает, встречает со скалкой, бьёт. При этом женщины забрали всю власть в семье, поскольку именно они выполняют все семейные обязанности: зарабатывают деньги, убирают, готовят, воспитывают детей.

Типичным стереотипом анекдотов (особенно, анекдотов советского времени — времени трудного быта, дефицита и очередей) является замонтанная *жена* и лежащий на диване с газетой или смотрящий по телевизору футбол *муж*. Любые попытки *жены* заставить *мужа* что-либо делать воспринимаются в русских анекдотах как посягательство на его свободу, занудство, ненужные придирки. Целый ряд указанных стереотипов можно иллюстрировать следующим анекдотом:

- «Ты мой пиджак почистила?» — «Почистила, почистила». — «А брюки почистила?» — «Почистила, почистила». — «А башмаки почистила?» — «А что, у тебя и там карманы есть?»

В целом, если посмотреть на устройство семейной жизни через призму русских (советских) анекдотов второй половины двадцатого — начала двадцать первого века, то окажется, что мир семьи — это мир женщины. Жена является главой семьи и хранительницей домашнего очага, она распоряжается семейным бюджетом, выполняет все домашние обязанности, воспитывает детей. Мужу скучно в душном мирке семьи, он рвется на волю, к друзьям, с которыми можно выпить и обсудить серьёзные «мировые проблемы».

3. Животные в «картине мира» русских анекдотов

Некоторые особенности «картины мира» русских анекдотов можно иллюстрировать посредством анекдотов, персонажами которых являются животные. Надобно заметить, что не всякий анекдот, в котором как-то упоминается животное, является анекдотом с персонажем-животным. Бывают анекдоты, в которых животные играют роль статистов или даже только упоминаются, а настоящими действующими лицами являются люди. Не относятся к числу «анекдотов о животных» и анекдоты, в основе которых лежит разговор посетителей зоопарка (как правило у клетки какого-нибудь зверя). Животные в них составляют лишь необходимый антураж. Точно так же собаки не могут считаться подлинными персонажами анекдотов, в которых хозяева рассказывают о поразительных способностях своих собак. Например:

- Ну у меня собака и тупица! Я ей говорю: «Иди, газеты принеси», — а она идёт на кухню борщ варить!»
- Два собаководы хвалятся своими собаками. «У меня собака подходит к двери, звонит, а я её впускаю». — «А у меня не звонит. . . » — «Фу, какая глупая собака. . . » — «Да нет, просто у неё свой ключ есть. . . »

Анекдоты, в которых животные действительно выступают в роли действующих лиц, можно разбить на два класса: анекдоты о «мире животных» и анекдоты о животных в мире человека. В анекдотах пер-

вого класса мир животных устроен похоже на мир людей: они общаются между собою, женятся, воспитывают детей, ходят на работу, рассказывают друг другу анекдоты (часто в таких анекдотах животные выступают в роли своего рода аллегорических представителей людей); то, что животные обладают даром речи, подается в этих анекдотах как нечто само собою разумеющееся. Анекдоты второго класса, в которых животные каким-то образом действуют в мире людей, могут рассматриваться как «анекдотическая» репрезентация общения между людьми и животными. Как в том, так и в другом классе существенное место занимают анекдоты, отсылающие к тем или иным литературным источникам — таким, как басня «Ворона и лисица» (анекдоты из «мира животных») и «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Муму» (животные в мире людей).

Рассмотрим каждый из названных двух классов несколько подробнее.

3.1. В мире животных. Во многих «анекдотах о животных» действуют те же персонажи, что и в русских сказках: *заяц*, *волк*, *лиса* и *медведь*. Внешние черты и характер у них в анекдотах в целом такие же, как и в сказках: *заяц* ушастый и трусливый; *лиса* рыжая и хитрая, *волк* серый и злой, впрочем, его легко обмануть; *медведь* большой и сильный. Иногда, как это часто бывает в анекдотах, прямо не называемый персонаж может идентифицироваться по клишированным деталям внешнего облика.

Гендерные признаки этих персонажей определяются родом соответствующего существительного: *лиса* — женский персонаж, она может кокетничать с волком или медведем, *волк*, *заяц* и *медведь* — мужчины, в анекдотах иногда появляются их жёны (*зайчиха*, *волчиха* и *медведица*) и дети (*зайчата*, *волчата*, *медвежата*). Впрочем, *заяц*, будучи маленьким по размеру животным, иногда сам воспринимается как подросток, которого легко могут обидеть большие звери. Например:

- Едет заяц в трамвае в школу, в руках у него большой портфель. Решил волк над ним приколоться, отнял у него портфель и не отдаёт. «Отдай портфель, волк», — просит заяц. А волк не отдаёт. «Отдай портфель». Волк не отдаёт. «Отдай портфель, а то хуже будет. Будет, как в прошлый раз было». Волк думает: «А что в прошлый раз было?» Спрашивает других пассажиров: «А что в прошлый раз было?» Никто не знает. Ну, волк испугался, вернул портфель. Но ему все же любопытно, он и спрашивает зайца: «А что в прошлый раз было?» — «А в прошлый раз так и не отдали».

Однако в анекдотах у названных персонажей есть и признаки, не характерные для их образа в русских сказках. Так, например, *заяц* во многих анекдотах предстает как пьяница, бездельник и бабник. Харак-

терно для *зайца* сочетание трусости и наглости, которая сразу обнаруживается, как только *заяц* понимает, что ему нечего бояться (особенно часто это проявляется во взаимоотношениях с *волком*). Например:

- Заяц видит: на поляне лежит волк. Ласковым, заискивающим голоском спрашивает: «Что, волчок, отдыхаешь?» — «Да нет, косой, в капкан попал». — «У-у, разлеглась тут, серая скотина!»

В анекдотах иногда появляются и другие животные — традиционные герои русских сказок: *ёжик*, *белочка*, *сова*. У этих животных также есть характерные черты, известные всем носителям русского языка: ёжик колючий, белочка красивая, грызёт орешки, сова мудрая, не спит по ночам. Во многих анекдотах обыгрывается, то, что у *ёжика* острые иголки, например:

- Встречаются два ёжика. У одного забинтована лапка. «Что с тобой?» — «Ничего. Просто хотел почесаться».

Но существуют анекдоты о ежах, никак не связанные с их «колючестью», например:

- Приходит ёж к сове. «Сова, ты такая мудрая, скажи, к чему правая лапка чешется?» — «От кого-то убежать будешь» — «Сова, а к чему левая лапка чешется?» — «Кто-то тебя догонять будет». — «А к чему ушко чешется?» — «Кто-то тебя бить будет». — «Сова, а к чему носик чешется?» — «Ёж, ты бы помылся!»

Популярным персонажем русских анекдотов является также *ворона*, пьяница и наркоманка. Впрочем, надобно отметить, что в некоторых анекдотах *ворона* — сообразительная и коварная птица. Особыми характеристиками обладает *ворона* в анекдотах, в которых действие развивается по мотивам басни И. А. Крылова «Ворона и лисица». В них ни о каком коварстве и сообразительности *вороны* речи нет; напротив того, *ворону* легко обманывают более хитрые звери. Приведём пример:

- Мыши достали бутылку водки, а закуски нет. Идут по лесу. Смотрят: на ветке сидит Ворона и держит в клюве сыр. Мыши: «Ворона, пить будешь?» Ворона «Да!» Сыр выпал, Мыши выпили, закусили... На следующий день снова идут с бутылкой, опять к Вороне. Мыши: «Ворона, пить будешь?» Ворона молчит. Одна Мышь наливает в стакан водку, протягивает Вороне и говорит: «Так будешь пить?» Ворона: «Да-а!» Сыр вновь падает... На следующий день опять идут Мыши с водкой. Ворона сидит с сыром. Мыши: «Ворона, пить будешь?» Ворона молчит. Мышь наливает в стакан водку, протягивает Вороне, предлагает. Она опять молчит... Мыши: «Ворона, ты что думаешь, мы тебя обмануть хотим?» Ворона: «Да-а-а!»

Нередко в анекдотах появляется *лев* — царь зверей. Существует целая серия анекдотов с клишированным началом: *Издам лев, царь*

зверей, закон... При этом интересно, что, когда в анекдотах *лев* оказывается жертвой хитрости, чаще всего перехитрить его удаётся не хитрой *лисе*, а коварному *зайцу*.

Фигурируют в анекдотах рассматриваемого типа и другие животные. Так, среди «анекдотов о животных» заметное место занимают анекдоты об *обезьяне* (иногда конкретизируется, что это *мартышка*). В соответствии с грамматическим родом это женский персонаж. *Обезьяна* в анекдотах часто прихорашивается, кокетничает. Поскольку, с точки зрения людей, *обезьяна* не отличается большой красотой, её уверенность в своей женской неотразимости производит комическое впечатление:

- Собрал однажды лев зверей и приказал выстроиться в две шеренги: умные и красивые. Выстроились звери в две шеренги, а обезьяна всё от одной шеренги к другой бегаёт. Лев говорит ей: «Хватит бегать, встань на своё место!» А обезьяна говорит: «Я же не могу на две части разорваться!»

В анекдотах об *обезьяне* часто участвуют также и *крокодил* или *крокодилы*. Образ крокодила в анекдотах не очень разработан: он зелёный, плавает в реке (это не касается *крокодила Гены*, который выступает в паре с *Чебурашкой* и по целому ряду параметров отличается от прочих *крокодилов* из анекдотов). Многие анекдоты об *обезьяне* и *крокодиле* (*крокодилах*) строятся на их пикировке. Например:

- Плывут два крокодила, один другому и говорит: «Поплыли над обезьяной прикалываться». Второй: «Поплыли, а как прикалываться будем?» Первый: «Подплывём и спросим: «Обезьяна, ты замуж вышла?» Она скажет: «Нет», — а мы скажем: «Кто ж такую уродину замуж возьмёт?»». Подплывают к обезьяне и спрашивают: «Обезьяна, ты замуж вышла?» Она отвечает: «А за кого выходить? Одни уроды плавают».

При этом *обезьяна* почти всегда оказывается более находчивой и иногда даже получает определённую материальную выгоду:

- Плывёт по Нилу крокодил, видит: на берегу обезьяна шкурку от банана стирает. «Обезьяна, ты чего делаешь-то?» — «Дай стольник, скажу». Ну, крокодил думал-думал, думал-думал, а самому очень интересно. «Ну ладно, — думает, — дам уж». Дал. Та ему отвечает: «Шкурку от банана стираю». — «Ты что, дура что ли?» — «Дура не дура, а свою тысячу в день имею».

Среди персонажей анекдотов встречаются также такие животные, как *слон*, *жираф*, *страус*, *черепаха*. Их образ, как правило, строится на одной-двух характерных чертах. Так, относительно *черепахи* известно, что у неё есть панцирь и что она очень медленно ползает. К числу характерных черт, на которых строится образ соответствующего персонажа, относятся большой размер и наличие хобота у *слона*, длинная шея и медленное соображение у *жирафа* (анекдотическая несообразитель-

ность жирафа послужила основой устойчивого выражения *доходит, как до жирафа*), склонность *страуса* прятать голову в песок при наличии опасности (ср. *Объявление в зоопарке: «Страусов не пугать. Пол бетонный!»*) и большие размеры страусиных яиц.

3.2. Животные в мире человека. Совсем иными характеристиками обладают анекдоты, повествующие о животных, действующих в мире людей. В них способность животных пользоваться человеческой речью вовсе не является сама собою разумеющейся и нередко оказывается неожиданной для других персонажей.

К числу постоянных участников этих анекдотов относятся *говорящие попугаи*. Их языковые способности вызывают удивление у людей и «в жизни»; не удивительно, что они различным образом обыгрываются в анекдотах. Часто анекдоты строятся на том, что неверным оказывается представление, согласно которому *попугаи* механически («попугайски») повторяют то, что говорят окружающие люди, не понимая смысла произносимых слов. Во многих анекдотах *попугаи* отказываются повторять то, что говорят люди, а вместо того высказывают собственные суждения. При этом для попугая очень важна возможность поговорить, он страдает, если этой возможности оказывается лишён, и обижается, когда его речевые способности ставятся под сомнение:

- Дама в магазине хочет купить попугая. «Ну, что, дурачок, умеешь ты разговаривать?» — спрашивает она одного из них. «Разумеется, старое пугало, а ты вот летать умеешь?»

В целом можно сказать, что *говорящие попугаи* в анекдотах сходны с говорящими попугаями «в жизни» в том отношении, что они пользуются членораздельной человеческой речью; но делают они это вполне осмысленно, в отличие от попугаев «в жизни», которые, по общему мнению, механически повторяют то, что в их присутствии говорят люди.

С говорящими *собаками* в анекдотах ситуация в каком-то смысле прямо противоположна. О собаках «в жизни» бытует представление, согласно которому они «всё понимают, но сказать не могут». В анекдотах им приписывается способность выражать свои «мысли» на человеческом языке. Таким образом, если попугаи говорят и «в жизни», а в анекдотах им добавляется способность понимать смысл произносимых слов, то собакам и «в жизни» приписывается способность мыслить и понимать смысл слов человеческого языка, а в анекдотах к этому добавляется способность говорить.

На анекдоты о собаках и их хозяевах совсем не похожи анекдоты о *Муму* и *Герасиме*. Как и в других анекдотах о собаках, *Муму* обладает в них даром речи, но специфика их состоит в том, что этим даром не

обладает её хозяин. Такая парадоксальная ситуация обыгрывается на разные лады:

- Герасим сел в лодку, посадил Муму, выплыл в реку, перекрестился и бросил её в воду. Собака долго тонула, проплывающий мимо мужик втащил её в лодку. Муму: «Фу, чуть не утонула». Мужик: «Первый раз вижу говорящую собаку!» Муму: «Первый раз вижу говорящего мужика!»

Анекдоты о *золотой рыбке* и о *царевне-лягушке* во многих отношениях отличаются от анекдотов о животных в «мире людей». *Золотая рыбка* и *царевна-лягушка* — это сказочные персонажи, и общение человека с ними в анекдотах чаще всего ведётся как общение со сказочными персонажами, а не как разговор человека с животным. И люди, взаимодействующие в анекдотах с *золотой рыбкой* или с *царевной-лягушкой*, и слушатели этих анекдотов, как правило, хорошо помнят сюжет соответствующих сказок; поэтому их несколько не удивляет, что рыбка и лягушка разговаривают, и, более того, они ожидают дальнейших сказочных чудес: *рыбка* должна исполнять желания, а *лягушка* превратиться в прекрасную девушку. Кстати, в этом отношении анекдоты отличаются от сказок, к которым они отсылают. Мы помним, что персонажи этих сказок бывали удивлены, когда рыбка или лягушка начинала говорить; и, очевидно, не в меньшей мере могут быть удивлены люди, которые слышат эти сказки в первый раз. Вспомним, что произошло в «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкина, когда старик услышал, что рыбка «голосом молвит человечьим»: «удивился старик, испугался: он рыбачил тридцать лет и три года и не слыхивал, чтоб рыба говорила». Напротив того, рыбаки — персонажи многочисленных анекдотов «о рыбаке и рыбке» — совсем не удивляются тому, что *золотая рыбка* умеет говорить, им только не всегда нравится, что и как она говорит.

Как мы видим, человек в анекдотах обычно ведёт беседу или со сказочными персонажами, для которых обладание даром речи не является чем-либо удивительным, или с домашними животными (вроде собаки или говорящего попугая), с которыми человек беседует и в жизни. На этом фоне обращают на себя внимание анекдоты, в которых хозяин квартиры разговаривает с обитающими в ней «домашними» насекомыми-паразитами: клопами, тараканами и т. п.:

- У одного мужика развелось очень много тараканов. Он их и так пробовал вывести, и эдак — ничего не помогает. Ну, он перестал покупать продукты, сел вечером на кухне и громко так говорит: «Всё, денег нет, еду покупать не на что, скоро все умрем». Через полчаса видит: из всех углов выползают тараканы и куда-то уходят. Ну, он обрадовался, гостей позвал. Проходит два часа — вдруг мужик видит: ползут полчища тараканов, и все в лапках что-то несут. Говорят: «Не расстраивайся, хозяин, мы тебя прокормим!»

Наконец, к числу анекдотов о животных в «мире людей» относятся анекдоты о цирковых животных. Если для сказочных животных владение речью находится в порядке вещей, для домашних животных оно может вытекать из того, что они «все понимают», то для цирковых животных оно рассматривается как особое умение сродни другим умениям дрессированных животных.

В заключение заметим, что современный городской анекдот является важной составляющей общего фонда знаний носителей русского языка. Наличие большого числа разнообразных анекдотов о животных показывает важность мира животных для мира человека и то существенное место, которое занимает в жизни людей общение человека с животными.

4. Эволюция жанра анекдота в XX и XXI вв.

К началу XX века сложился некий «речевой этикет», «правила» рассказывания анекдотов: 1) анекдоты не рассказывают специально, на заказ: анекдот должен быть как-то связан с темой разговора; 2) следует рассказывать анекдоты артистично, изображая героев в лицах, а не монотонно; 3) рассказчик должен стремиться рассказывать анекдоты, которые неизвестны слушателям, а если вы не уверены, что анекдот новый, лучше предварить рассказывание анекдота вопросом: «Вы знаете анекдот о...?»; 4) даже если слушатели знают анекдот, предпочтительно сделать вид, что рассказываемый анекдот им неизвестен и засмеяться. Любопытно, что рассказывание анекдотов расценивалось в начале двадцатого века как некое не слишком почтенное занятие, а бытовавшие в устном общении анекдоты как преимущественно пошлые и неостроумные. С другой стороны, в это же время в России выходило несколько юмористических журналов, в которых печатались короткие смешные истории, высмеивающие слова или поступки политических деятелей начала двадцатого века, представленные в Государственной Думе политические партии, политические события, происходящие в России и в мире в это время, издающиеся в Российской империи газеты. Можно сказать, что российская ситуация начала века — это типичная ситуация свободного буржуазного общества, в котором политический юмор является принадлежностью газет и журналов, а в фольклоре бытуют в основном анекдоты, которые не принято печатать в журналах, неприличные или «неполиткорректные» анекдоты. Начиная с двадцатых годов XX века, с исчезновением свободной печати рассказывание анекдотов (преимущественно политических) становится распространенным жанром повседневной коммуникации. Основываясь на опубликованных в последние годы дневниках и воспоминаниях, мы можем с уверенно-

стью заключить, что антисоветские анекдоты рассказывали в самых разных социальных слоях, в том числе и в среде «интеллектуальной элиты» — писателей, профессоров и т. п.

Когда рассказывание анекдотов стало ещё и несколько менее опасным (в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века), анекдоты стали массовым жанром повседневной коммуникации, во многом заменившим рассказывание политических новостей. При этом все типы анекдотов: бытовые, этнические, анекдоты о каких-то профессиональных или социальных группах — были по сути своей «антисоветскими», именно поэтому их и рассказывали. После перестройки отсутствие «антисоветской» составляющей анекдота приводит к тому, что у многих носителей русского языка появилось ощущение, что анекдоты стали менее смешными. При этом с начала перестройки, в конце восьмидесятых — в девяностые годы XX в. появляются новые серии и новые персонажи анекдотов: «новые русские», эстонцы, наркоманы, программисты. Однако наряду с этим начинается постепенное снижение «удельного веса» устного речевого жанра анекдота в повседневной коммуникации, его трансформация в литературный и театральный жанр (публикация многочисленных сборников анекдотов, обилие радио- и телепередач, в которых актеры рассказывают анекдоты), а также жанр интернет-коммуникации.

Особенно любопытным представляется еще одно видоизменение речевого жанра анекдота, происходящее на наших глазах. На смену речевому жанру рассказывания анекдота всё чаще приходит речевой жанр напоминания анекдота. Если условием функционирования речевого жанра «рассказывание анекдота» является то, что слушатели не знают этот анекдот⁴⁰, условием функционирования речевого жанра «напоминание анекдота» является то, что анекдот известен слушателям. При напоминании анекдота используются другие предваряющие «метатекстовые» вводы, нежели при рассказывании, ср.: *Я вам сейчас расскажу новый анекдот о Штирлице; Ты слышал последний анекдот о новом русском?* (рассказывание анекдота) и *Помнишь анекдот о Штирлице?; Ты как новый русский из анекдота* (напоминание анекдота). Напоминание анекдота отличается от его рассказывания, конечно, не только «метатекстовым» вводом. Если рассказчик считает, что анекдот известен слушающему, он, как правило, не рассказывает весь анекдот с начала до конца, а лишь приводит какую-то смешную фразу или напоминает «анекдотическую» ситуацию. Впрочем, при напоминании анекдот может пересказываться полностью или почти

---

⁴⁰Для старых анекдотов в русском языке даже существует презрительное именование «анекдоты с бородой», и рассказывание таких «бородатых» анекдотов всегда расценивалось как неудачное, не оправдывающие ожиданий слушателей.

полностью, но при этом повествование как бы переключается в другой регистр. Настоящее повествовательное время в котором обычно рассказывается анекдот, как правило, меняется на прошедшее время, в тексте могут появляться интродуктивные показатели (такие, как местоимение *один*). Ср.: *Выходит новый русский из Эрмитажа и говорит: «Да, бедненько, но чистенько» (рассказывание анекдота); Да, бедненько, но чистенько, как сказал один новый русский, выходя из Эрмитажа (напоминание анекдота)*. Прямая речь персонажей анекдота часто меняется на косвенную речь. Герой анекдота может заменяться на того, о ком в данный момент идёт речь; так, в следующем примере вместо Штирлица фигурирует губернатор: *Прямо, как в анекдоте: до губернаторов не дошло письмо из Кремля; они прочитали ещё раз — снова не дошло*. При напоминании анекдота рассказчик гораздо реже надевает «речевую маску» персонажа, имитирует акцент, интонацию, меньше жестикулирует. Считается, что все речевые и поведенческие особенности героя анекдота уже известны аудитории и не нуждаются в воспроизводстве.

К напоминанию анекдота близок еще один речевой жанр — цитирование анекдота (подробнее о цитировании анекдота см. [Шмелёва 2003, 2004]). Если напоминание анекдота, как и его рассказывание — жанры фамильярного, дружеского общения, то цитирование анекдота чаще встречается в публичной речи (лекциях и выступлениях политиков) и в средствах массовой информации. Цитироваться может как весь анекдот целиком, так и отдельная яркая фраза из анекдота или даже словосочетание, восходящее к анекдоту. По-видимому, массовое распространение и популярность в советское время речевого жанра анекдота привели к тому, что сформировался корпус анекдотов, известных большинству носителей современного русского языка. Эти анекдоты функционируют как прецедентные тексты, выражения из них функционируют как клише, крылатые слова и паремии. Ср. газетные заголовки: *Однако, тенденция* («Известия», 14.07.03); *До Таллина далеко* («Известия», 5.04.03); *Далеко ли до Таллина? Теперь уже далеко* («Известия», 3.06.03) и др.

Если цитата из анекдота превратилась в «крылатое слово», сам анекдот со временем может забыться и цитата не будет опознаваться. В этом случае можно говорить о появлении нового фразеологизма. Так, журналисты любят использовать в качестве газетного заголовка выражение *Белые и пушистые* (в частности, оно использовалось в качестве заголовка в газете «Известия» в номерах за 12.10.2002; 4.07.2003; 12.09.2003). Далеко не все носители языка знают, что оно восходит к анекдоту:

- Мышка говорит лягушке: «Какая-то ты противная, скользкая, холодная!» — «Да, болела я, болела. А раньше я была белая и пушистая!»

В современной русской речи используется более десятка таких новых крылатых выражений, восходящих к анекдотам, но уже фактически утративших связь с первоисточником: *Доказывай, что ты не верблюд*; *Россия — родина слонов*; *Тенденция однако*; *Халява, сэр*; *Сидеть как дурак с чистой шеей*; *Без штанов, но в галстук*; *Евреи и велосипедисты* и др.

Статья написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», при поддержке РФФИ (проект № 05-06-80215-а «Русская языковая картина мира в межкультурной перспективе»).

Жив ли ещё русский язык?

Елена Яковлевна Шмелёва

В последнее время языковая ситуация в России, в частности состояние русского языка, весьма активно обсуждается в средствах массовой информации. И это не удивительно. Мы все с вами чувствуем, что в языке происходят какие-то изменения. Появляется множество новых слов и непривычных конструкций, меняется темп речи и интонация, актуализуются или вновь возникают новые обращения и речевые стратегии. Мы все замечаем множество ошибок в речи ведущих и гостей теле- и радиопрограмм, политиков и бизнесменов, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что нормы, зафиксированные в словарях, уже не ощущаются как незабываемые многими носителями русского языка. А поскольку в России в силу целого ряда причин сложилось представление о русском языке как о национальном достоянии и предмете гордости россиян, о том, что русский язык — «великий и могучий» (И. Тургенев), что его надо беречь и хранить (*Но мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!* Анна Ахматова), носители русского языка в массе своей воспринимают языковые изменения крайне болезненно. У людей появляется ощущение, которое активно поддерживают средства массовой информации, что русский язык гибнет (название моей лекции «Жив ли ещё русский язык?» — это название одной из таких «панических» телевизионных передач, в которой я участвовала), происходит, как пишут журналисты, «языковая катастрофа», русский язык необходимо срочно спасать от мата, сленга, иностранных слов, а также вообще всего нового и непривычного. Любопытно, что тексты в жанре «плача о русском языке» написаны обыкновенно таким языком, что и, правда, хочется заплакать, например: «Сегодня теле- и радиоэфир, страницы газет и журналов заполнили потоки грубости, насилия, бескультурья и пошлости, насаждения чуждого образа жизни и фальшивых идей. **Терпению всего этого безобразия пришел конец.**»

Не удивительно, что в дискуссиях о языке лингвисты обычно выступают в роли психотерапевтов, успокаивающих публику, поскольку из истории языков (и, в частности, из истории русского языка) знают, что в отличие от мёртвых языков, мумифицированных в грамматиках и словарях, живые языки постоянно меняются. И особенно сильно они меняются в переломные моменты жизни общества: так же, как русский язык не мог остаться прежним после Октябрьского переворота, он не мог не измениться после крушения советской системы и падения «железного занавеса». Что же изменилось в русском языке за последние пятнадцать – двадцать лет? Прежде всего, принципиально изменились

условия функционирования русского языка. В первую очередь это касается устной публичной речи, к ней приобщились новые слои населения, изменился сам характер речи: люди не читают по бумажке заранее написанные и исправленные редактором тексты, а говорят без подготовки. Расцвёл жанр диалога, интервью, ток-шоу. И сразу обнаружили культура и бескультурье, образованность и темнота — ведь именно в том, как человек говорит, обнаруживается личность, характер, семья, образование, привычки — в общем, человек виден, как на ладони. Люди не стали говорить хуже, просто мы услышали, как говорят «от себя» дикторы, которые раньше читали готовый текст по бумажке, или как говорят обычные люди, которые раньше никогда не выступали в средствах массовой информации. На свет вышла давным-давно утраченная культура речи, и на нас из эфира хлынула лавина ошибок. Но не всё так плохо — если сравнить, как говорили российские политики старшего поколения (М. С. Горбачёв, Б. Н. Ельцин, В. С. Черномырдин), то современные политики говорят лучше, сказывается привычка выступать на митингах и собраниях, отвечать на вопросы журналистов. Изменения в условиях функционирования вызваны также появлением новых сфер коммуникации электронной почты, мобильных телефонов, Интернета. Мы пишем электронные письма и SMS-сообщения не так, как писали обычные письма и поздравительные открытки (например, в электронных письмах появилось новое приветствие — *Доброго времени суток!*), вы лучше меня знаете, что на многих форумах и чатах есть свои особые стратегии построения текста и свой язык общения. Мобильные телефоны ввели в обиход конструкции «я + настоящее повествовательное», существовавшие до этого только в учебниках русского языка для иностранцев: *я сейчас еду в автобусе, я поворачиваю за угол, я захожу в магазин*; появление ночных телепрограмм актуализировало приветствие *добррой ночи* вместо более привычного *спокойной ночи*, поскольку *спокойной ночи* желают друг другу перед тем, как лечь спать, а не в начале телепередачи. Кстати, не только телеведущие, но и мы все в последние годы стали прощаться с помощью русских слов, которые при этом явно скалькированы с английских пожеланий: *пока-пока* (bye-bye), *удачи* (good luck), *берегите себя* (take care).

По сравнению с русским языком советского времени в нашей речи стало меньше бюрократических, канцелярских элементов, остатки их встречаются, в основном, в речи чиновников старшего поколения, что в сочетании с новыми реалиями даёт комический эффект: *продажа в супермаркетах товаров народного потребления; одобрить план общегородских предприятий по проведению праздника Святой Пасхи*. Но вместо канцеляризмов в речь образованных людей пришло много слов разговорных, жаргонных и даже грубых, неприличных. Поэтому

людям старшего поколения кажется, что сегодняшняя наша речь стала более грубой. Это вообще-то не совсем так, скажем, в сфере обслуживания — в магазинах, ателье, парикмахерских сейчас с покупателями и клиентами разговаривают намного вежливее, чем раньше. Но при этом жаргонные или неприличные слова, которые раньше можно было произносить только при разговоре близких друзей или только в мужской компании, в последние годы считается возможным произносить на улице, в метро, в присутствии женщин и людей старшего возраста и, более того, в публичном выступлении. Конечно, эти слова обладают определённой выразительностью, экспрессией, но когда изо дня в день слышишь их на улице, по радио и телевидению, они уже не воспринимаются как шутливые, яркие, необычные, а становятся привычными. Непонятно, происходит ли это под влиянием каких-то внутренних причин (например, с отталкиванием от высокого стиля официального русского языка советского времени, со стремлением к большему демократизму общения) или под влиянием американского варианта английского языка, но, похоже, русский язык отчасти утрачивает высокий стиль, на его место ставится нейтральный стиль речи, а низкий стиль начинает восприниматься как нейтральный.

Вы, наверно, заметили, что я ничего не говорила о том, что прежде всего бросается в глаза людям, которые, например, давно не были в России, — это обилие в нашей речи новых заимствований, преимущественно из американского английского. Например, моя подруга, известный литовский программист, приехав в прошлом году в Москву на научную конференцию в первый раз после 15-летнего перерыва, вначале была поражена количеством англицизмов в речи программистов, а потом и в нашей повседневной речи. Когда мы с ней пришли в магазин, она всё время возмущалась, почему в российском магазине продаются *памперсы*, а не *подгузники*, *мюсли*, а не *каша*, почему кассир спрашивает, нет ли у нас *дисконтной карты*, а не *карты скидок*, да и я — специалист-русист рассказываю ей о том, кто из наших общих знакомых сейчас работает *пиарщиком*, кто *риелтором*, а кто занимается *фитнесом* и *бодибилдингом*. Что же делать с наплывом иностранных слов? Похоже, что вообще без них не обойтись: когда в нашей жизни появляются новые явления, предметы, понятия, можно, конечно, как поступают как раз литовцы, для всего этого придумывать свои слова, но русскому языку всегда было «проще» взять уже имеющиеся корни и с помощью богатейших возможностей русского словообразования освоить их, вот и образуются у нас новые словообразовательные гнезда: *компьютер* — *компьютерный*, *компьютерицик*; *пиар* — *пиарицик*, *пиарить*, *пропиарить*.

При этом, хотя мы все невооружённым взглядом замечаем, что язык становится другим, лингвисты обычно говорят, что эти изменения не затрагивают саму систему языка, то, что делает русский язык русским языком. Язык — это ведь не только и не столько слова, а прежде всего грамматика и синтаксис. Если вы выучите целый английский словарь, вы всё равно не заговорите по-английски, потому что, чтобы говорить, нужно знать правила, по которым из слов создаются высказывания. Есть ли в этом языке падежи и как они образуются, какие есть глагольные времена, как имя прилагательное согласуется с существительным, что ставится на первое место в предложении — подлежащее или сказуемое, а может, дополнение и много всего другого. Так вот, произошли ли в последние двадцать лет существенные изменения в русской грамматике? Нет, у нас те же части речи, грамматические характеристики имени существительного (три рода, два числа, шесть падежей), глагола (совершенный и несовершенный вид, три времени, три наклонения, два залога и пр.) или прилагательного, недаром все заимствованные слова должны встроиться в нашу языковую систему. Например, имя существительное должно относиться к одному из трёх родов (*пиар* — мужской род, ср. *чёрный пиар*), оно должно склоняться по одному из трёх склонений (*фитнес* — второе склонение, *заниматься фитнесом*), глагол, если это глагол несовершенного вида, имеет три времени (*пиарить* — несовершенный вид: *я пиарю, пиарила, буду пиарить*), а если совершенного вида — то две временные формы (*пропиарить* — совершенный вид: *пропиарю, пропиарила*). Бывают ли вообще изменения в системе языка? Конечно, бывают, они тоже идут всё время, но очень медленно и незаметно. Например, в древнерусском языке помимо единственного и множественного было двойственное число (в современном русском языке остались его следы в формах *два стола, мальчика*), был звательный падеж (в современном языке сохранилось несколько слов в старом звательном падеже — *Господи! Отче!*), у глагола было намного больше времен (современное прошедшее время — обломок прошедшего времени со вспомогательным глаголом: *аз есмь читал, читала*). На самом деле, конечно, и сейчас некоторые изменения происходят — древние языки, как правило, сложнее современных, языки тех народов, которые живут изолированно, мало взаимодействуют с окружающим миром, обычно сложнее тех языков, на которых говорят миллионы людей во всём мире. И у нас сейчас в русском языке наблюдается некоторая тенденция к несклонению некоторых групп имён существительных и имён числительных. Люди всё реже склоняют географические названия (*из Тушино* вместо *из Тушина*, *в городе Петербург* вместо *в городе Петербурге*), очень часто не склоняют сложные составные числительные (почти все дикторы поздравляли москвичей с **восемьсот-*

пятидесятилетием Москвы вместо *с восьмисотпятидесятилетием*). Вместо обычных прилагательных появляется всё больше неизменяемых аналитических прилагательных: *интернет-кафе* вместо *интернетное, интернетское кафе*; *компакт-диск* вместо *компактный диск*. Появляется немало новых синтаксических конструкций, о чём вам рассказывала Е. В. Муравенко (см. её статью «Об изменениях в синтаксисе современного русского языка» в настоящем сборнике). Но повторю ещё раз: система языка очень устойчива, меняется крайне медленно, так что не надо волноваться: русский язык жив, он не умрёт, не пропадёт, в английский язык не превратится, И сколько бы ни жаловались бабушки на то, что внуки говорят по-другому, в общем, разные поколения всё же говорят на одном языке.

Но сейчас я вам открою страшную тайну. Хотя лингвисты и говорят в публичных дискуссиях, что ничего принципиально важного в русском языке не меняется, на самом деле, в языке происходят очень существенные изменения, связанные с изменением так называемой картины мира носителя русского языка. Что это такое? Учёные давно заметили, что язык и образ мышления взаимосвязаны: мы все видим мир под углом зрения, подсказанным нам родным языком, и вместе с русским языком незаметно впитываем представления, характерные для русской культуры. Так вот, сейчас появление многих новых слов и конструкций, а также изменение значения привычных слов, постепенно приводит к изменению взгляда на мир, свойственного поколению ваших родителей и бабушек-дедушек, которые являются носителями русского языка советского времени. Приведу только несколько примеров, о которых подробно рассказывала в нашей совместной радиопрограмме «Грамотей» Ирина Левонтина. Я уверена, что вы мне скорее не поверите, что в обычном для вас значении слова, о которых я сейчас буду говорить, употребляются совсем недавно. Вот, например, слово *вызов*, существовавшее в русском языке издавна, получило новое значение, такое же, как у английского слова *challenge*, например, вы очень удивитесь, но раньше никто бы не понял выражение *ответить на вызов времени, он почувствовал великий вызов*. Или употребление слов *успешный* и *эффективный* в рекламе мобильных телефонов *Мобильные телефоны для успешных людей* и в названии книги «Формула успеха, или Философия жизни эффективного человека». До последнего времени русские слова *успешный* и *эффективный* могли употребляться только по отношению к действиям, деятельности, процессам (*успешные переговоры, эффективные меры*) — но не по отношению к людям. Однако за последние годы сочетание *успешный эффективный человек* стало очень типичным. Или слова, которые на глазах меняют свой оценочный потенциал: *амбициозный* и *агрессивный*. Раньше, если о человеке

говорили *амбициозный* или *агрессивный*, это всегда означало, что мы оцениваем его поведение отрицательно. И вот всё чаще мы слышим и читаем: *Нужен ещё один амбициозный и целеустремлённый сотрудник; Нужны инициативные, энергичные, мечтающие о карьере, агрессивно нацеленные на результат, готовые инвестировать своё время и силы* — это объявления о вакансиях. И таких слов, меняющих наши представления о жизни, о том, что хорошо и что плохо, — совсем не мало. Появляются ещё много слов и конструкций, отражающих представления о более удобном мире с большим выбором товаров и услуг, описывающие ценности эпохи потребления. Это такие, например, слова, как *комфортный* (слово, которое недавно появилось в русском языке, несмотря на то, что в нём давно существует слово *комфортабельный*) или конструкции типа *вы можете померить этот свитер в красном цвете*. В общем, мы сейчас с вами живём в очень интересное для лингвистов время. Мы можем замечать и фиксировать интереснейшие изменения языкового и общественного сознания.

Статья была написана в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

Русская интонация

Татьяна Евгеньевна Янко

В этой статье мы предлагаем читателю обсудить русскую интонацию. Как кажется, интонация представляет собой более загадочный сюжет, чем, скажем, значения слов и выражений. Что такое интонация? Что она обозначает? Чем отличается интонационный строй одного языка от другого? Попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов.

Когда в быту мы говорим про интонацию, мы обычно имеем в виду то, что можно также назвать тоном или голосом: плаксивый голос, менторский тон, изнемогающий, усталый голос, умоляющая интонация. Давайте представим себе тон, с которым произносится предложение: *Ну дедушка, ну миленький, ну дай, пожалуйста*. Это как раз то, что называют плаксивым или умоляющим голосом или тоном. Однако в русском языке есть много возможностей, которые нельзя назвать ни тоном, ни голосом, а только интонацией. Попробуем прислушаться: только интонация отличает повествовательное предложение от вопроса (без вопросительного слова). *Вася пришёл* — это сообщение, а *Вася пришёл?* — это вопрос. Можно заметить, что на конце предложения *Вася пришёл* — на слове *пришёл* — ощущается своего рода падение тона, а на конце вопроса *Вася пришёл?* — подъём. Подъём может быть не только на слове *пришёл*, но и на слове *Вася*, потому что можно спросить про Васю, пришёл ли он, и тогда подъём будет приходиться на слово *пришёл*, а можно спросить, Вася ли тот, кто пришёл, и тогда подъём будет приходиться на слово *Вася*. Как описать такие значимые подъёмы и падения? Как определить, важно ли, на каком месте в предложении мы слышим такие движения тона? И что такое тон? Одно значение имеет слово тон в выражениях *плаксивый тон* и *падение тона* или разные?

Исследователь русской интонации Елена Андреевна Брызгунова выделила семь основных движений тона, значимых для русского языка⁴¹. Обратимся к этим типам и покажем, какими способами можно описать различия между ними и какие значения имеют эти движения тона.

В качестве примера рассмотрим русское предложение, состоящее из четырёх слов: *Какие у них обычаи*.

Это предложение может быть вопросом с вопросительным словом: *Расскажите нам об индейцах племени навахо. Какие у них обычаи?*

Это может быть заголовок или подзаголовок газетной статьи или радиопередачи: *Индейцы племени навахо. Какие у них обычаи*.

⁴¹См. Русская грамматика Т. 1, М., Наука. 1982.

Это может быть переспрос: *Что-что? Обычай? Вы говорили о том, какие у них обычаи?*

Это может быть предложение неодобрения: *Какие у них обычаи. Нет у них никаких интересных обычаев. Они всё забыли.*

И во всех примерах сочетание *какие у них обычаи* будет произнесено с различной интонацией. Рассмотрим эти интонационные типы последовательно в соответствии с классификацией Е. А. Брызгуновой.

Список интонационных типов Е. А. Брызгуновой открывается интонационной конструкцией номер один, или ИК-1. С этой интонацией произносится большинство повествовательных предложений, или сообщений. ИК-1 характеризуется понижением частоты тона на ударном слоге слова, которое называют акцентоносителем. Так, в заголовке *Какие у них обычаи* акцентоносителем служит слово *обычаи*. Как выбирается акцентоноситель — это отдельная и интересная задача, которую мы сейчас оставим в стороне. Важно только понимать, что в предложении *Какие у них обычаи* ударное слово *обычаи* выбрано по определённым правилам, которые позволяют объяснить, почему здесь акцентоносителем ИК-1 служит слово *обычаи*, а не слово *какие* и не слово *них*. В предложении может быть более одного значимого движения тона и, соответственно, более одного акцентоносителя. Вопрос о том, как разные интонационные конструкции и их акцентоносители комбинируются в пределах одного предложения, мы сейчас тоже оставим в стороне.

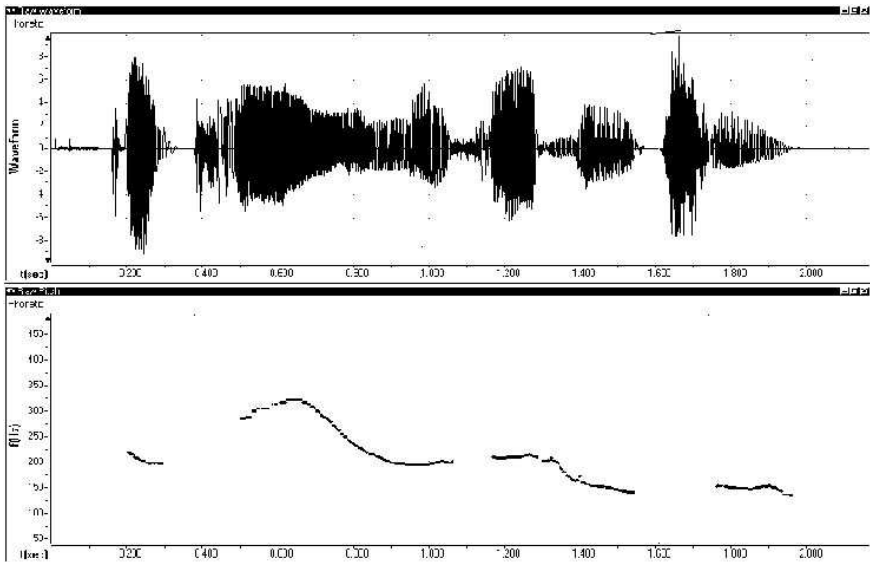
Возникает вопрос: что такое частота тона и что такое её понижение или повышение? Потоки воздуха, приводимые в движение голосовыми связками, действительно характеризуются известной частотой колебаний, которая может быть измерена приборами. Кроме того, носители языка имеют и интуитивное представление о том, что при произнесении предложений, например вопросов, голос «идёт вверх» или, при произнесении сообщений — вниз. Эти подъёмы и падения действительно соответствуют подъёмам и падениям частоты колебаний. Однако в вопросе о том, какие при этом произносятся звуки — *а*, *о* или *у*, говорящие чувствуют гораздо больше уверенности. Понимание говорящими того, с какой интонацией они говорят, развито у носителей языка довольно слабо, даже и лингвистов.

Обратимся к показаниям приборов и рассмотрим графики, которые соответствуют предложениям. Цифра 1 над словом *обычаи* говорит о том, что это слово служит носителем интонационной конструкции ИК-1. Ниже мы видим два графика, которые соответствуют предложению (1) *Какие у них обычаи*. Верхний график изображает след, который оставляет на материале, например на бумаге, игла, возбуждённая звуковыми волнами. По данному графику мы можем судить о структуре слога и о паузах между словами, потому что гласные и

согласные, звонкие и глухие, а также отсутствие звука выглядят на этом графике по-разному. Этот график называется осциллограммой. Нижний график отражает частоту тона в герцах. Этот график называется тонограммой. Мы видим, что на ударном слоге слова *обычай* наблюдается лёгкое понижение частоты тона. График частоты прерывен, потому что для глухих согласных признак частоты не определён. Кроме того, график частот отражает не абсолютное изменение частот, а относительное, потому у всех говорящих исходная частота, от которой начинается отсчёт наблюдаемых изменений, различна. Мы знаем, что женские голоса в среднем выше мужских, что наибольшая высота присуща детским голосам и что пожилые люди говорят на более низких частотах, чем молодые.

(1) Какие у них ¹обычай.

Рис. 1

К а к и е у н и х о б ы ч а и

Перейдём к интонационной конструкции ИК-2. Её можно наблюдать на вопросительном слове вопроса с вопросительным словом. В основе ИК-2 тоже лежит понижение тона на ударном слоге акцентоносителя, как и у ИК-1, но оно совершается в больших диапазонах частот, чем при ИК-1: ИК-2 начинается выше, чем ИК-1, и завершается ниже. Кроме того, при ИК-2 падению может предшествовать отклонение частоты вверх внутри того же слога. Такое отклонение бывает необходимо для «набора высоты». Этот подъём не является обязательным,

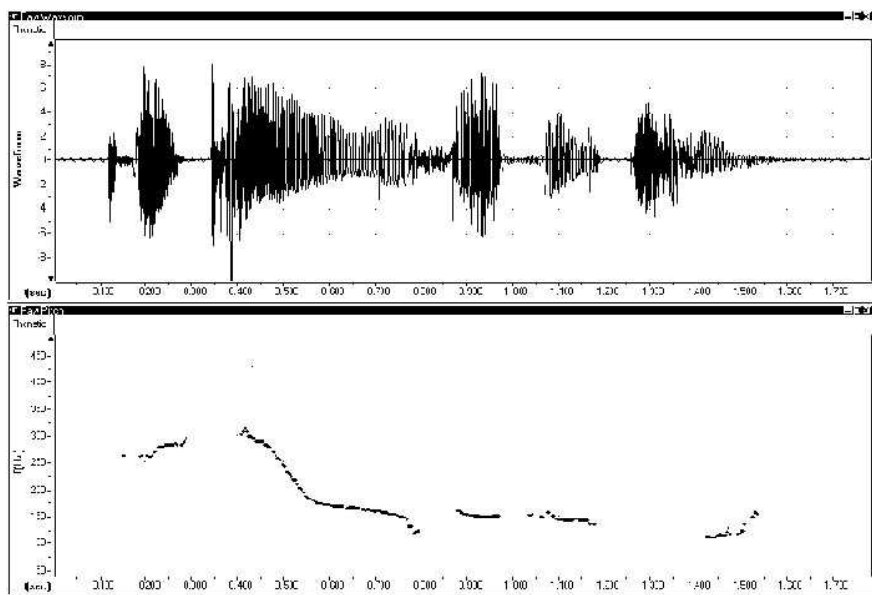
т. е. его наличие или отсутствие не говорит о переходе к другой интонационной конструкции, но знание о том, что такой подъём весьма часто сопутствует ИК-2, помогает обнаружить ИК-2 на графике частот.

В вопросе (2) на слоге *-ки-* в вопросительном слове *какие* мы наблюдаем существенное падение тона.

2

(2) *Какие у них обычаи?*

Рис. 2

К а к и е у н и х о б ы ч а и ?

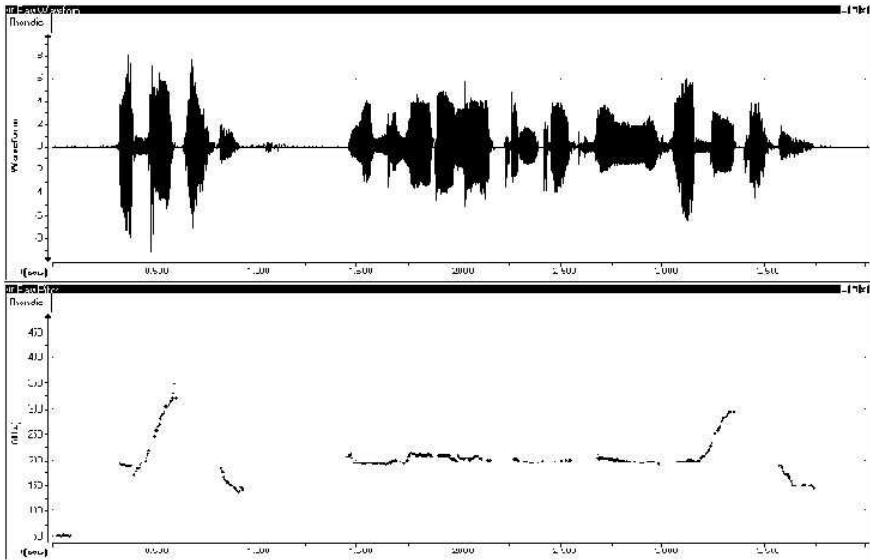
Перейдём к восходящим интонационным конструкциям русского языка. Это ИК-3, ИК-4, ИК-6 и ИК-7. Эти интонационные конструкции существенно различаются между собой своими заударными обласлами, т. е. тем, как изменяется частота в области после ударного слога акцентоносителя.

Интонационная конструкция ИК-3 характерна прежде всего для вопроса без вопросительного слова. На ударном слоге акцентоносителя наблюдается существенный подъём тона, а на заударных слогах, если они есть, происходит резкое падение. Если заударных слогов нет, падение отсутствует.

Обратимся к вопросу-переспросу (3):

(3) ³Обычай? Вы говорили о том, какие у них ³обычай?

Рис. 3

Обычай?

Вы говорили о том, какие у них обы ч ай?

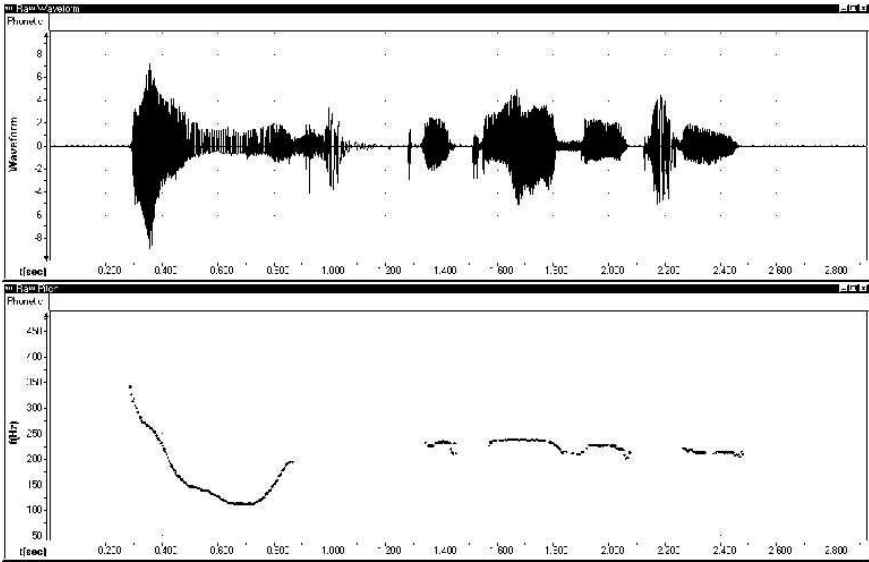
Здесь мы видим подъём частоты на ударном слоге слова *обычай*, которое в данном примере встречается два раза. Заударные слоги *-чай* и *-и* расположены существенно ниже ударного слога.

При интонационной конструкции ИК-4 подъём приходится на заударные слоги акцентоносителя, если они есть. При этом ударный слог акцентоносителя характеризуется падением тона (или низким ровным тоном). Если в слове-акцентоносителе заударных слогов нет, то конечный подъём не пропадает, а сдвигается на конечный или единственный слог акцентоносителя. Тогда на ударном слоге фиксируется характерное для ИК-4 нисходяще-восходящее движение тона. Мы сейчас не приводим всех функций в речи каждой из русских интонационных конструкций, выделенных Е. А. Брызгуновой, а рассматриваем только самые важные или частотные функции. Для ИК-4 наиболее характерным случаем употребления оказываются вопросы с А?: *А обычай? А у них?*

Обратимся к примеру (4), где акцентоносителем служит слово *них*. Мы ясно видим на тонограмме нисходяще-восходящее движение тона, которое фиксируется на слове *них*.

4
(4) А у *них* какие обычаи?

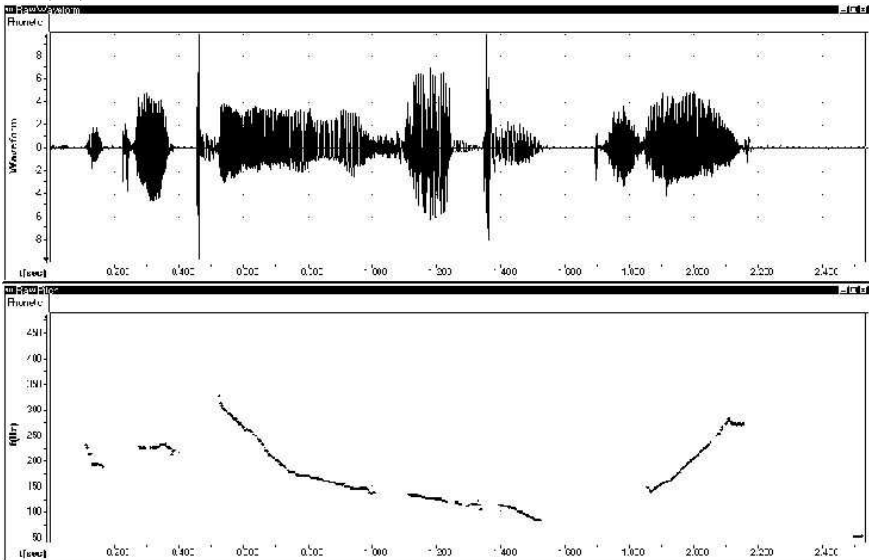
Рис. 4

А у н и х к а к и е о б ы ч а и ?

4
(4а) А какие у них *обычаи*?

Рис. 4а

А к а к и е н и х о б ы ч а и ?

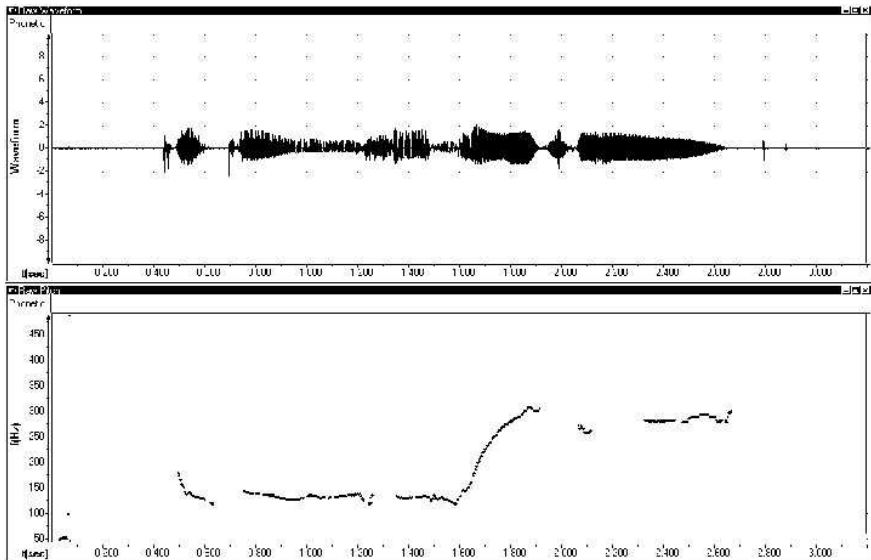
А в примере (4а) с акцентоносителем *обычайи*, подъём приходится уже на заударные слоги, на ударном же слоге *-бы-* наблюдается лёгкое падение.

Таким образом, если сравнить ИК-3 и ИК-4, можно заметить, что ИК-3 в отсутствие заударных слогов просто усекается, т. е. падение, характерное для заударных, перестаёт существовать, а ИК-4 в отсутствие заударных — сжимается, т. к. характерный для заударных подъём сдвигается на конец ударного слога.

Интонационная конструкция ИК-6 характеризуется относительно ровным тоном на заударных, который держится примерно на том же уровне, который был достигнут в результате подъёма на ударном слоге акцентоносителя. В принципе, на заударных слогах может происходить лёгкое поступательное падение, но оно имеет место не всегда и происходит в силу физиологических причин: предложение произносится на выдохе, который способствует падению частоты, а для поддержания тона на высоком уровне требуются специальные усилия. В пример (5) ниже интонационная конструкция ИК-6 привносит мечтательную интонацию человека, который восхищается тем, о чём он говорит. Ударная и заударная область характеризуются растянутостью. Время произнесения слогов увеличивается в полтора-два раза:

(5) *Какие у них обы-ыч а и - и!*

Рис. 5

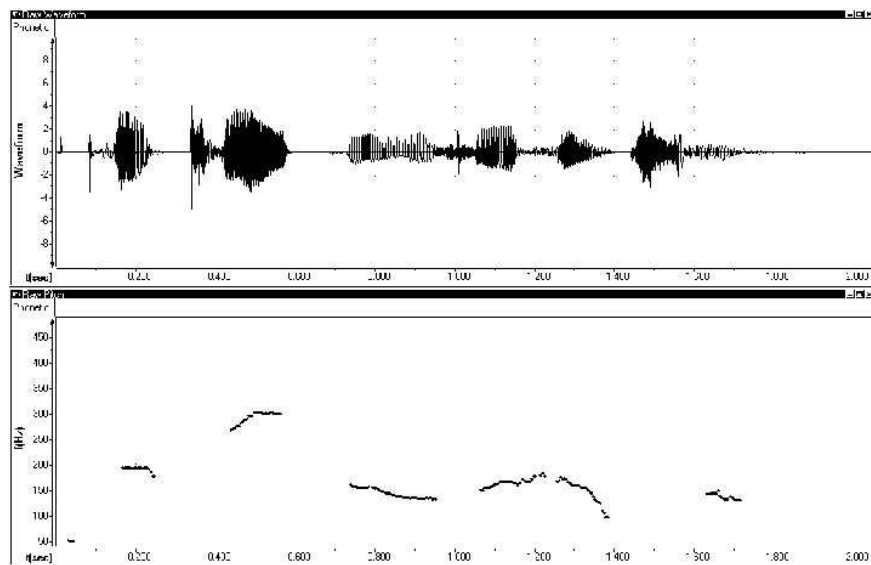
Какие у них обы-ыч а и - и!

Интонационная конструкция ИК-7 стоит несколько особняком. Её отличает то, что ударный гласный акцентоносителя сопровождается так называемой смычкой голосовых связок. Такая же смычка происходит в часто встречающейся в разговорной речи отрицательной реплике *не-а*. Здесь смычка условно соответствует дефису на письме: — *Гулять пойдём?* — *Не-а*; — *Есть хочешь?* — *Не-а*. На ударном гласном ИК-7 фиксируется подъём, а на заударных — падение. В примере (6) эта интонация имеет значение неодобрения. Говорящий средствами интонации обозначает ситуацию, которая состоит в отсутствии обычая у тех, о ком идёт речь: *Какие там могут быть обычаи. И обычаев-то никаких нет. Так только, суеверия одни*. На графике частоты смычка голосовых связок не отображается.

7

(6) *Какие у них обычаи.*

Рис. 6

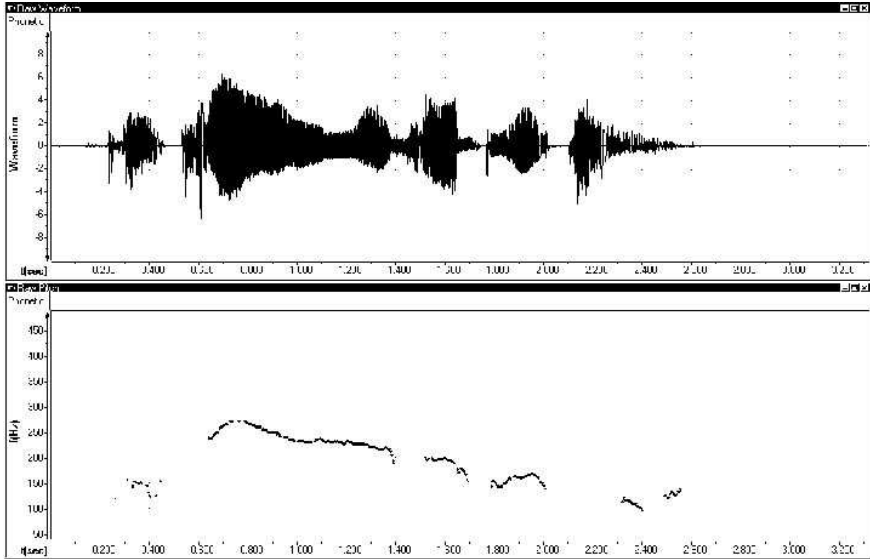
Ка к и е у н и х о б ы ч а и

Мы пропустили здесь интонационную конструкцию ИК-5, потому что многие фонетисты считают, что она может быть описана через подъём ИК-6 плюс падение ИК-1. По определению у этой конструкции не один, а два акцентоносителя. Эта интонационная конструкция характерна для многих восклицательных предложений. Так, в предложении *Какая прекрасная сегодня погода!* с подъёмом на *прекрасная* и падением на *погода* используется ИК-5. Пример про обычаи тоже может

произносится с интонационной конструкцией ИК–5. Тогда слово *какие* несёт подъём, а *обычай* — падение: *Какие у них обычаи! Вы только посмотрите! Как это интересно!*

(7) $\overline{\text{5}}$
Какие у них обычаи!

Рис. 7

Какие у них обычаи!

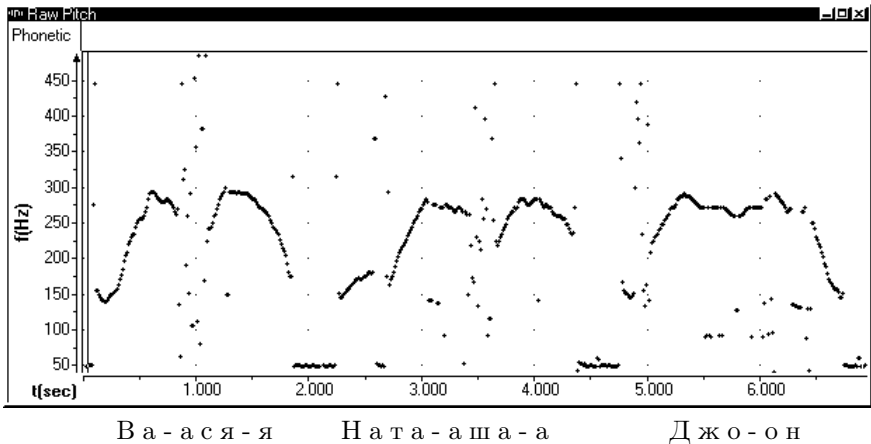
Список из семи интонационных конструкций не исчерпывает всех интонационных возможностей русского языка, но он охватывает большинство важнейших и наиболее распространённых интонационных типов. Используя их, можно сделать сообщение и задать вопрос, а также выразить восхищение и неодобрение. Поэтому интонационные конструкции, выделенные Е. А. Брызгуновой, не только лежат в основе большинства описаний русской интонации, но они также с большим успехом служат в практике обучения русскому языку иностранцев. Все зарубежные русисты прекрасно владеют языком для описания интонации, разработанным Е. А. Брызгуновой, который помогает им правильно интонировать русскую речь.

Обратимся теперь к другим интонационным фигурам русского языка, которые отсутствуют в списке Е. А. Брызгуновой. Примеры интонационных типов, которые мы предлагаем рассмотреть ниже, имеют узкую сферу применения. Мы рассмотрим интонационные конструкции, которые используются, когда мы хотим кого-то позвать.

Пусть тот, кого мы зовём, находится далеко от нас. Русским языком для зова в таких условиях разработана специальная интонационная конструкция, при которой независимо от того, как зовут адресата, его имя получает одну и ту же тональную кривую. Она занимает примерно одинаковое время звучания независимо от длины имени, что можно видеть на тонограмме ниже. Это один из встречающихся во всех языках интонационных типов, которые ложатся на текст «подобно музыке», по выражению знаменитой исследовательницы английской интонации Джэнет Пьерхамберт (J. Pierrehumbert).

(8) *Ва-а-ся-я!*; *Ната-аша-а!*; *Джо-он!*.

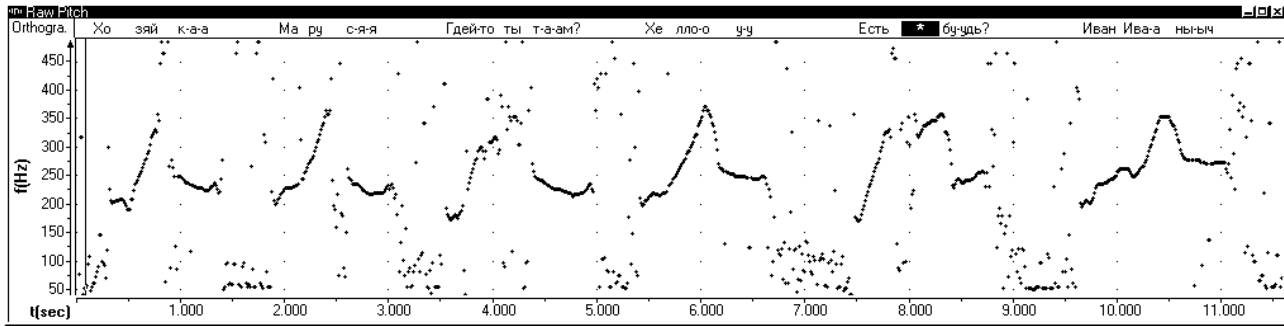
Рис. 8

Другой интонационный тип следует тому же принципу «выпевания». Он тоже практически не зависит от распределения ударных и безударных слогов. Он представлен в ситуации зова адресата, когда слушающий не знает, находится ли адресат в пределах слышимости. Говорящий обращается с призывом к невидимому адресату в пустой или тёмной комнате, в прихожей дома, когда неизвестно, на месте ли хозяйка, к спящему, не будучи полностью уверенным в том, что спящий его слышит, говорящий зовёт слушающего (слышащего или не слышащего его) в толпе, в лесу среди деревьев. Это зов в условиях поиска. Рассмотрим тонограмму.

(9) *Хозяйка-а?!; Маруся-я?!; Где это ты та-ам?!; Хеллоу-у?!; Есть кто-нибудь?!; Иван Иваны-ыч?!*

Рис. 9

Хозяйка-а?!

Маруся?!

Где это ты та-ам?!

Хеллоу-у?!

Есть кто-нибудь?!

Иван Иваны-ыч?!

Здесь мы наблюдаем ровный тон, за которым следует существенный подъём, тяготеющий к ударному слогу. Затем наблюдается падение тона. Оно может приходиться и на изначально ударные, и на безударные слоги. Завершается эта интонационная конструкция растянутым, ровным и достаточно высоким тоном. Конечный тон также не зависит от того, на какие звуки он ложится: несущий материал может быть получен за счёт растяжения последнего гласного звука.

Заметим здесь, что если хотим позвать слушающего, который находится совсем рядом с нами, его имя тяготеет ко второму месту в предложении, оно произносится скороговоркой и на ровном тоне, а имена на *-а/я* (*Маша, Вася*) и отчества усекаются:

(10) *Подвинься, Зин; Я, Вань, такую же хочу; Вы, Марь Санна, не расстраивайтесь так.*

В других языках тоже имеются близкие русским интонационные конструкции с аналогичными функциями. Так, в английском языке имеются аналоги русских ИК-1 с близкими функциями, ИК-3, ИК-4. Однако ясно, что в разных языках функции интонационных типов совпадают редко. И с точки зрения фонетики, т. е. звучания, близкие интонационные типы тоже могут несколько различаться. Так, в английском языке интонационная конструкция, близкая русской ИК-4, всё же отличается от русской и фонетически и функционально. В английском языке заударный подъём совершается в существенно большем диапазоне частот, чем в русском, т. е. он начинается ниже и завершается выше, чем в русском языке. И функции у этой интонационной конструкции несколько иные, чем в русском. В английском языке интонационная конструкция типа русской ИК-4, как правило, обозначает незавершённость текста, т. е. говорит о том, что продолжение повествования следует. В русском же языке ИК-4 тоже может выражать незавершённость текста, но здесь ИК-4 говорит не только о том, что текст не кончился, но ещё и том, что говорящий заранее распланировал свой рассказ и знает, в каком порядке и что он будет говорить. В русском языке это своего рода «рассказ по порядку». Простая же незавершённость в русской речи, как правило, выражается конструкцией ИК-3.

И наконец, мы можем ответить ещё на один вопрос, поставленный нами в начале нашего обсуждения. Какие значения имеет слово *тон*? Можно заметить, что здесь мы использовали слово *тон*, как минимум, в двух значениях. Одно из значений было связано с понятием частоты звуковых колебаний и участвовало в словосочетаниях *падение тона, подъём тона, высокий тон, ровный тон, восходяще-нисходящее движение тона*. Движения тона в данном значении легко было наблюдать на графике частоты. Другое значение слова *тон* проявлялось в словосочетаниях *плаксивый (умоляющий, менторский, грозный)*

тон. Тон в данном значении невозможно проиллюстрировать графиком частоты, потому что здесь тоном называется особая окраска звука, которая определяется положением органов, участвующих в производстве речи, — гортани, губ, носа. Позы этих органов могут изменять звучание речи, придавая ей умоляющий, грозный, утомлённый характер, создавая эффект «металла» или «слёз» в голосе. Для исследования тона в данном значении существуют различные методы, которых мы здесь не касались. Это сюжет для отдельного рассказа. Этой теме посвящены работы Ольги Фёдоровны Кривновой и Сандро Васильевича Кодзасова, а также Наталии Дмитриевны Светозаровой и Григория Ефимовича Крейдлина.

Итак, мы познакомились здесь с интонационными конструкциями русского языка, которые выражают так называемые коммуникативные цели говорящего. В эти цели входит одна из наиболее важных для любого языка и любого говорящего цель — сообщить. Другой важнейшей целью оказывается цель задать вопрос. Мы также показали, что, используя одни только интонационные средства, мы можем восхититься, выразить неодобрение, позвать слушающего, который находится далеко, обратиться к слушающему, которого мы не видим и не знаем, слышит ли он наш зов, и наконец, обратиться к слушающему, который находится совсем рядом. С помощью одной только интонации мы также можем дать понять слушающему, что текущее высказывание нашего повествования не последнее. Это неполный список функций русской интонации, и расширить этот список нам ещё только предстоит.

Литература

- 1) *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М. 1977. С. 180–209.
- 2) *Крейдлин Г. Е.* *Голос и тон* в языке и речи // Язык о языке. М.: Языки русской культуры. 2000. С. 453–501.
- 3) *Русская грамматика* Т. 1, М., Наука. 1982.
- 4) *Светозарова Н. Д.* *Интонация в художественном тексте.* СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2000.
- 5) *Pierrehumbert J. B.* *The Phonology and Phonetics of English Intonation.* PhD thesis. MIT. 1980.

Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры

В Летней лингвистической школе традиционно проводится лингвистическая олимпиада. Поскольку летние олимпиады проходят между Традиционными олимпиадами, организуемыми в учебном году, они получают «промежуточный» номер. В 2004/2005 учебном году состоялась XXXV Традиционная олимпиада по лингвистике и математике. Поэтому в VII Летней лингвистической школе проходила XXXV,5 Олимпиада (тридцать пятая с половиной).

Олимпиада летней лингвистической школы-2005

Условия задач

Олимпиадные задания. 6–8 классы

Задача 1

Даны слова ойратского языка¹ (в латинской транскрипции) в форме именительного и совместного падежей ('дичь' — 'с дичью' и т. д.), а также их переводы на русский язык.

Им. п.	Совм. п.	Перевод
ang	angtai	'дичь'
beye	beyetei	'тело'
biškiür	biškiürtei	'флейта'
buyan	buyantai	'добродетель'
čeriq	čeriqtei	'войско'
čisun	čisuntai	'кровь'
küči	küčitei	'сила'
mörgöl	mörgöltöi	'моление'
tavar	tavartai	'вещь'
zemis	zemistei	'плоды'
zöbči	zöbčitöi	'совет'
züq	züqtei	'сторона'

Один школьник, не очень внимательно ознакомившийся с условием задачи, попробовал образовать формы совместного падежа ещё от шести ойратских слов:

nom 'учение' — nomtöi	sedkil 'мысль' — sedkiltai
zarliq 'указ' — zarliqtai	nasun 'возраст' — nasuntai
čidör 'кандалы' — čidörtei	sakiul 'стража' — sakiultai

Известно, что ровно половину форм невнимательный школьник образовал неправильно.

Задание 1. Исправьте ошибки, допущенные школьником. Поясните Ваше решение.

Задание 2. Образуйте формы совместного падежа от следующих ойратских слов:

modöči 'столяр', oški 'лёгкие', almus 'ведьма', bidan 'мы', bügüde 'все', emči 'врач', ide 'еда', tusburi 'каждый', čino 'волк', mör 'след'.

¹ Ойратский язык — один из мёртвых монгольских языков.

Примечание. *ï* читается примерно как русское *ю* в слове *тюль*, *ö* — как русское *ё* в слове *тётя*, *š* — как *ш*, *č* — как *ч*, *y* — как *й*, *γ* — как звонкое *x*, *q* — особый согласный звук ойратского языка.

Задача 2

Перед Вами — шуточная фраза, представляющая собой описание несуществующего животного «дыбра». В этой фразе пропущены два слова.

Дыбра — это животное в дебрях тундры, вроде ... и выдры, враг кобры и пудры, бодро тибрит ядра кедра в вёдрах и ... добро в недрах.

Задание 1. Заполните первый пропуск в тексте, выбрав нужное слово из следующего списка:

белки, бобра, дромадера, ондатры, тигра.

Задание 2. Заполните второй пропуск в тексте, выбрав нужное слово из следующего списка:

грузит, дробит, крадёт, прячет, тратит.

Задание 3. Текст про «дыбру» можно рассматривать как пародию на несколько (не менее двух) различных жанров. Какие это жанры? В чём отличия данного текста от «серьёзных» текстов, принадлежащих к этим жанрам?

Задание 4. Знаете ли Вы другие тексты, сходные с приведённым текстом про «дыбру»? Если да, назовите их. В чём их сходство с этим текстом и отличия от него?

Поясните Ваше решение.

Задачи по этнографии и фольклористике

Задача 3

Греческий историк Геродот, описывая народы, живущие за скифскими землями, передаёт следующие скифские слухи (сомневаясь в их достоверности). Рассказывая о неврах, живущих к северу от Карпатских гор, он пересказывает скифское поверье о том, что невры, обладая колдовскими способностями, каждую зиму превращаются в волков. Также Геродот передаёт слух о некоем народе, живущем в Уральских горах. Ноги тех людей, согласно этим слухам, покрыты козьей шерстью. Наконец, скифы рассказывали ему о людях, спящих по шесть месяцев в году.

Задание 1. Что, на Ваш взгляд, могло вызвать подобные слухи?

Задание 2. Какой из этих народов жил дальше всего от родины Геродота?

Задача 4

1. На празднике летнего солнцестояния (он же кумысный праздник *Ысыах*) якуты приносили жертвы сверхъестественным существам, разбрызгивая кумыс. Держа над головой кубок кумыса, вилюйский шаман обращался лицом в сторону полуденного летнего солнца и начинал восхвалять *Айыы Тойона* (бог-творец, часто отождествляемый с солнцем), затем, постепенно поворачиваясь налево, славил других божеств. Порядок их перечисления мог быть таким: сначала *Уордаах Джэсэҕэй*, далее *Аыысыт* (букв. пер. с якутского «создатель», богиня, способствующая деторождению) и *Иэйэхсит* (букв. «покровитель», богиня, по функции близкая к ангелу-хранителю) и в конце, повернувшись в сторону летнего восхода солнца, *Ынахсыт* (покровительница рогатого скота). В этом случае полный оборот шамана составлял 135 градусов. В других местностях шаман мог начинать своё движение с востока, поворачиваясь направо, т. е. в противоположном направлении. При этом он заклинал в том числе и различные племена злых духов, начиная с более могущественных и кончая менее могущественными, а в самом конце обращался к *Ынахсыт*. Полный оборот шамана составлял в этом случае 315 градусов.

2. По якутскому мифу, бог сначала сотворил лошадь, а лишь затем человека. Последней на земле появилась корова, которую человек заставил переселиться на землю из воды. Самым большим богатством у якутов считались лошади, обладание только рогатым скотом, напротив, считалось признаком бедности.

3. У якутов существовало гадание при помощи подвешенного на верёвочке шила. Судьба человека предсказывалась в зависимости от того, в каком направлении отклонилось шило от первоначальной точки: на север, на восток, на запад, на юго-восток, на северо-восток, на северо-запад. Эти направления назывались «дорогами» (названия дорог даны в изменённом порядке): *чёртова дорога* (предвещает смерть), *дорога бедности*, *дорога бога конного скота*, *дорога болезней*, *дорога божества рогатого скота*, *дорога к богиням* (предвещает обильное потомство).

Задание 1. В чём заключаются функции божества *Уордаах Джэсэҕэй*?

Задание 2. Какой принцип, по Вашему мнению, лежит в основе последовательности перечисления божеств на вилюйском *Ысыахе*?

Задание 3. Какие стороны света якуты считали благоприятными, а какие нет?

Задание 4. Для каждой из «дорог» якутского гадания определите соответствующее ей направление.

Примечание. *Вилюй* — река в Якутии, приток Лены.

Задачи по русской семантике

Задача 5.1

Дано четыре слова. Задайте такие семантические признаки, чтобы с их помощью можно было различить все эти слова (постарайтесь, чтобы этих признаков было как можно меньше):

волк, кошка, собака, тигр.

Задача 5.2

Подставьте в следующие контексты либо предлог *между* (с творительным падежом существительного), либо предлог *среди* (с родительным падежом существительного) и сформулируйте правила выбора предлога:

... (*вы*) *есть предатель.*

Конверт я поставил на полку ... (две книги).

Я как-то неуютно чувствую себя ... (скалы).

Ты можешь вписать эту фразу ... (строки).

Мы целый день бродили ... (поля) и (леса).

Чтобы из бухты выйти в море, нужно осторожно проплыть ... (скалы).

... (*мы*) *нет секретов.*

Письмо лежит на столе ... (бумага).

Задача 5.3

Ниже приводится фрагмент диалога Алисы и Комара из сказки Л. Кэрролла. Одно из предложений неоднозначно, и собеседники интерпретируют его по-разному. Укажите это предложение и опишите, какую интерпретацию даёт Алиса, а какую Комар. Как можно было бы избежать этого непонимания?

— *А каким насекомым у вас радуются?* — *спросил Комар.*

— *Я никаким насекомым не радуюсь, потому что я их боюсь,* — *призналась Алиса.* — *По крайней мере, больших. Но я могу вам сказать, как их зовут.*

— *А они, конечно, идут, когда их зовут?* — *небрежно заметил Комар.*

— *Нет, кажется, не идут.*

— *Тогда зачем же их звать, если они не идут?*

(Л. Кэрролл

«Алиса в Зазеркалье»,

в переводе Н. Демуровой)

Задачи конкурса «Русский медвежонок»

Задача 6.1

Есть ли в русском языке одушевлённые существительные среднего рода?

- (А) нет;
- (Б) есть, и все они относятся ко второму склонению;
- (В) есть, но ни одно из них не обозначает человека;
- (Г) есть, и большинство из них склоняется, как прилагательные;
- (Д) есть, они образованы с помощью уменьшительного

суффикса *-ишк-*.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.2

Среди приведённых слов выберите слово, происшедшее от того же корня, что и слово *излучина*.

- (А) *лукавый*;
- (Б) *луковый*;
- (В) *излучение*;
- (Г) *лучший*;
- (Д) *получить*.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.3

Даны буквы русского алфавита: *й, ё, ъ, ѓ*. Какое из следующих утверждений верно:

- (А) ни одна из этих букв не может писаться после любой из трех других;
- (Б) ни одна из этих букв не встречается в начале слова;
- (В) ни одна из этих букв не может писаться удвоенно;
- (Г) ни одна из этих букв не встречается перед буквой *о*;
- (Д) ни одно из утверждений (А)–(Г) не верно.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.4

Какие предложения содержат прямое дополнение?

- 1) *Он разговаривал по телефону одну минуту.*
- 2) *Ничто не нарушало тишины.*
- 3) *Налейте мне еще чаю.*
- 4) *Я с интересом прочитал эту книгу.*

- (А) 4;
- (Б) 1, 4;
- (В) все;
- (Г) 3, 4;
- (Д) 2, 3, 4.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.5

Хотя слово *брэзг* — диалектное, слова, производные от этого корня, есть и в литературном русском языке. Что же означает это слово?

- (А) ‘рассвет’;
- (Б) ‘ворчание’;
- (В) ‘брызги’;
- (Г) ‘берег’;
- (Д) ‘брэзент’.

Кратко поясните Ваше решение.

Олимпиадные задания. 9 класс

Задача 1

Даны фразы на языке цоциль² (диалект Сан-Лоренсо-Синакантан) и их переводы:

1. ‘Оу ‘ох ‘ixim ta ana naх.
У тебя дома сегодня была кукуруза.
2. Вu ‘оу ‘ох li Romiп e ‘ок’об?
Где завтра будет Доминго?
3. Ch‘abal ‘ох chenek’ ta jр‘in ро‘от.
В моём горшке скоро не будет фасоли.
4. Ми ‘оу ‘ох k’in ta Jobel ‘ок’об?
Завтра в Сан-Кристовале будет праздник?
5. ‘Оу chan-vun ta batz’i k’op ta Jobel.
В Сан-Кристовале есть школа языка цоциль.
6. Ми ‘оу sbatz’i chi’il li Хun e?
У Хуана есть настоящий друг?
7. Muk’ bu li Хunka e.
Хуаны нигде нет.

---

²Язык цоциль относится к семье языков майя. На нём говорят более 100 000 человек в Мексике.

8. 'Oy 'ox jlekil na po'ot.
У меня скоро будет хороший дом.
9. Mi 'oy 'ox chan-vun ta Jobel junabi?
В Сан-Кристобале была школа год назад?
10. Mi 'oy 'ixim ta p'in lavie?
Сегодня в горшке есть кукуруза?
11. Ch'abal schenek' lavie.
Сегодня у него нет фасоли.
12. 'Oy 'ox lekil vob ta k'in lavie.
На празднике сегодня будет хорошая музыка.
13. K'usi 'oy 'ox ta achan-vun volje?
Что вчера было у тебя в школе?
14. Vu 'oy 'ox k'op nah?
Где сегодня был разговор?
15. Ch'abal 'ox schi'il li Romín e junabi.
Год назад у Доминго не было друга.

Задание 1. Переведите на русский язык:

16. Ch'abal alekil 'ixim.
17. Mi 'oy 'ox vob ta k'in?
18. K'usi 'oy 'ox ta Mexico lavie?
19. 'Oy 'ox k'op ta batz'i k'op ta jna volje.

Если Вы считаете, что какие-то предложения имеют несколько вариантов перевода, укажите это.

Задание 2. Переведите на язык цоциль:

20. Где сегодня праздник?
21. В горшке сегодня ничего не было.
22. У тебя есть настоящий дом.
23. Хуана завтра будет в Сан-Кристобале?
24. Скоро у него не будет горшка.

Примечание. x — согласный звук, похожий на русское *x*; j — согласный звук, похожий на русское *x*; p', t', tz', ch', k', ' — особые согласные звуки языка цоциль.

Задача 2

Даны названия некоторых стран по-русски и их переводы на государственные языки этих стран (некоторые — в упрощённой записи или в латинской транскрипции). Все названия языков, кроме первых двух, опущены.

Русский	Китай	Дания	Эстония	Япония	Латвия	Литва	Польша	Румыния	Россия	Швеция
Шведский	Kina	Danmark	Estland	Japan	Lettland	Litauen	Polen	Rumänien	Ryssland	Sverige
	Zhongguo	Danmai	Eishania	Sheben	Latuoweiya	Litauwan	Bolan	Lwomania	Eguo	Shwejden
	ᑭᑲᑲᑲ	Dānija	Igaunija	Japāna	Latvija	Lietuva	Polija	Rumānija	Krievija	Zviedrija
	Chiny	Dania	Estonia	Japonia	Lotwa	Litwa	Polska	Rumunia	Rosja	Szwecja
	Chugoku	Denmaku	Esutonia	Nippon	Ratovia	Ritoania	Porando	Rumania	Roshia	Suweden
	China	Danemarca	Estonia	Japonia	Letonia	Lituania	Polonia	Romania	Rusia	Suedia
	Kinija	Danija	Estija	Japonija	Latvija	Lietuva	Lenkija	Rumunija	Rusija	Švedija
	Hiina	Taani	Eesti	Jaapan	Läti	Leedu	Poola	Romania	Venemaa	Rootsi
	Kina	Danmark	Estland	Japan	Letland	Litauen	Polen	Rumænien	Rusland	Sverige

Задание 1. Восстановите названия языков. Поясните Ваше решение.

Задание 2. Как Вы думаете, на каком языке Австрия называется Rakousko — на польском, на чешском, на испанском или на монгольском? Обоснуйте свой ответ.

Задача 3

В одном из романов писателя Михаила Успенского, написанном в жанре юмористической фантастики, упоминается город *Весь-на-Понтах*. Это название представляет собой пример чрезвычайно сложной и удачной языковой игры.

Задание 1. Опишите, как построено это название и какие понимания оно допускает. Постарайтесь, чтобы Ваш ответ был как можно более полным.

Задание 2. Какой реальный город вывел Успенский под этим названием? Почему Вы так думаете?

Задачи по этнографии и фольклористике

Задача 4

В якутской мифологии один из этапов шаманского посвящения состоит в том, что тело будущего шамана духи варят в котле и поедают. В дальнейшем общаться с шаманом и помогать ему будут только те духи, которым достался кусочек его мяса.

Шаман Никита Алексеевич Парфёнов, 1903 г. р., рассказывая о своём становлении, упомянул, что одному из духов не хватило кусочка.

Задание 1. Определите, кому именно, если известно, что:

неделю назад Никиту Алексеевича позвали к роженице, он камлал богине плодородия Айыысыт, роды прошли удачно, но пришлось дополнительно принести в жертву белого жеребёнка.

Позавчера к Никите Алексеевичу пришёл сосед, жаловался на неудачу в охоте, просил камлать духу леса и хозяину охоты Баянау. Никита Алексеевич посоветовал окурить ружьё дымом, чтобы вернулась удача в охоте.

Вчера шаман камлал покровительнице рогатого скота Ынахсыт, но чёрная корова так и не выздоровела.

Задание 2. Как бы вы охарактеризовали сферу «профессиональной специализации» Никиты Алексеевича?

Примечание. Камлание — особый ритуал, в ходе которого шаман взаимодействует с духами, приносит им жертвы, просит их о помощи.

Задача 5

Для слова *столпотворение* большинство толковых словарей указывают значение типа «бестолковый шум, суматоха». В современном русском языке это значение практически вытеснено близким, но всё же иным — «давка, огромное стечение народа».

Задание 1. К какому известному сюжету отсылает слово *столпотворение* в его прежнем значении? В состав какого устойчивого выражения оно входит?

Задание 2. Какие причины обусловили изменение значения слова *столпотворение* в современном русском языке? Поясните Ваше решение.

Задачи по русской семантике

Задача 6.1

См. задачу 5.2 для 6–8 классов.

Задача 6.2

Дано пять слов. Задайте такие семантические признаки, чтобы с их помощью можно было различить все эти слова (постарайтесь, чтобы этих признаков было как можно меньше):

море, озеро, пруд, река, ручей.

Задача 6.3

Ниже приведены в алфавитном порядке фразы из рассказа А. Куприна «Куст сирени». Эти фразы составляют начало рассказа (первые два абзаца полностью и одно предложение из третьего). Восстановите авторский текст и обоснуйте своё решение (описав все внутритекстовые связи). Разбейте текст на три абзаца.

1. Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда.

2. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол.

3. До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили. . .

4. Жена, как только увидела его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье. . .

5. Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошёл в свой кабинет.

6. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съёмку местности. . .

7. Она молча пошла следом за мужем.

8. Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами.

Задачи конкурса «Русский медвежонок»

Задача 7.1

Город Великие Луки получил такое название из-за того, что:

- (А) славился мастерами по изготовлению луков;
- (Б) в его окрестностях лук вырастал особенно крупным;
- (В) город прославили его основатель Лука Великий и его сын Лука

Лукич;

- (Г) в нём находится штаб-квартира компании «Лукойл»;
- (Д) река, на которой он стоит, имеет большие излучины.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.2

Даны слова:

- 1) *Вася*; 2) *ответственность*; 3) *чушь*; 4) *чепуха*; 5) *глупость*.

Какие из них могут выступать в качестве прямого дополнения при глаголе *нести*?

- (А) все, кроме 1;
- (Б) все, кроме 2;
- (В) все, кроме 5;
- (Г) все, кроме 3 и 4;
- (Д) все.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.3

Каким словом заканчивается придуманная журналистом и литератором И. Фоянковым фраза *Тарту дорог как город . . .*:

- (А) *встреч*;
- (Б) *побед*;
- (В) *разлук*;
- (Г) *удач*;
- (Д) *утрат*?

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.4

Русское прилагательное *тополиный* значительно отличается от остальных прилагательных с суффиксом *-ин(ый)*. В этом прилагательном не было бы ничего необычного, если бы:

- (А) слово *тополь* относилось бы к женскому роду;
- (Б) слово *тополь* было бы односложным;
- (В) слово *тополь* оканчивалось бы на два согласных звука;

- (Г) слово *тополь* было бы названием животного;
 (Д) слово *тополь* было бы несклоняемым.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.5

Написание одного из перечисленных ниже слов изменилось в процессе развития языка под влиянием произношения. Что это за слово?

- (А) *ходьба*;
 (Б) *косьба*;
 (В) *судьба*;
 (Г) *просьба*;
 (Д) *свадьба*.

Кратко поясните Ваше решение.

Олимпиадные задания. 10 класс

Задача 1

В литовском языке при изменении существительных по числам и падежам ударение может менять своё место, т. е. падать на разные слоги в разных формах слова. Схема, по которой меняется место ударения, называется акцентной парадигмой существительного.

Слоги в литовском языке бывают двух типов. Если ударение падает на слог первого типа, то слог имеет нисходящую интонацию, которая на письме отображается знаком «´», например: *íe, ó, ál*. Если ударение падает на слог второго типа, то слог имеет восходящую интонацию, которая отображается знаком «~», например: *aĩ, õ, iẽ*.

В рамках одного и того же корня и одного и того же окончания тип слога всегда остаётся неизменным. Например, корень *liep* в ударной позиции всегда имеет нисходящую интонацию, а окончание именительного падежа множественного числа *os* — восходящую.

Следующие примеры иллюстрируют четыре основных типа акцентных парадигм существительных в литовском языке (в современном языке они выглядят несколько иначе, но для задачи это несущественно):

Парадигма	1	2	3	4
Пример	липа	рука	голова	зима
Им.ед.	<i>líepo</i>	<i>rankó</i>	<i>galvó</i>	<i>žiemó</i>
Род.ед.	<i>líepos</i>	<i>raĩkos</i>	<i>galvõs</i>	<i>žiemõs</i>
Им.мн.	<i>líepos</i>	<i>raĩkos</i>	<i>gálvos</i>	<i>žiemos</i>
Вин.мн.	<i>líepaNs</i>	<i>rankáNs</i>	<i>gálvaNs</i>	<i>žiemáNs</i>

В конце XIX века великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, изучая акцентные парадигмы литовских существительных, пришёл к выводу, что на более ранней стадии развития в литовском языке было не четыре, а только две акцентных парадигмы. Впоследствии в результате действия некоторого правила (которое сейчас известно как закон Соссюра) в определённых случаях ударение в слове изменило своё место, из-за чего каждая парадигма распалась на две.

Задание 1. Определите, какие акцентные парадигмы ранее были объединены в одну парадигму.

Задание 2. Определите, как выглядели две первоначальные акцентные парадигмы.

Задание 3. Сформулируйте закон Соссюра.

Примечание. *ž* — особый согласный звук литовского языка, *N* указывает, что предшествующий ему гласный имеет особое (носовое) произношение.

Задача 2

См. задачу 2 для 9 класса.

Задача 3

См. задачу 3 для 9 класса.

Задачи по этнографии и фольклористике

Задача 4

После испанского завоевания коренное население Америки претерпело многочисленные притеснения: старые культы были запрещены, за хранение языческих книг ждало суровое наказание. Однако майя быстро научились писать латиницей и использовали её для тех текстов, которые в доиспанские времена записывались оригинальным иероглифическим письмом. Благодаря этому до нас дошло несколько рукописей, написанных в 17–18 веках и хранящихся в деревенских старейшин и в семьях знатных родов. Эти рукописи называются «Книги Чилам-Балам», т. е. «Книги пророка Ягуара» — по имени одного из самых известных прорицателей, предсказавшего приход бледнолицых завоевателей с востока. Они содержат в основном предсказания и псевдоисторические предания, в которые иногда включаются молитвы, ритуальные песнопения или фрагменты мифов.

«Книги Чилам-Балам» многократно переписывались. Естественно, что переписчики совершали ошибки — часто из-за невнимательности, а иногда из-за того, что они уже плохо понимали переписываемые тексты, полные иносказаний и тайного смысла, или просто не умели хорошо

писать и читать. В следующем отрывке переписчик допустил по крайней мере одну ошибку; кроме того, текст, по-видимому, не свободен от искажений и позднейших вставок.

Рушатся небеса,
рушатся на землю,
когда четыре бога,
четыре Бакаба всё это разрушают.
Когда закончилось разрушение мира,
вот помещены деревья Бакабов.
Тогда установилась Красная Сейба на востоке.
Тогда установилось основание неба,
знак разрушения мира,
там разместилась жёлтая иволга.
Тогда установилась Белая Сейба на севере.
Садится белая (птица) чик.
Тогда установилось основание неба,
знак разрушения мира,
это — Белая Сейба.
Тогда установилась Чёрная Сейба на западе.
Тогда установилось основание неба,
знак разрушения мира,
там села черногрудая (птица) пиц'ой.
Тогда установилась Жёлтая Сейба на юге.
Тогда установилось основание неба,
знак разрушения мира,
там села желтогрудая (птица) пиц'ой,
там поместилась также жёлтая иволга
и жёлтая (птица) ойаль мут.
Тогда поднялась Зелёная Сейба в середине,
напоминание о разрушении мира.

Задание 1. Найдите ошибку переписчика. Поясните Ваше решение.

Задание 2. Попробуйте восстановить исходный вид приведённого отрывка. Укажите, какой его фрагмент (фрагменты) подвергся искажению, какое место (места) можно считать позднейшей вставкой. Поясните Ваше решение.

Примечание. *Сейба* — название определённого вида деревьев, *чик*, *пиц'ой* и *ойаль мут* — названия различных видов птиц в языке индейцев майя.

Задача 5

См. задачу 5 для 9 класса.

Задачи по русской семантике

Задача 6.1

Сколько значений слова *стол* представлено в следующих примерах? Дайте им краткие определения и опишите, как они связаны между собой:

- В адресном столе мне дали адрес Петрова.*
На обеденном столе разложили чертежи и документы.
Больному прописали диетический стол.
Давай переставим письменный стол к окну.
Какой у вас сегодня богатый стол!
Если вы потеряли сумку, обратитесь в стол находок.

Задача 6.2

Дано четыре слова. Задайте такие семантические признаки, чтобы с их помощью можно было различить все эти слова (постарайтесь, чтобы этих признаков было как можно меньше):

льстить, хвалить, ругать, клеветать.

Задача 6.3

См. задачу 6.3 для 9 класса.

Задачи конкурса «Русский медвежонок»

Задача 7.1

В русской поэзии XIX века тогдашняя столица России могла называться Петербургом, Петроградом или Петрополем. Эти слова передают одно и то же значение («город Петра») на трёх разных языках. Каких?

(А) Петербург — по-русски, Петроград — по-церковнославянски, Петрополь — по-гречески.

(Б) Петербург — по-немецки, Петроград — по-русски, Петрополь — по-гречески.

(В) Петербург — по-немецки, Петроград — по-церковнославянски, Петрополь — по-гречески.

(Г) Петербург — по-немецки, Петроград — по-церковнославянски, Петрополь — по-латыни.

(Д) Петербург — по-латыни, Петроград — по-гречески, Петрополь — по-русски.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.2

В каком из перечисленных четырёх падежей ни у одного русского существительного не может быть окончания **-у**?

(А) в родительном, (Б) в дательном, (В) в винительном, (Г) в предложном, (Д) в каждом из четырёх перечисленных падежей у существительного может встретиться окончание **-у**.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.3

Даны удвоенные согласные: *гг, дд, жжж, мм, нн, рр, тт*. Какие из этих удвоенных согласных встречаются только в словах иностранного происхождения?

- (А) *гг, дд, жжж*;
- (Б) *мм, нн, рр*;
- (В) *гг, мм, рр*;
- (Г) *гг, рр, тт*;
- (Д) *жжж, мм, тт*.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.4

Даны польские слова в принятой орфографии и в несколько упрощённой русской транскрипции и их русские соответствия:

rybak [рыбак]	<i>рыбак</i>	morzyła [можыла]	<i>морыла</i>
rzeka [жэка]	<i>река</i>	czart [чарт]	<i>чёрт</i>
tarli [тарли]	<i>тёрли</i>	orzech [ожэх]	<i>орех</i>

В каком из следующих польских слов буквосочетание *rz* читается иначе, чем в остальных?

- (А) *rzera*;
- (Б) *gorzeli*;
- (В) *burza*;
- (Г) *grzech*;
- (Д) *marzła*.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 7.5

В стихотворении А. Галича «Песня о Тбилиси» читаем:

Я не сумел понять тебя в тот раз,
 Когда, в туманы зимние оправлен,
 Ты убежал от посторонних глаз,
 Но всё же был прекрасен без прикрас...

Последняя строка содержит цитату из стихотворения «Синий цвет» (перевод Б. Пастернака):

Он прекрасен без прикрас —
 Этот цвет любимых глаз...

Кто автор этого стихотворения?

- (А) Джордж Гордон Байрон;
- (Б) Николоз Бараташвили;

- (В) Поль Верлен;
- (Г) Расул Гамзатов;
- (Д) Иоганн-Вольфганг фон Гёте.

Кратко поясните Ваше решение.

Решения олимпиадных заданий

Решения задач для 6–8 классов

Решение задачи 1

Из условия видно, что выбор суффикса совместного падежа в ойратском языке зависит от гласных звуков основы (такая зависимость называется *сингармонизмом*): если основа содержит звуки *a*, *u* (гласные *заднего ряда*), то выбирается вариант *-tai*, если звуки *e*, *ü* (гласные *переднего ряда*), то выбирается вариант *-tei*, а если звук *ö*, — то вариант *-töi*. Присутствие в основе звука *i* на выбор суффикса не влияет, т. к. этот звук может сочетаться с любыми другими гласными звуками (ср. *čeriq*, *čisun* и *čidör*). Гласные звуки, не входящие в систему сингармонизма, называются *нейтральными*.

Обратимся ко второй части условия. Известно, что из шести форм совместного падежа три невнимательный школьник построил неправильно, а три — правильно. Исходя из выведенных ранее правил, формы *zarliqtai*, *nasuntai* и *saqiultai* — правильные, а формы *čidörtei* и *sedkiltai* — неправильные. Очевидно, что форма *nomtöi* также неправильна, откуда следует, что если в основе слова имеется гласный *o*, то суффикс совместного падежа не может выглядеть как *-töi* (несмотря на то, что звуки *o* и *ö* в принципе похожи). Как же выглядит суффикс совместного падежа при словах с гласным *o* в основе?

Очевидно, что вариант *-tei* не подходит, т. к. он сочетается лишь с основами с гласными переднего ряда (а гласный *o* относится к заднему ряду; кроме того, если даже «наиболее близкий» к *o* переднерядный вариант *-töi* также запрещён при основах с *o*, то вариант с гласным *e* — тем более). Остаётся, по-видимому, единственный засвидетельствованный в задаче заднерядный вариант суффикса, а именно *-tai*. Рассмотрим, однако, более внимательно систему гласных ойратского языка (см. таблицу).

		передний ряд	нейтральный	задний ряд
верхний подъём		<i>ü</i>	<i>i</i>	<i>u</i>
нижний подъём	неогубленные	<i>e</i>		<i>a</i>
	огубленные	<i>ö</i>		<i>o</i>

Мы уже видели, что основным противопоставлением гласных звуков ойратского языка является противопоставление по ряду (оно не касается лишь нейтрального гласного *i*): в слове могут быть либо только гласные переднего ряда, либо только гласные заднего ряда. Кроме того, мы видели, что гласные переднего ряда не однородны: *огубленный* гласный звук *верхнего подъёма* *ü* и *неогубленный* звук *нижнего подъёма* *e* ведут себя в отношении сингармонизма одинаково, требуя варианта суффикса совместного падежа *-tei*. Напротив, *огубленный* гласный звук *нижнего подъёма* *ö* ведёт себя особым образом, сочетаясь лишь со специальным вариантом суффикса совместного падежа *-töi*. Аналогичным образом ведут себя, на самом деле, и гласные заднего ряда: из условия видно, что *огубленный* гласный *верхнего подъёма* *u* и *неогубленный* гласный *нижнего подъёма* *a* ведут себя одинаково и требуют варианта суффикса *-tai*. У нас достаточно оснований предположить, что системы гласных переднего и заднего ряда в ойратском языке устроены симметричным образом, откуда с неизбежностью следует, что *огубленный* гласный заднего ряда *нижнего подъёма* *o* будет занимать в системе гласных заднего ряда то же место, что занимает в системе гласных переднего ряда его «собрать» *ö*, и требовать особого варианта суффикса совместного падежа, а именно, *-toi*.

Теперь можно выполнить задание.

Задание 1. Вместо *nomtöi* должно быть *nomtoi*, вместо *čidörtei* — *čidörtöi*, вместо *sedkiltai* — *sedkiltei*.

Задание 2.	modoči	‘столяр’	—	modočitoi
	oški	‘лёгкие’	—	oškitoi
	almus	‘ведьма’	—	almustai
	bidan	‘мы’	—	bidantai
	bügüde	‘все’	—	bügüdetei
	emči	‘врач’	—	emčitei
	ide	‘еда’	—	idetei
	tusburi	‘каждый’	—	tusburitai
	čino	‘волк’	—	činotoi
	mör	‘след’	—	mörtöi

Решение задачи 2

Текст про «дыбру» организован в первую очередь по фонетическому принципу. Все полнозначные слова, входящие непосредственно в описание дыбры (после слова *животное*), состоят не более чем из двух слогов и обязательно содержат сочетание «звонкий согласный (*б, в* или *д*) + *р*». Таким образом, первый пропуск однозначно заполняется словом *бобра*, второй — словом *дробит*.

Текст про *дыбру* можно рассматривать как пародию, с одной сто-

роны, на словарную (или даже скорее энциклопедическую) статью, с другой — на скороговорку.

От энциклопедической статьи этот текст отличается в первую очередь тем, что, как уже было сказано, его создатели заботились в первую очередь о звучании, и лишь во вторую — о смысле. Кроме того, в энциклопедической статье невозможно появление таких слов, как *бодро* (слишком «неустойчивая», оценочная характеристика — ведь у дыбры может быть и плохое настроение!), *вроде* (неуместно в научном тексте), а тем более *тибрит* (просторечное слово, находящееся далеко за пределами литературной нормы).

От скороговорки описание дыбры отличается тем, что без записок произнести скороговорку должно быть по возможности сложно, тогда как эта фраза вряд ли вызовет затруднения у кого-либо, кроме разве что не выговаривающих букву *p*. Можно ещё добавить, что скороговорка чаще всего представляет собой описание некоторой ситуации, «сценку», как правило, разворачивающуюся в прошедшем времени («Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет»; «Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали»), и никогда не строится по модели «X — это Y».

Как это ни удивительно, широко известных текстов, близко сходных с текстом про дыбру, по-видимому, нет. Можно вспомнить знаменитую «глокую куздру»³, также весьма фонетически выразительную и даже несколько напоминающую «дыбру» на слух, но построенную по совершенно иному принципу: из слов с выдуманными корнями, хотя и в полном соответствии с правилами русской морфологии и синтаксиса. С другой стороны, можно назвать множество текстов, в которых соблюдены те или иные ограничения, касающиеся слов, из которых они состоят: например, все эти слова должны начинаться на определённую букву («Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж») или состоять не более чем из одного слога («Вот бар. Там есть стол. На нём — чай, сок, ром. . . »).

Задачи по этнографии и фольклористике

Решение задачи 3

Задание 1. Возникновение поверья о неврах могло быть вызвано несколькими разными причинами. Наиболее правдоподобными представляются три из них.

---

³Имеется в виду фраза *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрѣнка*, когда-то предложенная известным русским языковедом Л. В. Щербой (1880–1944) студентам для разбора. См. об этом, напр., заметку Лидии Булатовой в томе 10 Энциклопедии для детей. Языкознание. Русский язык. — 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аванта+, 2001, с. 160.

Самое простое объяснение состоит в том, что в холодную погоду невры использовали в качестве одежды волчьей шкуры.

Другой вариант: с неврами скифы сталкивались преимущественно в летние месяцы (перейти Карпаты зимой — и поныне нелегкая задача), а с волками — чаще зимой (летом, когда в лесах вдосталь еды, волки стараются не приближаться к человеческому жилью). Это могло навести их на мысль, что невры и волки — в каком-то смысле одно и то же.

Наконец, согласно третьей гипотезе (никак не отменяющей двух других), это скифское поверье — просто отражение издавна бытовавших в Центральной и Восточной Европе и окончательно не исчезнувших до сих пор представлений о волках-оборотнях (известных под именем волколаков, вурдалаков, вервольфов и т. д.).

«Ноги, покрытые козьей шерстью», — это, несомненно, меховая обувь, прожить без которой в суровом уральском климате было просто невозможно.

Наконец, рассказы о людях, которые спят по шесть месяцев в году, — по всей вероятности, отражение впечатлений каких-то путешественников о полярной ночи. Логическое обоснование для такого вывода могло быть следующим. Поскольку ночь — это время для сна, то если ночь длится шесть месяцев, значит, на эти шесть месяцев люди впадают в спячку.

Задание 2. Народ, якобы спавший по шесть месяцев, должен был жить за Полярным кругом. Он-то и располагался дальше всего от родины Геродота — Греции.

Решение задачи 4

Для того, чтобы решить эту задачу, надо хотя бы немного представлять себе географию. Якутия находится далеко от экватора, в северном полушарии (частично даже за Полярным кругом), значит, летом солнце там восходит не точно на востоке, а на северо-востоке (точно на востоке оно восходит лишь дважды в году — в дни весеннего и осеннего равноденствия, а зимой восходит на юго-востоке). Значит, покровительница рогатого скота *Бнахсыт* связана с северо-восточным направлением. А вот в полдень солнце в любом полушарии и в любое время года — на юге, так что направление бога-творца *Айыы Тойона* — это юг.

На кумысном празднике вилюйский шаман поворачивался с юга на 135° , т. е. через юго-восток и восток на северо-восток (три раза по 45°). При этом он прославлял божество по имени *Уордаах Джэсёгэй*, а также *Аыысыт*, *Иэйэхсит* и *Бнахсыт*. Неужели придётся делить 135° на 4? Нет, всё гораздо проще: ведь в условии одно из направлений обозначено как «дорога к богиням» — то есть, с одной из сторон

света связаны сразу два божества. Собственно, так в условии и сказано: «сначала» (юго-восток) — *Уордаах Джэсёгёй*, «далее» (восток) — «*Аыысыт* и *Иэйэхсит*», а «в конце» (северо-восток) — *Бнахсыт*.

Таким образом, несколько направлений нам уже известны:

Божество	Функция	Сторона света	Дорога
Айыы Тойон	бог-творец	юг	
Уордаах Джэсёгёй		юго-восток	
Аыысыт Иэйэхсит	способствует деторождению «ангел-хранитель»	восток	к богиням
Бнахсыт	покровительница рогатого скота	северо-восток	божества рогатого скота

Осталось только одно божество — бог конного скота, следовательно, мы можем выполнить **задание 1**: именно конями и «ведает» *Уордаах Джэсёгёй*. Соответственно, направление на юго-восток и есть *дорога бога конного скота*.

Все эти направления, очевидно, благоприятны — с неблагоприятными направлениями связаны не боги, а злые духи, к которым вилюйский шаман не обращался.

Зная функции всех божеств, легко справиться с **заданием 2**: порядок перечисления божеств соответствует порядку творения: сначала был бог-творец (*Айыы Тойон*), потом появилась лошадь (покровитель лошадей — *Уордаах Джэсёгёй*), потом — человек (ему покровительствуют богини *Аыысыт* и *Иэйэхсит*), и, наконец, корова (*Бнахсыт*). Наверное, и по могуществу, и по значимости эти божества располагались в таком же порядке.

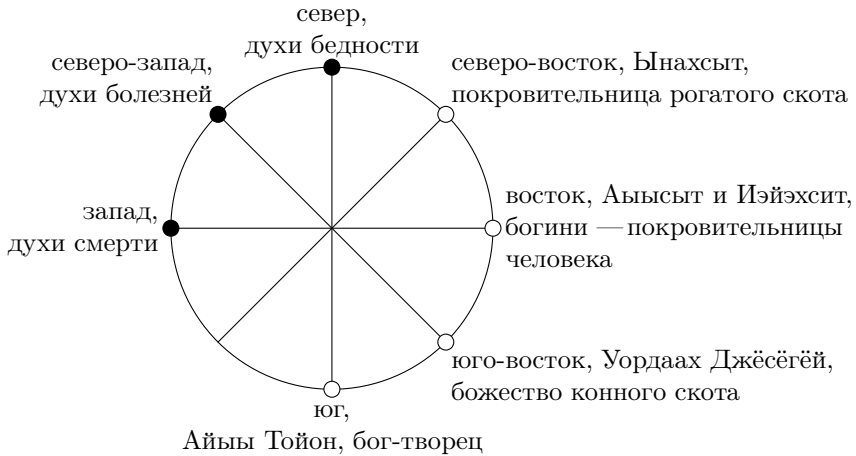
В других местностях шаман поворачивался в противоположном направлении: с востока (*Аыысыт* и *Иэйэхсит*) через юго-восток (*Уордаах Джэсёгёй*), юг (*Айыы Тойон*), юго-запад, запад, северо-запад и север к северо-востоку (*Бнахсыт*), т. е. на 315 градусов.

Каков же был порядок перечисления злых духов? Кто считался сильнее — духи смерти, болезни или бедности? Наиболее могущественными, очевидно, должны быть духи смерти, так как они могут в наибольшей степени навредить человеку. Наименее же вредоносны духи бедности («лучше быть бедным и здоровым, чем богатым, но больным»).

Но сторон осталось четыре, значит, одной из них никакой злой дух не соответствует. Какой же? Наиболее вероятно, что духи бедности должны располагаться поблизости от *Бнахсыт*, поскольку обладание

только рогатым скотом, как сказано в условии, считалось признаком бедности. Значит, север ассоциируется с бедностью, северо-запад — с болезнями, а запад — со смертью.

Итак, общая схема расположения якутских божеств и духов (белым отмечены благоприятные, чёрным — неблагоприятные стороны света):

Определить, благоприятным или неблагоприятным считалось юго-западное направление, мы не можем, поскольку о том, что находится на юго-западе, в условии ничего не сказано. Впрочем, это и для самих якутов было не вполне очевидно — в разных частях Якутии бытовали разные мнения на этот счёт. А в гаданиях юго-запад не упоминался вовсе.

Выпишем ответы на задания 3 и 4.

Задание 3. Благоприятными якуты считали юг, юго-восток, восток, северо-восток, неблагоприятными — запад, северо-запад, север.

Задание 4. Чёртова дорога — запад, дорога бедности — север, дорога бога конного скота — юго-восток, дорога болезней — северо-запад, дорога божества рогатого скота — северо-восток, дорога к богиням — восток.

Задачи по русской семантике

Решение задачи 5.1

Признаки: семейство (собачьи, кошачьи) и «дикость» (дикие, домашние).

	дикое	домашнее
семейство кошачьих	<i>тигр</i>	<i>кошка</i>
семейство собачьих	<i>волк</i>	<i>собака</i>

Решение задачи 5.2

Предлоги *между* и *среди* имеют чёткие пространственные значения. Предлог *между* используется тогда, когда соответствующие предметы находятся с двух противоположных сторон. Предлог *среди* используется, когда вокруг (с разных сторон) много соответствующих предметов. Иногда в одном контексте возможны оба предлога, но при этом они обозначают разные ситуации. Ср. *Мы шли между машинами* и *Мы шли среди машин*.

Кроме пространственных значений у этого предлога есть и другие. *Среди* возможно также в ситуации выбора одного элемента из однородного ряда: *Среди вас есть предатель* (предл. 1), а *между* в случае установления отношений или связей: *Между нами нет секретов* (предл. 7).

Таким образом, примеры с пространственными предлогами чётко разбиваются на две группы: в первой используется предлог *между* — *Конверт я поставил на полку между двумя книгами* (предл. 2), *Ты можешь вписать эту фразу между двумя строками* (предл. 4), *Чтобы из бухты выйти в море, нужно осторожно проплыть между двумя скалами* (предл. 6); а во второй — *среди*: *Я как-то неудобно чувствую себя среди скал* (предл. 3), *Мы целый день бродили среди полей и лесов* (предл. 5), *Письмо лежит на столе среди бумаг* (предл. 8).

Решение задачи 5.3

Неоднозначно предложение из реплики Алисы — *Но я могу вам сказать, как их зовут*.

Неоднозначность предложения вызвана многозначностью глагола *звать*: ‘иметь имя’ и ‘голосом побуждать приблизиться’. Алиса имеет в виду имена (точнее, названия) насекомых, которые она готова сообщить собеседнику. Комар же интерпретирует фразу вторым образом и удивляется, зачем *звать* (побуждать приблизиться) насекомых, если они всё равно не идут. Точнее была бы фраза Алисы *Но я могу вам сказать, как их называют*, в ней как раз нет никакой неоднозначности. А второй смысл лучше передать глаголами *подзывать* или *призывать*.

Задачи конкурса «Русский медвежонок»

Решение задачи 6.1

Слово *дитя* сразу отмечает не только ответ (А), но и остальные неверные: (Б) не годится, так как *дитя* не относится ко 2-му склонению;

(В) — поскольку *дитя* обозначает человека; (Д) не подходит, ибо слово *дитя* не содержит суффикса *-ишк-*. Остаётся ответ (Г). Действительно, кроме слова *дитя* и существительных типа *чудище*, *чудовище*, к одушевлённым существительным среднего рода относится масса так называемых субстантивированных прилагательных и причастий, т. е. прилагательных и причастий, перешедших в разряд существительных и продолжающих склоняться, как прилагательные: *животное*, *насекомое*, *млекопитающее*, *пресмыкающееся*, *парнокопытное*, *травоядное*, *земноводное* и т. д.

Решение задачи 6.2

От того же корня, что и *излучина*, происходит слово *лукавый*. *Лукавый* значит ‘хитрый, коварный, изворотливый’. *Излучина* — ‘крутой изгиб, поворот (реки)’. Оба слова восходят к древнему корню *лук(а)* с основным значением ‘изгиб, залив’ и переносным ‘коварство, хитрость’. Ср. тот же корень в слове *лукоморье*. В слове *луковый* выделяется корень *лук-* с чередованием *к/ч* (ср. *лучок*), однако ничего общего с *излучиной* в значении этот корень не имеет. Аналогичная ситуация со словом *излучение*. Здесь тоже омонимичный корень *-луч-*. В слове *лучший* корень *лучш-*. В слове *получение* — *получ-*. Ответ (А).

Решение задачи 6.3

Утверждение (А) неверно: в русском языке возможно и буквосочетание *ёй* (*землёй*), и буквосочетание *вё* (*льёт*), и буквосочетание *вё* (*подвём*). Утверждение (Б), разумеется, также ошибочно; чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, например, слова *ёжик* и *йогурт*. Кстати, последнее (наряду со словами типа *бульон*) может служить и опровержением утверждения (Г). В то же время утверждение (В) совершенно верно: буквосочетания *йй*, *ёё*, *вь* и *вз* в русском языке действительно не встречаются. Ответ (В).

Решение задачи 6.4

Прямое дополнение употребляется при переходном глаголе. Как правило, такое дополнение стоит в форме винительного падежа без предлога. Классический случай прямого дополнения представлен в задаче в примере (4): *Я с интересом прочитал эту книгу*. В двух случаях винительный падеж прямого дополнения может заменяться на родительный (дополнение при этом остаётся прямым!):

а) если глагол употреблён в отрицательной форме, как в примере (2): *Ничто не нарушало тишины* (ср. *Это нарушало тишину*);

б) при обозначении части вещества, как в примере (3): *Налейте мне ещё чаю* (ср. *Налей в чашку весь чай* — здесь речь идёт не о части, а обо всём имеющемся веществе, поэтому употреблён винительный падеж).

Таким образом, примеры (2)–(4) содержат прямые дополнения. В примере (1) есть существительное в винительном падеже — (одну) *минуту*. Однако оно является не дополнением, а обстоятельством времени и, соответственно, отвечает не на вопрос прямого дополнения «что?», а на вопрос обстоятельства времени «как долго? сколько времени?». Ответ (Д).

Решение задачи 6.5

Диалектное слово *брезг* означает ‘рассвет’. Об этом можно догадаться, вспомнив слова литературного языка *брезжитъ*, *забрезжитъ*. Ответ (А).

Решения задач для 9 классов

Решение задачи 1

Анализ условия позволяет заключить, что:

1. В утвердительных и вопросительных предложениях употребляется слово ‘оу ‘быть, иметься’. Утвердительные предложения с него начинаются.

2. Общие вопросы предвараются словом *mi*. Частные вопросы предвараются вопросительными словами *bu* ‘где’ или *k’usi* ‘что’.

3. Общеотрицательные предложения предвараются словом *ch’abal*. Частное отрицание строится с помощью словосочетаний *muk’ bu* ‘нигде’ или *muk’ k’usi* ‘ничего’, также ставящихся на первое место в предложении.

4. Настоящее время никак специально не обозначается. Прошедшее и будущее время обозначаются словом ‘ох, следующим за ‘оу, *ch’abal*, *muk’ bu* или *muk’ kusi*.

5. Слово, называющее человека или объект, о (не)существовании или местонахождении которого идёт речь, ставится в предложении после слов, описанных выше. При этом имена людей обрамляются показателем *li . . . e* (на самом деле это определённый артикль).

6. Место и время действия (в этом порядке) обозначается словами или словосочетаниями, ставящимися в конец предложения.

7. Время действия обозначают слова *junabi* ‘год назад’, *volje* ‘вчера’, *naх* ‘сегодня, до момента речи’, *lavie* ‘сегодня, в момент речи или после него’, *ok’ob* ‘завтра’, *po’ot* ‘скоро’. Место действия обозначают словосочетания с предлогом *ta*. Этот предлог выступает и в других функциях.

8. Принадлежность первому, второму и третьему лицу обозначается префиксами *j-*, *a-* и *s-*, соответственно. В случае, если принадлежность относится к чему-либо, названному словосочетанием прилагательного с

существительным, эти префиксы присоединяются к первому слову (т. е. к прилагательному).

9. Язык цоциль называется batz'i k'op, буквально 'настоящий разговор'.

Задание 1. Переводы на русский язык:

Ch'abal alekil 'ixim.	У тебя нет хорошей кукурузы.
Mi 'ou 'ox vob ta k'in?	Была ли/будет ли музыка на празднике?
K'usi 'ou 'ox ta Mexico lavie?	Что будет сегодня в Мехико?
'Ou 'ox k'op ta batz'i k'op ta jna volje.	У меня дома вчера был разговор на языке цоциль.

Задание 2. Переводы на язык цоциль:

Где сегодня праздник?	Bu 'ou k'in lavie?
В горшке сегодня ничего не было.	Muk' k'usi 'ox ta p'in nah.
У тебя есть настоящий дом.	'Ou abatz'i na.
Хуана завтра будет в Сан-Кристобале?	Mi 'ou 'ox li Xunka e ta Jobel 'ok'ob?
Скоро у него не будет горшка.	Ch'abal 'ox sp'in po'ot.

Решение задачи 2

Для удобства пронумеруем языки в таблице.

При анализе таблицы бросается в глаза, что в большинстве случаев названия стран на разных языках очень похожи. Ещё большее сходство можно обнаружить, отметив в некоторых языках фонетические закономерности видоизменения названий: замена [л] на [р] (№ 6) или [р] на [л] (№ 3), превращение закрытых слогов в открытые (№ 6), превращение кратких гласных в долгие (№ 9). Однако и с учётом этих закономерностей остаются названия стран, слишком непохожие на названия на остальных языках, явно имеющие иное происхождение (в таблице они выделены жирным). Выпишем их русские названия:

№ 1: Китай; № 3: Китай, Япония, Россия; № 4: Эстония, Россия; № 6: Китай, Япония; № 8: Польша; № 9: Россия, Швеция.

Можно заметить, что такие «непохожие» названия в каждом языке относятся к странам, географически расположенным близко друг к другу. При этом «непохожие» названия восточных стран есть в трёх языках (№ 1, № 3 и № 6), один из которых (№ 1) по условию русский. Можно предположить, что на двух оставшихся языках (№ 3 и № 6) говорят как раз в тех двух странах, которые сами расположены на востоке, то есть Япония и Китай. Это подтверждается и теми знаниями, которыми школьники могут обладать о японском и китайском языке (их непохожесть на европейские языки, отсутствие двух разных согласных

на месте [p] и [л]). Заметим, что в обоих языках собственная страна называется не так, как на всех прочих.

Какой же из языков № 3 и № 6 японский, а какой — китайский? Можно предположить, что на китайском языке «непохожими» (вероятнее всего, своими, незаимствованными) словами по каким-то историческим причинам называются страны, с которыми китайцы имеют более давние отношения — то есть те, которые ближе к Китаю: Россия и Япония. Тогда китайский язык — № 3, а японский — № 6. Посмотрим, подтверждается ли это предположение на остальном материале.

В трёх оставшихся языках (№ 4, № 8, № 9) непохожие названия относятся к Восточной Европе (Эстония, Польша, Россия). Из представленных в задаче стран к Восточной Европе относятся, кроме России, пять: Румыния, Эстония, Польша, Латвия и Литва. При этом с Россией из этих стран граничат две (Латвия и Эстония), с Польшей — одна (Литва)⁴. Если наше предположение верно, получается, что две страны, имеющие собственное название для России (№ 4 и № 9) — это Латвия и Эстония, а единственная страна, имеющая собственное название для Польши (№ 8) — это либо сама Польша, либо Литва.

Какой же из языков № 4 и № 9 латышский, а какой — эстонский? Обе эти страны не граничат со Швецией, хотя и расположены к ней ближе всех остальных; к тому же определить, является ли название *Zviedrija* в языке № 4 родственным остальным названиям Швеции, сложно. Таким образом, это остаётся пока неясным: либо № 4 — эстонский язык, и в нём для собственной страны есть особое название, как в Японии и Китае, либо, наоборот, № 4 — латышский язык, и в нём есть собственные названия для некоторых соседей (России и Эстонии).

Такая же ситуация с языком № 8: либо это польский язык, в котором имеется собственное название для Польши, либо литовский — язык единственной из представленных в задаче стран, граничащих с Польшей.

Если сравнить «похожие» названия стран на языках № 4, № 8 и № 9, можно обнаружить, что № 4 и № 8 похожи между собой больше, чем № 4 и № 9 либо № 8 и № 9; предположим, что это близкородственные латышский и литовский языки. Это предположение подтверждается и тем, что названия Латвии и Литвы в этих языках просто совпадают. Тогда № 9 — эстонский язык (это подтверждается теми знаниями, которыми школьники могут о нём обладать: наличие долгих гласных и оглушение начальных согласных (Taani)).

---

⁴ Кроме того, отдельно расположенный регион РФ — Калининградская область — граничит с Польшей и Литвой. Но, как известно, эта территория стала частью России заведомо позже того времени, когда оформились представленные в задаче названия стран.

Таблица к решению задачи 2 для 9 класса.

1.Русский	Китай	Дания	Эстония	Япония	Латвия	Литва	Польша	Румыния	Россия	Швеция
2.Шведский	Kina	Danmark	Estland	Japan	Lettland	Litauen	Polen	Rumänien	Ryssland	Sverige
3.Китайский	Zhongguo	Danmai	Eishania	Sheben	Latuoweiya	Litauwan	Bolan	Lwomania	Eguo	Shwejden
4.Латвийский	Ķīna	Dānija	Igaunija	Japāna	Latvija	Lietuva	Polija	Rumānija	Krievija	Zviedrija
5.Польский	Chiny	Dania	Estonia	Japonia	Lotwa	Litwa	Polska	Rumunia	Rosja	Szwecja
6.Японский	Chugoku	Denmaku	Esutonia	Nippon	Ratovia	Ritoania	Porando	Rumania	Roshia	Suveden
7.Румынский	China	Danemarca	Estonia	Japonia	Letonia	Lituania	Polonia	Romania	Rusia	Suedia
8.Литовский	Kinija	Danija	Estija	Japonija	Latvija	Lietuva	Lenkija	Rumunija	Rusija	Švedija
9.Эстонский	Hiina	Taani	Eesti	Jaapan	Lāti	Leedu	Poola	Romania	Venemaa	Rootsi
10.Датский	Kina	Danmark	Estland	Japan	Letland	Litauen	Polen	Rumænien	Rusland	Sverige

Курсивом дана информация (названия языков), полученная в процессе решения задачи.

Теперь остаётся определить языки № 5, № 7 и № 10, в которых «непохожих» названий нет. Легко заметить, что названия в одном из них (№ 10) очень похожи на шведские; предположим, что это близкородственный ему датский. Что касается языков № 5 и № 7, то один из них (и единственный в задаче) является славянским, и в нём должно быть больше названий, похожих на русские. Действительно, такие названия есть в языке № 5 (Литва, Дания, Швеция); предположим, что это польский язык; тогда № 7 — румынский.

Итак, подтверждается ли наше предположение о том, что «непохожие» названия имеются в языках либо для собственной страны, либо для её соседей? Да: такие названия есть в китайском (Китай, Япония, Россия), японском (Япония, Китай), русском (Китай), латышском (Россия, Эстония, м. б. Швеция), литовском (Польша), эстонском (Россия, Швеция). Ни одного контрпримера в задаче нет.

Это даёт нам возможность выполнить **задание 2**: из Польши, Чехии, Испании и Монголии Австрия граничит только с Чехией. Действительно, Rakousko — чешское название для Австрии.

Решение задачи 3

Название *Весь-на-Понтах* порождает множество ассоциаций. Оно устроено так же, как *Франкфурт-на-Майне*, *Ростов-на-Дону* и другие названия городов, стоящих на реках, при этом оба знаменательных слова, входящих в его состав, могут быть поняты несколькими разными способами.

Первая его часть может представлять собой как местоимение мужского рода единственного числа *весь*, так и устаревшее существительное женского рода *весь*, обозначающее деревню, небольшое поселение и сохранившееся в составе выражения *по городам и весям*. Существует, вообще говоря, и третий вариант: можно вспомнить летописное племя *весь* — древнерусское название небольшого финно-угорского народа *вепсов*, и поныне живущего на северо-западе России. Однако эта ассоциация, скорее всего, относится к числу непредусмотренных автором.

Вторая часть имеет минимум три значения. Во-первых, ‘мост’ — от латинского *pons*, род. п. *pontis*. Из латыни это слово перешло в романские языки — например, самый старый мост в Париже носит название *Пон-Нёф* (Замечательно, что это название буквально означает ‘Новый мост’! Конечно, «новым» он был, когда его только построили, просто с тех пор построили ещё много мостов, а все более старые мосты давно уже разрушены); в русском языке есть происходящее от этого корня слово *понтон*.

Во-вторых, ‘море’ — из древнегреческого; наиболее известно греческое название Чёрного моря — *Понт Эвксинский*.

Наконец, в-третьих, есть жаргонное слово *понты*: *кидать понты* — ‘важничать, стараться придать себе в глазах окружающих больше значения, чем есть на самом деле’. Тогда город получается в высшей степени понтовым, кичащимся своей роскошью, военными успехами и так далее.

Задание 2. Замечательным образом, все перечисленные выше ассоциации ни в коей мере не противоречат друг другу. Если свести их воедино, получится нечто вроде **«горделивый приморский город, целиком стоящий на мостах»** — такой едва ли не один во всём мире: это Венеция (так что название, придуманное М. Успенским, может вызвать ещё и фонетические ассоциации со своим прототипом!).

Задачи по этнографии и фольклористике

Решение задачи 4

Задание 1. Кусочка не хватило Баянау. Как видно, когда сосед пришёл к Никите Алексеевичу с жалобой на неудачу в охоте, тот даже не сделал попытки обратиться к духу леса, зная, что это бесполезно, а дал совет «из общих соображений». Что же касается общения с Ынахсыт по поводу чёрной коровы. . . что ж, от неудач никто не застрахован.

Задание 2. Никита Алексеевич специализируется на домашних, бытовых аспектах жизни людей — семья, рождение детей, домашнее хозяйство. Такая сфера деятельности, как охота, находится вне его компетенции — именно потому, что во время посвящения Баянау кусочка не досталось.

Решение задачи 5

Слово *столпотворение* отсылает к библейскому (ветхозаветному) сюжету о строительстве Вавилонской башни и входит в состав устойчивого выражения *вавилонское столпотворение*.

Первоначальное значение этого выражения — «суматоха, неразбериха» (возникшая после того, как Господь, чтобы наказать за гордыню людей, замысливших построить башню до самого неба, заставил их говорить на разных языках).

Буквальное значение слова *столпотворение* — «творение столпа, т. е. башни». Однако в современном русском языке слово *столп* в значении «башня» практически не употребляется. Кроме того, знанием библейских сюжетов и библейской фразеологии могут сейчас похвастаться далеко не все, а во времена СССР дело обстояло ещё хуже.

В результате структура и значение слова *столпотворение* были переосмыслены — оно стало восприниматься не как однокоренное слову

столп, а как однокоренное слову *толпа*; ну, а *творение* (*создание*) *толпы* — это и есть «давка, огромное стечение народа». Правда, при таком осмыслении слова *столпотворение* в нём необходимо выделять ещё и приставку *с-*; однако соединение этой приставки с корнем *толп-* в русском языке вполне возможно — оно представлено в глаголе *столпиться*.

Задачи по русской семантике

Решение задачи 6.2

При решении этой задачи возникает несколько дискуссионных проблем. Так, возможны две интерпретации противопоставления моря и озера — научная и наивная. В зависимости от этого придётся выбирать разные признаки. Для наивной точки зрения (которая отражается и в названиях географических объектов, например, *Каспийское море*) важен лишь размер. Для научной — замкнутость: озеро замкнуто, а море открыто и в конечном счёте соединено с Мировым океаном. Останемся на наивной точке зрения.

Другая проблема связана с тем, как различить озеро и пруд. Вообще говоря, здесь также можно использовать признак размера, хотя это и не вполне точно. Правильнее говорить об искусственном и естественном происхождении. Правда, в этом случае придётся пренебречь искусственными морями, являющимися по существу водохранилищами. В некоторых словарях такое употребление выделено в отдельное значение.

Наконец, последняя проблема связана с наличием течения. С его помощью можно противопоставить водоёмы (море, озеро, пруд) и водные потоки (река, ручей). Однако течение бывает и в море, но там оно локально, и, возможно, непостоянно. Именно поэтому простую формулировку «наличие течения» приходится усложнить.

Признаки: размер (большой, небольшой), наличие постоянного течения всей воды (есть, нет), происхождение (естественный, искусственный).

Море — ‘большой, естественный, без течения’;

озеро — ‘небольшой, естественный, без течения’;

пруд — ‘искусственный, без течения’;

река — ‘большой, с течением’;

ручей — ‘небольшой, с течением’.

Решение задачи 6.3

Порядок фраз: 5–4–7–2–8; 1–6; 3 («;» — граница абзаца).

Куст сирени (фрагмент)

Николай Евграфович Алмазов едва дождался, пока жена отворила ему двери, и, не снимая пальто, в фуражке прошёл в свой кабинет.

Жена, как только увидела его насупившееся лицо со сдвинутыми бровями и нервно закушенной нижней губой, в ту же минуту поняла, что произошло очень большое несчастье. . . Она молча пошла следом за мужем. В кабинете Алмазов простоял с минуту на одном месте, глядя куда-то в угол. Потом он выпустил из рук портфель, который упал на пол и раскрылся, а сам бросился в кресло, злобно хрустнув сложенными вместе пальцами.

Алмазов, молодой небогатый офицер, слушал лекции в Академии генерального штаба и теперь только что вернулся оттуда. Он сегодня представлял профессору последнюю и самую трудную практическую работу — инструментальную съёмку местности. . .

До сих пор все экзамены сошли благополучно, и только одному Богу да жене Алмазова было известно, каких страшных трудов они стоили. . . (А. И. Куприн)

Три абзаца соответствуют трём планам изложения. В первом абзаце описывается конкретная ситуация прихода Алмазова домой. Начальная позиция этого абзаца вытекает из того, что именно в нём Алмазов как бы представлен, то есть упомянут полным именем, включающим личное имя, отчество и фамилию. Во втором абзаце описывается предыстория. В третьем абзаце происходит возвращение к конкретной ситуации, вновь упоминается его жена.

Принципиальной и безусловной является граница между первым и вторым абзацем. Вторая граница менее очевидна (третий абзац можно тоже считать предысторией), хотя она и подчёркивается многоточием последнего предложения второго абзаца. Объединение второго и третьего абзацев в один хотя и не соответствует авторскому варианту, но в принципе допустимо. Тогда разбиению должен подвергнуться первый абзац, и наиболее естественным является в этом случае также проведение границы после многоточия (предложение 4).

Задачи конкурса «Русский медвежонок»

Решение задачи 7.1

Будем действовать методом исключения. Понятно, что ответ — не Г (название города неизмеримо старше компании «Лукойл») и не В (никакого Луки Великого в истории России не было, да и город в этом случае имел бы название вроде «Великолукск»). Вариант А (лук родился особенно крупным) маловероятен: в этом случае город, скорее всего, получил бы имя вроде «Добрые [т. е. хорошие] Луки». Выбирая между мастерами по изготовлению луков и речными излучинами, примем в расчёт то огромное значение, которое играли в жизни древних славян реки. Ответ (Д).

Решение задачи 7.2

Слово *Вася*, несомненно, может быть прямым дополнением при глаголе *нести*, например: *Нам пришлось нести Васю домой: бедняга сломал ногу*. То же самое относится и к слову *ответственность*, например: *Я готов нести ответственность за это решение*. Можно сказать также *Хватит нести чушь (чепуху): нести чушь и нести чепуху* — синонимичные фразеологизмы со значением ‘говорить глупости’. Но вот само слово *глупость* с глаголом *нести* не сочетается. Ответ (В).

Решение задачи 7.3

Придуманная И. Фояковым фраза — изящный перевёртыш (или, по-научному, палиндром): текст, читающийся одинаково слева направо и справа налево. Таким образом, получается *Тарту дорог как город утрат*. Ответ (Д).

Решение задачи 7.4

Чтобы решить задачу, необходимо найти такой признак, которым обладали бы все (или практически все) русские существительные, от которых образуются прилагательные на *-ин(ый)*, кроме слова *тополь*.

Можно убедиться, что принадлежность к женскому роду (вариант (А)) таким признаком не является: среди прилагательных на *-ин(ый)* много образованных от существительных мужского рода (*осёл — ослиный, сокол — соколиный* и т. д.).

Не является таким признаком и односложность (вариант (Б)): двусложных и многосложных существительных, от которых образуются прилагательные на *-ин(ый)*, сколько угодно (*комар — комариный, лошадь — лошадиный, воробей — воробьиный* и т. д.).

Ещё менее приемлемы варианты (В) и (Д): среди искомых существительных слов, оканчивающихся на два согласных звука, совсем мало (*журавль — журавлиный, тигр — тигриный*), а несклоняемых почти нет (можно вспомнить разве что *кенгуру*, да и то прилагательное *кенгуринный* признаётся не всеми словарями).

Остаётся вариант (Г): как легко убедиться, проанализировав приведенные примеры (или придумав свои), практически все слова, от которых образуются прилагательные с суффиксом *-ин(ый)*, являются названиями животных. А тополь, как известно, — дерево. Ответ (Г).

Решение задачи 7.5

Слово *свадьба* образовано от глагола *сватать* и изначально писалось с буквой *т*. Ответ (Д).

Решения задач для 10 классов

Решение задачи 1

Прежде всего необходимо определить для каждого слога, к какому из двух типов он относится. Сделать это просто: в условии сказано, что в рамках одного и того же корня и одного и того же окончания тип слога всегда остаётся неизменным. Итак, в парадигмах **1** и **3** корень имеет нисходящую интонацию, а в **2** и **4** — восходящую; окончания Им. ед. и Вин. мн. всегда имеют нисходящую, а Род. ед. и Им. мн. (последнее дано в условии) — всегда восходящую интонацию.

Сведём эти данные в таблицу (где *a* обозначает любой гласный звук, а ударные слоги выделены полужирным шрифтом):

Парадигма	1	2	3	4
Им. ед.	áá	ãá	ãá	ãá
Род. ед.	áã	ãã	ãã	ãã
Им. мн.	áã	ãã	áã	ãã
Вин. мн.	áá	ãá	áá	ãá

Какие же парадигмы раньше составляли одну?

В **1** и **3** корень имеет нисходящую интонацию, однако схемы ударений разные; значит, они не могли составлять одну парадигму. То же касается и парадигм **2** и **4**. Таким образом, остаётся всего две возможности:

А. **1 + 2** и **3 + 4**   или   Б. **1 + 4** и **3 + 2**

В случае Б придётся объяснить больше различий в месте ударения, чем в случае А (5 против 3), поэтому рассмотрим сначала случай А. Сравнивая **1** и **2**, замечаем, что по месту ударения они различаются в Им. ед. и Вин. мн., причём в обоих случаях **áá** в **1** соответствует **ãá** в **2**. Сравнивая **3** и **4**, замечаем, что по месту ударения они различаются только в Вин. мн., причём и здесь **áá** в **3** соответствует **ãá** в **4**. Для случая Б адекватного решения найти не удаётся. Например, различие места ударения в Род. ед. (**ãã**) и Им. мн. (**ãã**) в **4**, при одинаковых интонациях обоих слогов, и его совпадение в **1** трудно объяснить. Закключаем, что верен случай А.

Задание 1. Парадигмы **1** и **2**, с одной стороны, и **3** и **4**, с другой стороны, ранее были объединены в одну парадигму.

Чтобы определить, как выглядели две первоначальные парадигмы, необходимо понять, почему **áá** и **ãá** различаются местом ударения. Может быть, **áá** переходило в **ãá**? Но последовательность **áá** представлена в **3** (Им. ед.), а **áá** в парадигмах **1–4** вообще не встречается. Стало быть, наоборот, **áá** везде перешло в **ãá**.

Задание 2. Парадигма **1 + 2** выглядела как нынешняя парадигма **1** (то есть ударение везде падало на корень), а парадигма **3 + 4** выглядела как нынешняя парадигма **3** (то есть ударение падало на окончание в ед. ч. и на корень во мн. ч.).

Задание 3. Закон Соссюра гласит: в последовательности «слог с восходящей интонацией — слог с нисходящей интонацией» (*áá*) ударение переходило с первого на второй слог (*áá*).

Задачи по этнографии и фольклористике

Решение задачи 4

В приведённом отрывке достаточно чётко выделяется структура:

Тогда установилась [определённого цвета] Сейба на [определённой стороне света].

Тогда установилось основание неба,
знак разрушения мира,
там разместилась [того же цвета] [птица].

Для Чёрной Сейбы она выдерживается в точности, для Красной, Жёлтой и Белой Сейбы легко угадывается, поскольку в соответствующих фрагментах сохраняются её основные элементы: установление Сейбы определённого цвета на определённой стороне света, размещение там определённого цвета птицы и формула «Тогда установилось основание неба, // знак разрушения мира».

Скорее всего, эта структура должна быть единообразной для всех четырёх случаев, поскольку все эти Сейбы — деревья Бакабов, богов, которые имеют одинаковые названия, а значит, и сами достаточно похожи друг на друга, чтобы «помещать» Сейбы по единой схеме.

Из такого порядка расположения элементов, которое мы видим в описании Чёрной Сейбы, легко вывести все остальные (из любого другого — труднее). Вероятнее всего, что именно он и является исходным.

Теперь рассмотрим случаи отклонения от выделенной схемы. Первое, что бросается в глаза — «лишняя» Зелёная Сейба. Ведь Бакабов было четыре, значит, и деревьев они, видимо, «поместили» тоже четыре. Следовательно, пятое дерево было добавлено переписчиком. Ещё одним подтверждением правильности такого предположения является то, что описание Зелёной Сейбы не соответствует общей схеме.

Ещё одна «неправильность» обнаруживается в описании Красной Сейбы: только на неё садится птица, не соответствующая ей по цвету. Видимо, здесь имеет место какая-то замена: иволга, действительно, жёлтая, но она в Америке не водится. Так что на Красную Сейбу в оригинале должна была сесть некая центральноамериканская птица

красного цвета (которая, видимо, переводится на европейские языки словом, обозначающим иволгу).

В случае с Белой Сейбой сообщение о птице вклинено между сообщением о дереве и об основании неба — знаке разрушения мира. Можно предположить, что писец просто перепутал порядок строк, но потом (он сам или следующий переписчик) увидел: получается непонятно, что Белая Сейба и есть «основание неба, знак разрушения мира». Переписывать всё заново он не стал, просто добавил пояснение: «Это — Белая Сейба».

Наконец, на Жёлтую Сейбу садится целых три птицы, но нет никаких оснований предполагать, что Жёлтая Сейба должна чем-то выделяться из общего ряда. К тому же две из этих птиц (иволга и пиц'ой) уже встречались на Сейбах других цветов. Можно предположить, что в разных вариантах этого мифа упоминались разные жёлтые птицы, а переписчик решил свести все известные ему традиции воедино.

Задание 1. Ошибка — *жёлтая* иволга на *Красной* Сейбе.

Задание 2. Если наши предположения верны, можно предложить следующую реконструкцию:

Рушатся небеса,

рушатся на землю,

когда четыре бога,

четыре Бакаба всё это разрушают.

Когда закончилось разрушение мира,

вот помещены деревья Бакабов.

Тогда установилась Красная Сейба на востоке.

Тогда установилось основание неба,

знак разрушения мира,

там разместились красная [*иволга*].

Тогда установилась Белая Сейба на севере.

Тогда установилось основание неба,

знак разрушения мира,

Садится белая (птица) чик.

Тогда установилась Чёрная Сейба на западе.

Тогда установилось основание неба,

знак разрушения мира,

там села черногрудая (птица) пиц'ой.

Тогда установилась Жёлтая Сейба на юге.

Тогда установилось основание неба,

знак разрушения мира,

Там села жёлтая (птица) ойаль мут [*или другая жёлтая или желтогрудая птица*].

Задачи по русской семантике

Решение задачи 6.1

В примерах слово *стол* употреблено в четырёх значениях:

- 1) 'предмет мебели': 2-й и 4-й примеры;
- 2) 'учреждение': 1-й и 6-й примеры;
- 3) 'еда, стоящая на столе': 5-й пример;
- 4) 'режим питания': 3-й пример.

Второе и третье значение связаны с первым (столы присутствуют в учреждениях и на них ставится еда). Четвёртое значение связано с третьим ('еда на столе' → 'пицца' → 'режим питания').

Решение задачи 6.2

Признаки: сообщаемая оценка (положительная, отрицательная), искренность (неискренне, искренность не выражена).

Льстить — 'положительная, неискренне';

хвалить — 'положительная, искренность не выражена';

ругать — 'отрицательная, искренность не выражена';

клеветать — 'отрицательная, неискренне'.

Задачи конкурса «Русский медвежонок»

Решение задачи 7.1

Петербург — по-немецки (ср. такие названия немецких городов, как *Гамбург*, *Фрайбург* и т. д.), *Петрополь* — по-гречески (названия таких южнорусских и южноукраинских городов, как *Ставрополь*, *Мелитополь*, *Симферополь*, *Севастополь* и т. д. — греческого происхождения; от греческого *полис* 'город' образовано, например, слово *политика*). Таким образом, остаётся понятие, церковнославянским или русским является вариант *Петроград*. Хотя названия с корнем *-град* (*Зеленоград*, *Калининград*, *Волгоград* и т. д.) давно стали для нас привычными, неполногласное сочетание *-ра-* в этом корне, соответствующее исконно русскому *-оро-* в слове *город*, указывает на его церковнославянское происхождение. Собственно-русское название города на Неве должно было бы выглядеть как *Петрогород* или даже *Петергород* (ср. *Ивангород* без соединительной гласной). Ответ (В).

Решение задачи 7.2

Окончание *-у* стандартно для дательного падежа существительных 2 склонения (*написать другу*, *подойти к окну*) и винительного падежа существительных 1 склонения (*встретить подругу*, *ходить в школу*).

В родительном падеже окончание *-у* встречается у вещественных существительных мужского рода 2 склонения со значением части вещества: *добавить сахару; насыпать песку; налить чайку, кофейку, кваску, кипятку*. Форма предложного падежа с окончанием *-у* встречается у многих неодушевлённых существительных мужского рода 2 склонения с предлогами *в, на* в различных обстоятельственных значениях: *в лесу, на лбу, в прошлом году, яблоки в цвету, куртка на меху*. Ответ — (Д).

Решение задачи 7.3

В исконно русских словах двойные согласные встречаются прежде всего на стыке приставки и корня. Из согласных, перечисленных в этой задаче, на конце приставок возможны *-д* и *-т*; действительно, собственно-русских слов с *дд* и *тт* немало: *поддержать, наддать, оттянуть, оттащить* и т. д. Очень многочисленны причастия и прилагательные на *-нный*, существительные на *-ник*, например, *огороженный, длинный, бездонный, конник*. Из слов с двумя *ж* можно вспомнить, например, *жжение* или *вожжи*. Таким образом, единственно возможным остается вариант (В). Действительно, все русские слова с согласными *гг, мм, рр* — *диггер, коммутатор, телеграмма, корректура, территория* и так далее — представляют собой заимствования. Ответ (В).

Решение задачи 7.4

Помимо наиболее простых случаев (типа *b — б, k — к* и т. д.) между польскими и русскими словами наблюдаются ещё следующие соответствия: *ch* [x] — *x*, *cz* [ч] — *ч, r — p* (твёрдое), *rz* [ж] — *p* (мягкое), *t — л* (твёрдое), *l — л* (мягкое). Кроме того, польскому *a* может соответствовать русское *ё*; несколько упрощая дело, будем считать, что такое соответствие имеет место перед двумя согласными. Попробуем теперь записать в транскрипции и перевести на русский язык данные нам пять слов:

gzera [жэпа] — репа. Всё в порядке.

gorzeli [гожэли] — горели. Снова всё в порядке.

burza [бужа] — буря. Никаких проблем.

grzech [гжэх] — грех. И здесь не видно каких-либо отклонений.

marzla [мажла] — ? По установленным выше правилам польскому [мажла] должно соответствовать русское *мёрзла*. Но в русском языке нет (и не может быть) такого слова. Если же предположить, что в данном случае польское буквосочетание *rz* вопреки общему правилу читается «как написано», получается [марзла], что вполне соответствует русской глагольной форме *мёрзла*. Ответ (Д).

Решение задачи 7.5

На первый взгляд кажется, что при решении этой задачи вообще не за что зацепиться. Но обратим внимание на упомянутое в условии название — «Песня о Тбилиси». Разумеется, Александр Галич мог цитировать кого угодно, но всё же вполне вероятно ожидать появления в стихотворении, посвящённом столице Грузии, цитаты из грузинского поэта. В таком случае среди предложенных вариантов подходит только один — второй (Байрон — англичанин, Верлен — француз, Гамзатов — аварец, Гёте — немец). И действительно, стихотворение «Синий цвет» принадлежит перу выдающегося грузинского лирика Николоза Бараташвили. Ответ (Б).

Авторы задач

- 6–8 классы**
- 1 П. М. Аркадьев
  - 2 И. Б. Иткин, А. О. Литвиненко
  - 3 В. С. Лемпицкий
  - 4 В. С. Костырко
  - 5.1 М. А. Кронгауз
  - 5.2 М. А. Кронгауз
  - 5.3 М. А. Кронгауз
  - 6.1 Е. В. Муравенко
  - 6.2 Е. В. Муравенко
  - 6.3 И. Б. Иткин
  - 6.4 Е. В. Муравенко
  - 6.5 Е. В. Муравенко
- 9 класс**
- 1 Б. Л. Иомдин
  - 2 Б. Л. Иомдин
  - 3 С. А. Бурлак, И. Б. Иткин
  - 4 О. Б. Христофорова
  - 5 И. Б. Иткин
  - 6.1 М. А. Кронгауз
  - 6.2 М. А. Кронгауз
  - 6.3 М. А. Кронгауз
  - 7.1 И. С. Рубанов
  - 7.2 И. Б. Иткин
  - 7.3 И. Б. Иткин
  - 7.4 И. Б. Иткин
  - 7.5 Е. В. Муравенко
- 10 класс**
- 1 А. М. Лубоцкий
  - 2 Б. Л. Иомдин
  - 3 С. А. Бурлак, И. Б. Иткин
  - 4 А. И. Давлетшин
  - 5 И. Б. Иткин
  - 6.1 М. А. Кронгауз
  - 6.2 М. А. Кронгауз
  - 6.3 М. А. Кронгауз
  - 7.1 И. Б. Иткин
  - 7.2 Е. В. Муравенко
  - 7.3 И. Б. Иткин
  - 7.4 И. Б. Иткин
  - 7.5 И. Б. Иткин

Протокол заседания жюри

XXXV,5 Олимпиады от 26 августа 2005 г.

Жюри в составе:

Светлана Анатольевна Бурлак (председатель), к.ф.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН;

Петр Михайлович Аркадьев, аспирант Института славяноведения РАН;

Борис Леонидович Иомдин, к.ф.н., научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, старший преподаватель Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;

Илья Борисович Иткин, к.ф.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН, учитель литературы школы «Муми-Тролль», председатель Оргкомитета XXXV,5 Олимпиады;

Елена Владимировна Муравенко, к.ф.н., доцент Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, председатель Оргкомитета Летней лингвистической школы;

Ольга Юрьевна Шеманаева, младший научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации РАН

постановило:

I. Присудить специальные премии:

Среди учащихся 6–8 классов:

1. За лучшее решение задачи № 1 (на ойратский язык) — ученице 7 класса школы № 843 г. Зеленограда **Аннечке Ананичук**.

2. За лучшее решение задачи № 2 (на анализ шуточной фразы) — ученице 8 класса школы № 1514 **Елене Лучиной** и

3. ученику 8 класса школы № 1543 Федору **Уварову**.

4. За лучшее решение задачи № 3 (на анализ скифских поверий, пересказанных Геродотом) ученику 8 класса школы № 1543 Федору **Уварову**.

5. За лучшее решение задачи № 4 (на якутскую мифологию) — ученице 8 класса школы № 1513 **Александре Семеновой**.

6. За лучшее решение задач по русской семантике — ученице 8 класса школы № 1514 **Елене Лучиной**.

Среди учащихся 9–10 классов:

7. За лучшее решение задачи № 4 для 10-х классов (на мифологию индейцев майя) — ученице 10 класса школы № 1532 **Ольге Белой** и

8. ученику 10 класса школы № 1514 **Никите Медянкину**.

9. За лучшее решение задачи № 5 для 9-х и 10-х классов (на историю слова *столпотворение*) — ученику 10 класса школы № 1262 Даниилу **Зорину**.

10. За лучшее решение задачи № 6–3 для 10-х классов (на анализ структуры текста рассказа А. И. Куприна «Куст сирени») — ученику 10 класса школы № 1528 г. Зеленограда Алексею **Звереву**.

11. За лучшее решение задач конкурса «Русский медвежонок» — ученику 9 класса школы «Интеллектуал» г. Москвы Ивану **Смурову** и

12. ученице 10 класса православной школы-пансиона «Плёсково» Подольского р-на Ксении **Чесноковой**.

II. Среди учащихся 6–8 классов

присудить похвальные отзывы:

13. Ученице 8 класса школы № 1410 Арне **Кульжановой** и

14. Ученику 8 класса школы № 1514 Антону **Скулачёву**.

присудить диплом III степени:

15. ученице 7 класса школы № 843 г. Зеленограда Анне **Ананичук**.

присудить диплом II степени:

16. ученику 6 класса школы «Интеллектуал» Андрею **Никулину** и

17. ученику 8 класса школы № 1543 Федору **Уварову**.

присудить диплом I степени:

18. ученице 8 класса школы № 1514 Елене **Лучиной**.

III. Среди учащихся 9–10 классов

присудить похвальные отзывы:

19. ученице 9 класса школы № 803 Алёне **Коноваловой**.

20. ученице 10 класса школы № 1525 Ольге **Косовой**.

21. ученице 10 класса МОУ «Архангельская СОШ им. А. Н. Косыгина» Анне **Подшибякиной**.

присудить дипломы III степени:

22. ученице 10 класса школы № 656 Евгении **Коровиной** и

23. ученице 10 класса православной школы-пансиона «Плёсково» Подольского р-на Ксении **Чесноковой**.

присудить дипломы II степени:

24. ученику 10 класса школы № 1528 г. Зеленограда Алексею **Звереву** и

25. ученику 10 класса школы № 1514 Никите **Медянкину**.

присудить дипломы I степени:

26. ученику 10 класса школы школы № 1262 Даниилу **Зорину** и

27. ученику 9 класса школы «Интеллектуал» Ивану **Смурову**.

Олимпиада летней лингвистической школы-2006

Условия задач

Олимпиадные задания. 7–8 класс

Задача 1

Перед Вами — текст стихотворения А. С. Пушкина «Пир Петра Первого» (1835):

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русской штык иль русской флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Задание 1. Почему Пушкин называет Петербург «Питербург-гом-городком»?

Задание 2. В скольких разных смыслах можно понять подчеркнутые строки? При всех ли пониманиях оправдано употребление запятой в конце первой из них?

Задача 2

Сербский и хорватский языки распространены в государствах, возникших после распада Югославии (в начале 90-х гг. XX века). С лингвистической точки зрения они являются вариантами одной языковой системы, хотя между ними есть небольшие лексические, фонетические и грамматические различия, которые, впрочем, не препятствуют полному взаимопониманию между носителями этих языков.

Даны 8 сербских слов и 8 их переводов на хорватский в случайном порядке: *baterija*, *tvornica*, *krivotvornja*, *kompozitor*, *mimohod*, *fabrika*, *bitnica*, *azot*, *centar*, *skladatelj*, *izaslanstvo*, *dušik*, *parada*, *falsifikat*, *središte*, *delegacija*.

Задание 1. Объедините сербские и хорватские слова, имеющие одно и то же значение, в пары. Укажите, к какому языку принадлежит каждое из слов, если известно, что первое слово в списке — сербское.

Задание 2. Сербское слово *baterija* многозначно. Как Вы думаете, в каком значении оно переводится на хорватский язык тем словом, которое приведено в задаче?

Задание 3. Известно, что слово *nogomet* имеется только в одном из этих языков. Определите, в каком, и переведите его на русский язык.

Задание 4. Известно, что в одном из этих языков есть слова *tajništvo* и *okružnica*. Первое из них переводится на русский язык как «секретариат». Определите, в каком из двух языков имеются эти слова, и попробуйте догадаться, какой тип документа обозначает слово *okružnica*.

Примечание. *c* читается примерно как русское *ц*, *j* — как *й*, *lj* — как *ль*, *nj* — как *нь*, *ž* — как *жс*, *š* — как *ш*.

Задача 3

В русском языке дательный падеж раньше употреблялся чаще, чем теперь. Перед Вами — отрывок из письма Петра I: «Его же указу быть послушну и коменданту Нарышкину».

Задание 1. Какие минимальные изменения необходимо произвести в этой фразе, чтобы она стала правильной с точки зрения современного языка, а её смысл при этом не изменился?

Задание 2. О каких грамматических различиях между языком петровской эпохи и современным языком свидетельствует эта фраза?

Задача 4

Даны русские причастия страдательного залога: *управляемый* (страна, управляемая мудрым владыкой), *польщённый* (школьник,

польщённый похвалой учителя), **достигнутый** (*результат, достигнутый упорным трудом*). В чём отличие этих причастий от подавляющего большинства страдательных причастий, имеющих в русском языке?

Задача 5

Даны десять цитат из литературных произведений. Известно, что в каждой из фраз (1)–(5) есть слова, обладающие некоторым свойством X, а в каждой из фраз (6)–(10) — слова, обладающие некоторым свойством Y. Кроме того, во многих цитатах имеются пропуски.

(1) — *А что с тобой, конопатым, целоваться, — сказал Калинин, с дерзкой улыбкой глядя на Сталина, — вот если б ты был шестнадцатилетней девочкой* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

(2) *Он слушался Мишку не только потому, что учился _____ на класс, но и потому, что никогда в Москве не был, а Мишка жил в Москве, ездил на метро* (А. Кабаков, Подход Кристаповича).

(3) *Отпросившись на два дня у _____, который согласился на его отлучку немедленно, но строго, _____ уехал* (И. Тургенев, Новь).

(4) *Здесь жили _____, и Потёмкин малость робел от предстоящего свидания* (В. Пикуль, Фаворит).

(5) — *Ну-с? — проговорил господин Голядкин-_____*, довольно дерзко смотря на господина Голядкина-_____ (Ф. Достоевский, Двойник).

(6) *Сипягин весьма благосклонно распростился с Неждановым* (И. Тургенев, Новь).

(7) *Вчера барин разгневался на Олешку Шушерина и приказал ему вlepить двадцать пять палок* (М. Лермонтов, Вадим).

(8) _____ *наморщил лицо и жестом велел _____ подождать* (В. Пелевин, Чапаев и Пустота).

(9) *Незаметно вошёл _____, и Потёмкин велел ему: «Фёдору Фёдоровичу давать всё, что просит»* (В. Пикуль, Фаворит).

(10) _____ *принял _____ с улыбкой* (Ю. Семёнов, Семнадцать мгновений весны).

Задание 1. Заполните пропуски, опираясь на материал задачи.

Задание 2. Объясните, в чём состоят свойства X и Y.

Задание 3. Найдите во фразах (11)–(15) все слова, обладающие свойствами X и Y:

(11) *Потёмкин послушался Глинку и поехал через Торопец в столицу* (В. Пикуль, Фаворит).

(12) *Если кто осмеливался требовать долги с Потёмкина, тот вызывал Попова и жестоко бранил его* (В. Пикуль, Фаворит).

(13) *Сердюку показалось, что Кавабата совершенно забыл о его существовании, и он решился о себе напомнить* (В. Пелевин, Чапаев и Пустота).

(14) *Мюллер вызвал оберштурмбаннфюрера Айсмана поздно ночью* (Ю. Семёнов, Семнадцать мгновений весны).

(15) — *Прошу, сержант, не пререкаться!*.. — *Капитан отошёл в сторону* (В. Солоухин, Не жди у моря погоды).

6. Задачи с выбором правильного ответа

Задача 6.1

« — Ты, бабушка, неправильно меня скороговорке учила, — заявила третьеклассница Маша, придя из школы.

— Какой скороговорке?

— А вот: ЕХАЛ ГРЕКА ЧЕРЕЗ РЕКУ,
ВИДИТ ГРЕКА: В РЕКЕ РАК.
СУНУЛ ГРЕКА РУКУ В РЕКУ —
РАК ЗА РУКУ ГРЕКА ЦАП!

Здесь грамматическая ошибка!»

В какой строке ошибка, если Маша права?

(А) в первой; (Б) во второй; (В) в третьей; (Г) в четвёртой; (Д) Маша не права. Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.2

Сложное слово «сахар-медович» в современном русском языке почти не употребляется. Тем не менее нетрудно догадаться, что означает оно: (А) сладкоежку; (Б) очень толстого человека; (В) гостеприимного, радушного человека; (Г) льстивого человека; (Д) богатого человека. Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.3

Выпадение одного из двух идущих подряд одинаковых или сходно звучащих слогов называется **гаплогогией**. Гаплогогия произошла, в частности, в словах *лиловатый* (из *лилОВ-ОВатый*) и *минералогия* (из *минерЛО-ЛОгия*). По мнению некоторых исследователей, как пример гаплогогии можно рассматривать одно из следующих числительных. Какое? (А) трое; (Б) четверо; (В) пятеро; (Г) шестеро; (Д) десятеро. Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.4

Какой порядок соответствует возрастанию категоричности высказывания?

- (А) *не хочу, не жажду, не желаю;*
- (Б) *не хочу, не желаю, не жажду;*
- (В) *не желаю, не жажду, не хочу;*
- (Г) *не жажду, не хочу, не желаю;*
- (Д) *не жажду, не желаю, не хочу.*

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.5

Какая из этих пословиц ближе всего по смыслу к пословице: «Семь бед — один ответ»?

- (А) *У семи нянек дитя без глазу.*
- (Б) *Бедя никогда не приходит одна.*
- (В) *Семеро одного не ждут.*
- (Г) *Сколько верёвочке ни виться, а конец будет.*
- (Д) *Снявши голову, по волосам не плачут.*
- (Е) Ни одна из перечисленных.

Кратко поясните Ваше решение.

Олимпиадные задания. 9 класс

Задачи 1–4

См. задачи 1–4 для 7–8 классов.

Задача 5

Даны переводы на русский язык японских словосочетаний с тремя глаголами, которые имеют одинаковое чтение *цугу* и в большинстве словарей японского языка рассматриваются как омонимы:

*Цугу*₁ «**продолжить** старую традицию», «**унаследовать** имение предков»

*Цугу*₂ «**соединить** две алюминиевых трубы», «**привить** черенок к дереву»

*Цугу*₃ «занимать **второе место после** президента», «**следующий после** Токио мегаполис»

Задание 1. Один японский лингвист утверждает, что *цугу*₁, *цугу*₂ и *цугу*₃ представляют собой три значения единого многозначного слова. Как бы Вы сформулировали общий смысл этого слова?

Задание 2. В японском языке существует ещё один глагол с чтением *цугу*, который значит «накладывать; наливать» и может быть

употреблён, например, при переводе фразы «Она подала нам печенье и **налила** чаю».

Лингвист признаёт глагол *цугу₄* отдельным словом, но считает, что исторически он восходит к многозначному глаголу, объединяющему *цугу₁*, *цугу₂* и *цугу₃*, и раньше имел несколько другое значение. Как Вы думаете, что раньше значил глагол *цугу₄*?

6. Задачи с выбором правильного ответа

Задача 6.1

См. задачу 6.3 для 7–8 классов.

Задача 6.2

К сожалению, многие школьники и взрослые делают ошибки в правописании форм на *-тся* и *-ться*. Чаще всего неправильно пишутся глаголы, у которых в неопределённой форме перед *-ться* стоит:

(А) а; (Б) е; (В) и; (Г) я; (Д) согласная.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.3

Что означает украинское слово *будмайданчик*?

- (А) будний майский денёчек;
- (Б) жилплощадь;
- (В) стройплощадка;
- (Г) будильник;
- (Д) незабудка.

Кратко поясните Ваше решение.

Задача 6.4

См. задачу 6.4 для 7–8 классов.

Задача 6.5

См. задачу 6.5 для 7–8 классов.

Олимпиадные задания. 10 класс

Задача 1

Перед Вами — стихотворение русской поэтессы Каролины Павловой (1807–1893). Эпиграф («Привет, привет, утешительница! Раскрой объятия, я запою!») взят из стихотворения французского поэта Альфреда де Мюссе (1810–1857) «Августовская ночь».

Salut, salut, consolatrice!
 Ouvre tes bras, je viens chanter!
Musset

Ты, уцелевший в сердце нищем,
 Привет тебе, мой грустный стих!
 Мой светлый луч над пепелищем
 Блаженств и радостей моих!
 Одно, чего и святотатство
 Коснуться в храме не могло;
 Моя напасть! моё богатство!
 Моё святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
 Раздайся с уст моих опять;
 Сойди к избраннице ты снова,
 О роковая благодать!
 Уйми безумное роптанье
 И обреки всё сердце вновь
 На безграничное страданье,
 На бесконечную любовь!

1854

Задание 1. К кому обращается герой стихотворения Мюссе?

Задание 2. Как построено стихотворение Каролины Павловой? Какие его формальные особенности Вы можете отметить? Какова роль эпитафия в построении стихотворения?

Задача 2

Выпадение одного из двух идущих подряд одинаковых или сходно звучащих слогов называется *гаплогией*. Гаплогия произошла, в частности, в словах *лиловатый* (из *мллОВ-ОВатый*) и *минералогия* (из *минерЛО-ЛОгия*).

Следующие слова также часто приводятся в качестве примера гаплогии: *знаменосец*, *коричневатый*, *муравьед*, *радушный*, *табакур*, *трагикомедия*.

По мнению некоторых учёных, в двух из приведённых слов (обозначим их А и Б) гаплогии на самом деле не было: оба они образованы простым соположением значащих частей, но при этом внешний облик слова Б подвергся небольшому изменению.

Задание 1. Найдите эти два слова. Поясните Ваше решение.

Задание 2. Какому изменению, по предположению этих учёных, подвергся внешний облик слова Б?

Задача 3

В современном русском языке можно говорить о существовании двух омонимичных глаголов *грянуть* (обозначим их *грянуть*₁ и *грянуть*₂).

Задание 1. Сформулируйте значение глаголов *грянуть*₁ и *грянуть*₂, приведите пример употребления каждого из них.

Задание 2. Каким словам можно считать однокоренным глагол *грянуть*₁, каким — *грянуть*₂? Какие чередования звуков происходят в каждом из двух корней? Попробуйте привести примеры таких же или сходных чередований, наблюдаемых в других корнях.

Задание 3. С исторической точки зрения, однако, существовал, по всей видимости, только один глагол *грянуть*, родственный **либо** тем словам, с которыми в современном языке связано *грянуть*₁, **либо** тем, с которыми связано *грянуть*₂. Можете ли Вы привести какие-либо аргументы в пользу одной из этих двух этимологических гипотез? Какими сведениями необходимо располагать, чтобы решить вопрос о происхождении глагола *грянуть* с уверенностью?

Задача 4–5

Нарды — старинная восточная игра, в которой выигрыш в равной мере зависит как от удачи, так и от мастерства. Каждый ход в нардах начинается с броска двух одинаковых игральные костей. Для многих искушённых игроков никак не меньше половины удовольствия от игры состоит в том, чтобы после каждого броска назвать вслух (и громко) комбинацию выпавших очков, причём не просто так, а по особой системе, распространённой с небольшими вариациями повсеместно в Восточной Европе и Западной Азии.

В этой системе используются слова из двух языков — персидского и турецкого. Названия комбинаций имеют следующую структуру:

- *число*₁ [‘и’] *число*₂ — два числительных (оба турецкие, оба персидские или по одному из каждого языка), выражающих число очков на костях, причём обязательно $число_1 \geq число_2$ (!), и связанных в некоторых случаях союзом **و** ‘и’, а в одной из комбинаций — предлогом **با** ‘с’;
- ‘два’ число — это значит, что $число_1 = число_2$.

Особые названия у комбинаций 2 : 2, буквально ‘два раза’ (подразумевается ‘два раза два’), и 1 : 1, буквально ‘всё один’.

Всего разных комбинаций 21, но три из них — 6 – 4, 5 – 4 и 5 – 1 — имеют по два названия, поэтому выражений 24. Ниже эти выражения

даны в случайном порядке в записи особой разновидностью арабской графики, использовавшейся в Турции во времена Османской империи:

1. چهار سه	7. پنج دو	13. شش سه	19. سه يك
2. دو باره	8. چهار دو	14. آلتی دورد	20. شش و دو
3. دورد چهار	9. دو شش	15. هپ يك	21. بش بير
4. شش بش	10. دو يك	16. پنج چهار	22. دو بش
5. شش يك	11. پنج سه	17. بش دورد	23. پنج يك
6. سه با دو	12. چهار يك	18. شش چهار	24. دو سه

Задание. Определите значение каждой комбинации.

Указание. Перерисовывать комбинации не обязательно. Можно сослаться на них посредством их номеров в списке.

Задача 4–5 (продолжение)

(Вторая часть задачи выдавалась участникам только после того, как они либо решили задачу об арабской системе записи названий комбинаций выпавших очков, либо отказались от её решения.)

Разновидность той же системы, используемая многими игроками в России, помимо деталей произношения, отличается от варианта, приведённого выше, в следующих трёх отношениях:

- 1) в большем числе комбинаций присутствует союз «и»;
- 2) отсутствуют вторые названия для комбинаций 6 : 4, 5 : 4 и 5 : 1;
- 3) одна из комбинаций называется иначе.

Вот как выглядят русские названия всех комбинаций (в случайном порядке):

чару ду, чару ек, панджу се, егана, дорт чар, шешу се, шешу ду, ду ек, чару се, панджу чар, се ек, ду шеш, се ба ду, шешу беш, ду беш, панджу ек, шешу ек, ду се, панджу ду, шешу чар, дубара.

Задание 1. Установите числовое значение каждой из комбинаций.

Задание 2. Как Вы думаете, почему из старших дублей (3 : 3, 4 : 4, 5 : 5 и 6 : 6) нестандартное обозначение имеет тот, который его имеет?

6. Задачи с выбором правильного ответа

Задача 6.1

Каким словом заканчивается старинная русская пословица «Все люди как люди, а мы — как...»?

(А) мы; (Б) звери; (В) мыши; (Г) мыслете; (Д) хотите.

Кратко поясните Ваше решение.

Задачи 6.2, 6.3, 6.4 и 6.5 — те же, что и задачи 6.2, 6.3, 6.4 и 6.5 в задании для 9 классов.

Решения задач

Решение задачи 1 для 7–8 и 9 классов

Задание 1. Точного, «единственно правильного» ответа на этот вопрос, конечно, не существует. Можно предложить две основных версии — «историческую» и «эмоциональную»:

1) в царствование Петра I недавно основанный Санкт-Петербург действительно был ещё довольно небольшим поселением;

2) употребление уменьшительной формы хорошо соответствует общей весёлой, праздничной, отчасти даже игровой атмосфере стихотворения.

Задание 2. Эти — ключевые для общего смысла стихотворения — строки допускают несколько различных пониманий. Первое и, наверное, наиболее очевидное: Пётр торжествует (т. е. празднует) прощение провинившихся подданных с таким же размахом, что и военную победу, придает ей такое же значение. Второе понимание, очень близкое к первому, но тем не менее заслуживающее отдельного рассмотрения: Пётр празднует прощение в буквальном смысле так же — с весёлой пушечной пальбой, «эскадрой на реке», музыкой и шумным застольем, — как, согласно заведённой им традиции, праздновали военные успехи. Разумеется, при обеих этих интерпретациях употребление запятой обязательно. От второго понимания нетрудно перебросить мостик к третьему: Пётр празднует прощение, воспринимая его в качестве победы над врагом. Под «врагом» в этом случае, разумеется, имеются в виду не шведы или турки, а злоба и гнев, живущие в душе самого царя, или даже толкающий его на жестокие и необдуманные поступки враг рода человеческого — дьявол. При этом понимании запятая перед *как* не нужна.

Решение задачи 2 для 7–8 и 9 классов

Часть слов имеет славянские корни, а часть — заимствованные. Исходя из того, что значение слов с заимствованными корнями понятно, можно определить соответствия:

baterija	bitnica
fabrika	tvornica
falsifikat	krivotvornja
kompozitor	skladatelj
parada	mimohod
azot	dusik
centar	srediste
delegacija	izaslanstvo

Поскольку слово *baterija* — сербское, мы можем заключить, что в левом столбце представлены сербские слова, а в правом — хорватские. Ясно, что сербский язык (как и русский) легко включает в свой лексический состав заимствованные слова, в то время как в хорватском существует тенденция создавать кальки, то есть слова из исконно приходящих языку корней, построенные по образцу иноязычных слов.

Задание 2. Так как по строению слова *bitnica* понятно, что это производное от глагола, соответствующего русскому *бить*, можно заключить, что подходящее значение слова *baterija* (соответствующего русскому *батарея*) — ‘артиллерийское подразделение’.

Задание 3. В слове *nogomet* выделяются те же корни, что присутствуют в русских словах *нога* и *метать*. Если это слово есть только в одном из языков, то это означает, что оно хорватское, в то время как в сербском употребляется заимствованное слово. Из значения корней можно понять, что это слово значит *футбол* (действительно, в сербском языке используется слово *fudbal*).

Задание 4. В слове *okružnica* выделяется тот же корень, что в русских словах *круг*, *кружить* и т. д. Соответствующий корень в названиях документов, являющихся интернационализмами, встречается в слове *циркуляр* (ср. *цирк*, *циркель*).

Решение задачи 3 для 7–8 и 9 классов

Задание 1. По-видимому, фраза Петра I означает следующее: ‘Командант Нарышкин также должен следовать его указу’. Этот смысл в современном русском языке можно выразить почти так же, как его выразил Пётр, но используя другую форму прилагательного *послушный*: *Его же указу быть послушным и команданту Нарышкину*.

Задание 2. Во-первых, сейчас в составном именном сказуемом употребляется не дательный, а творительный падеж. Во-вторых, краткие прилагательные в современном русском литературном языке не склоняются. И конструкции с так называемым «вторым дательным падежом» прилагательных, и склоняемые краткие формы ещё были широко распространены в русском литературном языке в XVII–XVIII вв.: *Чтоб тебе, государю, здраву бытии на лета многа; И во всем нашем государеве повелении быть готову с радостью, и во всякой правде быть постоянну и тверду и однословну, и ото всякого дурна быть чисту*. Следы этого ещё видны во фразеологизмах и пословицах, например: *Не до жиру, быть бы живу* (сейчас бы мы сказали *быть бы живым*).

Решение задачи 4 для 7–8 и 9 классов

Данные причастия образованы от непереходных глаголов: *управляемый* ← *управлять* (кем? чем?), *польщённый* ← *польстить*

(кому? чему?), *достигнутый* ← *достичь* (кого? чего?), в то время как большинство русских причастий страдательного залога образованы от переходных глаголов, например, *читаемый* ← *читать* (кого? что?), *добавленный* ← *добавить* (кого? что?), *задвинутый* ← *задвинуть* (кого? что?). (Приведено решение восьмиклассницы Татьяны Кучинко — это решение было признано лучшим.)

Решение задачи 5 для 7–8 классов

Все цитаты, приведённые в задаче, содержат слова, предполагающие наличие двух участников ситуации, неравноправных в каком-либо отношении (старший и младший, хозяин и слуга, начальник и подчинённый): *дерзкий, слушаться, отпроситься, робеть; благосклонно, разгневаться, велеть, принять*. При этом одни слова (в задаче они названы обладающими свойством X) предполагают, что статус первого участника **ниже**, чем у второго (может *больной не послушаться доктора*, а *студент — отпроситься у профессора*, но не наоборот), а другие (в задаче они названы обладающими свойством Y) — что статус первого участника **выше**, чем у второго (говорят *президент принимает губернатора* или *командир бранит солдата*, но не наоборот). Слова во фразах (1)–(5) относятся к первой группе, а во фразах (6)–(10) — ко второй.

Задание 1. Пропуски легко заполнить, если понять, в каких отношениях находятся участники ситуации. Во фразе (2) герой *слушается* Мишку, значит, скорее всего, он учится младше, а не старше на класс. Во фразе (3), по-видимому (иначе задание нельзя было бы выполнить, опираясь лишь на материал задачи) речь идёт о тех самых героях «Нови» Тургенева, которые упомянуты ниже во фразе (6). Раз Сипягин *благосклонно* относится к Нежданову, значит, его статус выше, а, стало быть, *Нежданов отпросился у Сипягина* (по-видимому, своего начальника), а не наоборот. Во фразе (4) необходимо найти героя романа Пикюля «Фаворит», который по своему статусу выше, чем Потёмкин. Такой герой упоминается во фразе (11) — это Глинка, которого Потёмкин *послушался*. Значит, в (4) восстанавливаем: *Здесь жили Глинки*. В (5), очевидно, господин Голядкин-младший *дерзко* смотрел на господина Голядкина-старшего. В (8) используем материал фразы (13), где некто Сердюк *решился* напомнить о себе Кавабате, и получаем, что Сердюк ниже по статусу, чем Кавабата, а значит, *Кавабата велел Сердюку подождать*, а не наоборот. В (9) используем материал фразы (12) и получаем, что вошёл и выслушал *повеления* Потёмкина *Попов* (которого Потёмкин мог *вызывать* и *бранить* именно потому, что статус Попова был ниже). Наконец, во фразе (10) используем материал (14): раз Мюллер *вызвал* Айсмана,

значит, статус первого выше, чем последнего, и именно Мюллер *принял* Айсмана, а не наоборот.

Задание 2. См. выше.

Задание 3. «Свойство X» (употребление «снизу вверх»): *послушаться* (фраза 11), *осмеливаться* (12), *решииться* (13), *пререкаться* (15). «Свойство Y» (употребление «сверху вниз»): *вызывать* (12), *бранить* (12), *вызвать* (14).

Решение задачи 6.1 для 7–8 классов

Маша совершенно права: существительное *ГРЕКА* (независимо от того, понимать ли его как имя собственное или как просторечный вариант нарицательного существительного *грек*) относится к первому склонению; следовательно, его винительный падеж может выглядеть только как *ГРЕКУ*, но ни в коем случае не как *ГРЕКА*. Между тем в четвёртой строке представлена именно эта форма. Ответ: (Г).

Следует сказать, что для хорошо подготовленных, умудрённых опытом лингвистической Олимпиады участников Летней школы эта на первый взгляд «детская», почти шуточная задача оказалась неожиданно сложной.

Решение задачи 6.2 для 7–8 классов

Слово *сахар-медович* едва ли может обозначать гостеприимного человека: гостеприимство в русском языке ассоциируется не с сахаром и мёдом, а с хлебом и солью (ср. *встречать хлебом-солью*, *хлебосольный*). Излишняя полнота, тучность ассоциируются с жиром, а не со сладостями (ср. *тучный* и устар. *тук* ‘жир’, разг. груб. *жиртрест* ‘толстый человек’, да и просто прилагательное *жирный* ‘толстый’), богатство — с золотом (об очень богатом человеке могут сказать, что он *на золоте* *ест*). Сладкоежка ест сахар и мёд, но сам сладостью не является. Остаётся единственный вариант: *сахар-медович* — льстивый человек. Эту версию можно подкрепить, вспомнив, например, такие выражения, как *приторная улыбка* и *медоточивые речи*, а также редкий глагол *усахарить* ‘уговорить приятными, льстивыми посулами’. Ответ: (Г).

Решение задачи 6.3 для 7–8 классов и 6.1 для 9 классов

Задача представляет определённую сложность в связи с тем, что в таких важных и частотных словах, как числительные первого десятка, нередко встречаются нерегулярные преобразования звуков. Ответ (А) можно отбросить сразу: в слове *трое* явно выделяются корень *тр-* (ср. *три*, *трёх*, *третий* и т. д.) и тот же суффикс *-о(е)*, что и в *двое*. Четыре остальных числительных, приведённых в условии, содержат собирательный суффикс *-ер(о)*. Чтобы прийти к правильному ответу, проще

всего сравнить между собой соответствующие порядковые числительные: *четвёртый, пятый, шестой, десятый*. Элемент *-ер-* (точнее, *-ёр-*) присутствует только в первом из них; вообще, невозможно найти ни одного производного от числительного *четыре*, которое не содержало бы *-р-*. Таким образом, можно предположить, что форма *четверо* происходит из *четвереро*. Ответ: (Б).

Решение задачи 6.4 для 7–8, 9 и 10 классов

Глаголы *желать, хотеть* и *жаждать* — близкие синонимы. Но, как отмечено специалистом по теоретической семантике и лексикографии, академиком РАН Ю. Д. Апресяном, при отрицании у них появляется достаточно отчётливое различие по силе нежелания.

Не желаю — самое «сильное». Вот характерные примеры: — *С антропоцентристами дискутировать не желаю*, — сказал грубый Корнеев (А. и Б. Стругацкие); *Я вообще в вашей Московской реке не желаю оставаться ни одного лишнего часа* (В. Войнович); *Оставьте ваши грязные предположения, я не желаю иметь с вами никаких дел* (Г. Вишневская).

Не хочу — нейтральное. Вот примеры, в которых его трудно заменить на *не желаю* или *не жажду*: *Не хочу напоминать то, что необходимо забыть* (Е. Шварц); *Я не хочу, чтоб мои дети были жадные и злые* (М. Зощенко); *Справки наведите в Министерстве обороны, я же не хочу из-за вас иметь неприятности* (Ф. Незнанский).

Не жажду — наиболее слабое, говорит именно об отсутствии особого желания, а не о выраженном нежелании. Вот примеры: *Понятно, я вовсе этого не жажду и не пойду на это, если сумею выкрутиться по-другому* (Дж. Сэлинджер); *Впрочем, они тоже не жаждали моего общества* (Н. Мандельштам); *Я голоден, но не жажду сырого мяса* (М. и С. Дяченко).

Это тем более интересно, что без отрицания ситуация обратная: глагол *жаждать* выражает самое сильное желание.

Решение задачи 6.5 для 7–8, 9 и 10 классов

Попробуем сформулировать значение данных пословиц. У семи нянек дитя без глазу означает, что чем больше людей отвечает за то или иное дело, тем хуже для этого дела. Никаких «бед» и никакого «ответа» это вроде бы не предусматривает.

Беда никогда не приходит одна говорится, когда за одной бедой немедленно следуют другие. Здесь есть «беды», но нет финального «ответа». Значит, ответ (Б), как и ответ (А), не подходит.

Семеро одного не ждут говорят обычно, когда хочется начать, не дожидаясь немногочисленных опаздывающих. Снова ни «бед», ни «ответа».

Сколько верёвочке ни виться, а конец будет, пожалуй, ближе по значению — здесь можно усмотреть и неприятности, и расплату в качестве итога, но обычно так говорят, если не одобряют чьего-нибудь поведения: совершает некто разные нехорошие дела, уходит от ответственности, но говорящий надеется, что в конце концов справедливость восторжествует. Пословица же *Семь бед — один ответ* используется обычно в других случаях, чаще всего — когда говорящий думает, решиться ли ему на некое дело, которое, возможно, сулит неприятности в будущем, и успокаивает себя тем, что перед этим он совершил уже немало дел, сулящих неприятности, так что ещё одно такое дело просто бессильно изменить ситуацию к худшему. Например, в повести А. П. Чехова «Степь» один из персонажей говорит: «Ежели... мы его в живых оставим, так он первый на нас доказчик. Всё равно... что одного убить, что двух. Семь бед, один ответ». Герой романа В. Соловьёва «Три еврея, или Утешение в слезах» сетует: «ОНИ мне многое не простят, терять мне нечего — семь бед, один ответ».

Довольно близка к выражению «Семь бед — один ответ» последняя из перечисленных пословиц — *Снявши голову, по волосам не плачут*. Её смысл примерно таков: после того ужасного, что уже произошло, глупо горевать о мелочах. Снова «крупные неприятности» (или даже большое горе) и следующие, выглядящие мелкими на их фоне. Так что те, кто выбрал ответ (Д), были правы.

Но правы были и те, кто выбрал ответ (Е): пословица *Снявши голову... обращена к прошлому, «снятие головы» уже произошло, и следующие, мелкие, неприятности, тоже, а Семь бед... — скорее, к будущему, говорящий лишь готовится совершить рискованный поступок. К тому же то, что образно обозначается как «семь бед», — это результат действий самого человека, которого ждёт «один ответ», а то, что передаётся как «снятие головы», — совсем не обязательно.*

Итак, правильные ответы: (Д) и (Е).

Решение задачи 5 для 9 классов

Общий смысл слова *цугу* можно сформулировать примерно так, как это сделала девятиклассница Елена Лучина (её решение было признано лучшим): «продолжать», «быть следующим в последовательности по какому-либо признаку», «продолжать закономерность», «быть очередным продолжением-дополнением к предыдущему».

Глагол *цугу*₄, вероятнее всего означал что-то вроде «давать добавку» — так, чтобы следующее блюдо или следующая порция как бы продолжали ряд, были «очередным продолжением-дополнением к предыдущему» угощению.

Решение задачи 6.2 для 9 и 10 классов

Рассмотрим примеры глаголов, у которых в неопределённой форме перед *-ться* стоят разные буквы (примеры частично взяты из работы девятиклассницы Людмилы Солововой):

Буква перед <i>-ться</i>	неопределённая форма	настоящее (или будущее) время
(А) а	бодаться держаться	бодается держится
(Б) е	согреться вертеться	согреется вертится
(В) и	накраситься	накрасится
(Г) я	швыряться	швыряется
(Д) согл.	красться	крадётся

Можно видеть, что почти во всех строках таблицы, независимо от спряжения, неопределённая форма достаточно сильно отличается от формы настоящего (или будущего) времени, по крайней мере, произносятся они все по-разному. И только строка (В) составляет исключение: произношение форм *накраситься* и *накрасится* абсолютно одинаково. Это же верно и для многих других глаголов второго спряжения на *-ить*: ср. *вырядиться* и *вырядится*, *наладиться* и *наладится*, *очиститься* и *очистится* и т. д.

Кстати, с появлением компьютерных программ автоматической проверки грамотности число таких ошибок не уменьшилось, а увеличилось. Люди, надеясь, на такую программу, меньше обращают внимание на то, что они пишут, а для компьютера, всегда готового сообщить пользователю, что формы типа *бодаться*, *крадётся* или *согреться* неправильны, ни *влюбиться*, ни *влюбится* (которые человек легко различит по ударению) ошибкой не являются!

Решение задачи 6.3 для 9 и 10 классов

Разумеется, решение задачи существенно облегчается, если знать украинское слово *майдан* «городская площадь»: это слово широко распространено не только на Украине, но и в южнорусских говорах, можно вспомнить и стихотворение В. Коротича «Последняя просьба старого лирника» («Переведи меня через майдан...»), в переводе Ю. Мориц ставшее известной песней. Однако задача решается и без этого знания.

В слове *будмайданчик* явно выделяется уменьшительный суффикс *-чик*, что же касается части *будмайдан-*, то её длина и внешний вид наводят на мысль, что она, в свою очередь, состоит из нескольких морфем. Поскольку существование приставки *бу-* или суффикса *-дан-* подтвердить ничем не удаётся, естественно считать, что

слово *будмайданчик* — сложносокращённое и, следовательно, построено по модели «корень 1 + корень 2 + уменьшительный суффикс». Среди русских слов, предлагаемых в качестве вариантов ответа, такое только одно — *стройплощадка*. Действительно, украинское слово *будмайданчик*, по-видимому, представляет собой **кальку** (поморфемный перевод) русского слова *стройплощадка* (*буд-* — сокращение от *будувати* ‘строить’). Ответ: (В).

Решение задачи 1 для 10 классов

Задание 1. Герой стихотворения Мюссе (поэт, лирический двойник автора) обращается к Музе. Интересно отметить, что героиня стихотворения Павловой, написанного женщиной и от лица женщины («Сойди к избраннице ты снова. . .»), обращается к стиху: в русском языке слово *стих* — мужского рода.

Задание 2. Прежде всего, можно заметить, что обе строки эпиграфа заканчиваются восклицательными знаками. Стихотворение Павловой также изобилует восклицательными знаками; никаких других концевых знаков препинания в стихотворении нет.

Эпиграф состоит из двух строк, стихотворение Павловой — из двух строф-восьмистиший. Первая строка эпиграфа содержит обращение («Привет, привет, утешительница!»), первая строфа Павловой содержит такое же обращение. Строго говоря, можно считать, что всё первое восьмистишие представляет собой фразу «Привет тебе, мой грустный стих!», распространённую различными уточняющими оборотами и придаточными предложениями.

Вторая строка эпиграфа открывается формой повелительного наклонения. Во второй строфе Павловой содержится 5 форм повелительного наклонения; никаких других глагольных форм в этом восьмистишии нет.

Таким образом, можно сказать, что эпиграф во многом задаёт как содержательную, так и формальную структуру стихотворения Павловой или даже что текст стихотворения представляет собой расширенный перевод двух строк, вынесенных в эпиграф. Что касается слов «я запою», то они не имеют непосредственного аналога в тексте: откликом на них как бы является всё стихотворение целиком.

Решение задачи 2 для 10 классов

К четырём из шести перечисленных слов никаких претензий, по-видимому, предъявить невозможно:

коричневатый из *коричнЕВ-ОВат(ый)*;

муравьед из *муравьЕ-Ед*;

радушный из *рАД-ОДушный*;

табакур из *таБАК-ОКур*.

А вот с двумя оставшимися словами дело обстоит иначе. Начнём со слова *трагикомедия*. Если рассматривать его как результат гаплоглологии, оно, очевидно, происходит из *трагиКО-КОмедия*. Но такое предположение не вызывало бы сомнений, если бы речь шла о слове типа *трагикомик*; трагикомедия же — это «трагедия + комедия», источник элемента *-ик-* остаётся неясным. Более того: если вспомнить близкое к слову *трагикомедия* слово *трагифарс*, в котором элемент *-ик-* также отсутствует, логика тех лингвистов, которые не видят в слове *трагикомедия* примера гаплоглологии, станет вполне понятной.

Чтобы разобраться со словом *знаменосец*, вспомним, что слово *знамя* входит в хорошо известный список разносклоняемых существительных на *-мя*. Выступая в качестве первой части сложных слов, эти существительные, как правило, сохраняют элемент *-я* (соединительная гласная *-о-/-е-* при этом отсутствует): *семьяпочка*, *семьядоля*, *имьянаречение*, *имьяславцы* (название одной из староверческих сект). Основываясь на этом наблюдении, противники включения слова *знаменосец* в число примеров гаплоглологии предполагают, что оно происходит не из *знамеНО-НОсец*, а из *знамяносец*. Таким образом, можно выполнить задания.

Задание 1. Слово А — это *трагикомедия*, слово Б — *знаменосец*.

Задание 2. Предполагается, что слово *знаменосец* произошло из *знамяносец* (безударное *я* стало записываться как *е*).

Решение задачи 3 для 10 классов

Задание 1. Глагол *грянуть*₁ означает «внезапно громко раздаться (о музыке, шуме и т. п.)», ср. «Далече грянуло *ура*». Значение глагола *грянуть*₂ можно передать как «внезапно наступить, произойти», ср. «В 1789 году во Франции грянула революция».

Задание 2. Глагол *грянуть*₁, судя по всему, является однокоренным таким словам, как *гремять* и *гром*, ср. поговорку «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Чередование «гласный + *м*» я встречается в бесчисленных словах, родственных глаголам *взять* и *иметь* и иногда уже очень далеко отошедших от них по значению, ср., например, *объём* — *необъятный* или *подъём* — *поднять*. То же самое чередование, но с другим носовым согласным — *н*, а не *м* — наблюдается в склонении существительных на *-мя*: *знамя* — *знамени*, *имя* — *имени* и т. д. Если рассматривать как основной признак данного чередования сам факт замены *м* (или *н*) на *я*, то к этой же категории можно отнести и такие случаи, как *жму* — *жать* и *жну* — *жать* (после *жс* вместо *я*, естественно, пишется *а*), *помнить* — *память* и т. д.

Глагол *грянуть*₂ естественно считать однокоренным таким словам, как *нагрянуть* «внезапно появиться» («К Васе нагрянули родственники

из Владивостока»), а также *грясти* «ожидаться в будущем, наступать» (обычно употребляется в форме буд. вр., ср. *грядут большие перемены*) и *грядущий*. Таким образом, в корне глагола *грянуть*₂ имеет место чередование *д* с *с* и нулём звука. Чередование *д*~*с* представлено в некоторых глаголах на *-сть*, *-ти*, ср. *краду* — *красть*, *бреду* — *брести*, а также, например, в таких случаях, как *сладкий* — *сласть*, *владесть* — *власть* и др. Примеры выпадения как *д*, так и других согласных перед суффиксом *-ну-* довольно многочисленны: *кидать* — *кинуть*, *глядеть* — *глянуть*, *увядать* — *вянуть*, а также *шептать* — *шепнуть*, *двигать* — *двинуть*, *спать* — *уснуть* и т. д.

Задание 3. Если исторически в русском языке существовал только один глагол *грянуть*, впоследствии «расщепившийся» на два, то с уверенностью ответить на вопрос о том, каким было его первоначальное значение, мог бы помочь только анализ максимально древних примеров употребления этого глагола в каких-либо старинных текстах.

В отсутствие таких примеров мы можем лишь строить предположения, основанные на наших (в целом достаточно скудных) знаниях о том, по каким законам слова меняют свои значения. В частности, известно, что глаголы звучания нередко приобретают дополнительные значения, связанные с быстрыми, шумными, часто неприятными действиями. Например, однокоренной глаголу *грянуть*₁ глагол *загрянуть* может означать «против своей воли оказаться в каком-либо неприятном месте» («загрянуть в тюрьму», «загрянуть в армию»); глагол *грохнуть*, первоначально скорее всего означавший «упасть с громким шумом», сейчас может употребляться и просто в значении «упасть» (обычно о внезапном или болезненном падении), а собственно-звукового значения уже и не имеет.

Эти соображения делают несколько более вероятной гипотезу о том, что глагол *грянуть*₂ есть результат развития переносного значения у глагола *грянуть*₁.

Решение задачи 4–5 для 10 классов

Наиболее часто в комбинациях выпавших очков должно встречаться числительное «два»: его включают в свой состав комбинации 2 : 1, 3 : 2, 4 : 2, 5 : 2, 6 : 2 и названия дублей (структуры «два — число»). Слово, которое встречается чаще всего — это **دو**, оно 5 раз выступает в качестве правой части комбинации и 4 раза — в качестве левой. Известно, что 4 раза «двойка» должна завершать комбинацию (таковы 3 : 2, 4 : 2, 5 : 2 и 6 : 2), а в остальных случаях — начинать (таковы «два раза» и дубли структуры «два — число»). Из этого можно сделать вывод, что, во-первых, левая часть является завершающей (и действительно, направление арабского письма — справа налево), а во-вторых, что дублей структуры

«два — *число*» всего четыре (пятый раз двойка встречается в начале комбинации 2 : 1), т. е. иную структуру имеет, помимо 1 : 1 («всё 1»), ещё один — и только один — из дублей.

Из всех остальных числительных легко выделить наибольшее — شش — оно всегда начинает комбинацию, единственное исключение — комбинация № 9, где оно следует после двойки. Очевидно, что شش — шестёрка, а комбинация № 9 (دو شش) — дубль 6 : 6. Наименьшим числом, стоящим всегда в конце комбинации, является يك, единица.

Соответственно, можно установить значения следующих комбинаций: № 5 (شش يك) 6 : 1, № 9 (دو شش) 6 : 6, № 10 (دو يك) 2 : 1 и № 20 (شش و دو) 6 : 2.

Кроме того, можно найти названия дублей 2 : 2 и 1 : 1. Каждое из них содержит слово, которое не употребляется больше ни разу — это слова «раза» («два раза») и «всё» («всё один»). Других таких комбинаций нет, поскольку двойка не встречается в комбинациях, имеющих по два названия, а единица, хотя и встречается, но лишь в сочетании с пятёркой, которая сама должна встречаться не менее двух раз (5 : 4 и 5 : 1). Следовательно, 2 : 2 — это № 2 (دو باره), а 1 : 1 — это № 15 (هپ يك).

Число سه встречается ровно шесть раз: оно может предшествовать двойке (№ 6) и единице (№ 19), и следовать за двойкой (№ 24), шестёркой (№ 13) и двумя другими числами (№ 1 и № 11). Это может быть только число 3. Следовательно, № 6 (سه با دو) — это 3 : 2, № 19 (سه يك) — 3 : 1, № 24 (دو سه) — 3 : 3, № 13 (شش سه) — 6 : 3. Числа же چهار и پنج — это по одному из вариантов названия для 5 и 4. При этом первое из этих чисел предшествует второму (№ 16), значит, پنج — это 5, چهار — это 4, а № 16 (پنج چهار) — один из вариантов для 5 : 4. Таким образом, можно установить значения комбинаций № 1 (چهار سه) — 4 : 3, № 11 (پنج سه) — 5 : 3, а также № 7 (پنج دو) — 5 : 2, № 8 (چهار دو) — 4 : 2, № 12 (چهار يك) — 4 : 1, № 18 (شش چهار) — 6 : 4 и № 23 (پنج يك) — один из вариантов для 5 : 1.

Осталось всего 6 комбинаций — № 3 (دورد چهار), № 4 (شش بش), № 14 (آلتی دورد), № 17 (بش دورد), № 21 (بش بیر) и № 22 (دو بش). Это

два дубля — $5 : 5$ и $4 : 4$, а также $6 : 5$ и вторые названия для $6 : 4$, $5 : 4$ и $5 : 1$.

Поскольку знак *شش* для шестёрки встречается 6 раз, второе название этого числа должно встречаться только один раз, и при этом быть справа. Такое слово у нас всего одно: это *آلتي*. Единица тоже встретилась 6 раз (в виде *يك*), так что среди оставшихся шести комбинаций второе название единицы должно фигурировать только один раз, и при этом быть слева. Единственный кандидат — слово *بیر*. Таким образом, можно сделать вывод, что *بش* (предшествующее слову *بیر* в комбинации № 21) — это второе название для 5. Следовательно, № 4 (*شش بش*) — это $6 : 5$, № 14 (*آلتي دورد*) — второе название для $6 : 4$, № 17 (*بش دورد*) — $5 : 4$, № 21 (*بش بیر*) — $5 : 1$, № 22 (*دو بش*) — $5 : 5$. Методом исключения, № 3 (*دورد چهار*) — дубль $4 : 4$.

Теперь можно выписать ответ:

1	4 : 3	7	5 : 2	13	6 : 3	19	3 : 1
2	2 : 2	8	4 : 2	14	6 : 4	20	6 : 2
3	4 : 4	9	6 : 6	15	1 : 1	21	5 : 1
4	6 : 5	10	2 : 1	16	5 : 4	22	5 : 5
5	6 : 1	11	5 : 3	17	5 : 4	23	5 : 1
6	3 : 2	12	4 : 1	18	6 : 4	24	3 : 3

Вторая часть задачи выдавалась участникам только после того, как они либо решили задачу об арабской системе записи названий комбинаций выпавших очков, либо отказались от её решения. Действительно, при знании того, как выглядят названия комбинаций в записи арабской графикой, решение этой задачи несколько облегчается; но оно в принципе может быть получено и без этого знания.

Чаще всего в составе названий встречается элемент *dy* (9 раз), он может как предшествовать другим элементам (5 раз), так и следовать за ними (4 раза). Это в точности совпадает с встречаемостью элемента *دو* из предыдущей части, и к нему применимо то же самое количественное рассуждение. Следовательно, *dy* — это 2. Из остальных числительных легко выделяется шестёрка (*شش*, *shesh*, она предшествует всем числам, кроме 2), единица (*يك*, *ek*, не предшествует ни одному числу) и тройка (*سه*, *se*, предшествует двойке и единице, следует за двойкой, шестёркой и двумя другими числами).

Итак, мы можем установить, что *шешу се* — 6 : 3, *шешу ду* — 6 : 2, *се ек* — 3 : 1, *ду шеш* — 6 : 6, *се ба ду* — 3 : 2, *шешу ек* — 6 : 1, *ду се* — 3 : 3. При этом *ба* соответствует предлогу «с» (با в записи арабской графикой), а союз «и» — в арабской графике و — это -у, прибавляемое к числам, начинающим комбинацию (ср. *шешу ду* «шесть-и два», в арабской графике شش و دو, но *ду шеш* «два шесть» — без элемента و : دو شش). *Дубара* — видимо, особое название для дубля 2 : 2 («2 раза», как известно из предыдущей части задачи; там встречается тот же элемент با, что и в названии комбинации 3 : 2 — سه با دو, *се ба ду*). Тем, кто решил предыдущую часть, легко догадаться, что *ду ек* (комбинация из يك «один» слева и دو «два» справа) — это 2 : 1 (не дубль 1 : 1, так как у этого дубля особое название), тем, кто не решил, придётся рассуждать чуть дольше: если *ду ек* — это название дубля 1 : 1, то комбинаций, называемых иначе, оказывается более одной, что противоречит условию задачи. Следовательно, *ду ек* — это 2 : 1. Единственный претендент на название дубля 1 : 1 — это слово *егана*. Только оно хотя бы отчасти похоже на название единицы и при этом не сочетается с другими числами. Это отличается от названия هب يك «всё 1», фигурировавшего в предыдущей части задачи, но, по условию, одна из комбинаций в российской разновидности как раз и называется иначе.

Из оставшихся названий чисел чаще всего встречаются *чар*(*y*) и *пандж*(*y*) — оба они предшествуют двойке, тройке и единице и следуют за шестёркой, но при этом *пандж*(*y*) называет число большее, чем *чар*(*y*), поскольку предшествует ему. Следовательно, *чар*(*y*) — 4, а *пандж*(*y*) — 5. Соответственно, мы можем установить, что *чару ду* — это 4 : 2, *чару ек* — 4 : 1, *чару се* — 4 : 3, *панджу чар* — 5 : 4, *шешу чар* — 6 : 4, *панджу се* — 5 : 3, *панджу ек* — 5 : 1, *панджу ду* — 5 : 2. Оставшаяся комбинация, содержащая чар (*дорт чар*), это название дубля 4 : 4.

Слово *пандж* встречается лишь 4 раза, значит, называемое им число дважды должно быть обозначено другим словом. И действительно, такое слово есть — это дважды употребляющееся *беш*, которое фигурирует в комбинациях с теми числами, которые не встречались с *пандж* — 6 : 5 и 5 : 5. Соответственно, *шешу беш* — это 6 : 5, а *ду беш* — 5 : 5. (Те, кто решил первую часть задачи, могли получить тот же результат и более простым рассуждением: известно, что дубль, не имеющий структуры «два — число», — это дубль 4 : 4, следовательно, *ду беш* — это единственный оставшийся дубль, 5 : 5, *дорт чар* — 4 : 4 и т. д.

Кроме того, слово *беш* «5» могло быть опознано по оканчивающему его знаку *ش*, такому же, как на конце слова *شش* *шеш* «шесть».)

Итак, задание 1 выполнено, и мы можем привести полную таблицу всех названий комбинаций очков, с записью арабской графикой и с названиями, принятыми в России:

1.	چهار سه	4 : 3	چارу се	13.	شش سه	6 : 3	шешу се
2.	دو باره	2 : 2	дубара	14.	آلتی دورد	6 : 4	—
3.	دورد چهار	4 : 4	дорт чар	15.	هپ يك	1 : 1	егана
4.	شش بش	6 : 5	шешу беш	16.	پنج چهار	5 : 4	панджсу чар
5.	شش يك	6 : 1	шешу ек	17.	بش دورد	5 : 4	—
6.	سه با دو	3 : 2	се ба ду	18.	شش چهار	6 : 4	шешу чар
7.	پنج دو	5 : 2	панджсу ду	19.	سه يك	3 : 1	се ек
8.	چهار دو	4 : 2	چارу ду	20.	شش و دو	6 : 2	шешу ду
9.	دو شش	6 : 6	ду шеш	21.	بش بير	5 : 1	—
10.	دو يك	2 : 1	ду ек	22.	دو بش	5 : 5	ду беш
11.	پنج سه	5 : 3	панджсу се	23.	پنج يك	5 : 1	панджсу ек
12.	چهار يك	4 : 1	چارу ек	24.	دو سه	3 : 3	ду се

Выполним теперь задание 2. Дубль 4 : 4, если бы имел стандартное обозначение, назывался бы *ду чар* «два четыре». Видимо, в турецкоговорящей среде это сочетание было в какой-то момент осмыслено как *дорт чар* — «четыре (по-турецки) — четыре (по-персидски)», что похоже на *ду чар* по звучанию. Во всяком случае, дубли 3 : 3 («три», *се*, не имеет второго названия), 5 : 5 и 6 : 6 не могли бы быть переинтерпретированы подобным образом.

Решение задачи 6.1 для 10 классов

Пословица, приведённая в задаче, обыгрывает старые (использовавшиеся до орфографической реформы 1918 г.) названия букв *л* — *люди* (что, естественно, и означает «люди») и *м* — *мыслете* (буквально «думайте!»). Её общий смысл — «у нас всё не как у людей». Ответ: (Г).

Авторы задач

7–8 классы	1	И. Б. Иткин
	2	А. Ч. Пиперски
	3	Б. Л. Иомдин
	4	С. А. Бурлак, И. Б. Иткин
	5	Б. Л. Иомдин
	5.1	Л. Л. Фёдорова
	5.2	И. Б. Иткин
	6.3	И. Б. Иткин
	6.4	Б. Л. Иомдин
	6.5	И. С. Рубанов
9 класс	1	И. Б. Иткин
	2	А. Ч. Пиперски
	3	Б. Л. Иомдин
	4	С. А. Бурлак, И. Б. Иткин
	5	А. С. Панина
	6.1	И. Б. Иткин
	6.2	И. Б. Иткин
	6.3	И. Б. Иткин
	6.4	Б. Л. Иомдин
	6.5	И. С. Рубанов
10 класс	1	И. Б. Иткин
	2	И. Б. Иткин
	3	И. Б. Иткин
	4–5	И. А. Держанский, И. Б. Иткин
	6.1	Ю. М. Бурман
	6.2	И. Б. Иткин
	6.3	И. Б. Иткин
	6.4	Б. Л. Иомдин
	6.5	И. С. Рубанов

Протокол заседания жюри

Лингвистической Олимпиады Летней лингвистической школы-2006 от 17 июля 2006 г.

Жюри в составе:

Владимир Михайлович Алпатов (председатель), д.ф.н., проф., зам. директора Института востоковедения РАН;

Вера Игоревна Акулова, студентка I курса Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;

Светлана Анатольевна Бурлак, к.ф.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;

Борис Леонидович Иомдин, к.ф.н., научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, старший преподаватель Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;

Илья Борисович Иткин, к.ф.н., научный сотрудник Института востоковедения РАН, учитель литературы школы «Муми-Тролль», председатель Оргкомитета Лингвистической олимпиады;

Елена Владимировна Муравенко, к.ф.н., доцент Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, сопредседатель Оргкомитета Летней лингвистической школы;

Юлия Геннадьевна Плюснина, студентка I курса Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета;

Мария Львовна Рубинштейн, аспирантка Техасского университета —

постановило:

I. Присудить премии за лучшее решение отдельных задач:

Среди учащихся 7–8 классов:

1. За лучшее решение задачи № 3 (на анализ употребления дательного падежа в истории русского языка) — ученице 8 класса школы № 463 г. Москвы Елизавете Алексеевне **Ляпиной**.

2. За лучшее решение задачи № 4 (на русские страдательные причастия) — ученице 8 класса школы № 3 г. Краснодара Татьяне Юрьевне **Кучинко**.

Среди учащихся 9 классов:

1. За лучшее решение задачи № 3 (на анализ употребления дательного падежа в истории русского языка) — ученице 9 класса Государственной столичной гимназии Екатерине Алексеевне **Беловой**.

2. За лучшее решение задачи № 5 (на значение японского глагола цугу) — ученице 9 класса гимназии № 1514 г. Москвы Елене Сергеевне **Лучиной**.

3. За лучшее решение задачи № 6.2 (на ошибки в русских глагольных формах на *-тся* и *-ться*) — ученице 9 класса Государственной столичной гимназии Людмиле Александровне **Солововой**.

4. За лучшее решение задачи № 6.3 (на значение украинского слова *будмайданчик*) — ученице 9 класса Государственной столичной гимназии Екатерине Алексеевне **Беловой**.

Среди учащихся 10 классов:

1. За лучшее решение задачи № 1 (на анализ формальной структуры стихотворения К. Павловой) — ученице 10 класса СУНЦ МГУ Екатерине Ивановне **Филоненко**.

2. За лучшее решение задачи № 4 (на систему счёта в турецкой разновидности игры нарды) — ученице 10 класса школы № 57 г. Москвы Елизавете Александровне **Ребровой**.

3. За лучшее решение задачи № 6.1 (на реконструкцию текста русской пословицы) — ученице 10 класса школы № 1268 г. Москвы Светлане Александровне **Малютиной**.

II. Среди учащихся 7–8 классов

присудить похвальные отзывы:

1. ученице 8 класса школы № 463 г. Москвы Елизавете Алексеевне **Ляпиной**.

2. ученице 7 класса школы № 843 г. Зеленограда Анне Владимировне **Панкратенко**.

3. ученику 7 класса школы № 1543 г. Москвы Филиппу Григорьевичу **Шушурину**.

присудить дипломы за успешное участие в Олимпиаде:

1. ученице 8 класса школы № 3 г. Краснодара Татьяне Юрьевне **Кучинко**.

2. ученику 7 класса школы «Интеллектуал» г. Москвы Андрею Владимировичу **Никулину**.

III. Среди учащихся 9 классов

присудить похвальные отзывы:

1. ученице 9 класса школы № 57 г. Москвы Марии Михайловне **Шапиро**.

присудить дипломы за успешное участие в Олимпиаде:

1. ученице 9 класса школы № 57 г. Москвы Александре Николаевне **Дедюхиной**.

2. ученице 9 класса гимназии № 1514 г. Москвы Елене Сергеевне **Лучиной**.

3. ученице 9 класса Государственной столичной гимназии Людмиле Александровне **Солововой**.

IV. Среди учащихся 10 классов

присудить дипломы за успешное участие в Олимпиаде:

1. ученику 10 класса школы № 1741 г. Москвы Сергею Владимировичу **Мальшеву**.

2. ученице 10 класса школы № 1268 г. Москвы Светлане Александровне **Малютиной**.

3. ученице 10 класса школы № 57 г. Москвы Елизавете Александровне **Ребровой**.

V. Присудить специальную премию за абсолютно лучший результат среди всех участников Летней олимпиады

ученице 9 класса Государственной столичной гимназии Екатерине Алексеевне **Беловой**.

Литературная игра «Травести, или Литературный маскарад»

Игра состоит в том, что фрагмент какого-либо известного литературного произведения маскируется под другое известное произведение путем замены имён героев, а иногда еще и некоторых предметов, географических названий и др. Ведущий зачитывает «переодетые» тексты. Задача играющих — узнать «маску», зашифрованное произведение, авторов и, по возможности, восстановить исходный текст.

Задания «Литературного маскарада» ЛЛШ-2005

Авторы: Александр Бердичевский, Илья Герман, Сергей Бердичевский, Борис Иомдин.

0. У Исидоры нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

—Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу скахать «сыски», а у меня высвистывается «сыски»...

Морис сказал:

—Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что? Правда, здорово —хыхх-ки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

Ох, хыхечка зелёная,
Боюсь уколюся я.

1. Решили, что капитан Смоллетт должен поставить передние ноги на окошко, а Сильвер прыгнуть к капитану на спину; доктор Ливси взберётся на Сильвера, а Бен Ганн пускай взлетит и сядет доктору на голову. Так они и сделали и, по условному знаку, все вместе принялись за музыку: капитан кричал, Сильвер лаял, доктор мяукал, а Бен Ганн, тот запел и закукарекал.

2. Но я ничего не видел. Пока Мюнхгаузен чиркал спичкой, я слышал тихий отчётливый свист, но внезапный яркий свет так ослепил мои утомлённые глаза, что я не мог разглядеть, и не понял, почему Мюнхгаузен так яростно хлещет тростью. Однако я успел заметить выражение ужаса и отвращения на его мертвенно-бледном лице. Мюнхгаузен перестал хлестать и начал пристально разглядывать вентилятор, как вдруг тишину ночи прорезал такой ужасный крик, какого я не слышал никогда в жизни. Этот хриплый крик, в котором смешались страдание и ярость, становился всё громче и громче. Рассказывали потом, что не только в деревне, но даже в отдалённом домике священника крик

этот разбудил всех спящих. Мы в ужасе глядели друг на друга, пока последний вопль не замер в темноте.

3. Пила продолжала гулять по гилям.

— Приятное? А что же в нём такого неприятного? Разве людям каждый день достается пилить гири?

Дело представилось в новом свете. Паниковский перестал пить кефир. Шура с упоением художника водил пилой взад и вперёд, отступал на несколько шагов, чтобы полюбоваться эффектом, там и сям отпиливал кусочек и снова критически осматривал сделанное, а Паниковский следил за каждым его движением, увлекаясь всё больше и больше. Наконец сказал:

— Слушайте, Шура, дайте и мне попилить немножко!

Шура задумался и, казалось, был готов согласиться, но в последнюю минуту передумал.

— Нет, нет, Михаил. . . Всё равно ничего не выйдет. Видите ли, Корейко ужасно привередлив насчёт этих гирь: он ведь выходит с ними на улицу. Будь это какие-нибудь гантели, другое дело, но тут он страшно строг — надо пилить очень и очень старательно. Из тысячи: даже, пожалуй, из двух тысяч людей, найдётся только один, кто сумел бы распилить их как следует.

— Да что вы? Вот никогда бы не подумал. Дайте мне только попробовать. . . Ну хоть немножечко. Будь я на вашем месте, я б вам дал. А, Шура?

4. В десяти сажнях от берега Джейн издала раздирающий душу крик:

— Отец! . .

На берегу, рядом с двумя другими, стоял высокий и сильный человек, доброе и мужественное лицо которого было удивительно похоже на лица Майкла и Джейн Бэнкс.

Действительно, это был тот самый человек, которого так часто дети описывали своим друзьям. Предчувствие не обмануло их.

Это был их отец, это был мистер Бэнкс!

Услышав крик Джейн, мистер Бэнкс упал как подкошенный на песок.

От радости не умирают, поэтому отец и дети пришли в себя ещё прежде чем их перевезли на яхту.

5. Воротился Дуремар к Карабасу,

Рассказал ему великое чудо.

«Я сегодня поймал было Тортиллу,

Золотую Тортиллу, не простую;

По-нашему говорила Тортилла,

Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Дуремара Карабас забранил:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с Тортиллы!
Хоть бы взял ты с неё ключик,
Наш-то совсем раскололся».

6. — Но и я тоже дерусь с этим серым медведем, — объявил Гав, в свою очередь приблизившись к ним.

— Только в два часа, — всё так же спокойно сказал серый медведь.

— По какому же поводу ты дерёшься, Нао? — спросил Гав.

— Право, затрудняюсь ответить, — сказал Нао. — Он больно толкнул меня в плечо. А ты, Нам?

— А я дерусь просто потому, что дерусь, — покраснев, ответил Нам.

Нао, от которого ничто не могло ускользнуть, заметил тонкую улыбку, скользнувшую по губам серого медведя.

— Мы поспорили по поводу одежды, — сказал медведь.

— А ты, Гав?

— Я дерусь из-за несогласия по одному богословскому вопросу.

7. Тут заметил Малыш, что ни плюшек, ни кадушки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски; одна была наполнена тефтелями, другая вареньем. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим», говорил он сам себе: «как будет Карлсон есть тефтели. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как плюшки, да и нельзя; нужно тефтелю сперва обмакнуть в варенье».

Только что он успел это подумать, Карлсон разинул рот; поглядел на тефтели и еще сильнее разинул рот. В это время тефтеля выплеснула из миски, шлёпнулась в варенье, перевернулась на другую сторону, подскочила вверх и как раз попала ему в рот. Карлсон съел и снова разинул рот, и тефтеля таким же порядком отправилась снова. На себя он принимал труд жевать и проглатывать.

«Вишь какое диво!» подумал мальчик, разинув от удивления рот, и тотчас же заметил, что тефтеля лезет и к нему в рот, и уже вымазала губы вареньем. Оттолкнувши тефтелю и вытерши губы, мальчик начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете, и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Карлсон может помочь ему.

8. Цапля поджала хвост и прижалась в угол клетки. Журавль подошёл к ней и понюхал её.

Цапля легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Журавль тронул её лапой и перевернул.

Цапля вскочила и встала перед журавлём на задние лапки.

Журавль смотрел на цаплю, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил журавлю лягушку, журавль оторвал кусок и оставил цапле.

9. — Добрый вечер! — решительно сказал он и, не в силах сдержаться, ударил Короля Назгулов в ухо.

Одновременно с этим Мэрри произнёс довольно пошлую, по мнению наблюдавшей за этой сценой Эвейн, фразу:

— Так будет со всеми, — сказал Мэрри детским голосом, — кто покусится. . .

На что именно покусится, Мэрри не договорил. Он приподнялся на носках и, закрыв глаза, хлопнул Короля Назгулов по щеке.

Король Ангмара приподнял локоть, но не посмел даже пикнуть.

— Правильно, — приговаривала Эвейн, — а теперь по шее. Два раза. Так. Ничего не поделаешь. Иногда яйцам приходится учить зарвавшуюся курицу. . . Ещё разок. . . Не стесняйтесь. По голове больше не бейте. Это самое слабое его место.

Если бы падшие нуменорцы видели своего предводителя в эту критическую для него минуту, то, надо думать, Орден Назгулов прекратил бы своё существование.

10. (*Идея заимствована у И. Итжина.*) Отелло неподвижно замер у дверей, точно сеттер, учуявший перепела. Его глаза остановились на Дездемоне с выражением, которого она не могла понять, и ей стало страшно. Это не был ни гнев, ни удивление, ни упрёк, ни ужас — ни одно из тех чувств, которых можно было бы ожидать. Он просто смотрел на неё, не отрывая взгляда, и лицо его не меняло своего странного выражения.

Дездемона соскочила со стола и бросилась к нему.

— Отелло, милый, — закричала она, — не смотри на меня так! Я остригла волосы и продала их, потому что я не пережила бы, если б мне нечего было подарить тебе к рождеству. Они опять отрастут. Ты ведь не сердисься, правда? Я не могла иначе. У меня очень быстро растут волосы. Ну, поздравь меня с рождеством, Отелло, и давай радоваться празднику. Если б ты знал, какой подарок я тебе приготовила, какой замечательный, чудесный подарок!

11. Потом Гена получил сильный удар в челюсть и свалился на землю. Через секунду ему в живот упёрлось колено и две руки яростно схватили его за горло, но одна из них действовала слабее другой. Гене удалось разжать кисти рук Чебурашки, послышался громкий стон, и вдруг над головой Гены взвилась лопата землекопа и с глухим стуком опустилась. На морду Гены что-то капнуло. Руки, державшие его за горло, вдруг ослабели, судорожным усилием он освободился, ухватил обмякшее плечи своего противника и навалился на него, прижимая к земле невидимые локти.

— Я поймал его! — взвизгнул Гена. — Помогите, помогите! Он здесь! Держите его за ноги!

Секунда — и на место борьбы ринулась вся толпа. Посторонний зритель мог бы подумать, что тут разыгрывается какой-то ожесточённый футбольный матч. После выкрика Гены никто уже не сказал ни слова, слышался только стук ударов, топот ног и тяжёлое дыхание.

Чебурашке удалось нечеловеческим усилием сбросить с себя нескольких противников и подняться на ноги.

12. ШЛЁП. Дровосек приземлился на что-то мягкое, издавшее странный, приглушённый звук.

Он сел и вслепую зашарил руками вокруг себя — глаза у него ещё не привыкли к темноте.

— Всё в порядке! — крикнул он вверх, где светился крохотный, с почтовую марку, прямоугольник люка. — Здесь мягко, можно прыгать!

Страшиле два раза повторять не пришлось. Он приземлился недалеко от Дровосека.

— Что это тут? — были его первые слова.

— Понятия не имею, вроде растение какое-то. Наверное, нарочно положили, чтобы мягче было. Гингема, давай!

Далёкая музыка прервалась, раздался громкий лай, но Гингема уже успела спрыгнуть. Она упала с другой стороны от Дровосека.

— Ну и ну, — сказала она. — Мы глубоко под школой — сотни метров.

— Да уж, наше счастье, что этот куст тут растёт, — сказал Страшила.

— Счастье! — взвизгнула Гингема. — Смотрите! Поглядите на себя!

Она вскочила и с трудом отбежала к влажной стене в нескольких шагах. Ей пришлось изрядно потрудиться, потому что растение уже начало закручивать змеевидные отростки вокруг её щиколоток. Дровосек со Страшилой и не заметили, что их ноги уже были крепко обвязаны длинными стеблями.

Гингема успела освободиться прежде, чем куст смог ухватить её, и теперь с ужасом наблюдала, как её спутники пытались вырваться

из объятий растения, но чем отчаяннее они боролись, тем плотнее и быстрее оно их обвивало.

— Лежите, не двигайтесь! — приказала она. — Я знаю, что это такое — это чёртов силок!

— Я так рад, что мы наконец-то узнали его название! Уж теперь-то оно нам не страшно! — прорычал Страшила, пытаясь не дать кусту обмотаться вокруг своей шеи.

— Да помолчи ты! Я пытаюсь вспомнить, как с ним справиться! — сказала Гингема.

— Вспоминай скорее, я задыхаюсь! — прохрипел Дровосек, и ещё один отросток ухватил его поперёк груди.

— Чёртов силок, чёртов силок... Что там говорила Бастинда? Любит темноту и сырость...

— Ну, так — зажги огонь! — еле вымолвил Дровосек.

— Огонь! Ну конечно: Но как? Здесь нет дерева! — вскричала Гингема, ломая руки.

— Ты что, совсем рехнулась? — заревел Страшила. — Ведьма ты или не ведьма?

13. Они отскребли масло от брюк и уложили его в чайник.

— Раскольников, разумеется, принимал во всем этом участие. Жизненный идеал Раскольникова состоит в том, чтобы всем мешать и выслушивать брань по своему адресу. Лишь бы втереться куда-нибудь, где его присутствие особенно нежелательно, всем надоест, довести людей до бешенства и заставить их швырять ему в голову разные предметы, — тогда он чувствует, что провел время с пользой.

14. — Дайте мне чем-нибудь подкрепиться, — сказал Белый Рыцарь. — Мои нервы вот-вот сдадут.

Алиса тотчас выбежала вперёд с оладьями и вареньем и дала ему большую тарелку.

Пока Белый Рыцарь ел, все набрались духу и подошли поближе. Кто ест оладьи с вареньем, тот не может быть таким уж страшно опасным. С таким можно говорить.

— Вкуляля? — спросил Труляля.

— Да, спасибо, — отвечал Белый Рыцарь. — Последний раз я ел оладьи восемьдесят пять лет назад.

Всем сразу стало его жалко, и все подошли еще ближе.

Поев, Белый Рыцарь вытер усы и сказал:

— Я не могу отнять у вас пудинг. Купленное может быть только куплено снова или отдано. Не продадите ли вы мне его, скажем, за две алмазные горы и долину, полную разных драгоценных камней?

— Нетляля! — ответили Труляля и Траляля.

- И вы не хотите отдать его мне? — спросил Белый Рыцарь.
— Нетляля! — ответили Труляля и Траляля.

15. Я двинулся за ним, предчувствуя нехорошее. Остап ждал нас у дверей.

- Ну как? — спросил он.
— Безобразие, — вяло сказал Ипполит. — Бюрократы.
— У меня приказ, — упрямо повторил слесарь Полесов, уже из прихожей.

— Ну, выходите, Остап Сулейманович, выходите, — сказал Ипполит, позвякивая ключами.

Остап вышел. Я сунулся было за ним, но Ипполит остановил меня.

- Я извиняюсь, — сказал он. — А вы куда?
— Как — куда? — спросил я упавшим голосом.
— На место, на место идите.
— На какое место?

— Ну, где вы там стоите? Вы, извиняюсь, это... хо-хо-парниша? Ну и стойте, где положено...

Я понял, что погиб. И я бы наверное погиб, потому что Остап, по-видимому, тоже растерялся, но в эту минуту в прихожую с топотом и стуком ввалилась Елена Станиславовна, ведя на верёвке здоровенного чёрного козла.

16. Никанора Ивановича передёрнуло. Он ничего не ответил и только пожал плечами, нисколько не пытаясь скрыть, что наивность Афрания переполняет меру его терпения и он насилу сдерживается. От Афрания это не укрылось. — Венера, ты сердисься, значит, ты неправа, — сказал он. — Поймите, поймите, наконец, что всё это не для меня. «Венера», «не поддаваться панике», «кто сказал а, должен сказать бе», «Азazelло сделал свое дело, Азazelло может уйти», — все эти пошлости, все эти выражения не для меня. Я скажу а, а бе не скажу, хоть разорвитесь и лопните. Я допускаю, что вы светочи и освободители России, что без вас она пропала бы, погрязши в нищете и невежестве, и тем не менее мне не до вас и наплевать на вас, я не люблю вас и ну вас всех к чорту.

17. — А почему он тебя столкнул с лестницы?

— Не знаю. Кажется, он меня ненавидит, — говорит Женя. — Мы с одной девчонкой, с Нюрой Гурьевой, намазали ему весь свитер чернилами.

— Это нехорошо. Что ты — маленькая, что ли?

— Нет, но он всегда за мной ходит. Как пойду в парк, он — за мной. Он мне действует на нервы.

— А может быть, ты ему нравишься. Нельзя человеку за это мазать свитер чернилами.

— Не хочу я ему нравиться, — говорит она. И вдруг смотрит на меня очень подозрительно: — Тимур, послушай! Почему ты приехал до среды?

— Что?

Да, с ней держи ухо востро. Если вы думаете, что она дурочка, вы сошли с ума.

— Как это ты приехал до среды? — повторяет она. — Может быть, тебя опять выгнали?

— Я же тебе объяснил. Нас отпустили раньше. Весь класс... — Нет, тебя выгнали! Выгнали! — повторила она. И как ударит меня кулаком по коленке. Она здорово дерётся, если на неё найдёт.

— Выгнали! Ой, Тимур!

Ответы

В скобках указано количество баллов за каждый правильный ответ.

0. Маска (2): «Всадник без головы».

Произведение (2): «Денискины рассказы», «Заколдованная буква».

Автор (1): В. Драгунский.

Исидора (1): Алёнка.

Морис (1): Мишка.

1. Маска (1): «Остров сокровищ».

Произведение (1): «Бременские музыканты».

Капитан Смоллетт (1): осёл.

Сильвер (1): пёс.

Доктор Ливси (1): кот.

Бен Ганн (1): петух.

2. Произведение (2): «Пёстрая лента».

Автор (1): А. Конан-Дойль.

Мюнхгаузен (1): Шерлок Холмс.

3. Маска (1): «Золотой телёнок».

Произведение (1): «Приключения Тома Сойера».

Автор (1): М. Твен.

Шура (1): Том Сойер.

Корейко (1): тетушка Поли.

Гири (1): забор.

Пила (1): кисть.

4. Маска (1): «Мэри Поппинс».
Произведение (2): «Дети капитана Гранта».
Автор (1): Ж. Верн.
Майкл Бэнкс (1): Мери.
Джейн Бэнкс (1): Роберт.
Мистер Бэнкс (1): Гарри Грант.
5. Маска (1): «Золотой ключик, или Приключения Буратино».
Произведение (1): «Сказка о рыбаке и рыбке».
Автор с инициалами (1): А. С. Пушкин.
Дуремар (1): старик.
Карабас (1): старуха.
Тортил(л)а (1): рыбка.
Ключик (1): корыто.
6. Маска (3): Ж. Рони-старший. «Борьба за огонь».
Произведение (1): «Три мушкетёра».
Автор (1): А. Дюма.
Нао (1): Атос.
Нам (1): Портос.
Гав (1): Арамис.
Серый медведь (1): Д'Артаньян.
7. Маска (1): «Мальш и Карлсон».
Произведение (2): «Вечера на хуторе близ Диканьки».
Автор (1): Н. В. Гоголь.
Мальш (1): Вакула.
Карлсон (1): Пацюк.
Тефтели (2): вареники.
Плюшки (2): галушки.
Варенье (1): сметана.
8. Маска (1): «Цапля и журавль».
Произведение (2): «Лев и собачка».
Автор с инициалами (1): Л. Н. Толстой.
Журавль (1): Лев.
Цапля (1): собачка.
9. Маска (1): «Властелин колец».
Произведение (1): «Двенадцать стульев».
Автор (1): И. Ильф, Е. Петров.
Король Назгулов (1): Ишполит Матвеевич.
Эвейн (1): Остап Бендер.

- 10.** Маска (1): «Отелло».
Произведение (2): «Дары волхвов».
Автор (1): О. Генри.
Отелло (1): Джим.
Дездемона (1): Делла.
- 11.** Произведение (1): «Человек-невидимка».
Автор (1): Г. Уэллс.
Чебурашка (1): Невидимка (Гриффин).
- 12.** Маска (1): «Волшебник изумрудного города».
Произведение (1): «Гарри Поттер и философский камень».
Автор (1): Дж. Роулинг.
Дровосек (1): Гарри.
Страшила (1): Рон.
Гингема (1): Хермиона.
- 13.** Маска (1): «Преступление и наказание».
Произведение (1): «Трое в лодке (не считая собаки)».
Автор (1): Джером К. Джером.
Раскольников (2): Монморанси.
- 14.** Маска (1): «Алиса в Зазеркалье».
Произведение (1): «Шляпа волшебника».
Автор (1): Туве Янсон.
Белый Рыцарь (1): Волшебник.
Алиса (1): Муми-мама.
Труляля и Траляля (2): Тофсла и Вифсла.
Пудинг (1): рубин.
Ляля (2): сла.
- 15.** Маска (1): «Двенадцать стульев».
Произведение (2): «Понедельник начинается в субботу».
Автор (1): А. Стругацкий, Б. Стругацкий.
Остап (1): Роман.
Ишполит (2): Модест.
Елена Станиславовна (2): Наина Киевна.
Я (1): Привалов.
- 16.** Маска (1): «Мастер и Маргарита».
Произведение (3): «Доктор Живаго».
Автор (1): Б. Л. Пастернак.
Афраний (3): Ливерий.
Никанор Иванович (1): Юрий Андреевич.
Венера (1): Юпитер.
Азazelло (1): Мор.

17. Маска (1): «Тимур и его команда».
 Произведение (3): «Над пропастью во ржи».
 Автор (1): Джером Сэлинджер.
 Женя (2): Фиби.
 Тимур (1): Холден.

Задания «Литературного маскарада» ЛЛШ-2006

Авторы: Александр Бердичевский, Борис Иомдин, Ольга Шеманаева.

1. Бегемот выслушал буфетчика, принял подарок, золотую шахматную доску с белыми полями из слоновой кости, и приказал позвать мудреца.

— Арчибальд Арчибальдович, — сказал он, когда Коровьев преклонил колени перед ним. — Вот этот человек, буфетчик Соков, — наш преданный раб, имеющий заслуги перед нами. Повелеваем тебе немедленно исцелить его от горба, хромоты, бельма и прочих уродств. И Бегемот отвернулся в знак того, что не желает слышать никаких возражений. Коровьеву оставалось только поклониться и выйти. Следом выполз буфетчик, влача, подобно черепахе, свой горб.

2. А Пьеро: «Да это что за награда?
 Мне бы выкатить варенья бадью.
 А Мальвину мне и даром не надо,
 Карабаса я и так победю».

3. В этом же домике жил известный доктор Борменталь, который лечил коротышек от всех болезней. Он всегда ходил в белом халате, а на голове носил белый колпак с кисточкой. Жил здесь также знаменитый механик Энгельс со своим помощником Каутским; жил Полиграф Полиграфович Шариков, который прославился тем, что очень любил газированную воду с сиропом. Он был очень вежливый. Ему нравилось, когда его называли по имени и отчеству, и не нравилось, когда кто-нибудь называл его просто Шариком. Жил ещё в этом доме охотник Фёдор. У него была маленькая собачка Швондер и ещё было ружьё, которое стреляло пробками. Жил художник Пеструхин, музыкант Вяземская и другие малыши.

4. Записку было велено передать Арине Власьевне.

Я и не подозревал, что так зовут старушку из ***. Но открыла мне не старушка, а незнакомая худенькая женщина в чёрном платье.

— Что тебе, мальчик?

— Меня послал Павел Петрович.

Эта женщина была, разумеется, Фенечкина мама и старушкина дочка. У всех троих были одинаковые решительные носы, одинаковые глаза — тёмные и живые. Но внучка и бабушка смотрели веселее. У дочки был печальный, озабоченный вид.

— Микроскоп? — с недоумением сказала она, прочитав записку. — Ах, да!

5. В первые секунды Васисуалий был так растроган этой необыкновенной встречей двух братьев среди льдов Арктики и настолько доволен за Козлевича, что совсем забыл про несчастного Шуру. Но еле слышный хрип, донёсшийся с койки, напомнил Васисуалию о необходимости срочных мер.

— Стойте! — закричал он и бросился разнимать обоих сынов Шмидта. — Тут человек погибает, а они. . .

— Ой, помираю! — как бы в подтверждение Васисуалиевых слов прохрипел дряхлый старец Шура.

Козлевич с удивлением осведомился:

— Кто этот убрённый сединами старик и как он попал сюда, на постель нашего друга Шуры?

— Да это и есть Шура! — с отчаянием, воскликнул Васисуалий. — Спаси его, Козлевич!

— Прошу прощения, о дражайший мой Адамчик! — не без раздражения промолвил Остап Сулейман, обращаясь к своему вновь обрётённому брату. — Мне придётся прервать столь приятные мгновения нашей встречи, чтобы выполнить данное мною обещание.

6. — Кроме того, — сказал Ромео, уверенный в том, что говорит правду, — я ни на минуту не смыкал глаз.

Он поднёс чашку ко рту. Времени для объяснений не было. Надо было действовать. Джульетта молнией метнулась между его губами и краями чашки и так же молниеносно осушила её.

— Джульетта, как ты смела выпить мою микстуру? Но она не ответила. Она падала, переворачиваясь в воздухе.

— Что с тобой, Джульетта? — испугался Ромео.

— Оно было отравлено, Ромео, — сказала она ему ласково. — И теперь я умру.

— Джульетта, ты выпила яд, чтобы спасти меня?

— Да.

— Но почему, Джульетта?

Крылья почти уже не держали её. Но она собрала силы и тихонечко коснулась его подбородка. Она прошептала ему на ухо.

— Дурачок ты.

7. Мистер Пиквик.

Что ночь одна, — не в счёт,

Зато спроси, где был?

Мистер Уинкль.

И сам я догадаюсь.

Чай, в клубе?

Мистер Пиквик.

В Английском. Чтоб исповедь начать:

Из шумного я заседанья.

Пожало-ста молчи, я слово дал молчать;

У нас есть общество, и тайные собранья

По четвергам. Секретнейший союз. . .

Мистер Уинкль.

Ах! я, братец, боюсь.

8. Но вот наш Бог взял в рукито яблоко, которое я откусил, и сказал:

— Ева и Адам, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Ева сказала:

— Это Адамова работа.

Я дёрнул Еву за ребро и сказал:

— Это меня Ева научила.

Бог говорит:

— Еву я поставлю в угол носом, а тебе я хотел подарить заводной паровозик.

9. — Наклонись, — сказал я Малышу. — Может быть, она и не заметит. Но Фрекен Бок сразу же нас заметила, подняла голову и крикнула:

— Вы зачем это, негодные люди, на крышу залезли? На дворе уже сыро. Малышу давно спать пора. А вы обрадовались, что меня нет дома, и готовы баловать хоть до полуночи. — Фрекен Бок, — ответил я, — мы не балуем, мы пропеллер приколачиваем. Ты погоди немного, нам всего три гвоздя доколотить осталось.

— Завтра доколотите! — приказала Фрекен Бок. — А сейчас слезайте, или я совсем рассержусь.

Переглянулись мы с Малышом. Видим, плохо наше дело. Взяли и слезли. Но на Фрекен Бок обиделись. И хотя Фрекен Бок принесла со станции Малышу большое яблоко, а мне пачку табаку, — всё равно обиделись. Так с обидой и уснули.

10. — И верно, лучше бы нам сидеть дома, — прошептал Кот и покрепче уцепился за шею Петушка. Петушок-золотой гребешок падал, как подстреленный. Счастье ещё, что по пути им подвернулась какая-то тощая ветла. Петушок зацепился за верхушку дерева и повис среди веток. Так они и висели. Крылья у Петушка обмякли, шея болталась,

как тряпка. Он громко дышал, широко разевая клюв, точно хотел захватить побольше воздуха. Коту стало жалко Петушка-золотого гребешка. Он даже попробовал его утешить.

— Милый Петушок, — сказал Кот ласково, — не печалься, что они тебя бросили. Ну посуди сам, куда тебе с ними тягаться! Давай лучше вернёмся домой!

Петушок-золотой гребешок и сам понимал: надо бы вернуться.

11. Пьер взглянул на него снизу вверх. Кулаки его были крепко сжаты. — Вам нельзя здесь сидеть, граф!

Теперь наконец Пьер раскрыл рот. Он спросил хрипло:

— На что вы спорили, господин Ростов?

— На грош, граф.

— На грош? — Граф подскочил. Потом снова прислонился к стене. И вдруг взвизгнул каким-то бабьим голосом: — Да ведь вы же могли поспорить на всё моё состояние, болваны!

12. Татьяна (*входит в господский дом*):

В Москву! Закладывать скорей!

Онегин: Пришёл я — встретить вас.

Татьяна: Велите ж дать мне лошадей!

Онегин: Прошу помедлить час.

Дорога наша так дурна,

Вам нужно отдохнуть...

Татьяна: Благодарю вас! Я сильна...

Уж недалёк мой путь...

13. Само собой разумеется, что Хоттабыч болел за свою команду и так увлёкся, что в один из самых острых моментов не выдержал и закричал: «Бей!» Тут мяч влетел прямёхонько в сетку ворот противника, как это уже случилось в самой первой главе. Но в ту же минуту Хоттабыч закричал: — Мы хотим только честной победы. В спорте не должно быть никакого обмана! И немедленно забил гол в другие ворота.

Я уверен, что на его месте вы бы, конечно, сделали то же самое.

14. Общественный сад на высоком берегу Темзы, за Темзой сельский вид. На сцене две скамейки и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Джером К. Джером сидит на скамье и смотрит за реку. Джордж и Харрис прогуливаются.

Джером К. Джером (поёт). «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» (Перестаёт петь.) Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Джордж! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Темзу и все наглядеться не могу.

Джордж. А что?

Джером К. Джером. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Джордж. Нешто!

Джером К. Джером. Восторг! А ты «нешто»! Пригляделись вы либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Джордж. Ну, да ведь с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик.

Джером К. Джером. Механик, самоучка-механик.

Джордж. Всё одно.

15. «... Эта вовсе не красива:

И бледна-то, и тонка,

Чай, в обхват-то три вершка;

А ножонка-то, ножонка!

Тьфу ты! словно у цыплёнка!

Пусть полюбится кому,

Я и даром не возьму».

Тут Людмила заиграла

И столь сладко припевала,

Что Руслан, не зная как,

Прикорнулся на кулак

И под голос тихий, стройный

Засыпает преспокойно.

Ответы

В скобках указано количество баллов за каждый правильный ответ.

1. Маска (1): «Мастер и Маргарита».

Произведение (1): «Повесть о Ходже Насреддине».

Автор (2): Л. Соловьёв.

Бегемот (1): эмир.

Арчибальд Арчибальдович (2): Гуссейн Гуслия.

Коровьев (1): Ходжа Насреддин.

буфетчик Соков (2): ростовщик Джафар.

2. Маска (1): «Приключения Буратино, или Золотой ключик».

Автор (2): В. С. Высоцкий.

Пьеро (1): стрелок.

Мальвина (1): принцесса.

Карабас (1): Чудо-юдо.

варенье (1): портвейн.

- 3.** Маска (1): «Собачье сердце».
Автор (1): Н. Носов.
Борменталь (1): Пилюлькин.
Энгельс (1): Винтик.
Каутский (1): Шпунтик.
Полиграф Полиграфович Шариков (2):
Сахарин Сахаринич Сиропчик.
Фёдор (2): Пулька.
Швондер (2): Булька.
Пеструхин (2): Тюбик.
Вяземская (2): Гуслия.
- 4.** Маска (1): «Отцы и дети».
Произведение (1): «Два капитана».
Автор (1): В. Каверин.
Павел Петрович (2): Николай Антоныч.
Фенечка (1): Катька.
* * * (1): Энск.
микроскоп (2): лактометр.
- 5.** Маска (1): «Золотой теленок».
Произведение (1): «Старик Хоттабыч».
Автор (2): Л. Лагин.
Васисуалий (1): Волька.
Козлевич (1): Хоттабыч.
Шура (1): Женя.
Шмидт (1): Хоттаб.
Адам (2): Гассан.
Остап Сулейман (2): Омар Юсуф.
- 6.** Произведение (2): «Питер Пэн».
Автор (2): Дж. Барри.
Ромео (1): Питер.
Джульетта (2): Динь.
- 7.** Маска (2): «Посмертные записки Пиквикского клуба».
Произведение (1): «Горе от ума».
Мистер Пиквик (2): Репетилов
Мистер Уинкль (1): Чацкий
- 8.** Автор (2): М. Зощенко.
Бог (1): мама.
Ева (1): Лёля.
Адам (1): Минька.
Ребро (1): косичка.

- 9.** Маска (1): «Малыш и Карлсон, который живет на крыше».
Произведение (1): «Голубая чашка».
Автор (1): А. Гайдар.
Малыш (2): Светлана.
Фрекен Бок (2): Маруся.
пропеллер (2): вертушка.
- 10.** Произведение (2):
«Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями».
Автор (2): А. Линдгрэн.
Кот (1): Нильс.
Петушок-золотой гребешок (2): Мартин.
- 11.** Маска (1): «Война и мир».
Произведение (1): «Тим Талер, или проданный смех».
Автор (2): Дж. Крюс.
Ростов (2): Талер.
Пьер (2): Треч.
кулаки (2): губы.
граф (2): барон.
- 12.** Произведение (2): «Русские женщины» («Княгиня Трубецкая»)
Автор (1): Н. А. Некрасов.
Татьяна (2): княгиня.
Онегин (2): губернатор.
господский дом (2): станционный дом.
Москва (2): Нерчинск.
- 13.** Произведение (3): «Джельсомино в стране лунов».
Автор (2): Дж. Родари.
Хоттабыч (2): Джельсомино.
- 14.** Маска (1): «Трое в лодке, не считая собаки».
Произведение (1): «Гроза».
Автор (1): А. Н. Островский.
Темза (1): Волга.
Джером К. Джером (2): Кулигин.
Джордж (2): Кудряш.
Харрис (2): Шапкин.
- 15.** Произведение (1): «Конёк-горбунок».
Автор (2): П. П. Ершов.
Людмила (2): царевна.
Руслан (2): Иван.

Игры с английским языком на свежем воздухе

*Ольга Ильинична Виноградова,
Ольга Юрьевна Шеманаева*

Нашей задачей было провести это занятие как можно более необычно и непохоже на стандартную процедуру школьного урока по английскому языку с проверкой слов, диктантом, отработкой постановки вопросов к тексту и мучительной устной практикой. Всё обсуждение и объяснение правил игры шло на английском языке.

Вместо оценок у нас были очки и деньги на грамматическом аукционе, вместо постановки вопросов к тексту — игра в ситуации, в домашнем задании оказалась игра с фразовыми глаголами и пожелание вспомнить и сочинить самим забавные лимерики.

Начнём по порядку. На первом, письменном этапе игр была дана свобода выбора — большинство участников готовы были объединиться в команды, а «эксперты» и «индивидуалисты» могли участвовать в одиночку. После этого надо было назвать свою команду (среди удачных названий отметим «The Catchers in the Rye») и приступить к выполнению письменных заданий. Их было несколько: задания на морфологию и деривацию (см. задание А ниже), на омофонию, столь распространённую в английском языке (задание С), на сочетаемость (задания В и G), на семантику и омонимию (задание Е), на фразовые глаголы. В игре с фразовыми глаголами участники должны были придумать как можно более длинную цепочку чередующихся глаголов и частиц, в которой каждая частица составляет идиоматическое сочетание как с предыдущим, так и с последующим глаголом (например, PUT SMB — UP — SHOW — OFF — PUT SMTH — ON — GET — и т. д., поскольку имеются фразовые глаголы put smb up, show up, show off, put smth off, put smth on, get on). Участники продолжили соревнование по составлению этой цепочки и после занятия.

Наряду с цепочками фразовых глаголов в качестве домашнего задания была предложена реконструкция пропущенных слов в известных английских лимериках. В результате у участников получилось по несколько собственных вариантов лимериков, каждый из которых был вполне осмысленным (см. ответы к лимерикам).

На следующем, устном этапе участники играли в популярную игру: были загаданы ситуации, для отгадывания которых нужно было задавать ведущему общие вопросы на английском языке, на которые ведущий мог ответить одним из трёх способов: да, нет, это неважно (см. Situation Puzzles).

Основной игрой этого вечера стал аукцион, в котором участники «покупали» правильные английские предложения. По правилам у каждой команды имелась воображаемая стартовая сумма «денег», и выигравшей считалась та команда, которая «купила» наибольшее число правильных предложений к концу игры, и при этом у неё осталось большее количество «денег». При «покупке» неправильного предложения можно было вернуть половину потерянных «денег», если с первой попытки команде удавалось исправить ошибку. Захотелось ли бы вам «купить» эти два предложения:

1) He started with the lecture on ancient poetry, and then went on talking about cross-cultural misunderstanding.

2) That is thousandfold worse.

Имейте в виду, что в одном случае ваши «деньги» пропадут, а в другом нет! Посмотрели бы вы, какие страсти разгорались, когда время аукциона подходило к концу, а деньги при этом ещё оставались... И полцарства не было жалко за правильное предложение! Эти страсти мог охладить только холодный ветерок, сопровождавший наши занятия на улице.

Попробуйте себя в тех заданиях, которые выполняли в тот день участники Летней школы.

Quiz⁵

A1 *Think of as many words as you can which end in **-ship** but have nothing to do with **watercraft**.*

A2 *Think of as many words as you can which end in **-hood** but have nothing to do with **clothes** or **headwear**.*

A3 *Think of as many words as you can which end in **-dom**.*

B *What colour can you add to the following words to give these words new meanings?*

Belt, fingers, horn, house, light, room.

C *Think of a word meaning 'heaviness' which sounds the same as one meaning 'don't go away'.*

D *Find the missing words:*

D1 Ready, steady, ...

D2 Red, amber, ...

---

⁵Some questions have been taken from the book Word Play by Brian Bamber and Roger Bowers, Longman 1990.

E Which word is related to either word in the following pairs:

E1 a tree and an elephant: . . .

E2 a book and a knight: . . .

E3 a bicycle and an organ: . . .

F Think of one word which may mean 'a group of words' and a 'punishment'.

G In what contexts can each of the following words be the opposite of *sweet*?
Sour, savoury, bitter, dry.

H What can we do *by ear, by heart, by word of mouth and by hand*?

Quiz (answers)

A1 Think of as many words as you can which end in **-ship** but have nothing to do with **watercraft**.

Friendship, relationship, readership, membership, leadership, partnership, craftsmanship, championship, fellowship, scholarship, internship, professorship, sponsorship, citizenship, hardship, spaceship, worship.

A2 Think of as many words as you can which end in **-hood** but have nothing to do with **clothes** or **headwear**.

Childhood, fatherhood, motherhood, brotherhood, sisterhood, brotherhood, parenthood, neighbourhood, likelihood, manhood.

A3 Think of as many words as you can which end in **-dom**.

Kingdom, freedom, martyrdom, boredom, random, wisdom, stardom, fandom, (seldom).

B What colour can you add to the following words to give these words new meanings?

Belt, fingers, horn, house, light, room.

Green belt — a strip of land round a town or city where building is not allowed, so that the countryside remains unspoilt.

A good gardener is said to have **green fingers**.

A **greenhorn**, especially in American English, is a novice.

A **greenhouse** is a structure of glass in which the temperature is higher than in the open air, so that plants which need protection from the cold and the wind can be grown.

A **green light** is, really or metaphorically, a signal to begin an action.

A **greenroom** is a room near the stage where actors may sit comfortably before and after the show or during scenes in which they do not appear. This

room is traditionally painted green; the custom arose in England, where the colour was thought to be soothing.

Another possible task was to think of as many word combinations with colour words as you can. The correct answers were:

red light, black belt, Black Belt, White House.

C Think of a word meaning 'heaviness' which sounds the same as one meaning 'don't go away'.

weight & wait!

D Find the missing words:

D1 Ready, steady, **GO!**

D2 Red, amber, **green** (traffic lights)

E Which word is related to either word in the following pairs:

E1 a tree and an elephant: **a trunk**

E2 a book and a knight: **a title / a page**

E3 a bicycle and an organ: **pedal(s)**

F Think of one word which may mean 'a group of words' and a 'punishment'.
a sentence

*G In what contexts can each of the following words be the opposite of **sweet**?*

Sweet contrasts with **sour** in Chinese food, such as **sweet** and **sour** fish.

Sweet contrasts with **savoury** to describe the two main types of dish: dishes made with salt, cheese, meat or vegetables, without sugar, are **savoury**, while dishes made with sugar such as cakes, pies and puddings are **sweet**.

Sweet contrasts with **bitter** to describe certain drinks, especially medicine.

Sweet contrasts with **dry** when referring to wines.

*H What can we do **by ear**, **by heart**, **by word of mouth** and **by hand**?*

H1 We play a musical instrument **by ear** if we don't need to (or cannot) read the music.

To play the song by ear.

We don't have anything planned. Let's just play it by ear!

H2 We learn something, such as a poem, **by heart** if we can recite it from memory.

To learn by heart.

H3 Information is spread **by word of mouth** when it is spread by speaking and not by writing.

H4 **By hand** means by a person, not a machine, or written by hand, not typed.

LIMERICKS

Insert the missing words so that the limerick should make sense.

There was an old captain of Dover,
Whom all the physicians gave _____,
At the sound of the _____
And "The enemy's come!"
Up jump'd the _____ captain of Dover.

There was an Old Woman of Harrow,
Who visited in a wheel _____,
And her servant before,
Knock'd loud at each _____;
To announce the Old Woman of Harrow.

There was an Old Man in a _____,
Who said, 'I'm afloat, I'm afloat!'
When they said, 'No, you ain't!'
He was ready _____,
That _____ Old Man in a boat.

There was an Old Man of Melrose,
Who walked on the tips of his _____;
But they said, 'It ain't pleasant,
To see you _____
You _____ Old Man of Melrose'.

There was an Old Lady of Rye,
Who was baked by mistake in _____;
To the household's _____
She emerged through the crust
And exclaimed with a yawn, '_____'

There was a Young Lady of Norway,
Who casually sat on a _____;
When the door squeezed her _____,
She exclaimed, 'What of that?'
This _____ Young Lady of Norway.

LIMERICKS (answers)

-1-

There was an old captain of Dover,
Whom all the physicians gave **over**,
At the sound of the **drum**
And "The enemy's come!"
Up jump'd the **bold** captain of Dover.

-2-

There was an Old Woman of Harrow,
Who visited in a wheel **barrow**,
And her servant before,
Knock'd loud at each **door**;
To announce the Old Woman of Harrow.

-3-

There was an Old Man in a **boat**,
Who said, 'I'm afloat, I'm afloat!'
When they said, 'No, you ain't!'
He was ready **to faint**,
That **unhappy** Old Man in a boat.

* * *

There was an Old Man in a boat,
Who said, 'I'm afloat, I'm afloat!'
When they said, 'No, you ain't!'
He was ready to faint,
That **nervous** Old Man in a boat.

* * *

There was an Old Man in a boat,
Who said, 'I'm afloat, I'm afloat!'
When they said, 'No, you ain't!'
He was ready to faint,
That's what killed an Old Man in a boat.

-4-

There was an Old Man of Melrose,
 Who walked on the tips of his **toes**;
 But they said, 'It ain't pleasant,
 To see you **at present**
 You **stupid** Old Man of Melrose'.

* * *

There was an Old Man of Melrose,
 Who walked on the tips of his toes;
 But they said, 'It ain't pleasant,
 To see **you're a pheasant**
 You stupid Old Man of Melrose'.

-5-

There was an Old Lady of Rye,
 Who was baked by mistake in a **pie**;
 To the household's **disgust**
 She emerged through the crust
 And exclaimed with a yawn, '**Where am I?**'

* * *

There was an Old Lady of Rye,
 Who was baked by mistake in a pie;
 To the household's disgust
 She emerged through the crust
 And exclaimed with a yawn, '**Oh, why?**'

-6-

There was a Young Lady of Norway,
 Who casually sat on a **doorway**;
 When the door squeezed her **flat**,
 She exclaimed, 'What of that?'
 This **courageous** Young Lady of Norway.

* * *

There was a Young Lady of Norway,
 Who casually sat on a doorway;
 When the door squeezed her flat,
 She exclaimed, 'What of that?'
 This **cheerful** Young Lady of Norway.

* * *

There was a Young Lady of Norway,
Who casually sat on a doorway;
When the door squeezed her flat,
She exclaimed, 'What of that?'
This **extravagant** Young Lady of Norway.

-7-

There was an Old Woman of Belfast
Who couldn't stand porridge for breakfast.
So little she had,
That at last she went mad,
And that frightened all people of Belfast.

Situation Puzzles⁶

0. A man walked into a bar in Texas and asked for a glass of water. The barman drew out a pistol and aimed at the man. The man said, 'Thank you,' and left the bar.

1. A ring, death, a ring.

2. A dead man is found in the desert. There is a half-burnt match in his hand.

3. He turns back and shouts: 'Anyway, I won't give in the gold!' He aims, takes a shot and resumes running.

4. A British version:

A young man is on a date in the cafe. He asks his girlfriend, 'What would you like?' She says, 'Two cocktails, please'. He orders four cocktails, she drinks two, he — just one, then he pays the bill and they both leave.

An American version:

A young man is on a date in the cafe. He asks his girlfriend, 'What would you like?' She says, 'Two cocktails, please'. He orders five cocktails, she drinks two, he — just one, then he pays the bill and they both leave.

---

⁶Compare similar tasks in *Grammar Games* by Mario Rinvolucri, Cambridge University Press, 1985.

Situation Puzzles (answers)

0. A man walked into a bar in Texas and asked for a glass of water. The barman drew out a pistol and aimed at the man. The man said, 'Thank you,' and left the bar.

(The man had hiccups).

1. A ring, death, a ring.

(There was a blind man who used to swim in the river. In case he swam too long or in the wrong direction, he would always place an alarm-clock on the beach, where he left his possessions. But one day a man who wanted him dead set up another alarm-clock a quarter of an hour before the time for his own clock, and this sound led him to the dangerous place in the middle of the river, where he drowned).

2. A dead man is found in the desert. There is a half-burnt match in his hand.

(He lost in a toss-up whose turn it was to go and fetch some water from the far-away desert well).

3. He turns back and shouts: 'Anyway, I won't give in the gold!' He aims, takes a shot and resumes running.

(He is a sportsman, and it is a game of biathlon).

4. A British version:

A young man is on a date in the cafe. He asks his girlfriend, 'What would you like?' She says, 'Two cocktails, please'. He orders four cocktails, she drinks two, he — just one, then he pays the bill and they both leave.

(This young man had difficulty in pronouncing sound R and thought that it was a major drawback; he didn't want to say thRee in his girl-friend's presence).

An American version:

A young man is on a date in the cafe. He asks his girlfriend, 'What would you like?' She says, 'Two cocktails, please'. He orders five cocktails, she drinks two, he — just one, then he pays the bill and they both leave.

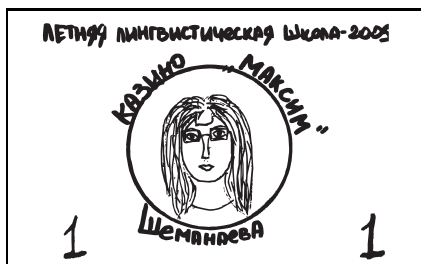
(This young man had difficulty in pronouncing sound R and thought that it was a major drawback; he didn't want to say thRee or fouR in his girl-friend's presence).

Кое-что о казино «Максим»

Ольга Юрьевна Шеманаева

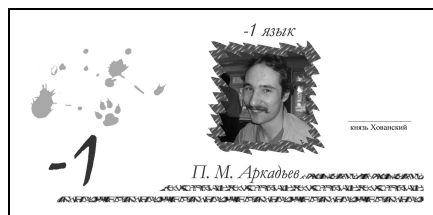
Когда мы объявляем в первые дни Школы, что ближе к концу будем проводить казино «Максим» («Максим» — потому что придумал его Максим Анисимович Кронгауз), школьники не верят своим ушам. Они переспрашивают и допытываются у нас, какие у игры правила и как она будет проходить. Каковы правила обычного казино? Игроки делают ставки и выигрывают. А у нас в казино? Игроки делятся на команды, выполняют некоторые творческие задания и получают по усмотрению жюри определённые суммы «денег». После этого начинается аукцион — крупье разыгрывает книги, которые можно приобрести за «деньги».

Эта игра необычна тем, что к ней требуется увлекательная подготовка. Кроме того, надо заранее разделить на команды, иногда требуется выполнение творческого домашнего задания (например, поставить короткую сценку: известная сказка в неизвестном жанре, «Колобок» как детектив). И, конечно, чтобы было что выдавать участникам, деньги надо сделать. В предыдущих школах, вплоть до 2005 года, участники рисовали на кушорах портреты преподавателей и просто забавные картинки.

Но прогресс не стоит на месте, и в 2006 году деньги были двусторонние, отпечатанные на принтере, с фотографиями преподавателей, зданий МГУ и РГГУ и Дубны. Эти купюры назывались «у. я.» — условные языки.

1 язык

князь Хованский

1

Б. А. Иломин

1 язык

князь Хованский

1

А. А. Котов

gjuhë shqipërisht
gjuhë limble shqipërisht
गिहबा लिम्बले शिपेरिस्त
szpërkën limble shqipërisht
languages jezzyki moznia
lischtive 語

VIII Актиня Лингвистическая Школа
г. Дубин, 2006 г.

1

1 ЯЗЫК

gjuhë shqipërisht
gjuhë limble shqipërisht
गिहबा लिम्बले शिपेरिस्त
szpërkën limble shqipërisht
languages jezzyki moznia
lischtive 語

VIII Актиня Лингвистическая Школа
г. Дубин, 2006 г.

1

1 ЯЗЫК

π языков

князь Хованский

π

А. К. Кулигин

gjuhë shqipërisht
gjuhë limble shqipërisht
गिहबा लिम्बले शिपेरिस्त
szpërkën limble shqipërisht
languages jezzyki moznia
lischtive 語

Московский Центр Непрерывного
Математического Образования

π

π ЯЗЫКОВ

5 языков

князь Хованский

5

С. А. Буздак

5 языков

князь Хованский

5

И. Б. Илкин

gjuhë shqipërisht
gjuhë limble shqipërisht
गिहबा लिम्बले शिपेरिस्त
szpërkën limble shqipërisht
languages jezzyki moznia
lischtive 語

VIII Актиня Лингвистическая Школа
г. Дубин, 2006 г.

5

5 ЯЗЫКОВ

10 языков

князь Хованский

10

Н. А. Шапуро

10 языков

князь Хованский

10

Е. Я. Шмелова

10 языков
 VIII Летняя Лингвистическая Школа
 7-10 июля 2006 г.
 10

20 языков
 20
 князь Хованский
 А. А. Илюмин

20 языков
 20
 князь Хованский
 Е. В. Муравенко

20 языков
 VIII Летняя Лингвистическая Школа
 7-10 июля 2006 г.
 20

50 языков
 50
 князь Хованский
 В. М. Алтапов

50 языков
 50
 князь Хованский
 Г. Е. Крейдлин

50 языков
 VIII Летняя Лингвистическая Школа
 7-10 июля 2006 г.
 50

100 языков
 100
 князь Хованский
 М. А. Крагагуз

100 языков
 VIII Летняя Лингвистическая Школа
 7-10 июля 2006 г.
 100

Конкурсы, за которые участники получают «деньги», иногда, как было сказано, готовятся к показу заранее, а иногда импровизируются. Одним из заданий было показать жестами своей команде крылатую фразу на время. Традиционно пользуется большой популярностью конкурс комплимента, когда выбранному человеку (мальчику или девочке, школьнику или преподавателю) делается комплимент, а судьи выбирают лучший.

В 2006 году мы проводили конкурс расшифровки аббревиатуры ЛЛШ, тоже на время. И вот что получилось:

*Любимая Летняя Школа,
Любимая Лингвистическая Школа,
Люди Любят Школу,
Леенсон — Любимый Шутник,
Лучший Литератор Шапиро,
Лепестки Лотоса — Шмелевой,
Лингвисты Любят Шеманаеву,
Лето. Луна. Шум,
Лагерь Любителей Шахмат,
Лязгающая Летящая Штуковина,
Левая Ладонь Шехерезады,
Лаборатория Лучших Шуток,
Лафонтена Ленъ Штудировать...*

А вот образцы стихотворчества:

Буриме

(Крейдлин — фрейлин, глоссирюя — вальсирюя)

*Ананасы в шампанском! В окружении фрейлин,
По дороге тохарские тексты глоссирюя,
Невозможно прекрасный, появляется Крейдлин,
С госпожой Муравенко превосходно вальсирюя.*

(необходимое пояснение для читателей, теперь уже ненужное нашим школьникам: *глоссировать* — разбирать тексты пословно, записывая каждое слово как последовательность значимых единиц, приставок, корней, суффиксов и фиксируя значение каждой единицы).

(омонимия — о мама мия, сюр — Соссюр)

*Замучила омонимия,
В моей голове полный сюр.
Где смысл тут? О мама мия!
Тебя не поймёт и Соссюр!*

Хайку*Играю в футбол.**Хайку сложить пытаюсь —**Мяч упускаю.**Маркер кончается.**Буквы всё мельче, бледнее.**Иткин всё пишет.**Деньги рисую.**Кронгауз на себя непохожий,**Но симпатичный.**Радость встречи.**Грусть последнего «прости»,**Между — ожиданье.**Старый бассейн.**Прыгнул в воду Андрей.**Всплеск воды.**Хайку хотела**Я написать в белоснежной тетради —**Обедать позвали.**Ягодки скатерти.**Замерли руки над супом.**Есть или нет?**Два часа ночи.**Лингвисты не дремлют:**Делают деньги.**Бьюсь над задачей**Третий час. Понимаю,**Что я не Сосюр.**Гитара звучит —**Вновь послышался запах**Белой акации.**Дубна и Волга**Назначили сегодня**Лингвистам стрелку⁷.**Мир лингвистики. . .**Он сложен: лекций река**И знаний гора.**Жизнь филолога**Полна книг, словарей**И собственной речи.**Быть лингвистом —**Что это для нас?**Услада для души⁸.***Акрохайку:***Летняя школа.**Лингвистику мы познаём —**Шок, восхищенье.*

(ЛЛШ — аббревиатура от Летняя лингвистическая школа.)

⁷Рядом с местом проведения школы находится очень красивое и живописное место — стрелка рек Дубна и Волга.

⁸«Услада для души» — надпись на пакетиках сока, который щедро выдавался в столовой.

Что? Где? Когда? (ЛЛШ-2005)

1. 29 мая 1953 года новозеландец Эдмунд Хиллари и непалец-шерпа Норгей Тенцинг впервые в истории взойшли на Эверест. Сохранилось много фотографий, на которых на вершине самой высокой горы мира запечатлён Тенцинг. Но нет ни одной фотографии Хиллари. Почему?

Ответ: Тенцинг не умел фотографировать.

2. Знаменитый поэт и путешественник Николай Гумилёв говорил своему другу поэту Георгию Иванову: «Я её не заметил. Я сидел на верблюде и читал Ронсара». Назовите её.

Ответ: естественно, пустыня Сахара.

3. Отгадайте русскую народную загадку:

Не видались два дружка,
Не увидятся и впредь.
А ведь даже волоска
Между ними не продеть.

Ответ: день и ночь.

4. Горные егеря дивизии «Эдельвейс», взбешённые польским Сопротивлением в Карпатах, за хранение этого грозили смертью наравне с хранением оружия. Назовите это.

Ответ: лыжи.

5. В какую игру, согласно старинной восточной пословице, мудрый человек никогда не станет играть с единорогом?

Ответ: в чехарду.

6. В 1888 году энтомолог Томас сделал в Мадрасе доклад, посвящённый недавно совершённой им открытию. Несмотря на доказанность факта и несомненный приоритет, доклад учёного был встречен благородным собранием холодно, а сам первооткрыватель осуждён за нетактичность и неуважение к общественным устоям. В чём же состояло открытие Томаса?

Ответ: в том, что кусаются и пьют кровь только самки комаров.

7. Немецкая пословица гласит: «Ведите счёт только радостным дням». А с какого устройства она предлагает брать пример?

Ответ: с солнечных часов.

8. Согласно древнеиндийским «Законам Ману», одному из древнейших описаний правил ведения военных действий, в холмах и лесах предлагается действовать в основном пешими силами, на равнине — с помощью верховых лошадей и колесниц, а на местностях, залитых водой, — с помощью двух других средств передвижения. Каких, если согласно

принятой ныне классификации они относятся к разным видам транспорта?

Ответ: лодок и слонов.

9. Американские юристы с мрачным юмором называют это «разводом по X-у и Y-у». X считается самой распространённой фамилией в англоязычных странах. Y — тоже английская фамилия. Назовите её.

Ответ: Вессон.

Комментарий: «разводом по Смиуту и Вессону» называют убийство одного из супругов.

10. Когда Гюстава Эйфеля спросили, зачем нужна его башня, знаменитый инженер патриотично ответил: «Франция станет страной с самым высоким в мире. . . » Закончите цитату.

Ответ: «. . . флагштоком»!

11. Арабский философ Аль-Фараби говорил: «С двумя стеклянными сосудами коротаю я жизнь. На них построил я все дела. С помощью одного составляю свод мудрости, а с помощью другого отгоняю тоску от сердца». Что же находилось в этих сосудах?

Ответ: чернила и вино.

12. Главный герой «Повести о дружбе и недружбе» А. и Б. Стругацких вспоминает, что когда он впервые услышал про этот закон, то подумал, что он назван в честь немецкого учёного, фамилия которого содержит удвоенную согласную, и даже вписал его в кроссворд вместо Гейзенберга, чем несказанно повеселил старшего брата. Назовите этот закон.

Ответ: закон бутерброда (Буттерброта).

13. В XVIII веке в русских переводах европейских романов встречалось словосочетание «кавалер заблудящий». Какое сочетание пришло ему на смену в более поздних переводах?

Ответ: странствующий рыцарь.

14. Однажды во время экскурсии по Эрмитажу один школьник обратил внимание на то, что стёкла первого этажа внизу гораздо толще, чем у потолка. Его учитель физики объяснил ему причину этого явления двумя словами. Воспроизведите эти два слова в правильном порядке.

Ответ: стекло стекло.

15. Отгадайте русскую народную загадку:

Не видались два дружка,
Не увидятся и впредь.
А ведь даже волоска
Между ними не продеть.

Ах да, вы же её уже отгадали [, вернее, не отгадали]! В этой загадке день и ночь как бы сравниваются с двумя прочно пришитыми друг

к другу кусками материи. Сходная метафора лежит в основе одного хорошо известного вам русского слова. Напишите его.

Ответ: сутки.

Комментарий: буквально — «сотканные».

16. В начале 2003 года впервые за всю историю своего существования театр «Сатирикон» обратился к русской классике, поставив «Доходное место» Александра Островского, пьесу о быте и нравах российских чиновников. Совершенно неожиданно текст 150-летней давности зазвучал со сцены свежо и актуально. Ничего особенно радикального Константин Райкин с текстом Островского не сделал, только убрал в определённых местах всего одну букву. Какую?

Ответ: с.

Комментарий: российские чиновники остались совершенно такими же, как прежде, разве что «да-с» и «нет-с» теперь не говорят. . .

17. С помощью каких двух русских слов можно доказать, что душа похожа на тело, только без рук?

Ответ: ТЕЛОГрейка и ДУШЕГрейка.

18. Послушайте отрывок из стихотворения французского поэта Жака Превера <это верлибр, так что о рифме можно не беспокоиться>:

«... (первая строка пропущена)

Оставайся там, а мы останемся здесь,

Ибо здесь — множество прекрасных вещей. . . »

Для перевода пропущенной строки переводчик был вынужден обратиться к церковнославянскому языку. Воспроизведите эту строку.

Ответ: «Отче наш, иже еси на небеси. . . »

19. Американский учёный Дарвен подписал одну из своих книг фамилией Варден, представляющей собой анаграмму его настоящей фамилии. А каким именем, также представляющим собой анаграмму его настоящей фамилии, Дарвен подписал эту книгу?

Ответ: Эндрю (Darwen — Warden — Andrew).

20. «Остромирово Евангелие», один из древнейших памятников русской письменности, было создано в XI веке для новгородского посадника Остромира. Издание это было чрезвычайно пышным и парадным, что проявилось даже в способе написания книги. Правда, новый способ на Руси не прижился за отсутствием сырья. Каким же инструментом писалось «Остромирово Евангелие»?

Ответ: павлиньим пером.

21. Согласно одному древнерусскому апокрифу, Бог в день сотворения человека послал ангела на Запад взять добро. А что ангел должен был взять в трёх других странах света?

Ответ: два аза и мыслете.

Комментарий: чтобы составить имя Адам.

22. [Вопрос посвящается человеку, без которого бы мы все никогда здесь не собрались, замечательному специалисту по омонимии Елене Владимировне Муравенко. <Аплодисменты!!!>]

Назовите русское слово, которое можно понять и как глагол в повелительном наклонении, и как существительное, обозначающее действие.

Ответ: например, *поцелуй, вой*. . . Есть и другие варианты.

23. «Вступив в бой с шипящими змеями — . . . и гадюкой — маленький, цепкий, храбрый ёж съел их.» Подумайте и определите, какую ещё змею съел ёж.

Ответ: эфу.

Комментарий: это панграмма — фраза, содержащая все буквы алфавита.

24. По мнению команды КВН израильского города Ашдода, никаких 10 заповедей не было, а «Не убий», «Не укради», «Не поминай имя Господне всуе» и так далее — всего-навсего иллюстрации, примеры действия некоей совсем другой заповеди. Воспроизведите эту важнейшую заповедь.

Ответ: «*Не* с глаголами пишется раздельно.»

Запасные вопросы

01. В Республике Чувашия есть село Сугуты. В селе Сугуты есть школа, директором которой работает замечательный педагог Анатолий Пирогов. Роль устава школы выполняет написанный Пироговым «Кодекс Человека». Вот один из пунктов «Кодекса. . .»:

«Если тебе хорошо, найди того, кому плохо, и помоги ему.»

«Если тебе плохо, найди того, <два слова пропущено>, и помоги ему.»

Восстановите два пропущенных слова.

Ответ: «. . . кому хуже . . .».

02. Однажды американский скрипач Яша Хейфец решил воспользоваться тем, что едет в купе один, вынул из футляра скрипку и стал упражняться. Проходивший по вагону проводник отворил дверь купе и строго заявил: «Вы можете играть, мне это не мешает, но не вздумайте. . .» Чего же не разрешил Хейфецу проводник, подчеркнув, что это запрещено законом?

Ответ: собирать милостыню.

03. В финском языке, как и в русском, много сложных слов. Как переводится на русский язык финское слово, получившееся при соединении

слов *sydän* (сюдян) «сердце» и *filmi* (фильми) «фильм»?

Ответ: (электро)кардиограмма.

04. Шерстокрылы умеют плывать на расстояние до 55 метров, а хорошие экономисты — по крайней мере на пять лет вперёд. Какой глагол мы заменили глаголом «плывать»?

Ответ: планировать.

Что? Где? Когда? (ЛЛШ-2006)

I ТУР

1. В июле 1941 года председатель Всесоюзного радиокомитета получил секретный приказ. Смысл приказа сводился к следующему: ввиду продвижения немцев по стране организовать в Куйбышеве студию, откуда в случае необходимости начать вести радиопередачи, начинающиеся... Какими двумя словами?

Ответ: «Говорит Москва».

Автор — Татьяна Лещенко.

2. В 30-х годах прошлого века немецкий режиссер Фриц Ланг снял научно-фантастический фильм «Женщина на Луне», в котором для усиления психологического воздействия на зрителя впервые использовал то, что впоследствии стали применять и при реальных космических стартах. Что же именно придумал Фриц Ланг?

Ответ: Обратный отсчёт времени при старте.

Автор — Галина Наумова.

3. Ежегодно в России их крадут в огромных количествах: в зависимости от формы часть из них приспособливают в качестве лопат, часть — в качестве крышек для бочек. Назовите их.

Ответ: дорожные знаки.

Автор — Михаил Полищук.

4. В начале XIX века один российский журналист написал эссе на популярную и тогда, и теперь тему. Свои размышления автор заканчивал эмоциональным призывом: «Поклонись, красавец-сотенник, старой бабе семисотенной!» Назовите этого красавца и эту бабу.

Ответ: Петербург и Москва.

Автор — Илья Иткин.

5. Люди какой специальности в шутку говорят о себе, что они летом сачкуют, зато зимой вкалывают?

Ответ: энтомологи.

Автор — Александр Хачатурян.

6. Один советский писатель вспоминал, что одним из самых ярких впечатлений его детства был цирковой номер, в котором участвовал «просто молодой человек во фраке и цилиндре с голубо-розовым... лицом... синими, нарисованными почти до щёк, ресницами» и с «неподвижными, хотя и лучащимися глазами». Назовите фамилию этого писателя.

Ответ: Олеша.

Автор — Сергей Николенко.

7. В романе «Личное дело Мергионы» из цикла о Порри Гаттере,

написанном в жанре юмористической фантастики, герои совершают поездку на пассажирском василиске-амфибии под названием «Лох-Несское чудовище». Цитата: «Двигалось скрипящее и урчащее «Чудовище» <пропуск> медленно». Вставьте пропущенное слово.

Ответ: чудовищно.

Автор — Илья Иткин.

8. Загадочный народ тохары жил в нынешнем Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, в бассейне реки Тарим, воспетой в бессмертном романе «Личное дело Мергионы» из цикла о Порри Гаттере. Как тохары, индоевропейцы по происхождению, оказались так далеко на востоке — непонятно. Некоторые исследователи, указывая на наличие сходств между текстильными изделиями бассейна Тарима и Центральной Европы, предполагают, что тохары попали на Тарим прямо оттуда. Возражая им, археологи Мэллори и Майр отмечают, что, насколько известно, среди этих сходных изделий нет... Чего?

Ответ: ковров-самолётов!

Автор — Светлана Бурлак.

9. Известный юрист, литератор и общественный деятель А. Ф. Кони писал в своих воспоминаниях: «Когда почил <...>, когда с ним произошла всем нам неизбежная <ПРОПУСК 1>, его друзья — Стасюлевич и я — выбрали место на краю этого крутого берега, и там покоится теперь автор <ПРОПУСК 2>... на краю <ПРОПУСК 3>». Заполните пропуск 1, пропуск 2 и пропуск 3 в правильном порядке.

Ответ: «обыкновенная история», «Обломова», «обрыва».

Комментарий: речь идёт об Иване Александровиче Гончарове.

Автор — Илья Иткин.

СПОРТИВНЫЙ ТРИПТИХ:

10. В 50-е – 60-е годы XX века великий американский дискбол Эл Ортер выиграл подряд четыре Олимпиады. Однако метание диска никогда не пользовалось в США вниманием публики. Как-то раз раздосадованный Ортер мрачно заметил: «Метание диска в Штатах станет популярным, только когда мы начнём метать его...» Закончите цитату.

Ответ: «... друг в друга».

Автор — Илья Иткин.

11. Великий американский пловец Джонни Вайсмюллер был 8-кратным олимпийским чемпионом. На Олимпиадах он не проиграл ни одного заплыва — ни в личном, ни в командном зачёте. Откуда же тогда в его коллекции бронзовая олимпийская медаль?

Ответ: он был игроком сборной США по водному поло.

Зачёт: по другому виду спорта (при отсутствии неверных уточнений).

Автор — Александр Жданкин (редакция Илья Иткина).

12. В 1900 г. на чемпионате мира по фехтованию в Париже французские судьи активно помогали соотечественникам. Один очень сильный итальянский фехтовальщик, когда в поединке с французом ему не был засчитан несомненный укол, нашёл способ заставить судью изменить несправедливое решение. Как же он этого добился?

Ответ: Вызвал судью на дуэль.

Комментарий: Фехтовальщик был действительно очень сильный, судья предпочёл не связываться.

Автор — Максим Поташев.

II ТУР

13. Азербайджанский глагол *гырмаг* означает ‘ломать, разбивать, рубить’. От этого глагола образовано слово *гырма* — математический термин. Как оно переводится на русский язык?

Ответ: дробь.

Автор — Максим Руссо.

14. Шихаб ад-Дин Ахмед ибн Яхья ибн Фадлаллах аль-Умари ад-Димашки, государственный секретарь каирского султана и автор одной из самых знаменитых арабских средневековых энциклопедий, не был уроженцем Египта. А в каком городе он родился?

Ответ: в Дамаске.

Комментарий: ад-Димашки, однако.

Автор — Илья Иткин.

15. В книге Аллы Кторовой «Сладостный дар, или Тайна имён и прозвищ» приводятся курьёзнейшие ситуации с именами. Так, аптекарь Натан Семёнович из Мелитополя назвал трёх своих дочерей Гоня, Реца и Копа. Причём Гоня было уменьшительным от «Агония». Какие полные имена соответствовали уменьшительным Реца и Копа?

Ответ: Рецептура и Фармакопея.

Незачет: Рецепт и Фармакопея (дочери всё-таки!).

Автор — Дмитрий Борок.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДУПЛЕТ:

16. Несколько лет назад Виктор Вебер перевёл на русский язык сказочные повести А. А. Милна о Винни-Пухе. По мнению многих критиков, в своей работе Вебер стремился не столько к тому, чтобы получилось хорошо, сколько к тому, чтобы получилось... Как?

Ответ: см. следующий вопрос.

Автор — Илья Иткин.

17. По мнению многих критиков, переводя на русский язык сказочные повести А. А. Милна о Винни-Пухе, Виктор Вебер стремился не столько к тому, чтобы получилось хорошо, сколько к тому, чтобы получилось непохоже на классический перевод Бориса Заходера. Но от великого предшественника никуда не уйдёшь. Вставьте пропущенное слово в отрывок из перевода Вебера: «Сухие канавки, в которых Хрюка обожал рыться < ··· >, превратились в ручьи. . . »

Ответ: пяточком!

Автор — Илья Иткин.

18. По Михаилу Ардову, если жадные родители по-свински сэкономили на вознаграждении попу при крещении дочери, поп в ответ мог пригрозить окрестить новорожденную неким хорошо известным именем, что оказывалось весьма эффективным. Имя это — вполне христианское, его, правда, в более каноническом написании, носила заглавная героиня классического русского произведения. А кто его автор?

Ответ: (Н. А.) Римский-Корсаков.

Зачёт: Ермолай Еразм (предполагаемый автор «Сказания о Петре и Февронии»).

Комментарий: Хавронья (русская форма греческого имени Феврония). А дева Феврония — героиня оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

Авторы — Дмитрий Лурье, Анатолий Белкин.

19. Санскритское слово *putra* означает 'сын'. Именно по этой причине название реки Брахмапутра обладает одной особенностью, отличающей его от названий подавляющего большинства других индийских рек. Назовите эту особенность абсолютно точно.

Ответ: оно мужского рода.

Автор — Илья Иткин.

20. Придя 2 января 2006 г., когда большинство учреждений в России закрыто, за сыном в детский сад, автор вопроса увидел, как дети водят хоровод, хором распевая песенку «Очо канделитос», отдельные слова которой ему показались знакомыми. А на каком языке она была?

Ответ: на ладино.

Зачёт: и другие названия этого языка. Но не «испанский».

Комментарий. Нетрудно догадаться, что «очо канделитос» — это «восемь свечек». Песенка была ханукальная.

Авторы: Илья Ратнер, Анатолий Белкин, Виталий Федоров, по идее И. Ратнера (в адаптации Ильи Иткина).

21. Они называются *пхулджари*, что, возможно, связано с санскритским прилагательным *пхулла* 'сияющий'. Каким словосочетанием называем их мы?

Ответ: бенгальские огни.

Автор — Максим Руссо.

22. Известный лингвист, специалист по цветообозначениям Василевич решил съездить в отпуск. Узнав, куда именно он едет, коллеги Василевича восхитились: дескать, учёный так предан своей теме, что даже для отпуска выбрал город, название которого представляет собой цветообозначение. В какой же европейский город отправился Василевич?

Ответ: в Бордо.

Автор — Татьяна Михайлова.

23. «СТЪПАНЕ БЪРЪВЪНЪ»

Перед вами — подлинный текст новгородской берестяной грамоты № 808. В соответствии с законами древненовгородского диалекта русского языка, форма *стъпане* могла обозначать не только именительный падеж имени «Степан», но и притяжательное прилагательное «Степанов». Крупнейший исследователь берестяных грамот А. А. Зализняк считает наиболее вероятным для этой надписи именно перевод «Степаново бревно». Ответьте **абсолютно точно**: какие два других перевода он признает менее вероятными, но также допустимыми?

Ответ: «Степан Бревно» и ... «Степан — бревно».

Автор — Илья Иткин.

24. Послушайте цитату: «Оказывается, если взять земной диаметр и умножить на двадцать семь, получится расстояние от Земли до Луны. Не с такой уж большой ошибкой». Происхождение какого выражения объясняет, ссылаясь на новейшие работы экзопалеолингвистов, герой произведения некоего М. Пухова?

Ответ: за тридевять земель.

Автор — Илья Иткин.

Викторина «Лингвоэрудит-2005»

Илья Абрамович Леенсон

Вопросы

1. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в томе 8-ом (1891 г.) на стр. 707–708 помещены подряд две статьи: «Брольо» — об итальянском писателе и «Бромаль» — о маслообразном органическом соединении. Как вы думаете, почему между ними не помещена статья о броне?

2. Как известно, русская азбука была заимствована из греческого языка. При этом некоторые греческие буквы, например, «фи» (Φ, φ) и «тета» (Θ, θ), которые у греков имели (и имеют) разное произношение, были до 1918 года и в русской азбуке, хотя в то время им соответствовал один и тот же звук [ф]. Вопросы:

1) Как назывались эти буквы в России до 1918 года?

2) Сейчас имена Филипп и Фома начинаются с одной буквы, хотя до 1918 года они писались по-разному: **Филипп** и **Фома**. С каких букв начинаются соответствующие имена в западноевропейских языках (английском, французском, немецком)?

3) Как дословно перевести имя Филипп? (Ответ надо обосновать.)

3. Если вы школьник, живущий и обучающийся в России, и можете сказать о себе, что знаете русский алфавит от «а» до «я», то что в аналогичном случае мог сказать о себе ваш сверстник из древней Греции? древнего Рима? в России XIX века? в древней Иудее (или современном Израиле)? Подсказку можно найти в названии главного компонента воздуха — а почему?

4. В 1990-х гг. в России начали вводить новые автомобильные международные номера, которые не надо менять при пересечении границ. Вот образец такого номера:

У 025 ХО $\frac{77}{RUS}$

. Число 77 — код региона (в данном случае это код Москвы); созвучие с «ухом», конечно, чисто случайное. Вскоре ввели новый индекс — 99, а затем 97. Почему так часто приходится менять московский индекс? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, необходимо сначала подсчитать, сколько автомобилей могут иметь определенный индекс, например 77.

5. Люди с близорукостью или дальноворкостью испытывают неудобства при чтении и вынуждены пользоваться очками. Вопросы:

1) Какие линзы должны быть в очках у близорукого и у дальноворкого — рассеивающие («уменьшительные», минусовые) или собирающие («увеличительные», плюсовые) и почему?

2) Почему при ярком освещении люди с небольшой близорукостью или дальновзоркостью видят достаточно чётко и без очков? (Подсказка: этот эффект не связан с лучшей освещённостью.)

3) Откуда произошло слово «близорукость»? (Подсказка: если вы думаете, что это слово значит, что человек «близко видит свою руку», то вы ошибаетесь; к «руке» слово не имеет никакого отношения.)

4) Как вы думаете, можно ли ночью, стоя на лесной поляне, перекрыть полную луну одной спичкой так, чтобы её не было видно, если смотреть на луну одним глазом? Кстати, нет ли ошибки в слове «луну»?

6. В периодической таблице Д. И. Менделеева есть пустые места, например, между водородом (I группа) и гелием (VIII группа). Возможно ли в будущем открытие элемента, стоящего между этими элементами, например, над бором? Выберите правильный ответ:

а) нет, это невозможно;

б) возможно методами ядерной физики;

в) возможно, но этот элемент будет крайне нестабильным;

г) возможно, когда это позволит развитие науки.

7. Металлы бериллий, магний, кальций, стронций, барий, ртуть расположены во II группе периодической таблицы. Как вы думаете, какой из этих металлов был получен в наибольшем количестве в свободном состоянии в течение первого тысячелетия новой эры? Свой ответ поясните.

8. Идея этой задачи взята из книги М. Л. Гаспарова «Занимательная Древняя Греция». Историкам известно, что на греческом острове Паросе много веков назад для просвещения граждан в области истории была выставлена хронологическая таблица. Один археолог-любитель принёс в музей мраморную плиту, утверждая, что она найдена им при раскопках, изготовлена примерно три тысячи лет назад и на ней высечены на древнегреческом языке сведения по греческой истории. Вот некоторые надписи из этой таблицы (в переводе на русский): «Год 1582. Царь Кекроп воцаряется в Афинах.

Год 1519. Царь Кадм, основатель Кадмеи, пришёл в Фивы из Финикии и научил греков письменности.

Год 1432. Царь Минос, сын Зевса, воцарился на Крите, а фригийские карлики научили греков ковать железо.

Год 1300. Геракл, очистив Авгиевы конюшни и победив царя Авгия, учредил Олимпийские игры.

Год 1251. Поход семерых против Фив.

Год 1208, 5 июня (в пересчёте на современный календарь). Взятие Трои после 10-летней осады.

Год 1128. Переселение дорян в Пелопоннес.

Год 1085. Гибель Корфа, афинского царя, в войне с дорьянами. Конец царской власти в Афинах.

Но сотрудники музея, взглянув на плиту, только посмеялись над неудачливым мистификатором, заявив, что даже ребёнку должно быть ясно, что это подделка. Как они об этом догадались?

9. В 1534 г. Игнатий Лойола учредил монашеский орден, который он назвал «обществом Иисуса» («Societas Jesus»); членов ордена по имени его основателя иногда называли игнатианцами. Со временем другое название монахов, принадлежащих к этому ордену, стало нарицательным именем, которым стали называть лицемерных, лукавых людей. Вы, конечно, знаете это слово. Назовите его.

10. На гробнице одного из епископов в Миланском соборе указаны годы его жизни: MDXLIII—MDXCIX.

1) Как называются приведённые цифры? 2) Напишите те же даты арабскими цифрами.

3) Что означает каждая буква в приведённых числах? Какие ещё буквы используются в этой системе? Попробуйте объяснить их происхождение.

4) Какое самое большое число можно записать в этой системе? Напишите его.

11. Сколько полных месяцев оставалось до начала XIX века после рождения Пушкина?

12. Во время летней экскурсии лицейстов в Михайловское старый (XIX века), но исправный термометр в доме Пушкиных показывал 15° , но там было совсем не холодно. Почему? Там же ртутный барометр показывал 30 единиц. Что это за единицы? Какое было давление в тот день?

13. В литературных олимпиадах любят задавать вопрос об отчестве Татьяны Лариной. Для правильного ответа надо вспомнить строчки из «Евгения Онегина»:

Смиренный грешник Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

А вот новый вопрос: что за бригада была у отца Татьяны?

14. Сколько дней просидел Онегин у постели больного дяди?

15. В январе 1998 г. один химик послал заявку на участие в конференции на химический факультет МГУ. Так как такие заявки пишутся, как правило, в последний день, времени на посылку обычной почтой уже не было, поэтому заявка была послана по электронной почте. К сожалению, из-за несовпадения кодировок она пришла в МГУ в следующем виде:

гюъбйю мю свюярхе б йнмтепемжхх "ухлхъ мхгйху релоепюрсп"
 тЮЛХКХЪ: кЕЕМЯНМ
 хЛЪ: хКЭЪ
 нРВЕЯРБН: юАПИОЛНБХВ
 лЕЯРН ПЮАНРШ: лНЯЙНБЯЙХИ ХМЯРХРСР ПЮГБХРХЪ
 НАПЮГНБИОРЕКЭМШУ ЯХЯРЕЛ (лхпня)
 пЕТЕПЮР ДНЙКЮДЮ
 б ДНЙКЮДЕ ОПХВЕДЕМШ ЩЙЯОЕПХЛЕМРЮКЭМШЕ
 ДЮММШЕ, ДНЙЮГШБИУЧЫХЕ, ВРН БЯЕ УХЛХВЕЯЙХЕ
 ПЕЮЙЖХХ, Б НРКХВХЕ НР РНЦН, ВРН СРВЕПФДЮЕРЯЪ Б
 СВЕАМХЙЮУ ОН УХЛХХ, СЯЙНПЪЧРЯЪ ОПХ ОНМХФЕМХХ,
 Ю МЕ ОПХ ОНБШЪЕМХХ РЕЛОЕПЮРСПШ. б ЙЮВЕЯРБЕ
 ОПХЛЕПИО ОПХВЕДЕМЮ ПЕЮЙЖХЪ ТХВМНЦН АЕКЙЮ:
 ЕЯКХ ДЕПФЮРЭ ТИЖН ОПХ РЕЛОЕПЮРСПЕ 100о жЕКЭЯХЪ,
 НМН МЕ ОНПРХРЯЪ НВЕМЭ ДНКЦН, РНЦДЮ ЙЮЙ ОПХ РЕЛО-
 ЕПЮРСПЕ 40о жЕКЭЯХЪ НМН ОНПРХРЯЪ СФЕ ВЕПЕГ МЕЯЙН-
 КЭЙН ДМЕИ.
 юДПЕЯ ДКЪ ОЕПЕОХЯЙХ: 117313, лНЯЙБЮ, кЕМХМЯЙХИ
 ОПНЯОЕЯР, Д. 88, ЙНПО. 4, ЙБ. 505.
 рЕКЕТНМШ:
 яКСФЕАМШИ: 939-00-00
 дНЛЮБМХИ: 138-35-93

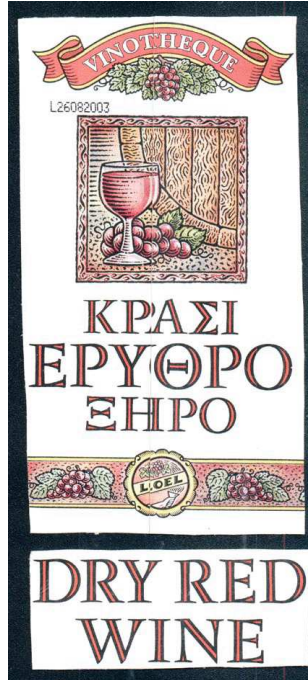
Времени на переписку уже не было, но секретарь совещания после некоторого раздумья всё же смог расшифровать это сообщение. Попробуйте это сделать и вы.

16. Идея этой задачи принадлежит Альфреду Наумовичу Журиному.

Пределные углеводороды с числом атомов углерода от 7 до 10 имеют названия, происходящие от греческих числительных (лингвисты считают, что эти числительные были позаимствованы из латыни, куда они «переселились» из греческого): C_7H_{16} — гептан; C_8H_{18} — октан; C_9H_{20} — нонан; $C_{10}H_{22}$ — декан. Музыкальные интервалы от 7-й до 10-й ступени имеют названия, происшедшие от латинских числительных: от «до» до «си» — септима; от «до» до «до» — октава; от «до» до «ре» (следующей октавы) — наона; от «до» до «ми» (следующей октавы) — децима. Вопросы:

- 1) В названии каких месяцев года можно обнаружить те же числительные?
- 2) Как связать эти названия с порядковым номером соответствующего месяца?
- 3) Какие вы знаете слова в русском языке, имеющие те же корни? Дайте им краткое пояснение.

17. На картонном пакете, привезённом из Кипра, написано на двух языках: DRY RED WINE и ΚΡΑΣΙ ΕΡΥΘΡΟ ΕΗΡΟ (см. рисунок). Что было в пакете? Сопоставьте каждому слову одного языка соответствующее слово другого и объясните ваш выбор. Попробуйте найти известные вам однокоренные слова в русском языке — это облегчит задачу.

18. До введения в январе 2002 года евромонет в Греции имели хождение монеты, на каждой из которых была надпись: ΕΛΛΗΝΙΚΗ ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ. Кроме того, на монетах разных достоинств были такие надписи: ΜΕΓΑΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ; ΟΜΠΟΣ; ΠΕΡΙΚΛΗΣ; ΔΗΜΟΚΡΙΤΟΣ; ΑΡΙΣΤΟΤΕΛΕΣ.

- 1) Преведите эти надписи на русский язык.
- 2) Назовите встретившиеся в этих надписях буквы; какие вы знаете математические понятия и физические величины, которые ими обозначаются (чаще строчными, а не прописными)?

19. В данном ряду химические элементы расположены в некоторой закономерности. Попробуйте её обнаружить и вписать очередной символ элемента вместо вопросительного знака: N, B, W, Ga, Dy, Eu, ?
 Ответ обоснуйте.

20. Для изготовления чёрного пороха нужна селитра — нитрат калия. Откуда её брали московские оружейники во времена Ивана Грозного? Выберите правильный ответ и аргументируйте его:

- а) получали из навоза и других органических отходов;
- б) получали из азота воздуха, превращая его в аммиак и далее — в азотную кислоту, из которой получали селитру;
- в) добывали из природных залежей на Урале;
- д) импортировали из Чили, где были огромные запасы природной селитры.

21. Эта последняя задача с «круглым» номером посвящена городу, в котором должна была проводиться эта лингвистическая школа. Какие вы знаете химические элементы, название которых произошло от географических названий? Напишите символы и названия элементов. Ответ поясните.

Ответы

Ответы даются (для общего сведения) значительно подробнее, чем требовалось при решении заданий.

1. До реформы 1917–1918 гг. это слово писалось «Бромъ». Так что статью о броме надо было искать после статьи «Бромусъ» (род травянистых растений из семейства злаковых).

2. 1) «Ферт» (была поговорка «стоять фертом», т. е. «руки в боки» — как буква Ф) и «фита» (ф).

2) В русских словах греческого происхождения буква «т» (она происходит от греч. «теты») часто заменяется буквой «ф»: Томас — Фома, Теодор — Федор и т. п. До 1918 г. эти слова часто (но не всегда) писались через «фиту» (она происходит от греч. «теты»): кафедра, каеволический, Афина, миоъ, Федоръ, Фома и т. д. Слова, в которых буква «ф» происходила от греч. «фи» (Ф, φ), всегда писались через «ф». В некоторых словах «фита» ещё в XVIII веке была заменена на «т», что и сохраняется в наше время: театр вместо «еатръ», математика вместо «маеоматика», теория вместо «еория». Ряд слов имел двойное написание, например: «эеиръ» в словаре Даля и «эфиръ» в словаре Брокгауза и Ефрона. В греческом произношении φ напоминает английское th [ð], и в западных языках часто заменена на th: thermodynamics, франц. thermometre, нем. Thermochemie, итал. thermos и т. д. А греч. «фи» часто в западных языках соответствует ph (англ. physics, франц. physique, нем. Physik). В имени Филипп до 1918 г. была буква Ф, поэтому в греческом это имя начинается с «фи», в английском, французском и немецком — с ph (Philip).

3) В греч. «филео» — ‘люблю’ (этот корень присутствует в массе русских слов), «хишос» — ‘лошадь’ (этот корень можно найти в словах «ипподром», «гипшопотам» (букв. ‘речная лошадь’), «гипшология» (наука о лошадях) и др. Так что «перевод» имени Филипп — ‘любитель лошадей’. В имени Фома до 1918 г. стояла буква «тета», поэтому в греч. это имя начинается тоже с «теты», а во многих европейских языках с th: англ. Thom, Thomas, франц. и немец. Thomas.

3. В Греции — «от альфы (Α) до омеги (Ω)», в Риме — «от а (A) до зет (Z)», в России — «от аза (A) до ижицы (V)», в Израиле — «от алеф (א) до тав (ב)».

Алхимики в слове «азот» (задолго до его открытия) усматривали «начало и конец» всему сущему, поскольку в этом слове мы встречаем первую букву всех трёх древних алфавитов (древнееврейского, греческого и латинского), одинаково звучащую в этих языках, а затем следуют последние буквы (вернее, звуки) этих алфавитов.

4. Новые номера (с кодом региона) были введены как «международные», знаки которых понятны в других странах. Если понаблюдать за новыми и старыми автомобильными номерами (например, **О 2144 МТ** на машине автора задачи — такие номера ещё сохранились в заметном количестве), то можно увидеть принципиальное различие. В старых номерах использовались почти все буквы русского алфавита (не встретить лишь таких букв, как Й, Ъ, Ы). В новых же номерах должны быть только такие буквы, начертание которых совпадает в русском и латинском алфавитах. Таких букв в нашем алфавите всего 12: А, В, Е, К, М, Н, О, Р, С, Т, У, Х (начертание русской буквы У и латинской Y несколько различаются, однако приведённый пример номера показывает, что с этим различием не считаются). Всего трёхбуквенных сочетаний может быть $12^3 = 1728$, а в сочетании с 999 возможными комбинациями цифровой части номера (номера 000 быть не может) получаем 1 726 272 разных номеров.

Новый код вводят, если все номера с прежним кодом полностью (или в значительной степени) «выработаны». Значит, замена кодов 77 и 99 означает, что только в Москве было зарегистрировано около 3,5 миллионов автомобилей с этими кодами! Действительно, с 1991 по 2004 гг. число автомобилей в Москве выросло в пять раз, так что ежедневно на улицы столицы в будний день выезжает 3,5 миллиона автомобилей! В конце 70-х гг. предполагалось, что в далёком «светлом» будущем число автомобилей на 1000 жителей Москвы может достигнуть 180; реально же к началу 2005 года оно уже превысило 350, и в этом же году пришлось в дополнение к кодам 77, 99 и 97 ввести уже трёхзначный код 177.

5. 1) У близорукого изображение создаётся не на сетчатке глаза, а перед ней («ближе»), поэтому в очках должны быть «минусовые» (рассеивающие) линзы, отодвигающие изображение на сетчатку. У дальнорукоего изображение создаётся за сетчаткой («дальше») и его надо приблизить к ней — для этого нужны «плюсовые» очки с собирающими линзами.

2) При ярком освещении зрачок глаза сильно сужается (проверьте сами), и для узкого пучка света, попадающего в глаз и проходящего через центр хрусталика, фокусировка не нужна.

3) Слово «близорукий» произошло от «близозоркий», т. е. «видящий вблизи» (ср. «дальнорукый»), а со временем оно «упростилось», как упростились слова «розоватый» вместо «розововатый», «знамено-сец» вместо «знаменоносец» и т. п. Такой пропуск одного из двух рядом стоящих слогов называется гаплогогией (от греч. haploos — одинокий и eidos — вид). Интересно, что по-украински «близорукий» — короткозорий.

4) Ночью при слабом освещении зрачки глаза сильно расширены (тоже легко проверить), их диаметр значительно превышает толщину спички, поэтому «перекрыть» луну спичкой не удастся.

5) Ошибки нет: та луна, которая на небе, пишется со строчной буквы, а та Луна, которая небесное тело и спутник Земли, пишется с прописной буквы.

6. «Пустые места» в таблице Менделеева отражают только форму представления таблицы. Например, в так называемой длинной форме «пустых мест» больше, в короткой — меньше. Основной принцип заполнения таблицы — расположение элементов в порядке возрастания их атомного номера (числа протонов в ядре). Поэтому, чтобы заполнить «пустое место», например между водородом и гелием, надо открыть элемент, заряд ядра которого (и число протонов в нём) будет промежуточным между водородом (1 протон, заряд +1) и гелием (2 протона, заряд +2). Очевидно, что это невозможно — не бывает «долей протона».

7. Ртуть (все остальные металлы были получены в свободном состоянии только в XIX веке).

8. Древние греки не могли знать, когда начнётся то, что мы называем «новой эрой». Включение же в историю легендарных и мифических героев было для греков обычным делом. В таблице есть и другие ошибки, например, у греков не было месяца июня — он назван в честь первого консула Юния (Junius) Брута.

9. Иезуиты.

10. 1) Римские цифры.

2) 1543–1599.

3) Римляне использовали для записи чисел всего семь букв: I, V,

X, L, C, D и M. Римская I означала исходно (как у многих древних народов) «один палец», II — два пальца и т. д. Римская V символизировала пять пальцев кисти руки с оттопыренным большим пальцем; X — две кисти, одна под другой (нижняя перевернута); C означает 100 и произошло от лат. «centum» (отсюда же слова *цент*, *центурион*, *сантиметр* и т. д.); L — это «отрезанная» половинка (нижняя) от стилизованного («прямоугольного») C и потому означает 50; M означает 1000 (от латинского «mille», тот же корень в словах *миллиметр*, *миллилитр* и др.). Левая половинка этой буквы (с изогнутой средней линией) напоминает букву D и означает 500.

4) Таким способом нельзя записать римскими цифрами числа более 3999 (MMMCMXCIX). Для больших чисел римляне использовали черту над буквами; так же поступали когда-то и на Руси.

11. Пушкин родился 26 мая (6 июня по новому стилю) 1799 г. (в XVIII в. разница между новым и старым стилями составляла 11 дней). Таким образом, до 1 января 1800 года оставалось 7 полных месяцев и ещё 12 месяцев — до начала XIX века (1 января 1801 г.), всего — 19 месяцев.

12. В России (как и во Франции) была распространена термометрическая шкала Реомюра, по которой плавлению льда соответствовал 0° , а кипению воды 80° . Термометры с такой шкалой ещё сохранились в некоторых семьях. Так что 15°R — это примерно 19°C . Барометр же показывал «дюймы ртутного столба». Дюйм (от голландского *duim* — «большой палец») равен 25,4 мм, то есть давление было $30 \cdot 25,4 = 762$ мм рт. ст., что нередко для средних широт.

13. Бригадир в русской армии — военный чин, введённый Петром (и упразднённый Павлом), рангом выше полковника, но ниже генерал-майора. Бригадир командовал бригадой из двух или трёх полков. Это звание сохранилось в армии США; бригадный генерал (Brigadier General) — звание между полковником (Colonel) и генерал-майором (Major General); есть воинское звание бригадира и в армии Великобритании.

14. Ни одного дня: ведь Онегин

... уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал свой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашёл уж на столе,
Как дань готовую земле.

15. Основная сложность в том, что в сообщении использованы как

прописные, так и строчные буквы, которые кодируются по-разному. Прежде всего, из текста очевидно, что при кодировке вместо прописных букв использованы строчные и наоборот. В качестве ключа для расшифровки могут служить несколько мест, например, 100° и 40° скорее всего означают градусы Цельсия, тогда повторение одного слова после них означает «Цельсия». Это даёт знаки для 6 строчных и 1 прописной буквы. Далее, после индекса явно указан адрес. В нём город — скорее всего Москва, в названии улицы, учитывая повторяемость букв, годится только «проспект», затем идут «дом», «корпус», «квартира» (сокращённые), потом телефоны и т. д. Расшифрованных букв более чем достаточно для прочтения всего сообщения. Трудности (для непосвящённых) могут возникнуть только при чтении названия доклада и фамилии участника.

Вот полная расшифровка сообщения.

ЗАЯВКА НА УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ «ХИМИЯ НИЗКИХ ТЕМПЕРАТУР»

Фамилия: Леенсон

Имя: Илья

Отчество: Абрамович

Место работы: Московский институт развития образовательных систем (МИРОС)

Реферат доклада

В докладе приведены экспериментальные данные, доказывающие, что все химические реакции, в отличие от того, что утверждается в учебниках по химии, ускоряются при понижении, а не при повышении температуры. В качестве примера приведена реакция яичного белка: если держать яйцо при температуре 100° Цельсия, оно не портится очень долго, тогда как при температуре 40° Цельсия оно портится уже через несколько дней.

Адрес для переписки: 117313, Москва, Ленинский проспект, д. 88, корп. 4, кв. 505.

Телефоны:

Служебный: 939-00-00

Домашний: 138-35-93

16. 1) Месяцы сентябрь (древнерусский «септябрь»), октябрь, ноябрь, декабрь (т. е. в соответствии с их латинскими и греческими корнями — седьмой, восьмой, девятый и десятый месяцы).

2) В Риме новый год начинался 1 марта, поэтому месяцы с сентября по декабрь имели номера с седьмого по десятый соответственно.

На Руси так называемый церковный год начинался когда-то 1 марта — в соответствии с указаниями Библии: у древних евреев первый месяц года (Ниссан) был заповедан Моисею и первосвященнику Аарону: «Месяц сей да будет у вас началом месяцев; первым да будет он у вас между месяцами года» (Исход XII,2). Гражданский год на Руси до XV века соответствовал церковному. В 1492 г. Иван III своим указом перенёс встречу Нового года на 1 сентября, что совпадало со сбором урожая. При митрополите Феофане (1342) положено было начинать новый год — как гражданский, так и церковный — 1 сентября. Пётр I в 1699 г. в последний раз праздновал новый год по древнему обычаю 1 сентября 1699 г., а уже через 3,5 месяца, 20 декабря того же года повелел перенести начало года на 1 января (по старому стилю) 1700 года (7208 года «от сотворения мира»).

3) Гептахорд — звукоряд из 7 ступеней (а также семиструнная кифара у древних греков); гептод — радиолампа с 7 электродами; септет, октет и нонет — ансамбли из 7, 8 и 9 музыкантов; октаэдр — многогранник с 8 вершинами; октант — старинный астрономический инструмент для измерения углов между небесными светилами, для отсчёта углов имел шкалу в $1/8$ окружности; октаподы — отряд головоногих моллюсков с 8 щупальцами; додекафония — метод музыкальной композиции; декада (десятидневный промежуток времени); декан (в Древнем Риме — начальник 10 солдат, сейчас — руководитель факультета в вузе); декаподы (дословно — «десятиногие») — моллюски с 10 щупальцами, к которым относятся каракатица, кальмары и др. От латинского *desem* — «десять» происходят многие единицы измерения: дециметр, децибел, декалитр и др.

17. Перевод названия вряд ли вызовет затруднения: по-английски написано «КРАСНОЕ СУХОЕ ВИНО». Второй язык явно не турецкий, а на Кипре, кроме него, — только новогреческий. В нём много букв, сходных по начертанию и читающихся так же, как в русском. «Сигма» (Σ) читается как С. «Тета» (Θ) идентична нашей дореволюционной «фите» (Θ). Ну, а «кси» (Ξ), хотя и была когда-то в русском алфавите (Ѣ), исчезла из него ещё при Петре.

В новогреческом языке немало корней древнегреческого, которые довольно часто встречаются и в русском. Попробуем использовать это.

На первый взгляд, «краси» — это *красный*. Но что такое тогда «эритро»? Однокоренное слово *эритроцит* (красная кровяная клетка) составлено из этого самого «эритро» и греч. «китос» (клетка). А есть ещё *эритема* — покраснение кожи (например, при загаре), *эритродермия* (воспаление кожи с резкой краснотой). Значит, *красный* — это «эритро»!

Оставим пока непонятный «краси» и посмотрим на «ксеро». Сразу приходит на память ксерокс. А раньше была ксерография — изготовление фотографий при помощи электричества, без проявляющих и закрепляющих растворов. Но ведь и ксерокс работает «сухим» способом! Увлекающиеся биологией могут вспомнить ксероморфизм — особенности строения засухоустойчивых растений (например, восковой налёт на листьях), причём сами растения называются ксерофитами; ксерофильных, то есть сухолюбивых животных; ксерофтальмию — сухость глаза из-за недостаточного слёзоотделения. А есть ещё заболевание ксероз — сухость кожи.

Итак, несомненно, что «ксеро» — это сухой. Методом исключения получаем, что «краси» (произносится: «краси́») — это вино. Ну, а созвучие с нашим «красный» — чисто случайное. Таких случаев масса (например, «кулак» по-турецки — «ухо», и «объяснить это невозможно»).

18. 1) Надписи на монетах: «Республика Греция» (а вовсе не «Греческая демократия»), «Александр Великий царь Македонян», «Гомер», «Перикл», «Демокрит», «Аристотель».

2) В порядке встречаемости букв (в скобках — современное произношение):

Еε «эпсилон» — бесконечно малая величина, диэлектрическая постоянная;

Λλ «лямбда (ламда)» — длина волны света,

Ηη «эта (ита)» — вязкость,

Νν «ню (ни)» — частота, количество вещества в молях),

Ιι «йота»,

Κκ «капша» (электропроводность),

Δδ «дельта» — разность величин,

Μμ «мю, ми» (дипольный момент молекулы),

Ωω «омега» (электрическое сопротивление, ом; круговая частота),

Ρρ «ро» (плотность),

Αα «альфа» — коэффициент термического расширения,

Ττ «тау (таф)» — время,

Γγ «гамма» (радиоактивность),

Σς «сигма» — сумма,

Ξξ «кси»,

Ββ «бета (вита)»,

Υυ «ипсилон»,

Οο «омикрон»,

Ππ «пи» (отношение длины окружности к диаметру).

Почти весь греческий алфавит (всего в нем 24 буквы).

Кроме того, греческими буквами обозначают звёзды созвездий, элементарные частицы, университетские общества студентов в США. . .

19. Элементы расположены по алфавиту их русских названий: азот, бор, вольфрам, галлий, диспрозий, европий; чтобы понять это, не обязательно даже знать названия всех приведенных элементов: достаточно знать название азота, а далее — по алфавиту. Следующая буква — «ж», ей соответствует элемент железо и символ Fe.

20. Правильный ответ — а). В течение многих веков практически единственным источником «связанного» азота была селитра (от латинских *sal* и *nitrum*, дословно — «щелочная соль»). С древних времён была известна только индийская селитра — нитрат калия KNO_3 . Этот редкий минерал привозили из Индии, тогда как в Европе природных источников селитры не было. Индийскую селитру использовали исключительно для производства пороха. Пороха с каждым столетием требовалось всё больше, а привозной селитры не хватало, и была она очень дорога. Со временем селитру научились получать в специальных «селитряницах» из различных органических остатков, которые содержат азот. Довольно много азота, например, в белках. Если органические остатки высушить и просто сжечь, содержащийся в них азот в основном окислится до газообразного азота N_2 . Но если остатки подвергаются гниению, то под действием нитрифицирующих бактерий азот переходит в нитраты, которые и выщелачивали в старину в специальных кучах — буртах, а селитру называли буртовой. Делали это так. Смешивали различные органические отходы — навоз, внутренности животных, ил, болотную жижу и т. п. Туда же добавляли мусор, известь, золу. Эту жуткую смесь засыпали в ямы или делали из неё кучи и обильно поливали мочой или навозной жижей. Можно представить себе, какой запах шёл от этого производства! За счёт процессов разложения в течение одного-двух лет из 6 кг «селитряной земли» получали 1 кг селитры, которую очищали от примесей кристаллизацией. Больше всего селитры получали во Франции: правительство щедро награждало тех, кто занимался этим неприятным производством.

21. Многие элементы названы по географическим названиям: Am — америций, Bk — берклий, Cf — калифорний, Eu — европий, Fr — франций, Ge — германий, Po — полоний (лат. название Польши), Ga — галлий (лат. название Франции), Hf — гафний (лат. название Копенгагена), Lu — лютеций (лат. название Парижа), Re — рений (река Рейн), Ru — рутений (лат. название России), Sc — скандий (Скандинавия), Hs — хассий (германская земля Гессен), Ds — дармштадтий (город в ФРГ Дармштадт) и элемент № 105 Db — **дубний!** Но самый интересный пример — «квартет» Y, Yb, Tb, Er — все они названы по местечку недалеко

от Стокгольма Иттербю путём постепенного «отсечения» первых букв: Иттрий, иттербий, тербий, эрбий.

Перлы и комментарии.

1. «К концу XIX века бром ещё не открыли» — очень частый ответ. Хотя, как следует из условия, бромаль уже известен!

Несколько замечательных ответов.

«А может быть, в XIX веке бром писали с «ъ» на конце?»

«В словах брольо и бромаль по 6 букв, а в слове бром — 4 (забыв о ъ!). Следовательно, в этой энциклопедии слова располагались не только по алфавиту, но и по числу букв в слове».

«В этой энциклопедии слова располагались в обратном порядке алфавита, тогда понятно, почему слова на «б» были в конце 2-го тома».

На самом деле в Брокгаузе 82 основных и 4 дополнительных тома! А у Даля целый том — на одну букву «П»!

«У химических элементов — общепризнанные знаки, как *x* и *y* в математике. Поэтому их значение было только в специальных химических справочниках».

Можно только представить себе — справочник, в котором химикам объясняют, что означают символы химических элементов!..

2. «Греческая буква тета на Руси называлась фетюк».

«Эту букву на Руси называли ижицей».

Это «фЕта».

3. «В Риме алфавит называли «от а до х», а в России — от «аз» до «от», потому что подсказка — АЗ-ОТ!»

«Основной компонент воздуха — водород, а так как Вы любите палиндромы, то нужно прочесть наоборот, т. е. «до родов» — но чых?»

«В Израиле алфавит не от а до z, а от b до z!»

4. Почти все возводили 33 в куб, затем умножали на 1000 (что дает 33 миллиона!) и не понимали абсурдности полученного результата: в Москве около 10 млн. жителей, включая младенцев, глубоких стариков, бомжей и просто очень бедных людей. Правда, кто-то сказал, что для Мехико номеров может не хватить... А вот ответ еще лучше: «Так как в русском алфавите 36 букв...». Удивителен и такой ответ: «С одним индексом может быть 14256 машин» — это в сотни(!) раз меньше реальности. Но и это не «рекорд»: с данным индексом, оказывается, в Москве может быть всего... 1199 машин!? А вот хорошая догадка: «Некоторые буквы в номерах не участвуют». И, в заключение, великое математическое открытие: «Посчитаем варианты из цифр: всего их $10 \times 10 \times 10 = 30$!»

5. Вот некоторые «интересные» ответы.

«У близорукого очки с минусом, чтобы уменьшить крупные предметы».

«И у близорукого, и у дальнозоркого линзы должны быть собирающими: ведь если человек плохо видит, ему надо всё увеличивать!»

«На ярком свете просвечивается слой в глазу, мешающий видеть при плохом освещении».

«На ярком свете хрусталик сужается, но боюсь, что это попадет в „перлы“!»

«Кристаллику(!) в глазу работать легче».

«При ярком освещении свет отражается, и человек видит лучше, а при слабом свете отражения меньше и изображение нечёткое».

«Близорукость — от слова кругозор: человек видит только вокруг себя».

«Близорукий — значит, не видит дальше своего носа».

И таинственное: «Чем ближе ты видишь, тем меньше всего можешь сделать».

Не менее интересны ответы на вопрос о спичке и луне.

«Видеть луну большой мешают деревья».

«Закроет ли спичка луну, зависит от размера глаза».

«Полная луна — это тавтология, так как неполная называется месяцем».

«Я думаю, луну на небе можно перекрыть спичкой перекрыть нельзя».

По этому поводу вспоминается один из ответов, данных много лет назад:

«Правильный ответ а, хотя более вероятен б, но если подумать, то лучше всего подходит в, хотя нет — всё-таки г!»

«Спичкой закрыть луну можно, если поместить ее (луну?) в фокусе хрусталика — так же, как луна при затмении закрывает солнце, тем более, если смотреть на луну боковым зрением».

«Если человек **ОЧЕНЬ** дальнозоркий, спичка закроет не только луну, но и всё обозрение!»

6. «В некоторых таблицах элементов символ Н помещён над хлором, иначе в нём нет ядра и электронов». Выходит, есть ядра и электроны в атоме или нет их, зависит от того, где мы поместим символ этого атома.

«Может быть, физики и сумеют создать атомы, в которых будет 1,5 электрона...»

7. «В 1-м тысячелетии больше всего было добыто ртути, ведь она очень сильно использовалась в промышленности: ртутные лампы, термометры, барометры и т. д.» (Можно представить себе эти приборы, например, люминесцентные лампы, во дворце короля Артура...)

«Больше всего было добыто кальция — из костей умерших».

«Это ртуть, потому что были случаи отравления».

И настоящий перл: «Это ртуть: только ОН был ИЗОБРЕТЁН в это время».

8. «Вряд ли древние греки вели летоисчисление в обратном порядке» (значит, в принципе этого исключить нельзя?!).

«С чего бы это древним грекам вести своё летоисчисление от Рождества Христова, о котором тогда навряд-ли (действительно трудное слово — подсказки даже компьютер не даёт!) было кому известно».

«3000 лет назад не было письменности».

«Геракл никак не мог учредить „Олимпийские игры“».

«Древние греки записывали года римскими цифрами».

9. «Монахи этого ордена назывались циниками». Варианты: это были «хриstopродавцы», «изуверы», «нелояльные» и, наконец, «лойолы».

11. «Пушкин родился 6 июня, разница с новым стилем — 14 дней, получаем 22 апреля» — здесь сразу три(!) ошибки. Варианты: «осталось 263 месяца» (а ведь это 22 года!), «осталось 1218 месяцев» (это почти 102 года, так что получается, что Пушкин родился еще в XVII веке).

12. «Термометр показывал 15 градусов, так как в нём была не ртуть, а вещество с плотностью в 2 раза меньше» (плотность ртути 13,6, делим на 2 и получаем 6,8 — это примерно плотность железа и многих других металлов, которые твёрдые; а вообще какую жидкость ни используют в термометре, его всегда градуируют так, что он показывает верно).

«Термометр давно сломался и всегда показывал 15 градусов» (это в музее-то?).

«20 градусов по Реомюру — это страшная жара» (на самом деле это +25° C).

«В музее было не холодно из-за малой влажности».

«Это было 15 градусов было по Фаренгейту!» (по Цельсию тогда это -9,5° C).

Был и такой ответ: «Нормальное атмосферное давление — это 759 мм рт. ст.(?), поэтому...»

И замечательный ответ: «15 градусов было по шкале Кельвина!» (это -258° C, при такой температуре даже воздух превращается в твёрдое вещество!)

13. «Бригадир — это дворянская должность в уезде, которая носила скорее почётный характер».

«У него была бригада чиновников».

«Он был капитаном на бриге, но боюсь, что это попадет в „перлы“» (можно уже не бояться!).

А вот действительно перл: отец Лариных был, оказывается «бригадиром угледобытчиков»! (наверное, поэтому он был довольно состоятельным человеком...).

И в заключение:

«Бригадир заведовал некоторым количеством полков» (но тогда он был бы не бригадиром, а заведующим!).

14. «Онегин просидел у постели больного дяди. . .» — далее варианты: «и день, и ночь» (т. е. сутки?); «21 день» (а почему — по числу задач?); «1514 дней!» (т. е. 4 года 2 месяца — крепкий оказался дядюшка! А сам Онегин состарился бы там. . .)

15. «В качестве примера приведена реакция яичного порошка» (баллы за этот ответ не снимались. . .).

«Автор сообщения — Леенсов».

16. «Тот же корень, что и в названии месяцев сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь — в словах дуэт, трио и диглоссия, а также квартет и тетраэдр».

«Декабрь — от 10, а всего 12 месяцев, следовательно, в Риме новый год начинался 1 февраля» (очень «логично»: февраль ведь *второй* месяц. . .).

«Просто в год вклинили лишних два месяца, потому что июль и август — по именам императоров, а раньше этих месяцев не было».

17. «Английское wine и греческое «краси» созвучны, значит, краси — это вино».

А вот неожиданная шутка: «В пакете было сухое красное вино и караси». Кстати, у меня в ответе тоже «пенка»: «Кулак по-турецки ухо» можно прочесть двояко: «Кулак (пауза) по-турецки ухо», или «Кулак по-турецки (пауза) — ухо».

К этому же вопросу. Неверно утверждение, что 10^{-9} метра — нанометр, от «нона» — девять. На самом деле, «нанос» по-гречески «карлик». Вот как называются дольные единицы: $1/10$ — деци, $1/100$ — санти, $1/1000$ — милли, одна миллионная (10^{-6}) — микро (это уже греческий), одна миллиардная (10^{-9}) — нано, одна триллионная (10^{-12}) — пико (по-испански *пико* — малая величина, а по-итальянски *риссолю* — маленький, можно вспомнить флейту-пикколо), одна квадриллионная (10^{-15}) — фемто, одна квинтиллионная (10^{-18}) — атто. Последние два названия, применяемые в физике ультракоротких интервалов времени, имеют датское происхождение: фемтен — 15, аттен — 18 (немного похоже на немецкие *Fünfzehn*, *Achtzehn*).

18. «Демократическая Греция» (очень частый ответ, с некоторыми вариантами).

«На монете имя Демократ».

«Александр Великий король Македоний» (правильно — македонцев).

Выделяются два «перевода»: «Александр-Василий Македонский» (двойное имя?) и «Александр Васильевич Македонский». А ведь навер-

няка в России есть такой человек, возможно, даже не один.

19. Был ответ «жолиотий», и он засчитан, хотя это название 105-го элемента довольно давно исчезло из таблицы (сейчас он называется дубнием). Зато в периодической таблице есть теперь резерфордий (Эрнест Резерфорд), сиборгий (Гленн Сиборг), борий (Нильс Бор), ганий (Отто Ган) и мейтнерий (Лизе Майтнер). Но был такой ответ: «Сиборгий — от Стокгольма».

20. «Русский человек при желании и навоз в порох превратит — зачем ему Чили?» В связи с этим вспоминается анекдот: что ни пытаемся делать на заводе, получается автомат Калашникова, а также серьёзная, даже слишком, песня, которая при Сталине исполнялась очень часто, а при Хрущёве оказалась под запретом: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна».

21. «Серебро названо по Аргентине». Значит ли это, что в Киевской Руси уже знали про Колумба, Кортеса и дальнейшее развитие событий? Кстати, это единственный случай, когда не элемент назван по топониму, а страна названа по элементу. И ещё: индий назван не по Индии, а по яркой синей (цвета индиго) линии в спектре этого элемента.

Викторина «Лингвоэрудит-2006»

Илья Абрамович Леенсон

Вопросы

1. Вы вошли в тёмную комнату, где находятся свеча, керосиновая лампа, мелкие лучинки, дрова и печь. В коробке у вас всего одна спичка. Что вы зажжёте в первую очередь?
2. Почему зимой холодно, а летом жарко?
  - а) летом Земля находится ближе к Солнцу, чем зимой;
  - б) Солнце сильнее обогревает то полушарие, где лето;
  - в) летом атмосфера прозрачнее для солнечных лучей;
  - г) летом Солнце излучает больше энергии.
3. Какие вы знаете химические элементы, название которых имеет мифологическое происхождение? Связь с мифологией поясните.
4. У Иосифа Бродского есть такие строки: *Горизонт улучшается. В воздухе соль и йод*. Какую соль имел в виду поэт? Где могут соседствовать в воздухе эти два вещества и почему?
5. В 81-м томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона помещены подряд две статьи: «Эфиний» (очень важные сведения о наружной оболочке зимних яиц некоторых водяных блох) и «Эфира» (не менее важная статья о развитии некоторых сцифомедуз — молодых медуз звёздчатой формы). Как вы думаете, почему между ними нет статьи «Эфиопия»? Для сведения: если вы думаете, что это слово писалось «Эфиопія», то вы ошибаетесь: после статьи «Эфиальтъ» (грек, изменчески указавший персам обход в Фермопильском ущелье, вследствие чего царь Леонид со своими спартанцами погиб, окружённый персами с двух сторон) следует статья «Эфоніонъ» (медный духовой инструмент), и никакой «Эфиопіи» между ними нет! И всё же большую статью об этой стране в энциклопедии можно найти, но только в 1-м томе. А почему?
6. Почему буква і в старой русской орфографии называлась «десятеричной»?
7. Приведено изображение юбилейной британской монеты достоинством 2 £, отчеканенной в 2003 г.:

На реверсе этой монеты изображены две скрученные ленты, между которыми попарно стоят буквы: G–T, A–T, G–T, A–T, A–T, G–G, G–C.

1) Что означает значок £ на монете? Какие ещё подобные обозначение вы знаете?

2) Что такое реверс? Какие слова в русском языке с тем же префиксом и корнем вы знаете? Что они означают? Какой антоним у этого слова в данном контексте?

3) Переведите надпись «ELIZABETH · II · DEI · GRA · REG · FID · DEF» около портрета на русский язык. В виде подсказки приводятся (в произвольном порядке) окончания некоторых латинских слов:

...INA ...TIA ...ENSOR ...EI

4) Монета посвящена 50-летию некоторого события. Какое это событие? Какие персонажи в нём участвовали?

5) Что означают буквы между скрученными лентами?

6) Какие ошибки допущены дизайнером (или гравером) на реверсе монеты?

8. В статье «Что же такое электризация трением?» (журнал «Квант», 1985, № 6, с. 16) написано: «Опасна электризация трением в производственных помещениях, где присутствуют пары или пыль горючих веществ, — вызываемые ею разряды могут приводить к взрывам. В США, например, с 1900 по 1959 год было зарегистрировано около двадцати таких взрывов: при этом погибло около десяти человек и был причинён материальный ущерб на сумму два миллиона долларов».

В этом отрывке не всё в порядке. Представьте себе, что вы — научный редактор. Как бы вы исправили этот текст? (Подсказка: исправление никак не связано с физикой или химией).

Дополнительный вопрос: пары и пыль каких веществ имел в виду автор заметки?

9. В том же журнале (1981, № 4) описан красивый опыт с двумя камертонами, который академик Леонид Исаакович Мандельштам (1879–1944) показывал на своих лекциях в Страсбурге в 1908 году. Два камертона стояли рядом на резонаторных ящиках (коробки с отверстием в передней стенке). Периодически открывая и закрывая рукой отверстие ящика, на котором стоял первый камертон, лектор заставлял звучать второй, вызывая восхищение публики. Объяснение этого опыта автор статьи в журнале начинает так: «Периодически открывая и закрывая ящик, Мандельштам изменял амплитуду колебаний, приходящих ко второму камертону. Что же собой представляют колебания с меняющейся амплитудой — модулированные по амплитуде колебания?» Вопросы.

1) Что такое камертон? Где он применяется?

2) Был ли физик Мандельштам родным братом поэта Мандельштама (1891–1938)?

3) Вы продолжаете редактирование. Найдите погрешность в тексте, объясните и исправьте её (и на этот раз исправление никак не связано с физикой и тем более — с химией).

4) Чем сейчас известен Страсбург? В какой стране он находится?

5) Мандельштам на лекции не пользовался услугами переводчика; на каком языке он должен был говорить, чтобы в аудитории понимали его?

6) С 1434 по 1444 гг. в Страсбурге жил Иоганн Гутенберг. Чем он знаменит? Какое конкретно его изобретение имеет «этимологическое отношение» к слову «литература»?

10. Придумайте как можно больше фраз (но не более 10), в которых стояли бы подряд две омоформы (например, *пила* как инструмент и *пила* как глагол), причём не разделённые никакими союзами и предлогами (знаки препинания допускаются).

11. Поясните поговорку дореволюционных школьников «Фита да ижица — розга к телу ближится». Откуда она появилась?

12. Составьте по одному осмысленному предложению, используя следующие слова и словосочетания (в любом падеже):

— *семь десниц*;

— *одесную*;

— *семь пятидесятников*;

— *семь шестидесятников*.

Дайте краткое объяснение каждому слову и словосочетанию. Назовите антоним к слову «одесную».

13. Известны шуточные пословицы и поговорки, в которых как бы

механически объединяются части других пословиц и поговорок. Иногда получается просто смешная бессмыслица («Не плюй в колодец: вылетит — не поймашь»), а иногда проглядывает некоторый смысл («Назвался груздем — вой по волчьим!»). Попробуйте сочинить что-нибудь похожее (чем смешнее и осмысленнее — тем лучше).

14. Об Онегине Пушкин пишет, что он мог

... Потолковать о Ювенале,
В конце письма поставить vale...

Кто такой Ювенал?

Что такое vale? В каком слове русского языка (не имени!) тот же корень?

15. Можете ли вы назвать фамилию главного героя «Пиковой дамы»? А фамилию победителя Куликовской битвы Дмитрия Иоанновича?

16. «Пушкин очень любил озорничать. Бывало, в Михайловском, услышит колокольчик — сразу же бегом к огнетушителю, что всегда в чёрных сенях висел. Схватит его и за парадную дверь спрячется. Как гость войдёт, он ему сразу в лицо струю пены. Вот смеху-то было! Чаще других Гоголю попадало: очень ему блины нравились, которыми Наталья Николаевна угощала».

Вопросы.

1) Кто автор этих строк? И кто ещё мог бы это написать?

2) Как действует пенный огнетушитель?

3) Какая фамилия была у Натальи Николаевны до замужества? Могла ли она угощать гостей в Михайловском блинами? Ответ поясните.

17. Что означает «одним миром мазаны»? Откуда это выражение?

18. Как-то префект Центрального округа Москвы заявил, что «Большой театр начал новый век и новое тысячелетие премьерой в новом здании театра, которая состоялась 1 января 2000-го года». Вопросы.

1) Что такое премьера?

2) Слово «премьера» происходит от французского слова, которое, в свою очередь, восходит к латинскому *prima*. Напишите как можно больше слов русского языка с теми же корнями и объясните, что они означают (слова, очень близкие по смыслу типа «белый, белая, беленький» и т. д. считаются за одно слово).

3) Сколько колонн у всемирно знаменитого здания Большого театра?

4) Здание Большого театра венчает квадрига. Что означает это слово? Сколько корней в этом слове? Какие еще слова русского языка с этими корнями вы знаете? Что они означают?

5) Кто управляет квадригой на Большом театре?

6) Какую принципиальную ошибку сделал в своем заявлении префект?

19. В средние века учёные люди вели схоластические споры. Что означает это слово? Какие ещё слова в русском языке имеют тот же корень? (Разные формы одного слова не считаются.)

20. Что общего между гаданием по ладони, асимметрией молекул, 100-рукими чудовищами из древнегреческих мифов и современным хирургом (у которого только две руки)?

21. На латыни *folium* — лист. В русском языке есть несколько слов с тем же корнем. Что они означают?

Ответы

1. Зажечь прежде всего нужно спичку.

2. Правильный ответ — б. Зимой (в Северном полушарии) Земля находится даже немного ближе к Солнцу, чем летом (орбита Земли эллиптическая). Однако нашей зимой «неблагоприятный» наклон земной оси приводит к тому, что Солнце в это время лучше обогревает повернутое к нему Южное полушарие. Летом же к Солнцу больше повернуто Северное полушарие. Всё это легко продемонстрировать с помощью глобуса и лампы.

3. Таких элементов немало. В периодической таблице они идут в таком порядке.

№ 2 гелий He (древнегреческий бог солнца Гелиос). Гелий был сначала обнаружен на Солнце (по спектру излучения) и только потом — на Земле.

№ 22 титан Ti. Титаны — гиганты в древнегреческой мифологии, с которыми боролись боги-олимпийцы.

№ 23 ванадий V (древнескандинавская богиня красоты Ванадис).

№ 27 кобальт Co. В XV веке в Саксонии среди богатых серебряных руд обнаруживали блестящие, как сталь, белые или серые кристаллы, из которых не удавалось выплавить металл. «Нехорошая» руда получила у горняков имя горного духа Коболда (от нем. *Kobold*, в старину — злой горный дух, сейчас — домовый, проказник, чертёнок).

№ 28 никель Ni. Происхождение названия сходно с кобальтом. Средневековые горняки называли Никелем злого горного духа, а «купферникелем» (*Kupfernickel*) — «чёртову медь», «фальшивую медь». Эта руда внешне походила на медную и применялась в стекловарении для окрашивания стёкол в зелёный цвет. А вот медь из неё никому получить не удавалось, потому что её там и не было. Эта руда (никелин, красный никелевый колчедан) имеет состав $NiAs$.

№ 34 селен Se, № 52 теллур Te. Теллур был открыт в конце XVIII века в горной золотоносной руде, своё название он получил от лат.

tellus — планета Земля. Когда позже был открыт химический аналог теллура, его по аналогии называли селеном (Селена у древних греков — олицетворение луны. Она — дочь титанов, сестра Гелиоса).

№ 41 ниобий Nb и № 73 тантал Ta. Сын Зевса Тантал в наказание за свои преступления стоял по горло в воде, к которой склонялись ветви с плодами, но не мог ни напиться, ни насытиться. Аналогично и очень стойкий металл тантал не мог «насытиться» кислотой: она отступала от него, как вода от Тантала. Металл ниобий по свойствам сходен с танталом, отсюда и его название (Ниоба — дочь Тантала).

№ 48 кадмий Cd. Кадм (Кадмос) — герой греческой мифологии, брат Европы, царь «Кадмейской земли» и основатель на этой земле Фив, победитель дракона, из зубов которого выросли воины. Имя Кадма восходит к семитскому «Кадем» — Восток. Греческим словом «кадмея» с древних времён называли карбонатные цинковые руды, в которых содержится и кадмий. Кадм будто бы первым нашёл цинковый минерал и открыл людям его способность изменять цвет меди при совместной выплавке из руд (сплав меди с цинком — латунь).

№ 46 палладий Pd и № 58 церий Ce. В 1801 г. была открыта первая малая планета Солнечной системы (астероид). Её назвали Церерой — в честь древнегреческой богини плодородия. Когда в 1803 г. был открыт новый элемент, его назвали церием — в память о совершённом незадолго до этого выдающемся астрономическом открытии. В 1802 г. была обнаружена новая малая планета, которую назвали Палладой — в честь древнегреческой богини мудрости Афины Паллады. И когда в 1804 г. был открыт новый элемент, его назвали палладием, в честь открытого двумя годами ранее астероида.

№ 61 прометий Pm (др.-греч. герой Прометей). Этот элемент обнаружили в 1947 г. американские исследователи в продуктах деления урана в ядерном реакторе. Жена одного из них предложила назвать открытый элемент прометием, по имени Прометея, похитившего у богов огонь и передавшего его людям. Этим подчёркивалась грозная сила, заключённая в ядерном «огне».

№ 63 европий Eu. На самом деле этот элемент назван по месту открытия. Но сама Европа как часть света была некогда названа по имени персонажа древнегреческой мифологии, дочери финикийского царя Агенора и сестры Кадма. Зевс в виде белого быка привез её из Финикии на Крит, а этот остров — уже часть Европы.

№ 77 иридий Ir (от Ириды — богини, олицетворяющей радугу: соединения иридия, известные на момент придумывания названия (1804 г.), окрашены в разные цвета).

№ 90 торий Th. Элемент открыл шведский химик Й. Я. Берцелиус и назвал его в честь древнескандинавского бога войны Тора.

№ 92 уран U, № 93 нептуний Np, № 94 плутоний Pu. И здесь связь с мифологией — через астрономию. В 1781 г. Уильям Гершель открыл новую планету, которую назвали Ураном — по имени древнегреческого бога неба Урана, деда Зевса. В 1789 был открыт новый элемент, название которого, по традиции алхимиков, «привязали» к недавно открытой планете. В 1846 г. открыли новую планету, названную Нептуном — по имени древнегреческого бога подводного царства. Спустя столетие в продуктах облучения урана нейтронами обнаружили новый элемент. И как в Солнечной системе за Ураном следует Нептун, так и в таблице элементов за ураном (№ 92) появился нептуний (№ 93). В 1930 г. была открыта девятая планета Солнечной системы, которую назвали Плутоном — по имени древнегреческого бога подземного царства (сейчас астрономы пришли к выводу, что Плутон слишком мал, чтобы называться планетой). Поэтому было логично назвать следующий за нептунием элемент плутонием; он был получен в 1940 г. в результате бомбардировки урана ядрами дейтерия.

4. Бродский имел в виду морскую соль, которая в основном состоит из поваренной соли. Морская соль и йод могут соседствовать в морском воздухе: соль берётся из морской воды, а йод — из морских водорослей (ламинария), из которых раньше йод добывали.

5. Статья называется Абессиния — так раньше называли Эфиопию. Интересно, что в одном из последних томов энциклопедии можно найти статьи об эфиопской литературе, Эфиопской географической области, эфиопской церкви и эфиопском языке. Но расположены они среди самых последних на букву «э», так как эти слова писались иначе — через «фиту»: «эфиопская литература» и т. д.

6. Раньше буквам славянского алфавита (в том числе и исключённым из алфавита задолго до реформы 1918 г.) соответствовали определённые числа, причём буквы в основном следовали порядку греческого алфавита. Вот ряд примеров (там, где прописная греческая буква отличается от русской, приведено её написание).

А (русск. «аз», греч. «альфа») — 1.

В (русск. «веди», греч. «бета») — 2

(буква Б, «буки» кириллицы, не имела численного значения, так как этого знака нет в греческой азбуке).

Г (русск. «глаголь», греч. «гамма») — 3.

Д (русск. «добро», греч. «дельта» Δ) — 4.

Е (русск. «есть», греч. «эпсилон») — 5.

С (русск. «зело», греч. «дзета» Ζ) — 6.

З (русск. «земля», в греч. алфавите отсутствует) — 7.

И (русск. «иже», греч. «эта» Η) — 8.

Θ (русск. «фита», греч. «тета») — 9.

Ι (русск. «и», греч. «иота») — 10.

Κ (русск. «како», греч. «кашпа») — 20.

Ρ (русск. «рцы», греч. «ро») — 100.

Σ (русск. «слово», греч. «сигма» Σ) — 200.

Τ (русск. «твердо», греч. «тау») — 300

и т. д.

Такими буквами обозначена, например, дата чеканки на русских монетах 1699–1722 гг. Чтобы отличить число, обозначаемое буквами, от слов в тексте, над числом ставили зигзагообразный знак $\overline{\text{—}}$ — титло (он помещался также и над словами, записанными в сокращённом виде, за счёт пропуска гласных букв). Таким образом, буква «И» получила численное значение 8, а «Ι» — 10.

7. 1) Значок £ означает британскую денежную единицу фунт стерлингов. «Свои» значки имеют доллар \$, иена ¥, евро €, цент ¢ и др. В рекламе некоторых банков фигурирует ¥€\$!

2) Реверс — оборотная сторона монеты (антоним — аверс). В традиционном понимании на аверсе изображали портрет монарха или герб страны. В последнее время эти термины неоднозначны (так, когда в 1970 г. был отчеканен юбилейный рубль к 100-летию Ленина, нумизматы спорили, следует ли по-прежнему называть аверсом ту сторону монеты, на которой герб СССР, или обратную, на которой изображение Ленина. К единому мнению не пришли, и стали в таких случаях называть «портретную сторону» монеты лицевой, а другую — обратной). Слово *реверс* происходит от лат. *reversus* — обратный. Слова русского языка: реверсивный (механизм, двигатель, который может изменять направление движения на обратное), реверсивное движение (средняя полоса из трех на дороге, по которой, в зависимости от интенсивности движения, поток транспорта может направляться в разные стороны), реверсия (обратная мутация), ревертаза (фермент, обратная транскриптаза, синтезирующая ДНК на матрице РНК), реверанс — глубокий поклон с некоторым отходом назад и т. д.

3) Первое «слово» не вызывает затруднений: это английская королева Елизавета II. Далее можно вспомнить философское учение деизм (от лат. *deus* — бог) и его последователей деистов, признающих бога творцом мира, но отвергающих его участие в жизни природы и общества (антоним — атеист, от греч. *theos* — бог); выражение «*deus ex machina*» — старинный театральный термин «бог из машины» и т. п. Таким образом, *DEI* как-то связано с «божественным». *DEI GRATIA* — устойчивое выражение, означающее «божьей милостью»; на русских монетах оно сокращалось до «Б.М.» Действительно, на латыни *gratia* —

милость (благодарность). Другой философский термин — фидеизм означает предпочтение веры и её превосходство относительно науки (от лат. *fides* — вера). Соответственно на латыни *fido* — доверять, полагаться, *fidelis* — верный, надёжный (вспомним оперу Бетховена «Фиделио» — по её сюжету верная жена Леонора, чтобы освободить мужа, переодевается в мужское платье и называет себя Фиделио). Нетрудно догадаться и о значении *REG*, дополнив его окончанием *INA*: *regina* — королева. В русском языке есть слова «регалии» — знаки монархической власти (от лат. *regalis* — принадлежащий царю), «регент» (от лат. *regens* — правящий), цветок альба регия («белый королевский»). О значении латинского *defensor* — защитник можно догадаться по однокоренным словам во многих западноевропейских языках: англ. *defender* (и *defence* — оборона), франц. *defenseur* (а вот франц. *defendeur* — вовсе не защитник, а ответчик в суде), итал. *difensore*. По-немецки *Defensivespiel* — игра в оборонительном стиле, в голландском *defensie* — оборона и т. д. Итак, выстраиваем латинскую фразу: *DEI GRATIA REGINA FIDEI DEFENSOR* — «Божьей милостью королева, защитница веры» (В XVI веке английский король Генрих VIII, поссорившись с Папой Римским Климентом VII, объявил о том, что в Англии церковь больше не подчиняется Риму, а сам он становится главой англиканской церкви. Сейчас же английский монарх, судя по надписи, — только защитник церкви, хотя и не понятно, от кого...).

4) В 1953 г. Фрэнсис Крик и Джеймс Уотсон сообщили об открытии структуры дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), за что в 1962 г. получили (совместно с М. Х. Уилкинсом) Нобелевскую премию по физиологии и медицине. Монета выпущена в честь 50-летия этого выдающегося открытия.

5) Буквы означают азотистые основания нуклеотидов, из которых построены цепи ДНК: А — аденин, Г(G) — гуанин, Т — тимин, Ц(C) — цитозин.

6) В двойной спирали ДНК обязательно соблюдается так называемая комплементарность: пары могут образовывать только А–Т, и Г–Ц. Так что пары Г–Г и Г–Т — ошибки.

8. Слово «ею» может относиться и к электризации, и к пыли (хотя из контекста всё же понятно, что к чему). А вот в конце отрывка необходимо указать: «2 млн долларов в ценах 1959 г.», так как с начала XX века все цены в США из-за инфляции увеличились во много раз. Так, если в 1900 г. унция золота стоила около 20 долларов, то во время проведения летней школы — 623! В книге Егора Гайдара «Гибель империи» (М.: РОССПЭН, 2006) во всех справочных таблицах учтено изменение цен. Например, приводя данные по импорту драгоценных метал-

лов в Испанию с 1503 по 1650 гг., автор указывает: «В ценах 1580 г.» и даёт ссылку на научные труды, в которых такой пересчёт цен был проведён. То же относится к ценам на нефть и другие товары в XX веке. Конечно, пересчёт по годам труден, и журналист, которого цитирует автор заметки в «Кванте», пошёл по самому лёгкому пути (если ему вообще пришло в голову, что цены менялись).

Могут взрываться пары и мелкая пыль почти любых горючих веществ: бензина, угля, муки и т. п.

9. 1) Камертон — прибор для настройки музыкальных инструментов.
- 2) Поэт Осип Эмильевич Мандельштам не был братом Леонида Исааковича Мандельштама.
- 3) Вопрос в тексте звучит двусмысленно: можно подумать, что автор спрашивает, являются ли колебания с меняющейся амплитудой модулированными или не являются (та же неоднозначность, что и в вопросе «Что же собой представляет нефть — остатки растительных организмов?»). В действительности автор просто приводит два равнозначных определения. Поэтому второе из них во избежание двусмысленности можно, например, взять в скобки: «Что же представляют собой колебания с меняющейся амплитудой (модулированные по амплитуде колебания)?» Возможны и другие варианты, например: «Что же представляют такие колебания (их называют модулированными по амплитуде)?»; «Итак, мы имеем колебания с меняющейся амплитудой — модулированные по амплитуде колебания. Что же представляют собой такие колебания?» и т. п.
- 4) Страсбург находится во Франции. Сейчас в нём расположена штаб-квартира Совета Европы, или, как его ещё называют, Европарламента (многим знакома его эмблема — круг из звёздочек на синем фоне). У этого города бурная история. До XVII в. немецкий (отсюда немецкое название), затем был присоединён к Франции Людовиком XIV. В 1871 г., во время франко-прусской войны, провинция Эльзас, где расположен Страсбург, снова отошла к Германии. Франция вернула себе Страсбург лишь в 1918 г., после поражения Германии в войне.
- 5) В 1908 году город входил в состав Германии. Поэтому Мандельштам читал лекцию по-немецки. В то время большинство физиков и химиков хорошо знали этот язык, который был фактически средством научного общения.
- 6) Гутенберг — немецкий изобретатель, создатель европейского способа книгопечатания наборными буквами — литерами (от лат. *littera* — буква, письмо). Отсюда и связь с «литературой».

10. Возможные ответы:

Расплавленное стекло стекло на подставку.

Иголки не нашли и воспользовались шилом; удивительно, но шило шило хорошо.

Это мыло мыло неплохо.

Это была самая средняя средняя школа.

У мамки моей хобби — вышивка, а у папки — папки с газетными вырезками.

Когда я вернулся с поля, поля моей шляпы были белыми от пыли.

Очень хотелось пить; мы долго искали ручей или ключ и, наконец, нашли. Но уж очень грязным оказался этот ключ: ключ в нём валялся ржавый, какие-то гайки и всякий другой хлам.

И сказал ему попугай: «Попугай меня, но чтобы не очень страшно было!»

Лев Толстой написал много былей. Эти были были записаны им со слов многих людей.

И т. д. (Интересно, что WinWord по-своему отметил все эти места, предложив удалить повторы.)

11. В старой орфографии одному звуку [ф] соответствовали две разные буквы — Ф и Ф (фита, пришедшая из греческого алфавита, где она называется «тета» Η). Так, люди с фамилией Фёдоров могли писаться и «через Ф», и «через фиту». Школьникам было очень трудно запомнить, что «фигура», «филин» и «финал» надо писать «через ф», а «арифметика» или «орфография» — «через фиту». Буква ν «ижица» пришла также из греческого алфавита, где она называется «ипси-лон» Υ. Её писали вместо буквы «и» в некоторых церковных словах греческого происхождения: «мвро» (благовоние), «свнод» и др. К концу XIX века эта буква практически вышла из употребления. Когда-то школьникам надо было твёрдо запомнить, в каких словах вместо «ф» пишется «фита» φ, и в каких — вместо «и» пишется «ижица» ν. Делавших ошибки наказывали розгами, отсюда — поговорка. Кстати, слово «ближится» — правильная старая форма глагола «близиться».

12. Возможные ответы:

«И приснились царю семь десниц, держащих пальмовую ветвь, и семь десниц, держащих меч» (десница — устаревшее название руки, обычно правой).

«На пиру он сидел одесную знатного боярина» (одесную — старое выражение, означающее справа, по правую сторону).

«Проповедник не достиг больших успехов: через год в секте было только семь пятидесятников» (пятидесятник — член религиозной секты).

«Нас в компании было немного, но все семь — шестидесятники» (шестидесятник — человек, личность которого сформировалась в эпоху

так называемой хрущёвской оттепели начала 1960-х годов; это было время относительной либерализации советского строя. Шестидесятниками называют также прогрессивных общественно-политических деятелей 1860-х годов в России).

Антоним слова «одесную» — «ошуюю» (по левую руку, левую сторону — от старого названия левой руки — шуйца).

13. Участники школы придумали массу смешных «пословиц» и «поговорок». Вот некоторые из них. Интересно повторение на разный лад одних и тех же мотивов:

Пьяному море пригодится — воды напиться.

Не рыба — не лезь в воду.

Сделал дело — не суйся в воду.

Без труда не п्लой в колодец.

Без труда кобыле легче.

Баба с возу — хорошо, а две — лучше.

Баба с возу в лес не убежит.

Дитя без глазу все равно в лес смотрит.

Рождённый ползать в лес не убежит.

Слово не волк — в лес не убежит.

Чем бы дитя ни тешилось, а всё в лес смотрит.

У семи нянек чем бы дитя ни тешилось.

Биться головой хорошо, двумя — лучше.

Любишь кататься — полюбишь и козла.

Гуляй смело, куда ветер дует.

С волками жить не зарекайся.

Держи губу шире!

Муж и жена — два сапога.

Любишь кататься — имей сто рублей.

Стреляный воробей: вылетит — не поймаешь.

Стреляный воробей зря не каркает.

Семь раз отмерь, что блеснит.

Не говори «гоп», коли рожа крива.

В ложке дёгтя есть доля правды.

Не рой яму другому, и не судим будешь.

Кто не работает, тот не пьёт шампанское.

С милым и кошке приятно.

Кто к нам с мечом придёт, тот здоровеньким помрёт.

14. Ювенал — римский поэт-сатирик. Vale на латыни значит «будь здоров!», происходит от *valentia* — сила. В русском языке тот же корень в слове *валентность* (раньше так называли «силу сродства» между атомами в молекулах).

15. Фамилия героя — Германин. «Донской» — не фамилия, а прозвище. Фамилий же в то время на Руси не было.

16. 1) Автор — сочинитель всех этих задач. А написать мог бы, например, Даниил Хармс.

2) В огнетушителе — раствор бикарбоната натрия (питьевой соды) и ампула с серной кислотой. Когда боёк разбивает ампулу, в реакции выделяется много углекислого газа, он с силой выбрасывает струю жидкости, которая и тушит огонь. Сейчас более распространены углекислотные огнетушители с жидким углекислым газом.

3) Пушкин пробыл в ссылке в Михайловском с 1824 до сентября 1826 г., когда Наталье Николаевне Гончаровой (1812–1863) только исполнилось 14 лет. А обвенчались они в 1831 г.

17. Поговорка означает, что люди похожи друг на друга по каким-то качествам (чаще всего — отрицательным, то есть один другого не лучше, один другого стóбит). Синонимы: «два сапога пара», «одного поля ягоды». Благовонным маслом — миром (по старой орфографии — мвро) в христианской церкви совершается таинство миропомазания. Этот обряд совершался также при короновании русских царей (ещё раньше — византийских императоров, а в древности — иудейских царей первосвященниками). В современном русском языке есть также слово «мирра» — ароматическая смола некоторых аравийских деревьев. «Myrrh for your hot forehead», — поёт Мария Магдалина в известной опере «Jesus Christ — superstar».

18. 1) Премьера — первое публичное представление нового спектакля, фильма и т. п.

2) Французское *premier* и латинское *prima* означают «первый». Слова того же происхождения: премьер — ведущий артист, играющий главные роли; премьер-министр — глава правительства; прима — первая партия в ансамбле музыкантов (например, первая скрипка), а также первый, основной звук музыкальной гаммы; примадонна — певица, исполняющая первые партии в операх; приматы — высший («первенствующий») отряд млекопитающих, включающий обезьян и человека; примитив — простое, неразвитое («первоначальное») явление, иногда относят к неразвитому человеку; примитивизм — упрощённый подход к сложным явлениям, в искусстве — подражание простым, примитивным формам; примула — род растений семейства первоцветных; примас — первый епископ в католической церкви и т. д.

3) У здания Большого театра 8 колонн (легко проверить, если у вас найдётся сторублёвая купюра).

4) Квадрига (от латинского «четыре») в античности — двухколёсная колесница, запряжённая четвёркой лошадей. Первый корень находится

легко, он происходит от лат. *quattuor* — четыре. Слова с тем же корнем: квадрат — четырёхугольник; квадрант — сектор, четвёртая часть круга, а также угломерный инструмент; квадратура — вычисление площади или поверхности фигуры, а также операция интегрирования; квадрирема — древний боевой корабль с четырьмя рядами вёсел; квадруполь — система из двух диполей, т. е. четырёх электрических зарядов; квадриллион — число (единица с 15 нулями), получаемое из тысячи путём четырёхкратного умножения на 1000, кварта — музыкальный интервал (4-я ступень) и единица объёма, квартал — четвёртая часть года и часть города, родственное «кварталу» слово «квартира», кварталерон — человек, у которого в крови четвертая часть — негритянская, кватернионы — система чисел, содержащая четыре единицы, кватроченто — период раннего Возрождения в итальянской культуре (по-итальянски *quattrocento* — XV век) и т. д. Второй корень — от лат. *jugum* — ярмо, отсюда русское иго.

5) Квадригой управляет греческий бог Аполлон.

6) Ошибка (весьма распространённая) в том, что XXI век и 3-е тысячелетие начались 1 января не 2000-го, а 2001-го года.

19. Схоластика — средневековая религиозно-идеалистическая (так называемая «школьная» — откуда и название!) философия; схоластический — оторванный от жизни, практики. Тот же корень в словах схолии (примечания, пояснения к тексту), школа (по-английски *school*) и многих его производных, например, вышколить. А вот немецкое слово *Schuler* — ученик и русское «шулер» — обманщик имеют разное происхождение! «Шулер» пришёл в Россию из польского (*szuler*), а в него — из чешского (*šulř*).

20. Общий греч. корень $\chi\epsilon\rho$ — рука. Отсюда гадание по руке — хиромантия, асимметрия молекул — хиральность (молекулы отличаются как правая рука от левой), хирург (дословно по-гречески — действующий руками и хирургия — «ручной труд»), чудовища — гекатонхейры (сто-рукые).

21. Чаще всего встречается слово фольга — очень тонкий лист металла, применяемый в основном для упаковки. Дефолиант — вещество, предназначенное для удаления листьев растений. Обычно используется перед уборкой хлопчатника. США использовали дефолианты во время войны во Вьетнаме. Бухгалтерский термин фолио служит для обозначения двух страниц (левой и правой, но с одним номером) в бухгалтерских книгах. Портфель — по-французски дословно «носитель (бумажных) листов» и портфолио — небольшой портфель, папка для бумаг. Ин-фолио — формат издания в 1/2 листа. Фельетон (от франц. *feuille* — листок), произведение на злободневную тему в сатирическом

тоне. Фолиант — обычно так называют толстую книгу большого формата. Трифоль (лат. tres folium — три листа), род многолетних растений. Отсюда и карточная масть трефы: значок ♣ похож на трилистник. Каприфоль — кустарник, род жимолости, дословно — «козий лист». А вот канифоль никакого отношения к листу не имеет, а происходит от названия древнегреческого города Колофона в Малой Азии, где добывали «колофонскую смолу». Фолиевая кислота (витамин В₉) впервые была выделена из листьев шпината.

Оглавление

Введение	3
Программа VII Летней лингвистической школы	4
Лекции и семинары	4
Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры	5
Программа VIII Летней лингвистической школы	5
Лекции	5
Семинары	6
Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры и развлечения	7
Список преподавателей VII и VIII Летних лингвистических школ	8
Лекции и семинары	10
Абелюк Е. С. Жанр комментария	10
Алпатов В. М. Аины и айнский язык	24
Алпатов В. М. Языковая культура современной Японии	29
Аркадьев П. М. Языки и Язык: Сходства, различия, универсалии	36
Брагина Н. Г. Обезьянка, плюшевый мишка и Наполеон. Методические материалы к уроку русского языка	44
Бурлак С. А. Как язык меняется	56
Бурлак С. А. Доказательство и доказательность в сравнительно-историческом языкознании	65
Иомдин Б. Л. Как составляются словари. Конспект семинаров	75
Котов А. А. Создание эмоциональных роботов	88
Крейдлиן Г. Е. История кинесики и проблемы описания одного семантического класса жестов	100
Крейдлиן Г. Е. Жесты в языке, танцах, театре и живописи	118
Кронгауз М. А. Грамотность, неграмотность и воинствующая неграмотность	137
Кронгауз М. А. Девальвация смысла	140
Кронгауз М. А., Шеманаева О. Ю. Семантические задачи	145
Муравенко Е. В. Что такое синтаксическая омонимия	153
Муравенко Е. В. Задачи по синтаксической омонимии	159
Муравенко Е. В. Об изменениях в синтаксисе современного русского языка	163

Рубинштейн М. Л. Что такое грамматикализация и как мы отвечали на этот вопрос	172
Рукодельникова М. Б. Китайская языковая картина мира	177
Успенский В. А. О линейности языка (по поводу одного недомыслия князя Л. Н. Мышкина)	182
Файер В. В. Античность в Летней лингвистической школе–2006	198
Шабат Г. Б. О симметриях в формулировках теорем	203
Шапиро Н. А. Ученические подходы к интерпретации поэтического текста	219
Шапиро Н. А. Секреты редактирования текста	233
Шаронов И. А. О причинах речевых искажений реальности	247
Шаронов И. А. Междометия: две формы бытия	251
Шмелёва Е. Я., Шмелёв А. Д. «Картина мира» русского анекдота	256
Шмелёва Е. Я. Жив ли ещё русский язык?	272
Янко Т. Е. Русская интонация	278
Олимпиады, конкурсы, интеллектуальные игры	291
Олимпиада летней лингвистической школы-2005	292
Условия задач	292
Решения олимпиадных заданий	308
Авторы задач	331
Протокол заседания жюри	332
Олимпиада летней лингвистической школы-2006	334
Условия задач	334
Решения задач	343
Авторы задач	357
Протокол заседания жюри	358
Иомдин Б. Л., Шеманаева О. Ю. Литературная игра «Травести, или Литературный маскарад»	361
Задания «Литературного маскарада» ЛЛШ-2005	361
Задания «Литературного маскарада» ЛЛШ-2006	371
Виноградова О. И., Шеманаева О. Ю. Игры с английским языком на свежем воздухе	378
Шеманаева О. Ю. Кое-что о казино «Максим»	387
Иткин И. Б. Что? Где? Когда? (ЛЛШ-2005)	393
Иткин И. Б. Что? Где? Когда? (ЛЛШ-2006)	398
Леенсон И. А. Викторина «Лингвоэрудит-2005»	403
Леенсон И. А. Викторина «Лингвоэрудит-2006»	421
Фотографии с ЛЛШ	436